

Кижский вестник

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижский“»

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 17

Петрозаводск
2017

УДК 502.8(470.22)
ББК 63.5(2)
К38

Научные редакторы:

доктор филологических наук *А. В. Пигин*
кандидат исторических наук *И. В. Мельников*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *С. В. Воробьева*
кандидат исторических наук *К. К. Логинов*

К38 **Кижский вестник. Выпуск 17.** Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017.
316 с.

ISBN 978-5-9274-0779-8

УДК 502.8(470.22)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-9274-0779-8

© ФГБУК «Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижский»», 2017
© Карельский научный центр РАН, 2017

Д. Д. Абросимова

К ВОПРОСУ О ПОМЕЩЕНИЯХ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ И ЖИЛЬЯ УЧИТЕЛЕЙ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Задача данной статьи – представить сведения об обстановке, характерной для сельских школ и жилья учителей в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в. Эти сведения являются результатом обобщения материалов из дореволюционной периодической печати края, отдельных изданий, официальных и неофициальных, и документов Национального архива Республики Карелия. Они были собраны с целью подготовки этнографической выставки, которая позволила бы воссоздать интерьер классной комнаты начальной школы указанного периода, насколько это возможно, полно и точно. Поскольку реконструкция интерьера классной комнаты предполагает наличие не только школьной мебели, но и школьных учебников, письменных принадлежностей и наглядных пособий, в статье рассмотрены и эти вопросы – в той мере, в какой это необходимо для поставленной цели. Помимо описаний интерьеров классных комнат мы рассмотрим также свидетельства о жилье сельских учителей, поскольку оно нередко располагалось в здании школы. При поиске сведений упор первоначально был сделан на территорию Кижского и Сенногубского сельских обществ Великогубской волости – деревень, расположенных в окрестностях острова Киж. Вместе с тем за неимением достаточного количества источников с описаниями зданий и помещений расположенных здесь школ пришлось учитывать более широкий контекст – территорию Петрозаводского и других уездов Олонецкой губернии.

Вопросам материальной обеспеченности сельских школ, их оснащенности учебными зданиями и библиотеками, бытовым условиям жизни сельских учителей на территории Олонецкой и соседней Ар-

хангельской губерний – современной Карелии – уделено немало внимания в монографиях О. П. Илюха¹. Эти же вопросы (наличие у школ помещений, пригодных для занятий, учебных пособий и письменных принадлежностей) затронуты и в работе Е. А. Калинин². Согласно данным, которые приводит О. П. Илюха, финансирование школ осуществлялось в зависимости от их ведомственной принадлежности Министерством народного просвещения (далее – МНП), земством или государственной казной³, поэтому их материальное положение различалось порой значительно. Кроме того, у отдельных школ имелись благотворители: школы, основанные и содержавшиеся на частных пожертвования, были в целом обеспечены лучше, иногда – очень хорошо.

Школьные здания и помещения

В начале XX в. среди земских школ Олонецкой губернии было проведено анкетирование, целью которого являлось выяснение состояния школьных зданий и жилья учителей⁴. Обстоятельно составленная анкета включала более 30 вопросов, которые позволяли досконально выявлять имевшиеся трудности. На опрос откликнулись 502 школы, или более 70 % опрошенных. Обобщение, сделанное на основе полученных ответов, дает достаточно полное представление о качестве школьных построек, их приспособленности для учебных целей и санитарно-гигиеническом состоянии.

Согласно результатам анализа анкет, несмотря на то что предпочтительным типом фундамента для школ являлся фундамент из камня или кирпича, а постройка школ без фундамента вообще не допускалась, у зданий третьей с лишним части опрошенных (148 школ) фундамент отсутствовал. Одиннадцать зданий стояли на фундаменте, состоявшем из камней, подложенных под углы строения, и земли, заполнявшей пространство между ними. Лишь шестая с небольшим часть школ (79) была поставлена на каменном фундаменте и всего одна школа – на каменно-кирпичном. Больше половины опрошенных школ (262) располагались в деревянных зданиях. Несмотря на то что самым надежным и

¹ См.: *Илюха О. П.* 1) Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007. С. 133–135, 261–262, 267–270; 2) Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX в.: Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск, 2010. 144 с.

² См.: *Калинина Е. А.* Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX в. СПб., 2009. С. 126, 128–130.

³ См.: *Илюха О. П.* Школа и детство... С. 113–117.

⁴ *Мокеев В. И.* Школьные здания Олонецкой губернии: Земские училища. Петрозаводск, 1909. 30 с.

долгосрочным типом покрытия являлась железная, огнеупорная, кровля, чуть менее половины школьных строений (227) имели кровлю из теса, и лишь считанные школы были крыты железом (9) или толем (10). Устройство русских печей, как и железных, в школах было запрещено; при этом таких печей в них насчитывалось 231 и 27 соответственно. В остальных случаях помещения школ отапливались голландскими печами, которых всего было 277. В 59 школах в окна отсутствовали форточки. Согласно требованиям, в школах должно быть отдельное отапливаемое помещение «раздевальни», которая служила бы также «рекреационной комнатой при отсутствии рекреационного зала во время проветривания классов». Предполагалось, что гардеробная будет протапливаться во время уроков «для просушки ученического платья», однако в большинстве школ не было ни дополнительного помещения, ни возможности отапливать его: в 60 % случаев ученики оставляли верхнюю одежду прямо в помещении классной комнаты. Основными недостатками помещений для занятий в ответах были названы «холод, сырость, теснота, духота, темнота и угар» с пояснением, что все это «присуще почти всем училищам». Больше всего учителям и учащимся досаждал холод (117 опрошенных): как сказано в одной из анкет, «зимой приходится заниматься в шубе или прерывать занятия». Далее по частоте жалоб шел недостаток освещенности (95 ответов) и места (в 53 школах), плохая вентилируемость (в 26 школах), влажность (в 22 школах) и угар (в 9 школах)⁵.

Эта статистика подтверждается отдельными примерами «с мест», иллюстрирующими общую ситуацию. Так, в заметке, напечатанной в «Олонецких губернских ведомостях» в начале XX в., приведено описание классной комнаты земской школы (ее точное месторасположение не названо): «Собственно школьное помещение состоит из одной комнаты сажени три в длину, две в ширину и с потолком "рукой достать". Окна счетом пять – маленькие и пропускают мало света. От задней стены на середину комнаты выдвигается большая русская печка. И в этом помещении, построенном вовсе не для педагогических целей, крестьянские ребята-школьники проводят половину года, задыхаясь чуть не до потери сознания». Тот же автор рисует типичный учебный день, проведенный в тех условиях, которые он описал выше: «Зимнее утро. Мутный рассвет наступающего дня едва пробивается сквозь разрисованные морозом маленькие окна комнаты. Наступил день, но в комнате царит полумрак. Дверь то и дело открывается, и вместе с клубами морозного воздуха в комнату вваливаются заиндевшие фигурки в полушубках и катанках. <...> Начинаются занятия. С утра ребята принимаются за ученье

⁵ Там же. С. 9, 10, 14, 16.

охотно и внимательно относятся к тому, что сообщается им во время урока. Но это продолжается только до полудня. С полудня заниматься становится невозможно. В воздухе висит такой букет запахов пота и т. п., что по пословице “хоть топор повесь”. Вентиляция невозможна, так как сквозь маленькую форточку, которая и открывается всего минут на десять-пятнадцать во время перемены, уходит незначительная часть испорченного воздуха. К вечеру ребята становятся совершенно равнодушными к тому, что делается в школе, и лица их выражают только немой вопрос: “Скоро ли домой?”⁶.

Описание обстановки помещений для школьных занятий со страниц периодического издания «Олонецкое эхо» сходно с предыдущим. Автор заметки говорит о «приспособленных к училищам крестьянских избах с маленькими оконцами, низкими, задевающими за голову, потолками, дымящими и холодными печами, в то же время занимающими половину комнаты», где царит «тот специфический запах непроветриваемых помещений, где каждому человеку приходится воздуха не более кубического аршина»⁷.

Вопиющая бедность школьных помещений отмечалась не только самими учителями, но и путешественниками. Так, М. А. Круковский в очерках о поездке по Олонецкой губернии посвятил несколько строк впечатлению, которое произвела на него земская школа в деревне Большая Гора Олонецкого уезда: «Школа... внутри оказалась очень неприглядной. Оборванные обои, из-за которых видны черные балки, дырявый потолок с явными следами протектов, развалившаяся печь, давшая... трещину... А кругом все закопчено дымом»⁸.

Приведем еще примеры описаний помещений школ и пожеланий по их улучшению. Поскольку подавляющее большинство их являются ответом на один из пунктов анкеты, их отличает большей частью лаконичное изложение сути существующих трудностей. Знакомство с этими свидетельствами, поступившими из разных уездов Олонецкой губернии, не просто подтверждает распространенность проблем, но и говорит об их «системном» характере.

Петрозаводский уезд

- Из анкеты школы в деревне Угмойла: «Все здание требует ремонта. Необходимо увеличение света, особенно в классах. <...> Печи все скверные и угрожают разрушением и пожаром. Трубы от сажки не чищены четвертый год. Дрова постоянно сырые, и нет запаса. Во всем здании сильный холод».

⁶ Хмурый. К вопросу о школьных помещениях: Картинка с натуры // ОГВ. 1901. № 86. С. 3.

⁷ Ключиж И. Народный учитель // Олонецкое эхо. 1916. № 15. С. 1.

⁸ Круковский М. А. Олонецкий край: Путевые очерки. СПб., 1904. С. 84.

- Из анкеты школы в селе Толвуя: «Помещение очень холодное и плохо приспособлено под училище. Классы производят очень неприятное впечатление: голые стены, ничем не обиты... плесень по углам. <...> Училище нуждается в очень основательном ремонте...».
- Из анкеты школы в селе Космозеро: «Здание необходимо обшить и прибавить несколько печей, место осушить...».
- Из анкеты школы в деревне Великая Нива: «Как школьное здание, так и принадлежащие... к нему постройки (баня, хлев) находятся в неоконченном виде»⁹.
- Из очерка публициста С. А. Приклонского «Народная школа и рабочая жизнь», посвященного народному образованию: «В Сенной Губе под училище отведена одна комната в крестьянской избе. Теснота и сырость нестерпимы, питьевое заведение по соседству»¹⁰.

Олонецкий уезд

- Из анкеты школы в деревне Селецкое: «Квартира для училища неудобная. В классной комнате мало света и воздуха»¹¹.

Вытегорский уезд

- Из анкеты школы в селе Коштуги: «Для постройки училищного здания крестьянами уступлена десятина пахотной земли, взамен которой из казенной дачи была отрезана им площадь в три десятины. Здание построено, но крестьянам в удовлетворении отказано, почему последние все пространство вокруг училища засевают, оставляя лишь для прохода узкую тропу и площадь в один аршин от стен. Навоз для удобрения земли вываливается к самому подъезду. <...> Учащиеся весь учебный год находятся в здании за невозможностью порезвиться на свежем воздухе».
- Из анкеты школы в деревне Рубеж: «Совместное помещение школы с больницей представляет крайние неудобства как в учебном, так равно в гигиеническом и хозяйственном отношениях. Заразное отделение больницы устроено крыльцо к крыльцу со школой и ничем не отделено от последней... Здание крайне ветхо. Печи настолько плохи, что топить их опасно».

⁹ Мокеев В. И. Школьные здания Олонецкой губернии... С. 20–21.

¹⁰ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. М., 1884. С. 334.

¹¹ Мокеев В. И. Школьные здания Олонецкой губернии... С. 22.

- Из анкеты школы в селе Никольский Погост: «Помещение для школы ввиду многочисленности учеников [которых в школе было 62. – Д. А.] мало... Необходимо немедленно... открыть другую школу»¹².

Если говорить об интерьере школьных помещений, частой проблемой была нехватка необходимой мебели, а также ее неудобство и непригодность для учебных занятий. По свидетельству олонецкого епархиального наблюдателя, одной из причин замеченной им среди учеников церковно-приходских школ в Каргопольском уезде привычки неправильно сидеть и неправильно держать перо во время письма являлось «отсутствие в большинстве [школ. – Д. А.] парт, соответствующих педагогическим и гигиеническим требованиям»¹³. В школе деревни Вырозера Петрозаводского уезда «ученики помещались за кухонным столом и на скамьях разных форм, принесенных ими самими из домов своих родителей»¹⁴.

Подобные отзывы создают впечатление удручающего положения с помещениями для школ в масштабах губернии, однако среди них были исключения, которые, правда, касались в основном школ, подчинявшихся МНП¹⁵ или обустроенных за счет частных вложений. Так, контрастируют с общим фоном отзывы о школах Повенецкого уезда в деревнях Кимасозеро (образцовая школа МНП) и Кяппесельга. Кимасозерская школа размещалась «в красивом, белом деревянном строении». В ней было «много светлых чистых просторных классов», «классные комнаты и все жилые помещения были просторны, теплы, светлы и удовлетворяли всем требованиям гигиены»¹⁶. Здание школы в Кяппесельге было «весьма теплым, построенным удобно по весьма хорошему плану, разработанному техником Повенецкого земства», «отличалось простором, светом» и, по выводу автора описания, принадлежало к числу лучших школьных зданий на территории уезда¹⁷.

Что касается оформления классных комнат, на стенах обязательно висели портреты императора, членов императорской семьи и благотворителей школы. Так, в кимасозерской школе на стене можно было увидеть

¹² Мокеев В. И. Школьные здания Олонецкой губернии... С. 23–24.

¹³ Отчет олонецкого епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год. Петрозаводск, 1903. С. 36.

¹⁴ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере... С. 335.

¹⁵ Образцовые школы МНП составляли небольшой процент от общего числа начальных школ и располагали хорошей материальной базой. См.: Илюха О. П. Повседневная жизнь сельского учительства Карелии (конец XIX – начало XX в.) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 52.

¹⁶ Власов Ю. П. Северная баллада. Петрозаводск, 1989. С. 8, 76–77.

¹⁷ Мокеев В. И. Школьные здания Олонецкой губернии... С. 26.

портрет купца Минина, на чьи деньги было возведено школьное здание. Иногда здесь же находились произведения живописи на религиозные и исторические сюжеты¹⁸.

Школьные библиотеки и учебники

При церковно-приходских школах имелись библиотеки, в которых выдавались книги на дом, причем не только учащимся, но и взрослым¹⁹. Для выяснения положения учителей начальных школ Московским обществом грамотности в конце XIX в. было проведено анкетирование, которое коснулось и школ Олонецкой губернии. Его результаты были отражены в статье, опубликованной в «Олонецких губернских ведомостях». В ней, в частности, приводятся сведения о количестве и составе библиотек в пяти уездах Олонецкой губернии (кроме Лодейнопольского и Пудожского). Не все школы в этих уездах откликнулись на анкету, поэтому приводимые цифры отражают лишь часть общей картины. Согласно его результатам, в школах имелось:

- в Повенецком уезде 15 библиотек объемом от 23 до 309 книг;
- в Олонецком уезде 12 библиотек объемом от 36 до 695 книг;
- в Каргопольском уезде 12 библиотек объемом от 36 до 323 книг;
- в Вытегорском уезде 11 библиотек объемом от 10 до 233 книг;
- в Петрозаводском уезде 9 библиотек объемом от 26 до 63 книг²⁰.

Таким образом, библиотеки были далеко не во всех школах, а там, где имелись, они были в основном малокомплектными. Общая статистика вновь подтверждается отдельными наблюдениями: М. А. Круковский в путевых очерках упоминает о наличии в школе деревни Большая Гора Олонецкого уезда библиотеки «ученической и учительской», правда, «очень бедной»²¹. С. А. Приклонский приводит описание состава библиотеки церковно-приходской школы в селе Вырозеро Петрозаводского уезда: «Несколько экземпляров церковно-гражданских букварей, часословов и псалтырей»²². На этом фоне библиотеки со ста и более экземплярами книг являлись редкостью, библиотеки с несколькими сотнями томов представляли собой единичные случаи. К ним относились библиотека в неназванном селе Олонецкого уезда (695 изданий), в селах Луги Карго-

¹⁸ См.: Серов Д. Празднование дня священного коронования их императорских величеств в селе Кижях // ОГВ. 1883. № 42. С. 440–441; Деревня Чалкосельга Петрозаводского уезда // ОГВ. 1896. № 82. С. 3–4; Отчет олонецкого епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Олонецкой епархии за 1914–1915 учебный год. Петрозаводск, 1916. С. 33; Власов Ю. П. Северная баллада... С. 72.

¹⁹ См., например: К. Церковные школы Олонецкой епархии в 1910 г. // Олонецкая неделя. 1911. № 22. С. 2.

²⁰ К вопросу о положении учащихся в народной школе // ОГВ. 1898. № 17. С. 3.

²¹ Круковский М. А. Олонецкий край... С. 84.

²² Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере... С. 335.

польского уезда (323 издания), Данилово Петрозаводского уезда (309 изданий) и Андомский Погост Вытегорского уезда (233 издания). Книги, собранные в школьных библиотеках, были в основном «педагогического содержания», хотя имелись и исключения. Например, большая часть книг (515 экземпляров) библиотеки объемом в 695 книг в Олонецком уезде была представлена беллетристическими изданиями²³.

Какие учебники использовались в школах Олонецкой губернии? В соответствии с программой, утвержденной Святейшим Синодом, в одноклассных церковно-приходских школах²⁴ в начале XX в. преподавались Закон Божий, церковное пение, церковнославянский язык, русский язык, чистописание и арифметика. В число дополнительных предметов входили природоведение, география, история и основы геометрии²⁵. Как указывает О. П. Илюха, учителя народных школ Олонецкой губернии широко пользовались учебниками Д. П. Мартынова – директора народных училищ в конце XIX в. Среди составленных этим автором учебников и методических пособий были выпущенные в 1890-е г. «Азбука-скаороучка вместе с методикой обучения грамоте», «Книга для чтения в народных училищах», «Книга “Цифир”», или Методический задачник для обучения начальной арифметике», «Русская история в самых простых рассказах для самых начальных училищ со сборником исторических произведений»²⁶. Как отмечает в обзоре коллекции книг гражданской печати из фондов музея-заповедника «Кижы» Л. С. Харебова, учебники, изданные на рубеже веков, отличало высокое качество подготовки: они были хорошо продуманы методически и исполнены на достойном техническом уровне²⁷. Перечисляемые далее наименования учебных книг представляют собой сводный список, составленный на основе отчетов конца XIX – начала XX в. об осмотре одноклассных церковно-приходских школ²⁸ Олонецкого края, а также Олонецкого уездного училища²⁹.

²³ К вопросу о положении учащихся... С. 3.

²⁴ Церковно-приходские школы могли быть одноклассными с двухлетним сроком обучения и двухклассными с четырехлетним сроком обучения. (См.: Правила о церковно-приходских школах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1884. Т. 4. № 2318. С. 372). Позже срок обучения в одноклассных церковно-приходских школах составлял три года. (См.: *Илюха О. П.* Школа и детство... С. 114–115.)

²⁵ Отчет олонецкого епархиального наблюдателя... за 1901–1902 учебный год. С. 33–37; Отчет олонецкого епархиального наблюдателя... за 1914–1915 учебный год. С. 11–12.

²⁶ *Илюха О. П.* Школа и детство... С. 117–118.

²⁷ Научный архив музея-заповедника «Кижы». Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2617. Л. 3. (*Харебова Л. С.* Книги и брошюры гражданской печати в фондах музея «Кижы». Обзор коллекций. 2004. 15 л.)

²⁸ Отчет олонецкого епархиального наблюдателя... за 1901–1902 учебный год; Отчет олонецкого епархиального наблюдателя... за 1914–1915 учебный год.

²⁹ Уездные училища составляли третью ступень начальной школы, после которой было возможно обучение в средней школе. См.: *Илюха О. П.* Школа и детство... С. 116.

Закон Божий. Преподавался в среднем и старшем отделении церковно-приходских школ по книгам «Начатки православного христианского учения» и учебному руководству для одноклассных церковно-приходских школ «Наставление в Законе Божиим» Агафодора (Преображенского).

Церковное пение. Ему в церковно-приходских школах обучали «с голоса». Исполнялись песнопения литургии, всенощных служб, 12 великих праздников, дней великих святых и воскресные молитвы. В Олонецком уездном училище учащиеся обучались трехголосному пению по «Сборнику русских народных гимнов и песен для народных училищ» А. И. Садокова и Ю. Ф. Крачковского (1867). Преподаватели пользовались изданиями А. И. Рожнова «Нотная азбука для певческих хоров» (1861), Н. А. Римского-Корсакова «Практический учебник гармонии» (1886), А. Н. Карасева «Методика пения» (1891), А. С. Фаминцына «Начатки теории музыки» (1895)³⁰.

Церковнославянский язык. Его изучение начиналось после освоения учащимися основ грамоты, с конца первого – начала второго полугодия. Обучение велось сначала по учебнику Н. И. Ильминского «Церковнославянская азбука для церковно-приходских школ» (1889), в последующие годы использовалось издание этого же автора «Обучение церковнославянской грамоте в церковно-приходских школах и начальных училищах» (1886). Учащиеся читали Часослов, Евангелие и Октоих.

Русский язык. Чтению обучали по изданиям «Подвижная азбука», «Русский букварь», а также «Книга для чтения в церковно-приходских школах и школах грамоты» (первая, вторая и третья) Н. Ф. Одинцова и В. С. Богоявленского (1899). Для обучения правописанию служил «Практический курс правописания с материалом для упражнений в изложении мыслей: Руководство для учащихся в начальных училищах» Н. Я. Некрасова. В «Отчете по Олонецкому уездному училищу» за 1875 г. указаны книги для чтения, использовавшиеся в классе: это «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке: учебное пособие для народных училищ» И. И. Паульсона (1847), «Детский мир» К. Д. Ушинского (1861), хрестоматия «Для чтения и рассказа» П. Е. Басистова (1862), «Наш друг: Книга для чтения учащихся в школе и дома» барона Н. А. Корфа (1871). Повсеместно в школах читались произведения русских классиков. Обучение чистописанию велось по «русским прописям» В. С. Гербача³¹.

³⁰ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 8/72. Л. 31. (Отчеты о состоянии учебных заведений Олонецкой дирекции народных училищ за 1875 г. 223 л.)

³¹ Там же. Л. 29; Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 9/221. Л. 73. (По проверке состояния церковно-приходских школ и школ грамоты, количестве учащихся, учащихся и успехах их. 1899 г. 114 л.)

Арифметика в одноклассных церковно-приходских школах преподавалась по задачкам А. И. Гольденберга «Сборник задач и примеров для обучения начальной арифметике» (середина 1880-х гг.) и С. И. Шохор-Троцкого (издания 1880–1890-х гг.). Для решения устных задач служили издания С. А. Рачинского «1001 задача для умственного счета: Пособие для учителей сельских школ» и Д. П. Мартынова «Книга "Цифир"...» (1892).

Природоведение в церковно-приходских школах изучалось по книге П. Бера «Мир Божий в беседах и картинках», переведенной и изданной Е. П. Чижовым (1897).

География преподавалась по учебникам А. И. Иванова «Краткая география для начальных школ», Ф. Ф. Пуцыковича «География для народных и других элементарных училищ» и С. П. Меча «Россия. Учебник отечественной географии» (1887). В Олонецком уездном училище на первом году обучения руководством учителю служил учебник Д. Д. Семенова «Уроки географии» (1862), на втором и третьем годах – учебник Ф. Л. Брамсона «Руководство к географии Российской империи с вопросами и задачами» и «Учебник всеобщей географии» П. Н. Белохи (1862). В отчете о работе училища за 1875 г. описана методика преподавания этого предмета: «Преподавание географии... начиналось обыкновенно изучением классной комнаты, училищного дома, квартала, города и губернии, составлением планов этих местностей, затем следовало, также в концентрическом порядке, изучение всей Российской империи и, наконец, физический обзор всех частей света, начиная с Африки как простейшего в этом отношении материка. Черчение карт всюду сопровождало изучение этого предмета»³².

История изучалась по учебнику М. Я. Острогорского «История России для народных училищ». В Олонецком уездном училище учащиеся проходили курс истории по книгам «Детский мир» К. Д. Ушинского, «История России в картинах» В. А. Золотова (1863) – первый год и «История России» Д. И. Иловайского (1876) – второй и третий годы. Согласно отчету, предмет преподавался так: «Рассказы... ученики сначала повторяли со слов учителя, потом, под наблюдением последнего, читали о том же в своих учебниках... Многие рассказы в третьем классе записывались учениками с предварительным объяснением им плана в расположении рассказа»³³.

Вследствие нехватки учебников для преподавания одного и того же предмета в разных школах зачастую использовались разные учебники – те, которые были доступны на местах. Порой даже ученики одной школы, одного отделения, были вынуждены заниматься по разным книгам³⁴.

³² НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 8/72. Л. 30.

³³ Там же. Л. 30 об.

³⁴ См.: Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере... С. 336.

Письменные принадлежности и наглядные пособия

Ситуация с наличием в школе письменных принадлежностей могла быть такой, как описано у С. А. Приклонского: «В училищах, и особенно в церковно-приходских школах... замечен большой недостаток... самых обыкновенных предметов, как чернила». В качестве примера он приводит список письменных принадлежностей в школе деревни Вырозеро Петрозаводского уезда: «... три гуттаперчевых доски и столько же грифелей, два карандаша и несколько дестей бумаги писчей». Говоря об отсутствии в этой школе покупных чернил, автор пишет: «Чернила в этом училище приготавливаются по своеобразному, неизысканному способу. Сушеная ольховая кора и ржавелое железо полагаются в горшок, который наполняется хорошим квасом и поставляется в топлениую печку. Через сутки чернила готовы»³⁵.

Если обеспеченность школ письменными принадлежностями была низкой, обеспечение наглядными пособиями было, как можно предположить, еще хуже. Тем не менее типичный набор пособий включал, как указывают исследователи, глобус, географические карты, картины по Закону Божьему, таблицы по естественной истории, таблицы мер, а также разрезную азбуку, магнит, компас, лупу, термометр, счеты, арифметический ящик и аршин. При недостатке наглядных пособий использовались подручные средства: кубики, палочки, камешки. Восполняя существующий недостаток, некоторые учителя сами брались за изготовление необходимых пособий и таким образом создавали порой целые музеи³⁶. Руководствуясь описанием таких «музеев», можно сделать вывод, что собранные в них экспонаты отражали собственную, выработанную на практике методику преподавания их создателей. Приведем примеры. В кимасозерской школе среди наглядных пособий находились плакат с изображением орденов, «определитель грибов», чучела птиц: глухаря, тетерева, белой куропатки, рябчика, селезня. Изготовленные учителем и преподавателем ремесленного труда, они были настолько правдоподобны, что «могли бы занять достойное место среди экспонатов зоологического музея»³⁷. Сведения о том, что учитель земской школы в свободное время изготавливал чучела животных и птиц, на которых ему довелось охотиться, есть и в путевых очерках М. А. Круковского³⁸. Не исключено, что эти чучела тоже могли использоваться в учебном процессе. В отчете о работе Олонецкого уездного училища в качестве вспомогательных пособий упоминаются коллекция инструментов для черчения на классной

³⁵ Там же. С. 335.

³⁶ *Илюха О. П.* Школа и детство... С. 185–186.

³⁷ *Власов Ю. П.* Северная баллада... С. 76–77.

³⁸ *Круковский М. А.* Олонецкий край... С. 180.

доске, настенные географические карты, выпущенные А. А. Ильиным, «глобус с меридианом и компасом в 15 дюймов в диаметре, теллурий, стереоскоп с 17 картинками, географическая игра «Тусек»», а также «коллекция простых машин (полиспаг, ворот), Мариотова трубка, сифон, Гиеронов фонарь, выпуклое и вогнутое зеркала, микроскоп». В программу курса этого училища входила гимнастика, для преподавания которой использовались «руководства к гимнастике Лоне и Шмидта с стенными таблицами», а для игры в лапту имелся резиновый мяч³⁹.

Для сравнения можно вспомнить пример начальных школ в Воронежской губернии, открытых выдающимся педагогом родом из Вологды Н. Ф. Бунаковым. Одна из двух школ была основана им в Воронеже в 1867 г. и предназначалась для двухлетнего обучения городских детей разных сословий. Среди наглядных пособий в ней имелись счеты и арифметический куб, приборы для измерения длины, веса и емкости, модели геометрических тел (куба, призмы, шара); физические приборы, гербарии, коллекции минералов, коллекции насекомых, чучела животных и птиц; коллекция российских монет. В 1870 г. школа организовала выставку наглядных пособий для учителей. Другая школа, в селе Петино Воронежской губернии, построенная и оснащенная Н. Ф. Бунаковым в 1884 г. в приобретенном специально для этого имении на берегу Дона, располагала собранием наглядных пособий, которое состояло из картин, таблиц, макетов, глобусов, чучел, физических приборов. Здесь были магниты и компасы, модели паровых машин и «электрическая машина». Для постановки физических и химических опытов в распоряжении учителей имелись в большом количестве колбы, лупы, микроскопы⁴⁰. Конечно, приведенные примеры – это то, чего не могли позволить себе огромное большинство школ, бывших на содержании государства, однако эти описания при их исключительности дополняют представления об оснащении начальных школ.

Воспоминания о школе на острове Кижь Л. Денисовой

В поисках сведений о школах в окрестностях Кижей исключительно ценным источником оказались воспоминания жительницы поселка Ладва Л. Денисовой о школе, которая находилась на самом острове во втором десятилетии XX в. (автор воспоминаний пошла в школу в 1917 г.). Эти воспоминания целостны и содержат этнографические подробности о школьном быте, которых часто недостает в других источниках. Одного этого документа достаточно, чтобы воссоздать по нему практически полностью интерьер классной комнаты, причем именно кижской школы. И

³⁹ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 8/72. Л. 32 об. 33.

⁴⁰ Соловьева В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова. М., 1960. С. 31–32, 48.

хотя воспоминания Л. Денисовой были дважды опубликованы на страницах периодики – впервые в 1967 г., затем в 2004-м⁴¹, нам представляется уместным привести здесь их фрагмент. «Помещалась эта школа (церковно-приходская) в одряхлевшей от своего долголетия церковной сторожке, сиротливо притулившейся к ограде слева от церковных ворот. <...> В классе – три ряда длинных парт. Поближе к двери сидели малыши, второй ряд занимали второклассники. А третий ряд, поменьше, был отведен для третьего класса. К третьему ряду примыкал стол нашей учительницы Екатерины Константиновны Мизеровой. Перед рядами – порыжевшая классная доска, в простенках между подслеповатыми окнами – географические карты, расписания уроков и большущий портрет царя в золоченой раме. В углу – иконы с лампадкой, а у входной двери – книжный шкаф. Там-то и хранилось все богатство школы: библиотека из серии “Книжка-копейка”, глобус, аспидные доски, грифели, тетради, карандаши и ручки, да наглядные пособия в виде красочных картин на толстом картоне».

Жилье учителя сельской школы

Поскольку учителя сельских школ в большинстве случаев были приезжими, им приходилось арендовать жилье, которое размещалось в помещении школы или в доме местных жителей. В обоих случаях проживание было сопряжено с различными неудобствами. К наиболее досаждавшим из них можно причислить недостаточную изолированность частного пространства, где учитель мог бы полноценно отдохнуть после уроков и подготовиться к следующему дню. За примерами обратимся вновь к анкетам-ответам на опрос среди школ Олонецкой губернии начала XX в. В одной из них сообщается, что жилье учительницы, занимавшее одно помещение в здании школы деревни Шабалино Повенецкого уезда, имело единственный вход через классную комнату. Помещение отапливалось железной печью, которая не была приспособлена для приготовления пищи, поэтому готовить можно было только «в кухне домохозяина в нижнем этаже». В другой анкете, поступившей из школы деревни Рубеж Вытегорского уезда, также говорится об «общей топке квартиры учителя с больничной кухней». Из-за такого расположения обогрев квартиры зависел «от произвола больничной прислуги»⁴².

Если жилье располагалось в крестьянском доме, оно нередко представляло собой отгороженный угол в избе. Таким образом, и в этом случае возможность уединения была относительной, а кроме того, такое

⁴¹ Денисова Л. «Азбуку учат – во всю избу кричат» // Комсомолец. 1967. 18 апреля. С. 3; [Гушина В. А.] «Азбуку учат – во всю избу кричат»: Какой была школа в Кижач [Воспоминания Л. Денисовой] // Кижач. 2004. № 6. С. 7.

⁴² Мокеев В. И. Школьные здания Олонецкой губернии... С. 23–24, 26.

совместное проживание имело свои особенности. Как признается в анкете учитель школы деревни Пуминово Пудожского уезда, «живя в одном доме с хозяевами квартиры, учителя нельзя сказать, что живут сносно, – не живут, а мучаются. Я это испытывал на себе в течение двенадцати лет. Шесть лет пришлось прожить на такой квартире, что ничего нельзя было положить без замка»⁴³.

Если съемное жилье находилось в школьном здании, ему были свойственны и все перечисленные недостатки этого здания, поэтому жалобы учителей на жилье были теми же, что и жалобы на помещения классных комнат: холод, влажность, плохие печи. Так, учительница школы деревни Загорская Петрозаводского уезда указывает на необходимость ремонта в ее квартире, так как зимой в ней стоит «страшный холод», а печи «невозможно дымят»⁴⁴.

Еще одним существенным ограничением была недостаточная площадь жилого пространства. Согласно двум публикациям на страницах «Олонецких губернских ведомостей» конца XIX в., в одном случае жилье учительницы представляло собой «комнатку в три квадратных сажени, отделенную от остального пространства избы тесовой перегородкой»⁴⁵. В другом случае оно составляло «в длину шесть шагов, а в ширину четыре шага». Автор второго описания указывает на распространенность этой проблемы: «Да и не один я из учителей пользуюсь такой квартирой, а многие»⁴⁶. В подобном помещении можно было разместить минимальное количество мебели. В заметках на страницах губернской газеты из предметов обстановки упоминаются кровать, небольшой столик, пара стульев, иногда комод⁴⁷. В этих условиях некоторый запас вещей, неизбежно накапливавшийся у учителей, обремененных семейством, хранить было негде. Об этом свидетельствует учитель школы деревни Рубеж Вытегорского уезда, сетуя на то, что «при школе нет кладовой, ни хлева, ни амбара, так что жизнь семейного учителя здесь крайне тяжела и неприглядна»⁴⁸. Часто встречавшимся атрибутом учительского жилья, вне зависимости от тесноты, были висевшая в большом углу икона с лампадой и настенные часы с боем.

Таковы сведения об интерьерах классных комнат и жилья учителей сельских школ Олонецкой губернии конца XIX – начала XX в. в рассмотренных источниках. Все они могут быть использованы при подготовке музейной экспозиции, посвященной этой теме.

⁴³ Мокеев В. И. Школьные здания Олонецкой губернии... С. 26.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ N. Одна была... : Пасхальная картинка // ОГВ. 1899. № 29 С. 2.

⁴⁶ Кал-н. Из письма к редактору // ОГВ. 1898. № 90. С. 3.

⁴⁷ Корольков С. Под Новый год: Этюд // ОГВ. 1899. № 1. С. 2; N. Одна была... С. 2.

⁴⁸ Мокеев В. И. Школьные здания Олонецкой губернии... С. 23–24.

М. В. Рейли

ЛЕТОПИСЬ УЗКИНСКОЙ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

Уже в первой половине XIX в. одной из главных задач Олонецкой епархии после ее восстановления в 1828 г. стало развитие образования на обширных территориях края. Кроме общепризнанной пользы грамотности, олонецкая иерархия хотела решить еще одну важную задачу – интеллектуально ослабить и окончательно нейтрализовать с помощью образования старообрядчество в губернии. Важную роль в этом деле должна была сыграть церковно-приходская, духовная школа, существовавшая параллельно с повсеместно распространенными народными школами грамотности. К 1845 г. в Олонецкой губернии функционировало уже 145 начальных училищ «для первоначального обучения поселянских детей». «Положение о народных училищах» (1864) отстранило духовенство от образования и воспитания молодого поколения, в результате чего всего за тринадцать лет – к началу 1880-х гг. – число церковно-приходских школ в епархии снизилось со 173 до 33. Только реформа К. П. Победоносцева в 1884 г. уберегла это направление просветительской деятельности от полной ликвидации: властями было признано, что «никакое просвещение не может дать благодетельных людей, не будучи освещено светом веры». В 1884 г. был создан епархиальный училищный совет под руководством епископа Павла, вставший во главе движения за возрождение духовных школ, а также образованы уездные советы (отделения), возглавляемые наблюдателями-инспекторами. С начала 1890-х гг. училищный совет вошел составной частью в Александро-Свирское братство, осуществлявшее церковно-школьное просвещение в Олонецкой губернии, где к началу XX в. насчитывалось около 320 церковно-приходских школ. Эта сложная и неоднородная в структурном

отношении школьная система способствовала внедрению грамотности и религиозно-нравственных начал в быт и жизнь населения¹.

В качестве небольшой иллюстрации к этому процессу приводим любопытный документ, составленный воспитанником Петрозаводской учительской семинарии, Василием Федорковым в январе 1917 г., обнаруженный нами в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН².

I

Краткое повествование
о развитии грамотности в районе
Узгинской церковно-приходской школы

II

Летопись Узгинской церковно-приходской школы
(автограф В. Федоркова)

I

Светлые странички из прошлого – темного (по традициям). 1917 г. 19 янв<аря>.

Сколько забот и трудностей пришлось употребить правительству, чтобы внушить крестьянину необходимость школы в деревне и доказать ему общеизвестную аксиому: ученье – свет, а неученье – тьма.

Теперь же, благодаря заботам правительства, почти во всех уголках Матушки-России дети крестьян имеют возможность получать образование. Для них теперь открыт свободный торный путь для выхода в свет.

Не один десяток лет прошел, пока деревня дошла до этого. Трудность переживаемых событий помогла сделать большой шаг на поле этого поприща. Никогда так крестьянский люд не рвался к просвещению, как в нынешние дни – дни тяжких испытаний, выпавших на долю родного отечества.

Каждому крестьянину охота знать ход военных событий (для чего многие уже выписывают газеты), но не каждый может удовлетворить свое желание.

Не каждый потому, что образование относится только к молодому поколению, а старые люди так и остаются пока темным народом коснеть в невежестве, а особенно в нашей святой непорочной Олонии.

¹ Сведения взяты из статьи: *Водолазко В. Н.* Церковное образование в Олонцкой губернии в начале XX в. (по материалам 1911/12 учебного года) // *Православие в Карелии: Материалы республиканской науч. конф. (24–25 октября 2000 г.)*. Петрозаводск, 2000. С. 140.

² РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Кол. 73. П. 1. № 34. Текст подготовлен к печати без исправлений, но современным шрифтом, с сохранением графической структуры рукописи. Подробное описание коллекции см.: *Фольклорно-этнографические заметки В. Федоркова «На рыбной ловле»* (по материалам РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) / Публ. и ком. М. В. Рейли // *Из истории русской фольклористики*. СПб., 2014. Вып. 9. С. 286.

³ Угловыми скобками отмечены расширение сокращенных слов и примечания публикатора.

Так как культура здесь стала развиваться сравнительно не очень давно, так и не мудрено, что она (Олония) богата неграмотными людьми (это уже неоднократно подтверждалось печатью), а особенно в местах, лежащих далеко от света. Таким в особенности и является Заонежье. Здесь между крестьянами от 30-ти-летнего возраста грамотных чрезвычайная малость. Только зажиточные крестьяне-староверы (теперь они выводятся) в старину имели доступ к грамоте, благодаря влиянию Выговской староверской пустыни⁴. Большая же часть населения так и осталась неграмотная, рассуждая так: «Наши деды век прожили без грамоты, да не хуже грамотеев жили, а также и мы».

Из преданий известно, что, кроме Выговской пустыни, в эпоху Петра Великого был еще другой рассадник просвещения – это «Самайловщина» или Самайловская пустынь⁵, которая находилась на месте нынешней д. Пустыни, за две версты на север от д. Узкие (название деревни частью согласуется с преданием).

Тут, по преданию, было около 15–17 монахов, к которым и приходили местные, конечно, зажиточные крестьяне-староверы учиться грамоте. Монахи обучали их и в то же время списывали старинные книги. Земледелием они почти не занимались и жили только на пожертвования обучающихся.

Вскоре, после Петра Великого, монахи разбежались (почему – неизвестно), и монастырь опустел. Некоторые крестьяне – ученики монахов – остались тут жить, и на месте бывшего монастыря образовалась д. Пустыня. Монастырскую часовню крестьяне продали к «Троице» (часовня близ д. Костино, Кажемского общ<ства>⁶ Повенецк<ого> уезда). Все писанные книги были расхвачены крестьянами-грамотниками и сохрани-

⁴ Выговская пустынь (1690–1850-е гг.) была расположена в глубине северо-восточного побережья Онежского озера. Выговские старообрядцы стремились сохранить старые традиции в послереформенных условиях, создав на Выге в первой половине XVIII в. своего рода государство в государстве с прочным экономическим и общественным устройством и с многими институтами духовной культуры: системой образования, книжным делом, литературой, музыкой и т. д. Из-за жестоких преследований правительства Николая I, который усматривал антигосударственную направленность в духовной жизни экономически сильного Выга, пустынь была уничтожена, хотя массовое старообрядчество продолжало существовать в Карелии до начала XX в. Последний известный выговский большак Н. Н. Лубаков умер в 1915 г. Выговская пустынь оказала большое влияние на культуру, образование и быт крестьянского населения Русского Севера (см., например: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2008. Т. 1–2; Пашков А. М. Выговская поморская пустынь и ее культура // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 8–16; и др.).

⁵ Сведений об этом ответвлении староверов нам обнаружить не удалось. – М.Р.

⁶ Кажемское общество принадлежало Шунгской волости Повенецкого уезда и насчитывало 63 поселения.

лись до сих пор. В настоящее время часть из них собрана крест<ьяни>ном-старовером И. К. ... и передана (конечно, за деньги) другому староверу (аристовской веры⁷) А. В. ... Остальные все еще хранятся у старых людей, ревностно придерживающихся старины.

Но влияние «Самайловщины» было сравнительно невелико, потому что, во-первых, состав его был невелик, а, во-вторых, влияние его было слишком давно. После опустения «Самайловщины» крестьянских детей учили бабки-монастырки, выходцы из Выговской пустыни. Некоторые из них оставались жить в какой-нибудь деревне и занимались не только обучением детей, но также и совершали некоторые священные обряды, – как отпевание и крещение, а вместо исповеди (совершать которую они считали себя недостойными) читали «Скицкое покаяние»⁸.

Наследственность, – совершать обряды женщинами, сохранилась и до сих пор. Я знаю одну старушку, которая помогает, вместо пономаря, староверскому священнику отчитывать умерших староверов.

Около восьмидесятых годов прошлого столетия появились некоторые крестьяне-грамотники, которые принимали на себя роль учителя и обучали за небольшую плату крестьянских детей. Особенно замечательными

⁷ Аристово беспоповское согласие возникло в начале XIX в., отделившись от федосеевцев; свое название получило по имени его основателя, петербургского купца В. К. Аристова. И. Н. Ружинская пишет, что «аристовщина» «ворвалась» в Заонежье в 40-е гг. XIX в., появившись в старообрядческой среде Петербурга и, по мнению властей, «особенно вредная секта по фанатичности». «Первым последователем аристовцев в Олонецком крае был шуньгский крестьянин И. Мянда. Представители данного согласия присутствовали в Толвуйском (деревня Тязвизя) и Вырозерском (деревня Демеховская) приходах. Их моленная в деревне Северная была ликвидирована в 1850 г., наставник Г. Дементьев подвергся преследованиям властей. Тем не менее среди заонежских аристовцев вскоре появились новые лидеры – это демеховские крестьяне Е. Иванов и Е. Юрьев» (*Ружинская И. Н.* Заонежское старообрядчество в первой половине XIX в. // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. (Материалы IV Международ. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 232–235.)

⁸ «Скицкое покаяние» – ныне забытый и почти неисследованный памятник русской духовной литературы. Это покаянная молитва к Богу, предназначенная для келейного употребления, которая использовалась соответственно монахами, главным образом, отшельниками. Первые списки «Скицкого покаяния» в русской рукописной традиции появились в конце XV – начале XVI в. Как цельное литературное произведение «Скицкое покаяние» возникло на Руси, но при этом почти целиком было основано на источниках (Чин исповеди и монашеского Причастия, молитва патриарха Каллиста, Номоканон), имеющих греческое или южнославянское происхождение. Предположительно, эта молитва использовалась в основном для келейного или домашнего чтения, в то же время она имела значение и как «правило ко Св<ятому> причастию», необходимое для более достойного приготовления к исповеди. Но изначально эта молитва была адресована отшельническому монашеству и имела значение устава исповеди для одиноких иноков или же для братии в отсутствие архимандрита (см.: «Скицское покаяние» в русской духовной традиции. Публикация А. Е. Петрова. Москва. Отдел редких рукописей РГБ. С. 179, 181. [Электронный ресурс]. URL: <http://pstgu.ru/download/1235162501.2.pdf>. Дата обращения: 24.01.2016).

из грамотников-учителей в районе Узкинской церковно-приходской школы являлись Андрей Никитич, крестьянин д. Медведевой (кажемского общества), прозванный крестьянами Ракитой, и Григорий Лупыч, крестьянин д. Пустыни.

За все время обучения, которое продолжалось 1½ – 2 года, они брали всего 3–4 рубля. Учебниками служили старинные, писанные книги, а также «псалтырь» и «часовельник». Обучение производилось при строгой дисциплине, по весьма трудно усвояемому букво-слагательному методу.

Во время обучения детей учитель-грамотник занимался корзиноплетением из лучины. Когда лучина кончалась, он оставлял учеников на произвол судьбы и уезжал в лес за лучиной, заставив предварительно одного из старших учеников заниматься с новичками. В свободные часы учитель возил крестьянам сено и дрова. Крестьяне относились к своему учителю весьма вежливо; иногда даже приносили ему подарки – яйца, молоко, ситец на рубашки, а также разные продукты сельского хозяйства. В праздники учитель пользовался еще большим почетом в среде крестьян: его принимали за первого гостя и во время угощения садили «на самое высокое место», в большой угол под образа (местничество еще сохранилось в пределах непорочной Олонии).

Школа помещалась в крестьянской избе, где жили и сами хозяева. Отдельной квартиры для школы не отводилось. Освещением служила лучина, которую готовил сам учитель. Вентиляции в школе не было. Дым и испорченный воздух вредно отзывался на здоровье учеников, но на это учитель не обращал внимания. Дети сначала обучались церковно-славянской грамоте, а потом – гражданской. Книг гражданской печати было весьма мало. Из них наибольшим почетом пользовалось сочинение Мильтона «Потерянный и возвращенный рай»⁹ в стихах, а также история Кайданова¹⁰, открытие Америки

⁹ Первым переводчиком поэмы Мильтона на русский язык являлся префект Московской духовной академии Амвросий (Серебренников), см.: М. А. П. А. [Московской Академии префект Амвросий (Серебренников)]. «Потерянный рай», поэма героическая. М., 1780; 3-е изд. с приобщением «Возвращенного рая». М., 1803; 6-е изд.: М., 1827, с биографией Мильтона, 1828; 7-е изд.: М., 1860; пер. с французского.

¹⁰ *Кайданов И. К.* Начертание истории государства Российского. Изд-во: «При Императорской Академии Наук», 1834. Одна из главных учебных книг того времени. Предмет изучения истории – деяния и судьбы великих людей. Учебник был переполнен фактическим материалом, в первую очередь именами собственными и датами. Для своего времени учебники И. К. Кайданова были новшеством в сравнении с существовавшими переводными немецкими пособиями по истории, поэтому сначала они удостоились высоких оценок, о чем свидетельствовали и мемуаристы. Позитивному восприятию учебников способствовал, предположительно, и низкий уровень научной подготовки преподавателей истории в школе, «ибо как только в

Колумбом и нек<оторые> др<угие>. За невыученный урок, а также за шалости учитель ставил учеников на колени на горох и песок, садил в хлев, бил линейкой по голове и рвал за уши.

Газеты в деревнях появились только в конце прошлого столетия, когда стали открываться народные школы. Первую газету крестьяне встретили недружелюбно. Для доказательства служит много ярких примеров, но довольно одного, чтобы вполне удовлетворить результат.

Вот моя встреча в 1909 г. с одним крестьянином Космозерского прихода, который ревностно придерживался старины. Долго говорили за чаем то о том, то о другом и, наконец, случайно зашел разговор о газете.

– Да, теперь народ умнее Бога думает быть, – проговорил дедушка, – газету открыли. Говорят, в одну минуту тыщу номеров могут отпечатать. Морогать только глаза у людей. Да, какой толк от газеты? Деда наши прожили век, да без газеты обходились, а теперь газеты!!

Я стал защищать значение и пользу газеты, но дедушка меня перебил:

– Какая может быть польза от газеты? Нашел ты пользу в дьявольском учении.

– Как в дьявольском?! – возразил я ему с удивлением.

– Да так, што в дьявольском. И написано-то там по-дьявольски. Святые отцы не столбиком пишут, а в строчку, а тут столбиком. Ну как же не дьявольское?.

– Откуда ты, дедушка, взял, что Святые отцы пишут в строчку, а дьявол столбиком?

– Как откуда? Так ты еще и эфтого не знаешь? Ну подожди, коли не знаешь.

Дедушка встал и вышел куда-то. Через несколько времени он появился с дощечкой в руке и проговорил:

– Ну-ка, прочти сие писание в строчку!

Я взял в руки дощечку. Вся дощечка была разлинована на клеточки и славянским старинным шрифтом были написаны «Правила святых отец».

гимназиях вместо воспитанников духовных семинарий повсеместно стали занимать учительские должности студенты главного педагогического института и университетов, немедленно послышались громкие жалобы на несостоятельность руководства Кайданова». Об этом свидетельствует и тот факт, что этот учебник не вошел в «Сборник узаконений и распоряжений о церковных школах ведомства православного исповедания» (сост. Федотов Ф. Изд. официальное. СПб. Синодальная типография. 1907. С. 160–173). (Здесь и далее комментарии, посвященные учебникам, взяты из: *Осинов О. В.* Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864–1917 гг.) Дис. ...канд. ист. наук / Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2002 (на правах рукописи). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.csu.ru/texts/diss/001340.pdf>. Дата обращения: 24.01.2016).

Вот полная копия с этой дощечки¹¹.

<i>Правила св. отець новаго завѣта, всякому православному христіанину соблюдать со усердіемъ чистымъ</i>							
<i>Наука бьсовская злонравная человѣкомъ яко страшный грѣхъ</i>	Убьй ¹²	грѣхъ	Люби	жену	сребролюбіе	Отрини	<i>Аще кто сія будеть соблюсти, тогъ вѣчно будеть пикати и рыдати</i>
	отца	почитай	блудницъ	ненавиди	снадби	благая	
	проклинай	бьса	брака	желай	твори	милостыню	
	матерь	слушай	бьгай	блуда	прелюбоднѣяннѣ	не твори	
	въ церковь	ходи	священн.	слушай	будь	послушливъ	
	Не ходи	в кабакъ	проклинай	лукавыхъ	Гордь	не будь	
	Богу	молись	добру	учись	правды	наслѣдствуй	
Не молись	сатане	Не учись	ереси	не навиди	лжи.		
<i>Аще кто сія правила наблюдаетъ св. отець, тогъ человекъ не далеке царствія небеснаго бываетъ</i>							

Я прочел.

– А теперь, ну-ка, прочти столбиком!

Я прочел.

– Кто же, дедушка, эти правила составил?

– Как кто? Святые отцы. Так вот ты, друг, что скажешь! Вот такого сорта дела-то. И дело-то пустяжное, а ты не знал.

– Да помилуйте! Я первый раз еще вижу эти правила.

– То-то, первый. Так вперед и не спорь о том, чего не различаешь.

Я поблагодарил его за урок и спросил, не уступит ли он мне этой дощечки.

– Ни под каким видом! – возразил он. – Эфто святыня нашего дома. Ты то пойми, што «Правила святых отецъ» – вещь священная. Священное грех продавать. Эфто святотатством называется.

¹¹ См. фото этой рукописи. Действительно видим, что на дощечке заповеди «Божеские» написаны по горизонтали, а заповеди «дьявольские» – по вертикали. Кроме того, обращает на себя внимание и то, что святых заповедей восемь. Вспомним, что старообрядцы признают только восьми-конечный крест, считая его завершенным и единственно полноценным: именно такой крест якобы обнаружила св. царица Елена, мать императора Константина, при раскопках на Голгофе в IV в. Все остальные формы – происки «латинян», то есть католиков. «Нечистых» же заповедей – шесть, и тут поневоле вспоминается символика числа 6, связанная с числом зверя – 666. Подробнее см.: Рейли М. В. «Правила святых отецъ», найденные в Космозерском приходе в 1909 г., как образчик старообрядческой тайнописи // Рябининские чтения-2015. Материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 507–511.

¹² Убьй – въ подл. написано Ъ. – Примечание В. Федоркова.

Тогда я у него попросил позволения списать сии правила. Он с радостью согласился на это и приказал своим сейчас же принести перо, чернильницу и лист бумаги.

– Давно бы так. А продать – не могу. Отец, дед, прадед мой век прожили – хранили и мне наказали хранить, так уж я его слова не могу изменить... Так вот ваши газеты к чему можно причислить – к дьявольским правилам. Да в них, окромя закорючек да финтифлюшек и нет ничего путного. Вот взял бы ты старинную книгу, так вот научился бы где. Так есть и как святые отцы жили, и как тебе надо жить, и какие пятницы в году надо соблюдать, и посты какие, и молиться как – одним словом, – все, а святцы возьмешь – узнаешь, когда ущерб месяца, и когда его нарожде-ние, и какой месяц по небесному теперь идет одним словом, все, что нужно знать крестьян-ну.

Много еще кое-что он говорил, когда я писал, но я всего не слышал.

– Ну вот, кончил, так теперь и храни сию святыню – благословляю, – проговорил дедушка, когда я написал все.

– А газет... – я век прожил – не выписывал, без них обходился и детям заказал тоже, и тебе не советую.

Так вот как Заонежье встретило первые газеты. Это рассуждение грамотного, а как неграмотный? А их масса. Вот только теперь эта масса инстинктивно, исполняя завет изречения, – война учит народы, так стала стремиться к свету. Утолить жажду просвещения неграмотных стариков-крестьян могут только воскресные школы. Осуществление этой идеи, этот великий священный подвиг на ниве народной, – я думаю, согласились принять на себя многие желающие учителя, которые дали бы свет и знание тому, кто

Бредет по житейской дороге

В беспросветной глубокой ночи,

Без понятия о праве и Боге,

Как в подземной тюрьме без свечи.

Будем надеяться на помощь Божию и ожидать осуществления этой идеи.

1917 г. 20 января.

/Автограф В. Федоркова/

2.

Летопись Узкинской церковно-приходской школы.

1). Основание Узкинской школы грамоты в 1896.

2). Период с 25-го ноября 1896 г. по 19-е апреля 1897 г.

3). Учитель Николай Яковлевич Яковлев.

Период 1-й.

/Автограф В. Федоркова/

II

Основание Узкинской школы грамоты в 1896 г. 25 ноября. Период с 25-го ноября 1896 г. по 19-е апреля 1897 г.

Учитель Николай Яковлевич Яковлев.

В конце прошлого столетия в 1896 г., по инициативе свящ[<]енника о. Николая Яковлевича Дикаревского, была открыта в д. Узкие школа грамоты, которая явилась сильным конкурентом учителям-грамотникам.

Наконец-то блеснул луч света и истины в глухой деревушке, давно ожидаемый и встреченный с великой радостью крестьянами. Немного раньше была открыта, тоже по инициативе свящ[<]енника о. Н. Я. Дикаревского ц[<]ерковно>-пр[<]иходская школа в с. Карась-озере, за 5-ть верст на запад от д. Узкие, но, ввиду плохих путей сообщения, крестьянские дети деревень, лежащих около д. Узкие, не имели возможности получать образование в Карась-озерской школе. Крестьяне об этом начали сильно скорбеть. Свящ[<]енник о. Н. Я. Дикаревский заметил это явление и, всегда готовый идти навстречу стремлениям своих прихожан, созвал всех крестьян из деревень: Узкие, Пустыня, Шунская изба, Калозеро на сход, где и постановили просить разрешение...¹³ открыть в д. Узкие школу грамоты. Разрешение было вскоре получено, и учителем был назначен Н. Я. Яковлев.

Особенно знаменателен для д. Узкие и других близ лежащих деревень день 25-го ноября 1896 г. День открытия школы в деревне – это великий день, который положил начало перерождению деревни из темноты в свет, от невежества к культуре.

Все ученики от учителей-грамотников перешли во вновь открытую школу, т.к. тут обучение было бесплатным. Сразу же в Узкинскую школу грамоты поступило 16 мальчиков и 10 девочек.

Помещение для школы было отведено в доме кр[<]естьянина> В. П. Антипова, в северной половине – вверху за плату ... в год.

Ширина комнаты...

Длина...

Высота...

Три окна школы были обращены на запад и одно окно – на север.

Площадь освещения...

¹³ Далее в тетради две строки многоточий до конца страницы.

Вентиляцией служила форточка. Для учителя был отведен чердак в южной половине того же дома. Когда ученье началось, – об этом ничего не известно, т.к. журнал за 1896 г. не сохранился. Об учебниках и вообще о книгах библиотеки никаких записей не сохранилось (общий каталог книг, поступивших в библиотеку Узкинской школы, заведен в 1898 г.). В январе 1897 г. в Узкинскую школу грамоты поступило инвентарного имущества (по описи):

- 1). 4 ученич<еских> сосновых стола с сидением; длина 3 арш<ина>, высота 1 арш<ин> 2 верш<ка>, ширина 12 в<ершков> (исправл<ено> в ноябре 1910 г.).
- 2). 1 стол для учителя выс<ота> 1 арш<ин>, шир<ина> 13 в<ершков>, длина 1 арш<ин> 3 в<ершка>.
- 3). Табурет для учителя в<ысота> – 10 в<ершков>, дл<ина> и шир<ина> 8 верш<ков>.
- 4). Шкаф для книг высота 1 арш<ин> 4 в<ершка>, шир<ина> 15 в<ершков>.
- 5). Классная доска, выс<ота> 15 в<ершков>, шир<ина> 18 в<вершков>.

Итого на сумму 12 рубл<ей>.

В марте месяце 1897 г.

- 6). Классная доска, сосн<овая>: выс<ота> 1 арш<ин> 5¹/₂ в<ершка>, ширина 2 арш<ина>.

Учебный журнал за второе полугодие 1896/97 уч<ебного> г<ода> сохранился с 21 января.

21-го января 1897 г. Узкинскую школу грамоты посетил Петрозаводский Уездный Наблюдатель школ ц<ерковно>-пр<иходских> и грамоты, св<ященник> Иоанн Смирнов, и оставил свою резолюцию в журнале: 21-го января 1897 г. осматривал Узкинскую школу грамоты и поверял познания учащихся в пройденном.

Обращаю внимание учащего на следующ<ее>:

- а) по закону Божию: надо приучать детей к твердому, отчетливому произношению кратких молитвословий, общеупотребительных молитв и с полным благоговением; предлагать в упрощенной форме небольшие библейские рассказы из истории Ветхого и Нового заветов;
- б) по Церковному пению: упражнять в пении с голоса общеупотребительных молитв. Употребляемых на утренней и вечерней молитвах, а также и в пении – песнопений всенощного бдения и Литургии;
- в) по Русскому языку: от чтения по слогам сделать переход прямо к чтению, и больше упражнять в механическом чтении;
- г) по Чистописанию: приучать к письму на бумаге и держаться прописей;

- д) по Арифметике: идти по задачку Тенишева¹⁴;
- е) относительно ведения каждодневно утренней и вечерней молитвы и хождения с учащимися в часовню в воскресенье и праздничные дни даны лично учителю советы и наставления.

Подпись.

30-го января 1897 г. в журнале сделано примечание: Вследствие появившейся на учениках и ученицах Узкинской школы грамоты эпидемической болезни /корь/ занятия с детьми в школе приостановлены впредь до выздоровления с 30 янв<аря>, по распоряжению заведующего школою св<ященника> Н. Як. Дикаревского. С 7-го по 10-е марта ученики говели в с. Карась-озере.

19-го марта школу опять посетил Уездный Наблюдатель свящ<енник> Иоанн Смирнов и оставил свою резолюцию в журнале: «19-го марта 1897 г. вторично в текущем уч<ебном> году осматривал сию школу и после должного испытания учащихся в пределах пройденного по всем учебным предметам успехи нашел «довольно удовлетворительными». Учащихся было 21 чел<овек>¹⁵.

Подпись.

Заведующий школою св<ященник> о. Н. Я. Дикаревский посещал школу 2 раза: 1-го марта и 4 апреля. Первый раз ответы учен<иков> были вполне удовлетворительными, а 2-й раз – хорошими. 5-го апреля дети были отпущены на пасхальные каникулы.

Об учебниках и вообще о книгах библиотеки, а также о входящих и выходящих бумагах никаких записей не сохранилось. Из журнала видно, что дети обучались:

- 1) русскому яз<ыку> по учебн<ику> Попова¹⁶ (к Пасхе ученики читали свободно);
- 2) чистописанию – по прописям Гербача¹⁷;

¹⁴ Сборник арифметических задач для церковно-приходских школ: Первый и второй год обучения / Сост. кн. Б. А. Тенишев. 3-е изд. СПб., 1896. 144 с.

¹⁵ 3-е отсутств<уют>. Итого 24 ч<еловека>. – *Примечание В. Федоркова.*

¹⁶ Главнейшие события русской истории церковной и гражданской. Сборник для народного и школьного чтения: в 7 т. / Сост. А. Попов. СПб, 1895–1905; *Попов А. Н.* Пособие при изучении образцов русской литературы. М., 1867.

¹⁷ *Гербач В. С.* 1) Русские прописи, составленные согласно указаниям Училищного при Святейшем Синоде Совета : руководство для учеников церковно-приходских школ. СПб., 1887. 16 с.; 2) Уроки чистописания [Текст]: учеб. пособие для учителей церковно-приход. школ. 2-е изд. СПб., 1890; 3) Методическое руководство к обучению письму : Пособие для родителей, учителей, учительских институтов и семинарий. 2-е изд., испр. СПб., 1878. 63 с. (Ссылки на 1-е издание обнаружить не удалось.) Русская скоропись: упражнения для развития свободного движения руки и приобретения четкой скорописи. Учебный материал для последней ступени обучения письму / Сост. В. С. Гербач. СПб., 1879. 29 с.

- 3) по арифметике были пройдены до Пасхи все четыре действия в пред. 20.(? – М. Р.) по задачку Тенишева;
- 4) по пению – общеупотребительные молитвы из молитвенника;
- 5) по 3-акону Божьему – библейские рассказы из Ветхого и Нового заветов.

После Пасхи занятия больше не возобновлялись, т.к. учитель Н. Я. Яковлев скончался 19-го апреля 1897 г. Его крестьяне с честью похоронили на свои средства.

Николай Яковлевич хотя был и жестокий учитель (бил учеников линейкой по голове, рвал за уши, ставил на колени, оставлял на целые недели без обеда учеников), но оставил по себе хорошую память в среде крестьян.

На кресте сделана надпись:

«Мир праху твоему»

Период 2-й

с 8-го 1897 г. по 3-е ноября 1897 г.

Учительница Антонина Ивановна Сенкевич.

Учительница А. И. Сенкевич.

Летом 1897 г. учительницей в Узкинскую школу грамоты была назначена А. И. Сенкевич. 8-го сентября был отслужен молебен, а 9-го началось ученье с одним младшим отд. (19 мальчиков и 6 девочек) к 15-му октября в школе числилось всего учеников: 21 мальчик и 6 девочек.

Заведующий школою священник о. Н. Я. Дикаревский посещал школу 2 раза: 16-го сентября и 2-го октября, – и нашел познания учащихся удовлетворительными.

Из журнала видно, что кроме вышеозначенных учебников появились в школе: учебник Мартынова¹⁸, Лубенца¹⁹ и задачник Гольденберга²⁰.

¹⁸ Мартынов Д. П. Азбука-сороучка с задачами для составления и разбора речи и для бесед учителя с учениками: книжка для обучения грамоте по звуколагательному способу. Рыбинск, 1885. 27 с. (Из всех перечисленных выбран учебник, наиболее вероятный для контекста. См. перечень изданий: [Электронный ресурс]. URL: http://abc.gnpbu.ru/abc-book_0.htm#12.) Дата обращения 24.01.2016.

¹⁹ Лубенец Т. 1) Сборник элементарных задач, заключающих в себе данные преимущественно из сельского быта. СПб., 1895; 2) Методическое руководство по арифметике. Киев, 1890.

²⁰ Гольденберг А. И. Сборник задач и примеров для обучения начальной арифметике. СПб., 1891. Вып. 1–2.

Вместо уроков пения было введено ц^{ерковно}-сл^{авянское} чтение. Для укрепления в памяти учеников печатных ц^{ерковно}-сл^{авянских} букв учительница заставляла списывать (правильнее, копировать) их на бумаге.

По Закону Божию изучались молитвы и краткие рассказы из свящ^{енной} истории.

Из записей в журнале видно, что учительница имела недостаточное образование (наверно, не окончила начальной школы с 3-х-годичным курсом), т.к. записи уроков вела неясно. Она пробыла в Узкинской школе грамоты с 8-го сентября по 3-е ноября 1897. О входящих и выходящих бумагах записей не сохранилось.

Подпись Федоркова

А. П. Макарова

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ДЕРЕВНИ КАВГОРА

Название карельской деревни Кавгора сегодня знакомо многим благодаря часовне, перевезенной на остров Кижы в 1961 г. Известный исследователь деревянного зодчества В. П. Орфинский называет ее одним из самых значительных безалтарных храмов на восточной периферии бывшей Новгородской земли¹. А что нам известно о самом поселении?

Урочище Кавгора находится в районе оз. Сандал, в 25 км к северо-западу от г. Кондопоги, в этническом ареале северных карелов-людиков (самоназвание – *lüüdilaižed*). На месте поселения сейчас остаются лишь развалины нескольких домов на фоне постсельскохозяйственного ландшафта, а ведь не так давно эта деревня была третьей по численности населения в приходе знаменитой Лычноостровской Петропавловской церкви, уступая лишь Лычному Острову и Ковкойсельге. Кавгора входила в куст деревень, называемый Сележи, к которому относились также деревни Антипинская (Матюков Наволок, Матюки), Ерши, Ковкойсельга, Кайгинасельга, Тимойгора, Ригосельга, Ояжа и Владимирская. Первые упоминания о поселениях в данном районе встречаются в писцовой книге Обонежской пятины 1496 г.: в ней зафиксированы деревни на Лычном острове и на Лижмозере². Деревня Кавгора впервые фигурирует в Переписной книге Оштинской половины Олонецкого уезда 1707 г., в которой находим следующую запись: «деревня Кавгора новый починок. Во дворе крестьянин Василий Кондратьев, у него племянник Алексей Перфильев, во дворе крестьянин Карп Васильев, у него сын Иван в возрасте. Итого

¹ Орфинский В. П. Отголоски храмостроительных традиций Древнего Новгорода на восточной периферии бывшей Новгородской земли (XVI–XIX вв.) // Православие в Карелии: материалы 2-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2003. С. 12.

² Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 127–128.

жилых два двора»³. Однако заметим, что эти же крестьяне (Василий Кондратьев и Алексей Перфильев) упоминаются в более ранней (1696 г.) Отказной книге на Кижский погост как жители местной деревни Келть Сельга⁴. Однодворная деревня Келть Сельга впервые упоминается в Переписной книге Заонежских погостов 1678 г., причем среди местных жителей указан Кондрашка Васильев (отец упомянутого Василия Кондратьева)⁵. Данное обстоятельство позволяет высказать предположение, что изначально деревня Кавгора имела другое название и возникла в 1670-х гг. как однодворное поселение Келть Сельга.

На протяжении XVIII в. население деревни Кавгора увеличилось во много раз, и уже к 1782 г. здесь стояло 23 жилых дома, а первый из зафиксированных поселенцев Кондратий Васильев стал родоначальником трех кавгорских родов: Тихоновых, Артемьевых и Абрамовых⁶.

Возникновение деревни Кавгора следует рассматривать в общем контексте процесса расселения карелов и формирования их современной этнической территории⁷. Как известно, в ходе этнокультурного взаимодействия карелов и вепсов сформировались субэтнические группы карелов-людиков и карелов-ливвиков. Деревня Кавгора возникла в этническом ареале карелов-людиков, в зоне русско-карельского пограничья: она располагалась в 10 км к западу от Повенецкого тракта, в 25 км от Кондопоги, примерно в 15 км от русских деревень Кедрозеро и Лижма, Тавойгора – ближайшая из соседних деревень – уже делилась на две половины – русскую и карельскую. Усиление контактов карелов-людиков с русским населением в XVIII–XIX вв., сохранение брачно-родственных, экономических и культурных связей между карелами и русскими, а также близость к крупным дорогам и районным центрам привели к тому, что карелы-людики являются наиболее русифицированной группой карельского этноса: более половины всех существительных, зафиксированных в словаре людиковских говоров, имеют русские истоки⁸.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. К. 8579. Л. 134 об., 135. (Переписная книга Оштинской половины Олонецкого уезда М. Л. Мордвинова 1707 г.)

⁴ Коновалов И. А. Писцовые и переписные книги Заонежья XVII в. Материалы к истории Заонежья. Книга I. Петрозаводск, 2004. С. 165.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8573. Ч. 2. Л. 392. Цифровые копии документов РГАДА, используемых в данной статье, были предоставлены автору С. В. Воробьевой, начальником отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижь», за что автор выражает свою благодарность.

⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/10. Л. 278.

⁷ По этому вопросу см.: Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956; История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова и др. Петрозаводск, 2001; Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947 и др.

⁸ Захарова Е. В., Кузьмин Д. В. Историко-культурный потенциал людиковской топонимии // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа. Сб. ст. Петрозаводск, 2015. С.40–51.

В XV–XVI вв. основными занятиями жителей Кавгоры было земледелие, разведение скота и рыбная ловля. В Сандале ловили «ряпусу и всякую мелкую рыбу во вся лето и сетями и удами»⁹. Изобилие крупных и мелких водоемов доставляло крестьянам достаточное количество рыбы для своего продовольствия, а также частью для продажи и было одним из факторов выживания в этих местах, так как по причине неблагоприятных климатических и почвенных условий хлебопашество и скотоводство у местных заводских крестьян находились в посредственном состоянии и не обеспечивали труда земледельца¹⁰. Поземельное устройство бывших государственных крестьян состоялось по положению 24 ноября 1866 г., в силу которого они получили во владение на правах собственников наделы земельные и лесные. В Кавгоре работы по устройству землевладения крестьян начались в мае 1882 г.¹¹ Основной задачей была ликвидация в этом районе чересполосицы путем замены чересполосных участков на окраины лесной дачи. Но на означенное предложение крестьяне заявили, что «все чересполосные участки, расположенные внутри казенного леса, составляют их сенокосные угодья и существенно необходимы для поддержания хозяйства, присельное же пространство леса для них представляет совершенно непригодную в хозяйстве площадь, и что не только при границах присельного обруба, но и в других местах казенной дачи не находится места, могущего быть разработанным под покосы»¹². Представленные крестьянами аргументы были признаны основательными, и было решено «не настаивать уничтожить чересполосность, а оставить владение их сенокосными участками в прежнем виде». И 26 сентября 1882 г. домохозяевами деревни Кавгора на полном сельском сходе в присутствии Петропавловского сельского старосты Тимофея Федорова Михеева был составлен приговор в том, что домохозяева принимают лесной надел, отведенный этому селению на 79 ревизских душ в

⁹ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 123.

¹⁰ *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги: путевые очерки с многими рисунками. Гельсингфорс, 1917. С. 67; ОГВ. 1863. № 30 (3 августа). [Электронный ресурс]. URL: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=3443&page=6>. Дата обращения 17.06.2016.

¹¹ НА РК. Ф. 24. Оп. 9. Д. 3/33. (Письмо г-ну Заонежскому лесничему Турчановичу от 18 мая 1882 г.). Ф. 24. Оп. 9. Д. 3/34. Л. 25. (Акт от 30.09.1882г. о замене чересполосных участков на окраины лесной дачи по селениям: Лычному, Тивдии, Лижмозера Малого и Большого острова, Ершевской, Владимирской, Ковкой сельги, Кондезеру, Ригосельги, Матюкову наволоку, Кавгоре, Петропавловского общества, Кондопожской волости, Петрозаводского уезда.) Ф. 24. Оп. 9. Д. 3/34. Л. 103. (Приговор сельского схода от 26.09.1882 г.). Ф. 24. Оп. 9. Д. 3/34. Л. 104.

¹² НА РК. Ф. 24. Оп. 9. Д. 3/34. Л. 25. (Акт от 30.09.1882 г. о замене чересполосных участков...)

количестве 237 десятин удобной лесной почвы. Уполномоченные от крестьян деревни Кавгора дали подписку в том, что границы отведенного лесного надела закреплены межевыми признаками – просеками, столбами и ямами, им указаны и хорошо знакомы¹³. Владенные записи в большинстве случаев выдавались не на одно, а на несколько селений. В 1882 г. жители Кавгоры были наделены общей – однопланной – дачей с соседними селениями Петропавловского общества.

Об относительном достоинстве земель, находившихся в пользовании жителей деревни, можно узнать из описаний 1882 г.¹⁴. Из этих данных видно, что по доходности земельных угодий и степени благосостояния крестьян все селения Петропавловского общества находились в равных условиях: продуктов сельского хозяйства для сбыта никаких не имелось, а напротив, даже в самые урожайные годы покупали хлеб, которого хватало лишь на полгода. Почва пахотных земель суглинистая и песчаная, в низких местах болотистая, а на высоких чрезвычайно каменистая; глубина почвы от 2 до 4 вершков¹⁵; урожайность на подсеках была гораздо выше, чем на пашнях, и, очевидно, возделывание подсек оставалось жизненно важным фактором благосостояния местных жителей. В Петропавловской вотчине Кондопожской волости подсековое земледелие продолжало существовать наравне с трехпольным севооборотом вплоть до XX в. (см. табл. 1). «В наших хозяйствах, – сообщает крестьянин Петропавловского сельского общества в 1912 г., – кроме полевых работ, имеются подсековые работы, как в местных, ровно так и в лесных наделах, отчего в лесных наделах через поджоги леса все выгублены»¹⁶.

Таблица 1. Объемы посевов на пашне и на подсеке, д. Кавгора

Культура	Пашни на 1 дес.*		Подсека на 1 дес.	
	Сеяли	Собирали	Сеяли	Собирали
Рожь	8 мерок**	24 мерки	4 мерки	20 мерок
Ячмень	12 мерок	28 мерок	7 мерок	24 мерки
Овёс	16 мерок	40 мерок	–	–
Репа	–	–	15 ложек	86 мерок
Лён	–	–	2 пуда	Нет данных

* 1 десятина = 1,09 га

** 1 мерка = 1 четверику = 26,2 л.

¹³ Там же. Л. 104.

¹⁴ НА РК. Ф. 24. Оп. 9. Д. 3/34. Л. 22.

¹⁵ 1 вершок = 4,45 см.

¹⁶ НА РК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 8/75. (Сведения по лесной текущей статистике с 1 ноября 1911 г. по 1 ноября 1912 г.)

Сенокосы были большею частью болотные, расположены в лесах, со скудной малопитательной растительностью, лучшими по качеству и количеству трав считались сенокосы при озере Пальозере¹⁷. Зато у карела не пропадала ни одна горсть растительности, годной в пищу скоту: листья деревьев, молодая кора сосны, озерный хвощ, картофельная ботва, лебеда и другая сорная трава – все это собиралось, высушивалось и служило подспорьем корму скотины в зимнее время.

В каждом крестьянском хозяйстве держали лошадей, коров, овец и кур. Пастьба скота производилась в лесу и на оставленных подсеках. Местные коровы были некрупными – не больше семи пудов – и маломолочными, но все же они окупали уход за ними, доставляя молоко и масло для семьи и навоз для поля. Лошади больше финской породы, так называемые шведки, маленькие и коренастые, они довольно сильны и выносливы, довольствовались самым неприхотливым кормом: зимой их кормили часто рубленой соломой, обваренной кипятком и пересыпанной несколькими горстями муки, а сено и овес давали только перед тяжелыми работами или дальними поездками. И. В. Оленев в своих путевых очерках писал: «Карелы по отношению к лошадям истые спортсмены. Каждый зажиточный крестьянин при покупке лошади обращает внимание не только на ее рабочие качества, но старается выбрать такую, которая обладает и хорошим бегом. Даже какая-нибудь баба, когда едет на озеро осматривать сети на простых дровнях, – и та старается, чтобы лошадь бежала не вскачь, а правильно рысью»¹⁸. Кавгорцы проявляли свою «спортсменскую жилку» и на часовенных праздниках, когда устраивали скачки на лошадях.

Невозможность прокормиться с земли и оброчные подати заставляли местных крестьян искать неземледельческие заработки, одним из источников которых были железоделательный и кузнечный промыслы. Карелия издревле отличалась от чисто земледельческих и промысловых районов Новгородской земли развитым крестьянским железоделательным производством, базирующимся на местных запасах руды. Оно имело значительные масштабы: изготавливалось такое количество вещей, которое удовлетворяло спрос не только местного рынка¹⁹. В XVI в. местные скупщики из числа богатых крестьян постоянно покупали у кузнецов «кузнь» и «карельский уклад»²⁰. Широкое распространение этого промысла стало предпосылкой к развитию в Карелии горнозаводской промышленности.

¹⁷ НА РК. Ф. 24. Оп. 9. Д. 3/34. Л. 22.

¹⁸ Оленев И.В. Карельский край... С. 66–67.

¹⁹ Кочуркина С. И. Карела и Русь. Л., 1986. С. 49.

²⁰ Жуков А. Ю. Успенская выставка в Кондопоге. XV–XVI в. // Материалы III краеведческих чтений, посвящ. памяти С. В. Шежемского (7–8 апреля 2000 г.). Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 57.

Еще в конце XVII в. в радиусе 25 км от деревни Кавгора появляются первые железоделательные заводы – Лижемский, Кедрозерский, а затем и ближайший к Кавгоре Тивдийский завод-мануфактура, который стал первым в Карелии крестьянским железоделательным заводом²¹. Для обслуживания новых предприятий требовалась рабочая сила, что повлекло за собой формирование института приписных крестьян. В 1696 г. все жители Петропавловской вотчины были приписаны к Петровским заводам. Отныне, кроме своей крестьянской работы, крестьяне должны были выжигать уголь, заниматься заготовкой и подвозом дров, в районе села Тивдия велась заготовка железной руды²² – все это крестьяне делали в счет отработки подушной подати и оброчного сбора, и лишь малая часть подушного оклада выплачивалась деньгами. В 1762 г. был построен Тивдийский стальной завод Мергулы Шаргаева с товарищами. Руда добывалась в окрестностях завода. Работали заводы крайне нерегулярно по причине трудностей с сырьем, отсутствия заказов, устаревшего оборудования, реконструкций и нехватки рабочих рук. В итоге к концу XVIII в. все вышеперечисленные заводы пришли в негодность и были закрыты. Значительная часть крестьян Петропавловской вотчины работала теперь на разработке мраморных месторождений в районе деревни Тивдия, на берегах озер Кривозеро, Лижмозеро и Сундозеро²³. К тивдийским мраморным ломкам было приписано для работ 2500 крестьян – в основном из ближайших к Тивдии волостей и погостов²⁴. В 1807 г. был построен тивдийский мраморный завод, проработавший до 1863 г. Тивдийский (или белогорский) мрамор широко использовался при отделке интерьеров Зимнего дворца, Михайловского и Мариинского замков, Казанского и особенно Исаакиевского соборов.

Важнейшим подспорьем земледелию служили и отхожие промыслы. Так, например, в Посемейных списках крестьян деревни Кавгора Кондопожской волости Петрозаводского уезда за 1881 г.²⁵ в графе «убывшие» числится Михайла Федотов Борисов, 1846 г.р.: умер он в сентябре 1884 г. в Санкт-Петербурге, в больнице Святой Марии Магдалины, куда чаще всего попадали представители бедных слоев населения, в том числе приезжие крестьяне²⁶.

²¹ Там же.

²² Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1913. Т. 1, № 1–4. С. 19.

²³ Карелин В. А. Очерки истории Кондопожского края. Петрозаводск, 2006. С. 45.

²⁴ Борисов И. В. Тивдийские мраморные каменоломни (1769–1979 гг.) // Краеведческие чтения 2013. Материалы VII науч. конф. Петрозаводск, 2013. С. 30.

²⁵ НА РК. Ф. 151. Оп. 1. Д. 16/29. Л. 93. (Посемейные списки крестьян Кондопожской волости Петрозаводского уезда за 1881 г.)

²⁶ НА РК. Ф. 5. Оп. 2. Д. 3/38. Л. 17. (Дело о розыске кр. Кондопожской волости деревни Кавгоры Василия Егорова Шнюгина.)

В конце XIX – начале XX в. в поисках заработков крестьяне Петропавловского общества работали также на вырубке и сплаве леса. Житель деревни Ояжа, что в 12 км к северо-западу от Кавгоры, Григорий Ефремов Алуферов в Лесной текущей статистике за 1911–1912 гг. сообщает: «в настоящее время на работы цены летом повысились по случаю большого требования людей на сплав, вследствие чего хозяйства приходят в упадок: скота стало меньше, почему подороже, и высев хлеба против прежнего меньше. Лес для сплава заготавливается зимой, сплавляется по реке Лижме на завод Брандта и К^о (в деревню Лижма. – А. М.) – в озере Онего»²⁷. Также в Кавгоре стояли две водяных мельницы, построенных местными крестьянами еще в начале XIX в. Одна из них принадлежала семье Кузьминых и работала только на владельцев, а вторая – местному торговцу Николаю Павлову Девятерикову, 1867 г.р., эта мельница работала также и на заказчиков. Но ручей, на котором они стояли, был так мал водой, что работали мельницы не больше 1/10 части г.²⁸ Из кустарных промыслов было представлено бондарное ремесло, плетение из лучины и бересты: Семен Иванович Степанов, 1873 г.р., мастерил бочки, ушаты, ведра и подойники, а также плел корзины; Николай Иванович Абрамов, около 1890 г.р., выделывал кожи, занимался сапожным и столярным ремеслом; столярничал и Григорий Васильев Еремеев, 1862 г.р.²⁹, Константин Павлов Девятериков, 1865 г.р., был мастеровым металлического дела, имел кузницу; житель соседней деревни Тавойгора Давид Степанович Степанов собирал по округе льняные холсты и красил их. Каждую зиму приезжали *катали*, которые здесь же на месте катали валенки.

Кроме того, крестьяне зарабатывали каменотесной и плотницкой работой, перевозкой разных грузов для горных заводов и частным извозом «по вольным ценам»³⁰. Совсем недалеко проходил Повенецкий тракт, надо было лишь добраться до Кондезера, а оттуда – к озеру Кедрозеро, вдоль которого тянулась почтовая дорога – всего около 15–20 км. В «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1867 г.» находим описание пути от почтовой станции в деревне Кяппесельга на Повенецком тракте, через Лижмозеро, Тивдию, Уссуну и Койкары в Линдозеро: «От почтовой станции до Лижмозера путешественник мог выбирать между ездой верхом, ходьбой пешком и переездом в санях. Там, где проезд плох, употребля-

²⁷ НА РК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 8/75. (Сведения по лесной текущей статистике за 1911–1912 гг.)

²⁸ Там же. Д.53/479. Л. 7, 10. (Олонецкое губернское земство. Сведения о водяных и ветряных мельницах за 1916 г.)

²⁹ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 16/29. Л. 93. (Посемейные списки...)

³⁰ ОГВ. 1863. № 30 (3 августа) 1863. [Электронный ресурс]. URL: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=3443&page=6>. Дата обращения 17.06.2016.

ются телеги, таратайки или кабриолеты, верховые лошади; где можно плыть – лодки, где нельзя ни проехать, ни проплыть, идут пешком, едут верхом, на дровнях, в санях, в качалке, кладь везут на волоках. Качалку устраивали между двумя лошадьми, и крестьяне уверяют, будто ехать в ней очень спокойно, как в зыбке. Дорога была насмешкой над этим именем: между чащей корбы (дремучего леса, выросшего в болоте) тянулась узенькая тропа, усеянная большими и острыми камнями, корнями, изрытая ямами; в топях на больших протяжениях были настланы мостики, то есть в грязь кое-как брошенные бревна и жерди»³¹. И в XX в. дороги в этих местах оставляли желать лучшего: основным сухопутным средством передвижения оставались лошади.

Еще в конце XVII в., в период промышленного освоения края, для учета наличных жителей окладных сословий составлялись ревизские сказки и посемейные списки – важные источники первичных сведений для исследователей. Проанализировав переписные документы Национального архива Республики Карелия, мы пришли к выводу, что количество жителей в последней четверти XVIII – начале XX в. изменялось совсем незначительно и в среднем составляло 157 человек обоих полов, а число домов – от 23 до 26³² (см. табл. 2).

Количественный состав семей самый разный: в 1782 г. из 22 семей, проживавших в Кавгоре, 13 состояли из 1–6 человек, а остальные – из 7–11 и даже 18 человек³³. Приведем пример большой неразделенной семьи, проживавшей в 1782 г. в доме Климентия Семенова (см. рис.): 3 поколения, 4 супружеских пары – всего 14 человек. Однако к переписи 1816 г. родственники разделились и проживали уже в трех разных домах: сначала разъезжаются Анкудин и Игнатий Климентьевы, а затем братья Анкудиновы – Иван и Борис³⁴. При этом продолжателем рода стал Борис Анкудинов, а остальные ветви «засохли» уже к 1864 г. В XX в., в период запустения деревни, Борисовы покинули Кавгору одними из последних.

³¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. С. 45–46.

³² НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/10. Л. 278; 19. Д. 3/22. Л. 100; Д. 5/35. Л. 27 об.; Оп. 18. Д. 35/344. Л. 141; Ф. 37. Оп. 58. Д. 3/14. Л. 34; Ф. 4. Оп. 18. Д. 58/552. Л. 62 об.; Д. 635/633. Л. 74; Ф. 37. Оп. 58. Д. 13/67. Л. 82; Ф. 4. Оп. 18. Д. 77/758. Л. 178; Ф. 37. Оп. 58. Д. 21/124. Л. 57; Ф. 126. Оп. 2. Д. 6/112. Л. 43; Оп. 1. Д. 4/46. Л. 49; Д. 4/49. Л. 25; Д. 5/60. Л. 44; Ф. Р-659. Оп. 12. Д. 4/17. Л. 127; Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907. С. 11; Список населенных мест Карельской АССР: по материалам Переписи 1926 г. М., 1928. С. 44; Список населенных мест: по материалам Переписи 1933 г. Петрозаводск, 1935. С. 54.

³³ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/10. Л. 278. (Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда 1782 г.)

³⁴ Там же. Д. 35/344. Л. 141. (Ревизские сказки Петрозаводского уезда Петропавловской вотчины за 1816 г.)

Таблица 2. Динамика численности населения д. Кавгора

Ревизская сказка / посемейный список	Численность населения		
	мужчин	женщин	домов
1782 г.	70	94	23
1795 г.	63	94	24
1811 г.	81	?	24
1816 г.	71	66	24
1824 г.	77	67	24
1834 г.	78	78	24
1850 г.	75	89	26
1852 г.	76	91	25
1858 г.	77	88	25
1860 г.	72	88	24
1869 г.	73	82	22
1874 г.	73	89	24
1879 г.	70	88	24
1881 г.	76	73	23
1890 г.	72	76	6
1894 г.	82	88	21
1905 г.	95	86	25
1926 г.	80	99	
1933 г.	106	109	
1959 г.	Всего 24 человека		

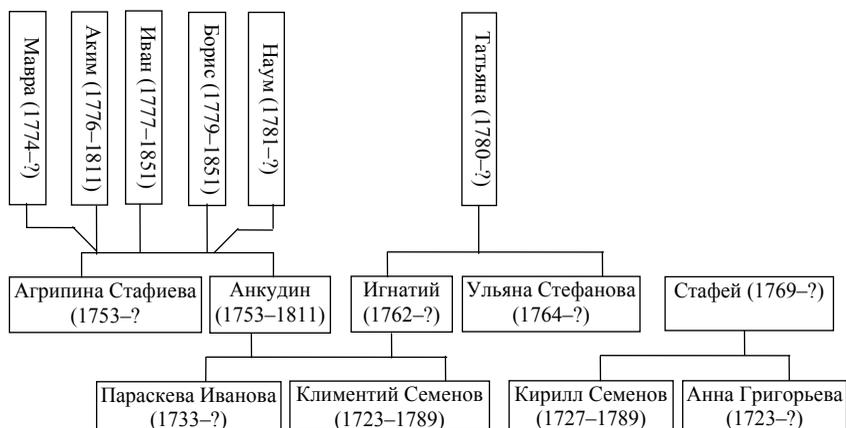

Рис. Семейство жителя д. Кавгора Климентия Семенова. 1782 г.

К сожалению, сейчас от деревни практически ничего не остается, но по воспоминаниям бывших жителей Кавгоры удалось восстановить планировку поселения. Можно с уверенностью сказать, что в XX в. деревня в основном сохранила планировку конца XIX в. Работа по распланировке

деревень бывших государственных крестьян Олонецкой губернии проводилась Министерством государственных имуществ во второй половине XIX в. в связи с необыкновенной скученностью сельских построек и угрозой распространения пожаров. По этой причине крестьянам предлагалось добровольно уступить свои усадебные места под разрыв путем переноса строений на другие места³⁵. Однако чиновники признали, что, «во избежание излишнего отягощения крестьян, к подобному распланированию надлежало бы приступить тотчас по получении известия об истреблении какого-либо сельского поселения пожаром»³⁶. В Кавгоре такой случай представился летом 1890 г.: по сообщению в «Олонецких губернских ведомостях», 30 июля сгорело до основания 18 жилых домов со всеми принадлежащими к ним службами, 1 нежилой дом, 10 амбаров и 2 бани. Пожар начался в доме крестьянина Григория Семенова Кузьмина, по объяснению его, от трещины в печной дымовой трубе. Огонь моментально перешел на соседние дома, так что не было никакой возможности остановить пожар, распространению которого способствовали жаркая погода и недостаток воды в колодцах. Он продолжался около трех часов и был прекращен лишь благодаря помощи подоспевшего из соседних деревень народа. Во время пожара сгорела большая часть крестьянского имущества, около 1000 пудов ржаного хлеба, 9 штук овец и все лесные материалы, как то: дрова, жерди, часть теса, заготовленные крестьянами на свои надобности на наступающую зиму. Кроме того, попортило коноплю, картофель и другие овощи, засеянные в огородах близ домов. В деревне осталось только 7 жилых домов, в которых приютились погорельцы. Оставшееся же от пожара движимое имущество было помещено в кладовых под местною часовнею во имя Преображения Господня, которая, по словам очевидцев, от сильного жара несколько раз загоралась, но сама собою и потухала³⁷. Летом 1897 г. в Строительное отделение Олонецкого губернского правления поступила заявка от местных жителей на утверждение плана устройства деревни, так как «некоторые крестьяне-погорельцы хотели поставить новые свои дома куда попало, не на старые плановые места». План был составлен незамедлительно «снятием с натуры всех усадеб», согласно пожеланиям жителей. По новому плану усадебные места имели ширину 12–14 сажень, длину 18 сажень³⁸.

³⁵ НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 3/38. Л. 188. (Бланки для заявления крестьян.)

³⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 50. Д. 7/23. Л. 60. (Письмо господину начальнику Олонецкой губернии от министра внутренних дел.)

³⁷ ОГВ. 1890. № 62 (15 августа). С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=4442&page=8>. Дата обращения 12.10.2016.

³⁸ НА РК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 48/9. Л. 6–7. (Дело Строительного отделения Олонецкого губернского правления, по отношению Петрозаводской уездной земской управы об утверждении плана на устройство деревни Кавгоры Кондопожской волости. Приговор №37).

Деревня располагалась на высоком холме и «была образована тремя улицами, сходящимися под разными углами к площади неправильной формы, в центре которой, на наиболее возвышенном месте, стояла часовня»³⁹ с древним кладбищем у ее стен, окруженная оградой из валунов высотой около 1 м. Со второй половины XIX в. пользовались также кладбищем в урочище Другая сельга, расположенном в 500 м к югу от деревни⁴⁰. Большинство домов были обращены главными фасадами на юго-запад. Еще в 1978 г., когда в рамках комплексной экспедиции по Кондопожскому району сотрудники музея «Кижы» посетили деревню Кавгора, здесь оставалось 23 дома, хотя уже после войны многие из них пустовали. Большинство домов – типа «брус», т. е. в плане представляли прямоугольник с двускатной кровлей. Встречались как тесовые безгвоздевые кровли «по курицам и потокам», так и драночные. Два поперечных переруба выделяли в середине дома сени⁴¹. Дома одноэтажные на высоком подклете или двухэтажные, где на первом этаже могла быть устроена лавка. В деревне насчитывалось порядка 7 колодцев, из них три – с питьевой водой, остальные – для хозяйственных нужд, имелось несколько бань (не в каждой усадьбе).

Сопоставив фамилии владельцев усадеб, приведенные в документах 1882 г., с теми, что называли автору информанты, можно с уверенностью говорить о том, что практически все семьи, жившие в Кавгоре до Великой Отечественной войны, представляли старинные кавгорские роды. Брачные связи устанавливались преимущественно внутри волости, с соседними деревнями, такими как Ояжа, Ерши, Ригосельга, Ковкойсельга, Тивдия, Лычный Остров, Лижмозеро, Сопоха, Карташева Сельга, реке Тавойгора, Кедрозеро, Лижма, Лукин Остров, Викшозеро, Нигостров, но очень часто пару находили в своей же деревне. Таким образом, все сележские деревни были объединены кровнородственными связями.

Первые годы после Октябрьской революции – время коренных преобразований в жизни страны. Сейчас почти не осталось людей, которые могли бы достоверно рассказать о жизни кавгорцев в 1920–1930-е гг. Основным источником информации об этом отрезке истории Кавгоры для нас стали статьи историка-краеведа из г. Кондопоги В. А. Карелина, частично вошедшие и в его книгу «Очерки истории Кондопожского края»⁴².

³⁹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 211. Л. 51–52. (Объяснительная записка к обмерам и проекту реставрации памятника народного деревянного зодчества в дер. Кавгора, Сележского с/с, Кондопожского района КФССР. Арх. Оповников А. В. Петрозаводск; Москва).

⁴⁰ НА РК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 48/9. (Дело Строительного отделения...)

⁴¹ НА МК. Д. 1626. Л. 13. (Трифонова Л. В. Отчёт об экспедиции в Кондопожский р-н.)

⁴² Карелин В. А. Очерки истории...

После революционных событий 1917 г. на территории Петропавловского общества был создан Сележский сельский совет. С августа 1919 г. по февраль 1920 г. на территории Сележей происходили военные действия между частями Красной армии и интервентами, и именно Кавгора стала местом особо ожесточенных боев. Кроме пехоты, противник использовал здесь артиллерию, авиацию, химическое оружие. В конце сентября 1919 г. в результате Лижемской десантной операции Кавгора была освобождена⁴³.

После Гражданской войны основной хозяйственной единицей было единоличное хозяйство. Наряду с мелкопроизводственной кооперацией создавались многочисленные лесные и трудовые артели, ведущие заготовку дров, бревен по заказу Кондопожской кооперации, что обеспечивало занятость трудоспособного населения. В годы НЭПа в деревнях возобновилась частная торговля: вновь открылись лавки и магазины, население активно занялось рыбным промыслом для продажи рыбы в Петрозаводск и Петроград, опять собирались бригады плотников, зарабатывающих на жизнь отхожим промыслом. После завершения периода НЭПа почти всех деревень края коснулось раскулачивание. Вера Алексеевна Каява (урожденная Девятерикова, 1945 г.р.) с улыбкой вспоминает рассказ своей бабушки Анисьи Трофимовны Девятериковой (1878–1972), жительницы деревни Кавгора, о том, как ее раскулачивали: «Конфисковали кабриолет – вот и все мое богатство». Этот процесс шел вместе с созданием колхозов. В марте 1930 г. в Кавгоре был создан колхоз «Ленинский путь». Конфискованные у зажиточных крестьян земли, инвентарь и скот становились имуществом колхозов, а их дома передавались органам национального образования, ставшего обязательным⁴⁴. Так, был частично конфискован дом Степановых: на втором этаже стала располагаться школа, состоявшая из двух классных комнат. В одной занимались ребята 1-го и 3-го классов, в другой – 2-го и 4-го. А на первом этаже по-прежнему жил бондарь Семен Иванович Степанов с сыном и невесткой. В 5-й класс ходили в школу-интернат в деревне Владимирская: со сшитыми из мешковины сумками ребята приходили в классы, где получали необходимые школьные принадлежности: чернильницы, ручки, учебники, а аспидные доски и грифели приносили с собой. Занимались при керосиновых лампах. Улучшилось медицинское обслуживание: в Тивдии открылся фельдшерский пункт. В Ершах заработало почтовое отделение. В деревню пришло радио, начала приезжать кинопередвижка: кино показывали в доме Степановых. В доме Абрамовых стоял

⁴³ Карелин В. А. Сележи на рубеже XIX–XX вв. // Авангард. 2005. 9 сентября. С. 18.

⁴⁴ Он же. Сележи на переломе // Авангард. 2005. 16 сентября. С. 18.

телефон для связи с Кондопогой и Петрозаводском, а также с соседними деревнями. Праздники теперь отмечали как старые, так и новые. 1 мая и 7 ноября ходили с флагами по улице, а собрания проводились по домам, чаще всего в доме Фоминых. Летом в Кавгоре любили собираться у часовни: там лежало большое бревно, на котором рассаживались девушки. Часовенным праздником здесь был Спасов день – Преображение Господне, 19 августа по новому стилю, но главным сележским праздником оставался Иванов день – народ съезжался отовсюду. Первый день праздновали в Ершах, вечером переходили в Ковкойсельгу, а на следующий день – во Владимирскую. Пели, танцевали под гармошку. Для проведения бесёд там, где клуба не было, как и прежде, договаривались с кем-нибудь из хозяев, платили по три копейки и танцевали в доме или уходили в освободившуюся от зерна ригу, заранее приготовленную: пели песни, танцевали ланцы. В Кавгоре до войны бесёду держала Анисья Трофимовна Девятерикова, предоставлявшая избу и пиль-пушку (лампу без стекла)⁴⁵.

Во время финской оккупации 1941–1944 гг. в Сележах оставалось порядка 700 человек. Местные жители по-разному отзываются об этом времени: кто-то говорит, что финны не обижали карелов, заходя в дом, оставляли винтовки при входе, угощали детей конфетами, поощряли трудолюбие, другие – и их большинство – говорят о строгих порядках, нарушении которых влекло за собой физическое наказание. В кавгорской школе преподавали финские учителя, говорить разрешалось только на финском языке, хотя дети его не знали, за русскую речь наказывали. Учили финскому письму и чтению, арифметике, закону Божиему, истории, географии, пению, кулинарии. Надежда Алексеевна Борисова делилась воспоминаниями о школе-интернате в Кавгоре: в годы оккупации в ней жили и учились дети из Лижмы, Колгострова, Лукин-Острова. Ребята недоедали, а потому постоянно попрошайничали. Молодежи было мало. Молодых людей заставляли работать, запрещалось петь, танцевать, и в случае нарушения установленного порядка всех ждало строгое наказание⁴⁶. Сама Надежда Алексеевна вдвойне пострадала от финской оккупации. Осенью 1942 г. в деревне появились советские партизаны. Ночью они прятались в бане рядом с ее домом. Услышав голоса, она побоялась даже выйти из избы, утром не топила печь – это заметил староста деревни. Он и обнаружил следы вокруг бани. Произошел бой между партизанским отрядом и финнами. Один из советских бойцов был смертельно ранен, остальным удалось скрыться в лесу. После этого происшествия Надежду Алексеевну

⁴⁵ Карелин В. А. Сележи на переломе...

⁴⁶ Там же.

допрашивали финны: ни в чем не повинная, она пыталась бежать и была ранена в ногу. После допроса финны отпустили ее, и до конца оккупации Надежда Алексеевна оставалась в Кавгоре. А после освобождения деревни летом 1944 г. в связи с тем же происшествием и опять безосновательно теперь уже советские власти осудили ее по 58-й статье за сотрудничество с оккупантами на 8 лет лагерей, которые она отбывала, работая на известковом карьере в Архангельской области.

Летом 1944 г. в условиях продолжающейся войны началось воссоздание колхозов: их фактически нужно было создавать заново. Но и после войны, вплоть до начала 1950-х гг., в отношениях государства с крестьянством сохранялись законы военного времени, более того, возрастала степень жесткости государственной политики, касающейся деревенского населения: до 1955 г. за уклонение от мобилизации и самовольный уход мобилизованных с сельскохозяйственных работ предусматривалась судебная ответственность. Жители села, не имея паспортов, фактически были прикреплены к земле, и лишь в 1958 г. началась постепенная паспортизация сельского населения, закончившаяся только к 1974 г. Обязательные госпоставки даже при хороших урожаях делали колхозы, как и самих колхозников, нищими. Люди любыми средствами старались избавиться от колхозного ярма⁴⁷. Желających работать на земле оставалось все меньше, и все больше людей переходили на работу в промышленность, на лесозаготовки. Трудоспособное население Кавгоры начинает перебираться в лесозаготовительные поселки Гаймоя и Лойгуба на берегу Сандала. Рост объемов лесозаготовок в республике в послевоенные годы рассматривался правительством страны как приоритетное направление экономического развития края. В этой связи правлению колхозов запрещалось препятствовать колхозникам в переходе на постоянную работу в лесную промышленность⁴⁸. Привлеченные стабильным заработком и другими преимуществами жизни рабочих, люди не возвращались в колхозы.

В начале 1950-х гг. началось укрупнение колхозов и ликвидация мелких хозяйств: все колхозы в районе Кавгоры были объединены в один, состоящий из семи бригад и получивший название «Ленинский путь». Кавгорской бригадой руководил Петр Павлович Матухов, а председателем всего колхоза был назначен Владимир Севастьянович Степанов, родившийся в Кавгоре 20 марта 1927 г. Оставив пост председателя колхоза в 1958 г., В. С. Степанов окончил Академию

⁴⁷ Вавулинская Л. И. Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х – конце 1950-х гг. (на материалах Карелии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 60.

⁴⁸ Там же. С.63.

общественных наук при ЦК КПСС, получил степень кандидата исторических наук. С 1961 по 1990 г. в его послужном списке – секретарь Карельского обкома КПСС, советник Посольства СССР в Финляндии, слушатель АОН при ЦК КПСС, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Финляндии, 1-й заместитель председателя СМ Карельской АССР, секретарь Карельского областного комитета КПСС, 1-й секретарь Карельского областного комитета КПСС, депутат Верховного Совета СССР 11 созыва, делегат XXV и XXVII съездов КПСС, член ЦК КПСС.

После ухода Степанова с поста председателя колхоза в Сележах так и не появилось сильного руководителя. В дальнейшем в ходе реорганизации колхозов в совхозы был нанесен непоправимый ущерб не только хозяйственной, но и социальной сфере. В связи с концентрацией производства в крупных центрах мелкие населенные пункты оказались удалены от предприятий торговли и общественного питания, школ, детских садов и медицинских учреждений. В Кавгоре закрылись магазин, школа, так и не было проведено электричество. В 1960 г. колхоз «Ленинский путь» прекращает свое существование, а объединенная сележская бригада становится частью зверсовхоза «Кондопожский», а в 1965 г. – совхоза «Кончезерский». Своих рабочих в бригаде не хватало, не было прочной кормовой базы: сотни гектаров трав не выкашивались из-за низкой оплаты труда. Хорошей проезжей дороги не было. В итоге к 1965 г. из семи сележских бригад осталась одна, а в 1974 г. в газете «Новая Кондопога» была опубликована статья, в которой Кавгору описывают как опустевшую деревню, где «старики отжили свое, а молодежь подалась к новой жизни»⁴⁹. К 1977 г. Сележский избирательный участок перестает фигурировать в документах, что свидетельствует о полном административном исчезновении поселений⁵⁰. Этот факт подтверждается и результатами переписи наличного и постоянного населения по каждому сельскому пункту: на 1 июня 1978 г. Сележского сельского совета уже не существует и в соседних сельских советах Кавгора не фигурирует⁵¹. Последними в Кавгоре оставались Матуховы, лесничий Николай Иванович Абрамов с супругой, его помощник Иван Николаевич Борисов со своей семьей – женой Надеждой Алексеевной Борисовой, работавшей коннохом, и двумя детьми Зоей и Петром и некоторые

⁴⁹ Новая Кондопога (газета). 1974. № 60. См. также: Новая Кондопога. 1960. № 68; 1965. № 112; 1962–1963. № 20.

⁵⁰ Карелин В. А. Очерки истории... С. 129.

⁵¹ НА РК. Ф. Р659. Оп. 14. Д. 38/196. Л. 14. (Численность наличного и постоянного населения по переписи 1959 и 1970 г., пересчитанная в административно-территориальных границах по состоянию на 01.06.1978 и 17.01.1979 г. (по каждому сельскому пункту.)

другие жители, не желавшие оставлять родную деревню. Необходимость отправлять детей в школу и самых стойких вынудила покинуть Кавгору. Местное население осело в лесозаготовительных поселках и в городах. Еще долгое время жители поселка Кедрозеро, а также работники подсобного хозяйства Кондопожского ЦБК заготавливали сено в Кавгоре, но без должного ухода и присмотра часть домов сгорела, другие разрушились до основания.

Судьба сележских деревень сложилась по-разному: в отличие от Кавгоры, в Антипинской, Ершах, Ковкойсельге, Тимойгоре, Ригасельге усилиями рачительных хозяев до сих пор стоят старинные карельские дома, звучит карельский язык. Вместе с тем деревня Кавгора жива в памяти людей, когда-то населявших это удивительное по красоте место.

Л. В. Трифонова

ТРАДИЦИОННЫЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ КОСТЮМ ЗАОНЕЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Тема крестьянского костюма Заонежья разработана в литературе недостаточно полно. Из дореволюционной литературы большое значение имеют работы фольклориста П. Н. Рыбникова. В своих «Этнографических заметках о заонежанах» он пишет о традиционной одежде жителей Заонежья, об их менталитете, нашедшем отражение в манере одеваться¹. В «Беседах и беседных песнях в уездах Петрозаводском и Повенецком»² мы находим описание праздничного женского костюма. Интересные сведения о мужском заонежском праздничном костюме приводит этнограф К. Майнов³.

Следующий этап изучения заонежского крестьянского костюма – работы петрозаводского этнографа К. К. Логинова 1990–2000-х гг.⁴ Отдельные сведения по праздничной одежде Заонежья можно встретить в монографии В. П. Кузнецовой и К. К. Логинова «Русская свадьба Заонежья»⁵. Теме заонежского костюма посвящены две статьи Л. В. Трифоновой⁶.

¹ *Рыбников П. Н.* Этнографические заметки о заонежанах // Мильчик М. И. Заонежье. История и культура. Очерки. Фотографии: Альбом. СПб., 2007. С. 147–152.

² *Рыбников П. Н.* Беседы и беседные песни в уездах Петрозаводском и Повенецком // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 122–140.

³ *Майнов В.* Поездка в Обонежье и Корелу. Петрозаводск, 1877.

⁴ *Логинов К. К.* 1) Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 100–113; 2) Традиционная одежда народов Карелии // Костюм и праздник. Петрозаводск, 2006. С. 14–37.

⁵ *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001.

⁶ *Трифопова Л. В.* 1) Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии (по материалам этнографической экскурсии М. А. Круковского) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 126–137; 2) Традиционный праздничный

Важную роль в понимании образа заонежского костюма играют библиографические и архивные источники. К первым можно отнести сборник «Исполнители фольклорных произведений», составленный Т. С. Курец⁷, и «Крестьянские мемуары», опубликованные Р. Б. Калашниковой в сборнике «Кижский вестник»⁸. Основную же роль в разработке темы сыграли архивные источники. Это экспедиционные дневники студентов первого курса Ленинградского института истории искусств (ЛИИИ), хранящиеся в архиве Карельского научного центра РАН, и экспедиционные материалы сотрудников музея «Кижь» 1980–2001 гг. Большая заслуга в собирании материала по костюму Заонежья принадлежит Р. Б. Калашниковой и сотрудникам музея-заповедника «Кижь» Е. М. Наумовой, Е. И. Яскеляйнен, И. И. Набоковой, В. С. Цыпляевой, Л. В. Трифоновой. Собираательской работой по этой теме занимались также С. В. Воробьева и Ж. В. Гвоздева. Кроме того, автором использовано несколько дел из фонда НА РК.

Еще одним ценным источником являются фотографии из фонда М. А. Круковского (1899), хранящиеся в фондах РНБ. Дубль-негативы находятся в фондах музея «Кижь».

Повседневный женский костюм Заонежья

В 60–90-х гг. XIX столетия традиционным повседневным костюмом заонежской крестьянки был сарафан с рубахой и передником.

В 60-х гг. повседневные сарафаны шились из крашенины в четыре трети (иногда в пять) без оборки. По описанию П. Н. Рыбникова, в этот период заонежанки носили круглые сарафаны московского типа: «Сарафан начинается от талии, где он сзади собирается в мелкие складочки, а держится на плечах посредством узеньких, пальца в два шириною, лямочек, которые обшиваются желтою бумажною ленточкой»⁹. Сарафаны из крашенины назывались «крашенинниками», с набитым по холсту рисунком – «набивальниками». Наиболее древним способом набивания холста было печатание масляными красками. Узор наносился на ткань деревянными досками – манерами, изготовленными из твердого дерева – березы. Подобные деревянные и металлические манеры были обнаружены в 1931 г. студентами ЛИИИ в Сенной Губе у крестьянина Ковалева. Они были привезены его отцом из

крестьянский костюм Заонежья конца XIX – начала XX в. // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 250–251.

⁷ Исполнители фольклорных произведений. Заонежье. Карелия / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008.

⁸ Крестьянские мемуары / Сост. Р. Б. Калашникова // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 150–181.

⁹ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах... С. 150.

Петрозаводска в 1870-х гг.¹⁰ Доски с металлическим орнаментом применялись для печатания набойки по синему кубовой окраски холсту, что свидетельствует о бытовании синих кубовых сарафанов в Заонежье 1870-х г. Бытовало кубовое крашение и в начале XX в., например, в деревне Телятниково¹¹. Для синего кубового крашения в красильнях применяли индийскую краску «индиго». Она была очень сильно насыщена пигментом, а потому не линяла и не выгорала. Кроме того, крестьяне красили холст растительными красителями или добавляли растительные красители (например, луковую шелуху) в покупные анилиновые краски¹². Льняные нитки и холст заонежанки красили высушенной ольховой корой, которую варили в чугушке, добавляя немного соли¹³. Сшитые из такого холста рубахи имели коричневатый цвет¹⁴. Из крашенины во второй половине XIX столетия шили не только сарафаны, но и передники, которые заонежанки носили с сарафаном, завязывая их завязками вперед¹⁵. Природные красители заонежские крестьяне продолжали использовать еще в конце 1940-х гг. «Мать красила готовое полотно: мох, лишайник – сероватый цвет; вишневый – осиновой корой», которую смешивали с измельченной луковой шелухой¹⁶.

С конца XIX – начала XX в. для шитья сарафанов стали использовать ситец. В 1931 г. студентками ЛИИИ, проходившими этнографическую практику в Заонежье, было замечено, что здесь «только некоторые старухи носят одежду кустарного производства, то есть из холста»¹⁷, все остальные – из фабричных тканей. Особенно поразили юных исследователей яркие цвета сарафанов пожилых заонежанок, не встреченные ими ранее в других губерниях¹⁸. На одной из них, например, был надет голубой сарафан с белыми цветочками. Объяснение тому очень простое: повседневными зачастую становились сарафаны, вышедшие из разряда праздничных. Ситцевые заонежские сарафаны имели особый крой: высокая и узкая грудка с разрезом посередине; низкая спинка, на ней заложены мелкие складки. Лямки узкие, обшиты тесьмой, сзади расходятся из прямоугольной формы основания. По бокам грудины изнутри пришиты завязки, поддерживающие грудь. Отступя примерно десять сантиметров от края подола, обработан-

¹⁰ НА КарНЦ РАН. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 64. (Дневник студентки ЛИИИ Курдовой З. 1931.)

¹¹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2118. Л. 34.

¹² Там же. Ед. хр. 1947. Л. 2.

¹³ Там же. Ед. хр. 2118. Л. 33.

¹⁴ Экспедиционный дневник Скобелева О. А. 2007 г. Т. 1. Л. 117. Личный архив.

¹⁵ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2118. Л. 18.

¹⁶ Экспедиционный дневник Скобелева О. А. 2012 г. Т. 6. Л. 63. Личный архив.

¹⁷ НА КарНЦ РАН. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 7. (Экспедиционный дневник Прокиновой А., 1931.)

¹⁸ Там же. Ед. хр. 85. Л. 35. (Экспедиционный дневник Новиковой, 1931.)

ного черной тесьмой, пришивалась оборка (рис. 1). Сарафаны принято было подразделять на зимние и летние: зимние были более темными (рис. 2) и шились из более плотных тканей. В 1910-е гг. сарафан еще служил повседневной и праздничной одеждой заонежских женщин и девушек. В 1920-е гг. жительницы Заонежья вспоминали сарафаны как одежду своих старших сестер и матерей. «У мамы сарафанов остался целый сундук». В 1930-е гг. сарафан продолжал оставаться одеждой пожилых женщин. Просуществовал круглый московский сарафан в Заонежье до 1940-х гг. Сарафан независимо от возраста дополнялся ситцевым фартуком. Пожилые крестьянки носили поверх сарафана кофты свободного покроя, сшитые чаще всего из фланели.

Рис. 1. Сарафан ситцевый.
Яндомозеро. Конец XIX – начало
XX в. Киж. КП-212/3

Рис. 2. Сарафан ситцевый.
Толвуя. 1920-е гг.
Киж. КП-6934

Косоклинные сарафаны – костычи – в начале XX в. чаще всего носили старообрядки. Примером тому может служить костюм 80-летней жительницы из деревни Петры: «Длинный и широкий сарафан черного цвета. Лямочки сзади вперехлест, а спереди соединены квадратиком. Воротник кофты и обшлага в сборку, спереди застегивается простой пуговицей. На голове – сборчатый колпачок черного цвета»¹⁹. То есть, костюм состоял

¹⁹ НА КарНЦ РАН. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 24. (Экспедиционный дневник Лорви С. В., 1931.)

из черного костыча и рубахи с длинным рукавом новгородского типа. Носили старообрядки и глухие сарафаны-косоклинники, выполненные из перегнутого пополам куска ткани.

Холст домашней выделки назывался в Заонежье «точиво». Точиво «всяко разنو ткали. И в клеточку, и в полосочку, и в бело»²⁰. Белили холст в марте после Алексеева дня. Сначала его вымачивали, затем расстилали на снегу и оставляли на 3–4 дня. После кипятили с щелоком в большом чугуне и снова выносили на снег, поворачивая тыльной стороной²¹.

В 60–70-е гг. белый холст шел на изготовление женских рубах (сорочек), в конце XIX – начале XX в. – на изготовление нижней части женских рубах – станушек. Вот как описывает женскую рубаху 1860-х гг. П. Н. Рыбников:

Рис. 3. Юбка рабочая. Паянницы. Начало XX в. Кжи. КП- 226/36

«Рукава широкие, а длина их только до локтя, на конце собираются маленькие складочки и обшиваются ленточкой или ситцем»²². У более старых традиционных рубах рукава были длиной до запястья. Новая мода, появившаяся в середине века, связана с так называемыми польскими, короткими рукавами. В 1930-е гг. такие рукава еще носили пожилые заонежанки. Это было признаком старой моды, потому что молодежь в это время сарафаны с рубахами почти не носила, а шеголяла в юбках с кофточками и платьях. Вот как охарактеризовала костюм пожилой жительницы деревни Ко-

сельга в 1931 г. одна из студенток ЛИИИ: «Опишу платье старухи: она была в белой кофте, ворот застегивался на одну пуговицу, рукава до локтя, пышного очень покроя и собраны в сборку на конце»²³.

На различные хозяйственные работы заонежанки надевали юбку с рубахой (рис. 3). Декорировались юбки горизонтальными красными и синими полосами. Юбки имели разное назначение: в них возили навоз на поля²⁴, пололи лен²⁵, кололи дрова, собирали ягоды в лесу²⁶. На покос и

²⁰ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1941. Л. 21.

²¹ Там же. Ед. хр. 1947. Л. 4.

²² Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 150.

²³ НА КарНЦ РАН. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 39. (Дневник Лукачевой, 1931).

²⁴ НА МК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 93. Л. 7; Ед. хр. 120. Л. 14; Ед. хр. 1132 Л.42.

жатву ходили в юбках и сарафанах. На поле сарафан снимали и работали в юбке красного цвета и рубахе²⁷. Традиция надевать на покос или жатву красную юбку сохранялась вплоть до 1930-х гг. Информацию об этом можно найти в записях студенток ЛИИИ (1931 г.)²⁸. Следует заметить, что с рабочей юбкой заонежанки передники не носили.

Обязательным для всех было ношение пояса и креста. «Пояс носили все время. Кто носил крест, тот носил раньше и пояс. Без пояса никуда. Пояс одевали на голое тело. Такой хороший, мяконецкий, магазинский...»²⁹. Здесь мы сталкиваемся с элементом двоеверия в крестьянском быту, когда пояс и крест имели охранительную функцию. Как сказала М. Е. Широкова из Середки: «Охраняли поясочком»³⁰.

Главным убором молодых замужних заонежанок были чепцы (заон. «цепец») в виде мягкой шапочки, которые шились из ситца или сатина. Самое раннее упоминание о чепцах встречаем у П. Рыбникова в 1866 г.: «Женщины волосы заплетают в две косы и, обернув их вокруг головы, покрывают чепчиком, сшитым из ситца, кумача или какой-нибудь материи»³¹. Информанты свидетельствуют о том, что традиция носить чепец сохранилась у пожилых людей вплоть до 1940-х гг.³² Традиция была настолько сильна, что заонежанки, давно жившие в Петербурге и одевавшиеся по столичной моде, приезжая в родную деревню в Заонежье, надевали чепцы и носили их каждый день³³. В конце XIX – начале XX в. изменилась только прическа: чтобы удобнее было надеть чепец, косы скручивали в жгут и убирали в пучок³⁴. По свидетельству информанта первой трети XX в., чепцы шились из материи светлых тонов³⁵, и носили их замужние женщины молодого и среднего возраста. Пожилые и старые женщины носили повойники темного цвета³⁶. Повойники шились с круглым или овальным верхом и нешироким околышем, собранным на шнуток и затягивавшимся на затылке. Из описания П. Н. Рыбникова 1860-х гг. можно сделать вывод о том, что чепец и повойник являются собой один и тот же головной убор: «В будни поверх чепчика, называемого

²⁵ Там же. Ед. хр. 99. Л. 11.

²⁶ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 1947. Л. 1,4.

²⁷ Там же. Ед. хр. 1710/1. Л. 12.

²⁸ НА КарНЦ РАН. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 10 (Экспедиционный дневник Новиковой); Ед. хр. 72. Л. 87 (Экспедиционный дневник Копыловой О.).

²⁹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1942. Л. 10–11.

³⁰ Там же. Ед. хр. 1714/1. Л. 17.

³¹ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 150.

³² НА МК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 121. Л. 6; Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1714/1. Л. 13.

³³ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 2151. Л. 20.

³⁴ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья... С. 239; НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1932. Л. 6.

³⁵ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1932. Л. 6.

³⁶ Там же. Ед. хр. 1935. Л. 39.

обыкновенно повойником, повязывается платок»³⁷. Информанты начала XX в. разделяют понятие «чепец» и «повойник», хотя и ощущают их родство. «А на голову мама надевала чепчик, а бабушка – повойник. Они схожи вообще-то были: повойник и чепчик»³⁸. Традиционным головным убором молодых девушек был платок. А «... у кого коса хорошая (ходили. – Л. Т.) без платка»³⁹. Иногда платки носили одновременно на голове и плечах. Головные платки могли быть разных расцветок: светлые, темные, иногда с набивным рисунком по всему полю, иногда декорированные набивной каймой⁴⁰. Темные платки в основном носили пожилые женщины.

Верхней одеждой заонежанок весной и осенью были кафтанушки из серого домашнего сукна, летом – кафтанушки из домашнего холста, вытканного саржевым переплетением. Еще одной разновидностью летней верхней одежды П. Н. Рыбников называет шугай, сшитый из черного домашнего сукна. «Спинка в нём отрезная, юбочка в пол-аршина длиною, назади собранная в складки; воротник круглый, вершка три шириною; застегивается крючками под шеей и на груди»⁴¹. Зимой крестьянки носили овчинные шубы и полушубки. Повседневные шубы, как правило, были нагольными, то есть не покрытыми сверху материей.

Чтобы зимой было тепло, крестьянки надевали под сарафаны теплые стеганные юбки на ватной основе, покрытые с изнанки и снаружи ситцем⁴². Зимой на плечи накидывали большие теплые платки. «Когда в креслах (санях. – Л. Т.) едут, байковые платки одевали»⁴³.

Повседневной обувью заонежанок в 1930–1940-е гг. были сапоги. Во второй половине XIX в. сапоги носили с толстыми носками, связанными одной иглой. Вязание на пяти спицах появилось в Заонежье во второй половине XIX в. и особо полюбилось заонежанкам в начале XX столетия. На пяти спицах вязали из овечьей шерсти ватера, шарфы с полосочками, рукавицы, чулки выше колена с резинками⁴⁴.

Мужская повседневная одежда

Основа повседневного мужского костюма Заонежья – рубаха, порты, пояс и сапоги. Рубахи заонежане носили навыпуск, подпоясывая ремнями или поясами. «На мужиках постоянно был пояс. Концы с кис-

³⁷ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 150.

³⁸ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1932. Л. 6.

³⁹ Крестьянские мемуары... С. 152.

⁴⁰ Трифонова Л. В. Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов... С. 129, 130.

⁴¹ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 150.

⁴² НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1943. Л. 12; Ед. хр. 2118. Л. 18.

⁴³ Там же. Ед. хр. 2246. Л. 35.

⁴⁴ Экспедиционный дневник Трифоновой Л. В. 1989. Л. 7. Личный архив.

точками»⁴⁵. Только в период тяжелых работ, требовавших большой физической отдачи, крестьяне могли работать распоясанными⁴⁶. Длина рубахи – до первой фаланги большого пальца руки. Мужская повседневная рубаха в Заонежье во второй половине XIX в. изготавливалась из домотканого холста, не имела ворота стойки и застегивалась на медную пуговицу с левой стороны⁴⁷. В Заонежье косovorотки со стойкой зафиксированы на фотографиях 90-х гг. XIX в. В 1860-е гг. заонежские мужские рубахи еще не имели ворота-стойки и шились с косым разрезом на груди. Зимние рубахи, по словам П. Рыбникова, изготавливались из холста, окрашенного в голубой цвет⁴⁸, летние рубахи, по словам информантов, – из отбеленного холста⁴⁹.

В конце XIX – начале XX в. мужские рубахи начинают шить из ситца. По свидетельству информанта, в этот период в Заонежье существовала мода на красные мужские рубахи. Вот как рассказывает об этом крестьянка деревни Потаневщина М. Е. Широкова (1911 г.р.): «Когда первый венец поставили, свекровь купила всем (плотникам. – Л. Т.) по красной рубахе. мода была эта – мужикам красные рубахи держать». А после завершения строительства на каждый угол повесила «...по белой рубахе плотникам»⁵⁰. В соответствии с пудожской традицией, красные рубашки (пестрядинные или ситцевые) считались рабочими: их надевали во время коллективных работ⁵¹. Летом в старину заонежане носили в основном белые рубахи. По сведениям информантов, белые и красные рубахи шили на лето, потому что «оводы не садятся на красное и белое»⁵².

Значительный интерес представляет фотография из коллекции М. Круковского 1899 г. с изображением девяностолетнего старика из деревни Данилово (рис. 4)⁵³. На старике – ситцевая рубаха в косую мелкую клетку, темного цвета порты, вязаная фуфайка, опоясанная ниже талии широким кушаком, и высокие до колен кожаные сапоги. Летние порты в Заонежье шились из серого, у стариков – из белого холста, зимние – из полусукна (конопляная или льняная основа и уток из овечьей

⁴⁵ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1942. Л. 11.

⁴⁶ Трифонова Л. В. Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов ... С. 127.

⁴⁷ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 149.

⁴⁸ Там же; Логинов К. К. Традиционная одежда народов Карелии ... С. 14.

⁴⁹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2151. Л. 14; Ед. хр. 1935. Л. 7; Экспедиционный дневник Скобелева О. А. Т. 3. Л. 60. Личный архив.

⁵⁰ Крестьянские мемуары... С. 158.

⁵¹ Архив Русского географического общества. Фонд Олонекской губернии. Р. 25. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 7 об. (Желаев В. Географические, статистические и этнографические сведения о городе Пудожье Олонекской губернии. 1854). [Электронный ресурс]. URL: <http://lilkarta.Karelia.ru/library,shtml>. Дата обращения: 8.02.2017.

⁵² НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1134. Л. 33.

⁵³ Фотоархив музея «Кижь». НВФ-13623/2.

Рис. 4. Старик из Данилово По-венецкого уезда. Этнографическая экскурсия М. А. Круковского. 1899 г. Репродукция. Кизи. НВФ-13623/2.
Оригинал хранится в РНБ

Рис. 5. Армяк. Кефтеницы. Конец XIX – начало XX в. Кизи. КП-5/16

шерсти). С середины XIX в. порты имели пояс с застежкой на пуговицу. В XX в. зафиксирован обычай надевать на сенокос широкие штаны «поверх сапога, чтоб труха (в них. – Л. Т.) не сыпалась»⁵⁴.

Верхней рабочей одеждой на протяжении второй половины XIX – начала XX в. в Заонежье был балахон, который шили из толстого серого или белого домашней выработки холста. Происхождение балахона восходит к XVIII столетию, шьется из перегнутого по утку полотнища ткани, разрезанного спереди. В бока балахона вшиваются клинья. Летом балахон носили поверх рубахи и портов, осенью и зимой – поверх кафтана, полушубка во время работы и в ненастье. Ефим Тестенников (1883 г.р.) из д. Боярщина рассказал о сказителе В. П. Щеголенке: «Был он большо-

⁵⁴ Экспедиционный дневник Скобелева О. А. Т. 6. Л. 64. Личный архив.

го роста, здоровый старик: дровни в два полоза с шестью копылами мог из лесу на себе принести. Кушак домотканый держал, подпоясывал длинный балахон, что поверх шубы одевал, чтобы не рвать ее»⁵⁵. Второй разновидностью верхней одежды, более теплой, чем балахон, был кафтан, известный на Руси с XVI–XVII вв. Кафтаны заонежане шили из серого полушерстяного сукна. Кафтаны шились двубортными с застежкой справа налево, с длинным рукавом и отложным шалевым или стоячим воротником. По описанию Рыбникова, заонежский кафтан был схож с балахоном, но при этом был длиннее и имел прорезные карманы. Кафтаны второй половины XX в. чаще всего застегивались на левом боку на три медные пуговицы⁵⁶. В начале XX в. взамен пуговиц стали использовать крючки. Существовала еще одна разновидность верхней одежды заонежан – армяк, напоминавший собой длинный однобортный халат с запахом справа налево, с широкими рукавами и большим воротником (рис. 5). Надевался поверх шубы или полушубка зимой в дорогу⁵⁷, подпоясывался кушаком. Зимние полушубки шились из домашней овчины. По словам Рыбникова, покрой полушубка «ничем не отличался от кафтана, только воротник стоячий в два пальца шириною»⁵⁸.

Круглогодичной рабочей обувью заонежан были сапоги, изготовленные из белой кожи, начерненные дегтем. Наиболее архаичный вид повседневных сапог упоминает П. Рыбников: «Сапоги из белой кожи, подошва одна, без стельки, называются выворотные»⁵⁹. Такие сапоги еще в 1880-е гг. шил сказитель В. П. Щеголенок: «Десять лет сапожничал – досюльные сапоги, сшитые для зимы и лета, выворотные, без гвоздей, делал. Подошву пришивал не шпильками, а двумя швами – в столицу возили на показ». Эти сапоги считались «досюльными», то есть старинными, вышедшими из моды⁶⁰. В конце XIX в. сапоги шились рантовыми: с каблуком и подошвой, подбитой березовыми гвоздями. В сапоги надевали шерстяные носки без пятки, связанные одной иглой. Вязали такие носки в Заонежье мужчины, на что неоднократно указывали информанты⁶¹. Рукавицы, связанные такой техникой, упоминает в 1860-е гг. П. Н. Рыбников. Он именует их дельницами⁶². Название «дельница» происходит от старинного слова «дель» – нитка для вязания. Дельницы были исподними рукавицами. Сверху на них во время работы надевали еще одни – короткие кожаные. Для тяги зимнего невода

⁵⁵ Исполнители фольклорных произведений... С. 283.

⁵⁶ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 149.

⁵⁷ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1942. Л. 12.

⁵⁸ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 149.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Исполнители фольклорных произведений... С. 284.

⁶¹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2169. Л. 11; Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 95. Л. 10.

⁶² Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 149.

заонежане пользовались дельницами, в которых к шерстяной нити добавлялся конский волос. Валенки заонежане зимой не носили. Вплоть до 1930-х гг. валенки в Заонежье «считалось приличным обувать только для работы и в доме». Летом в качестве рабочей обуви использовали лапти⁶³. Зимней обувью заонежан валенки становятся в 1930-е гг.

Головные уборы заонежских мужчин были не слишком разнообразны. Это низенькие с небольшими полями шляпы, валяные из коровьей шерсти, о которых П. Н. Рыбников писал, что «во время рыбной ловли (они) заменяют чашку для питья»⁶⁴. Их носили летом, весной и осенью. Зимой заонежане носили четырехугольные шапки, покрытые черным сукном, с околышем из овчины и на овчинном подкладе. Этот тип головного убора считался старинным и бытовал до 1920-х гг.⁶⁵ Демисезонным головным убором, имевшим распространение по всем губерниям России, в том числе и в Заонежье, был картуз (фуражка) (рис. 6). Один из пожилых информантов упомянул высокую пуховую шляпу – «астраханку», бытовавшую в Заонежье на его памяти⁶⁶. Мы можем лишь предположить, что скрывается за этим названием. В словаре В. И. Даля находим следующее толкование: «Пуховая шляпа – валяная из звериного пуха»⁶⁷. Авторы-составители энциклопедии «Русский традиционный костюм» Н. Соснина и И. Шангина определяют пуховую шляпу как «шляпу, изготовленную из шерсти, стриженной весной с молодых овец, так называемую поярковую»⁶⁸. П. Н. Рыбников в 1866 г. пишет о том, что в Кижской волости в летнее время чаще носят пуховые шляпы, чем фуражки⁶⁹. Анализируя все вышесказанное, можно предположить, что изготавливалась интересующая нас шляпа из валяной шерсти. Уточняющий признак шляпы, упомянутой Семеновым, – «астраханка», скорее всего, указывает на ее восточное происхождение и рождает предположение о ее форме: папахи или колпака, тем более что информант добавил к сочетанию «шляпа-астраханка» эпитет «высокая».

В начале XX в. мужская одежда претерпевает значительные изменения, особенно у тех крестьян, которые уходили на заработки в Петербург. В связи с этим интерес представляет описание костюма крестьянина деревни Воронинский Остров Василия Зарубина, 53 лет, находившегося в Петербурге в 1898 г. Он носил «...пиджак серый двубортный и жилет та-

⁶³ Логинов К. К. Материальная культура... С. 102–104.

⁶⁴ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 149.

⁶⁵ Логинов К. К. Традиционная одежда народов Карелии... С. 21.

⁶⁶ Исполнители фольклорных произведений ... С. 227.

⁶⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 3. С. 544.

⁶⁸ Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия / Сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1998. С. 364.

⁶⁹ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 150.

кого же цвета, рубашку красную, кальсоны холщовые, брюки темно-серые в клетку, сапоги русские, голенища мягкие»⁷⁰. Еще один интересный для нас документ 1890 г. содержит описание имущества скончавшегося в Гатчинском госпитале толвуйского крестьянина Ивана Карпина. В списке, среди прочего, перечислены: пальто драповое на вате с барашковым воротником, шаровары из нанки, рубашка ситцевая, кальсоны коленкорové, шарф байковый, фуражка суконная, сапоги валяные⁷¹.

Рис. 6. Участники обряда просватанья. Кондабережная. 1926 г. Репродукция. Книжи. НВФ-13421/47. Оригинал: Институт истории материальной культуры РАН

Изучение состава одежды заонежан, живших в Петербурге, позволяет сделать вывод, что город оказывал сильное влияние на крестьянский костюм. Предметами городской повседневной одежды становились пиджаки и жилеты, брюки – все то, что в конце XIX в. постепенно начинало проникать в состав крестьянского праздничного костюма в деревне. Использовались новые материалы: драп – для пошива пальто, ткань модной клетчатой расцветки – для пошива брюк, коленкор – для нижнего мужского белья, байка – для изготовления шарфов. Неизменными для крестьянского костю-

⁷⁰ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 41/1152. Л. 279. (Прошение крестьянки Олонекской губернии Петрозаводского уезда Толвуйской волости д. Воронинский Остров Елены Игнатьевой Зарубиной на имя Санкт-Петербургского градоначальника от 24 мая 1898 г.)

⁷¹ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 31/954. Л. 11,12. (Исполненным бумагам по взысканию за лечение крестьян в больницах денег.)

ма остаются такие традиционные элементы, как рубаха и сапоги. Рубаха в обоих случаях ситцевая, а сапоги в одном случае – кожаные, в другом – валяные. Суконная фуражка в данный период времени была типичным головным убором как для городского, так и для деревенского населения.

Праздничный женский костюм

Образ заонежского девичьего праздничного костюма зафиксирован П. Н. Рыбниковым в описании беседы в селе Шуньга в 1860-е гг.: «Изба полна народа. Сюда собрались не только соседи, но и сошлись и съехались парни и девушки из околных деревень, пожалуй, за 10 и 15 верст. Девушки рас- селись на лавках от печки до лицевого угла и от него до красного окна. Бо- гатые разодеты в красные парчовые и штофные сарафаны, перехвачен- ные у талии поясом из лент, и тон- кие сорочки с польскими (коротень- кими) рукавами. На шее у них пест- рые платки, которые не закрывают жемчужных ожерельев; в ушах боль- шие жемчужные серьги; на голове – поднизь, т.е. сетка из лошадиного волоса, изнасаженного жемчугом, которая как кружево обрамляет лоб и спускается к ушам. Поднизь состо- ит из нескольких кружевных сборов, и чем богаче девушка – тем больше сборов в сетке»⁷².

Рис. 7. Жительницы деревни Петры Анастасия и Анна Трегубовы. 1903–1904 гг. Киж. КП-1665

Как следует из описания, основой праздничного женского костюма были рубаха и сарафан. Дополнением к нему служили душегрея и сетка-поднизь (рис. 7). Праздничные рубахи шились из тонкого материала: фабричного полотна, кисеи, ситца, коленкора. У ворота рубахи собирались на стойку и за- стегивались на пуговицу. Рукава были длиной до локтя, пышными, с оборкой, отделанной кружевом. Моду на польские рукава зафиксиро- вал в своем описании беседы в Шуньге П. Н. Рыбников⁷³. Низ рубахи

⁷² Рыбников П. Н. Беседы и бесёдные песни... С. 122.

⁷³ Там же.

шился из домашнего холста и вышивался красной бумажной нитью. Рукава девичьих рубах крахмалились⁷⁴. Снизу рукава подвязывались лентами с бантами⁷⁵.

Во второй половине XIX в. праздничные сарафаны в Заонежье шились из ситца, шерсти, штофа, атласа, шелка, бархата, а также синего фабричного сукна, известного под названием французского⁷⁶. Сарафан-штофник был излюбленной составляющей костюма невесты (рис. 8). Девушки из бедных семей брали штофники на свадьбу взаймы, например, у соседей⁷⁷. Лямочки сарафанов обшивались шелковыми ленточками или гарусной тесьмой. Подол ситцевого праздничного сарафана обшивался шелковой лентой высотой 4 см, подол штофника – позументом⁷⁸. Сарафаны ситцевые или из тонкой шерсти (гарусные) украшались по подолу оборками (рис. 9). Оборки декорировались кружевами⁷⁹. Под мышкой в некоторых сарафанах пришивался небольшой карманчик для денег⁸⁰. Сарафаны шили к каждому празднику. По свидетельству А. М. Багаевой (1911 г.р.) из деревни Воробьи, на Троицу шили сарафан розовый – с белыми цветочками, на Рождество – темный, бордовый или красный, на Пасху – светлый⁸¹ (белый, голубой)⁸². «В большие вечера⁸³ на беседу девушки одевались в белые сарафаны и красные сорочки»⁸⁴. Белый сарафан и красную сорочку надевали также на Васильев день под Новый год⁸⁵. Цветовая палитра праздничных сарафанов, упомянутых информантами, очень разнообразна. Они были оранжевыми, красными, малиновыми, бордовыми, розовыми, зелеными. Был упомянут голубой сарафан с полумесяцами, бордовый в черную полосочку⁸⁶. Хранили праздничные сарафаны в комодах, чаще в сундуках. Обычно их не стирали: «Не то лика сойдет» (то есть краска полиняет). Шелковые и шерстяные сарафаны проветривали. Ситцевые можно было постирать. Количество сарафанов у одной крестьянской девушки или женщины было разным. По образному выражению одной из информантов «пере-

⁷⁴ Крестьянские мемуары... С. 156; НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2126. Л. 40.

⁷⁵ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1714. Л. 10.

⁷⁶ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. С. 137.

⁷⁷ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1726/2. Л. 34.

⁷⁸ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах... С. 150.

⁷⁹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2144. Л. 23.

⁸⁰ Там же. Ед. хр. 1942. Л. 9.

⁸¹ Там же. Ед. хр. 2144. Л. 22.

⁸² Калашикова Р. Б. Беседные песни Заонежья второй половины XIX в. Петрозаводск, 1999. С. 32а.

⁸³ Вторник, четверг, воскресенье.

⁸⁴ НА КарНЦ РАН. Р. 6. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 48–49.

⁸⁵ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 40.

⁸⁶ НА МК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 120. Л. 14.

надёвка – то была»⁸⁷. В обиходе заонежанки в среднем могло быть от пяти до десяти сарафанов. В семье среднего достатка – до двенадцати, в состоятельной – до двадцати⁸⁸. Сарафаны подразделялись на будничные, воскресные и праздничные.

*Рис. 8. Сарафан штофный.
Хашезеро. Конец XIX в.
Киж. КП-243/13*

*Рис. 9. Сарафан гарусный. Ламбас-
ручей. Конец XIX – начало XX в.
Киж. КП-151/1*

В состав праздничного костюма состоятельной заонежанки обязательно входила душегрея – распашная однобортная одежда на лямках длиной до середины бедра (рис. 10 а,б). Спинка душегреи всегда заложена толстыми складками – «трубами». Заонежские душегреи шились из шелка или парчи с изнанкой из ситца или сатина. На спинке между верхним покрытием и изнанкой прокладывалась вата или льняная кудель. Благодаря прокладке «трубы» хорошо держали форму. Каждая

⁸⁷ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 2192. Л. 16.

⁸⁸ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 74. Л. 11.

«труба» со стороны спинки была прошита на руках и зафиксирована суровой нитью или тесьмой. Дополнительный крепеж по горизонтали выполнялся в три ряда (сверху, по центру и внизу).

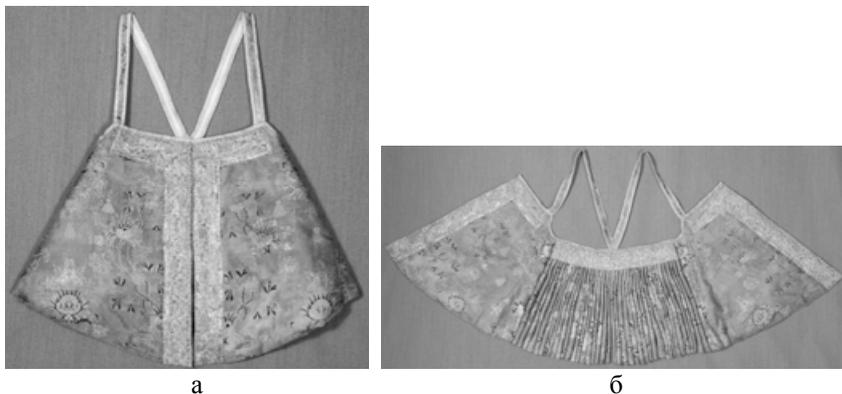

Рис. 10а,б. Душегрея. Паяницы. XIX в. Кижи. КП-243/19

Душегрея и сетка-поднизь были обязательными составляющими костюма богатой невесты. В бедных семьях сетка-поднизь, как и сарафан штофник, бралась взаймы⁸⁹. Надевать сетку на свадьбу девушки продолжали до 1930-х гг. В 1931 г. одна из студенток ЛИИИ записала в своем экспедиционном дневнике: «...почти у всех хранятся дома старинные наряды и ...до сих пор, если невеста венча(ется) в церкви, она одевается в старинный наряд и на голове у нее – жемчужная сетка-трехборка»⁹⁰. После замужества молодая женщина в праздники носила корону вместе с вышитым золотой нитью бархатным повойником. Этот расшитый золотом повойник надевали молодой после венчания в доме мужа во время хваленья – празднования бракосочетания⁹¹. Дополнительными элементами праздничного заонежского костюма были жемчужные серьги и шелковый платок. Знаменитые заонежские серьги-бабочки достигали размера 7 × 8 см и изготавливались из конского волоса, жемчуга и бисера, зафиксированных на латунной основе. Шелковый или атласный платок накидывали на плечи, заправляя концы за грудину сарафана. «Под штофник полагался плат атласный на шее»⁹². Платки были разные: «атласные... да гарусные, да шелковые...

⁸⁹ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 1726/2. Л. 35.

⁹⁰ НА КарНЦ РАН. Р. 6. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 76. (Дневник Котляровой Н.)

⁹¹ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья... С. 239.

⁹² НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1726/2. Л. 34.

все с бахромой да кистями»⁹³. Когда ездили на санях в праздник, тоже накидывали на плечи платок: «Платок атлазный. Большие такие, большущие были платки»⁹⁴. Мода на большие узорные платки и шали пришла из Франции в начале XIX в. Сначала она распространилась в дворянских кругах, а к середине века пришла в купеческую и крестьянскую среду. Не обошла она и заонежских крестьянок. К дополнениям праздничного костюма относились кольца, браслеты, «бусы кругом шеи»⁹⁵, «досюльные жемчужные нити»⁹⁶. С платьем-«парочкой» (юбка, кофта или казачок) состоятельные крестьянки носили длинные золотые цепи и золотые браслеты также в виде цепи (рис. 11).

Еще одним украшением праздничного костюма было убранство косы. «Ленту у основания косы завязывали, делали бант»⁹⁷. Ленты были разных

Рис. 11. Марфа Юшманова и Евдокия Сергина. 1910-е гг. Репродукция. НВФ-13696

цветов: «бурые, розовые, зеленые, голубые, всякие...»⁹⁸. Ленты вплетали в косу и оставляли свободно висящими длинные концы. Особо длинными и широкими были ленты, которые привязывали к косоплетке в косе невесты: «Внизу... почти до полу сворачиваются... у иной две, у иной три... широкие разноцветные. Пока невестой, всё в них ходит»⁹⁹.

На рубеже XIX и XX в. по всей территории России распространилась «парочка» – комплекс из юбки и казачка, сшитых из однотонной ткани фабричного производства (рис. 12). Казачок – легкая женская кофта на подкладке (рис. 13 а,б). Шилась приталенной, распашной, со стоячим воротником, с длинными рукавами, пышными у плеча и узкими от локтя до запястья. Спинка кроилась из трех – шести зауженных

⁹³ НА МК. Оп. 4. Ед. хр. 120 Л. 14.

⁹⁴ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 1926. Л. 20.

⁹⁵ Исполнители фольклорных произведений... С. 285.

⁹⁶ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2125. Л. 35.

⁹⁷ Там же. Ед. хр. 1926. Л. 20.

⁹⁸ Там же. Ед. хр. 2125. Л. 37.

⁹⁹ Там же. Ед. хр. 1726/2. Л. 23.

к талии кусков ткани. Пола – из одного прямого полотнища с выточками¹⁰⁰. Зачастую подолой – внутренний корсет на пуговицах, подчеркивавший грудь и талию. По нижнему краю пришивался широкий волан. Застегивался казачок на пуговицы или внутренние крючки. Передняя часть казачка украшалась заплатами, кружевами, гипюровыми вставками. Описание казачка неоднократно встречается у информантов: «Сзади уборочку ... делали с поджимом ... втугую, гипюром да кружевами обделывали – очень красиво. Рукав длинный, тут с пышечкой...». По краю «кружавчики пришивали»¹⁰¹. «У мамы было три казачка. Прислали из Питера, уже сшито было. Материал толстый шерстяной, коричневый... спереди шелком... бугорочки такие на рукавчики сделаны»¹⁰². Яркое описание казачка находим у жительницы деревни Обельщина: «У мамы... казачок был такой красивый. Весь кружевами... яркой зелени, переливающийся, "шумящий". Шерстяной был еще... тисненый рисуночек... все одного цвета. (И еще. – Л. Т.) казачок зеленый цвет, сочный. Это была шерсть, гарус назывался. Кружева были крученые, такие крепкие кремовые»¹⁰³.

На беседы в 30-е гг. XX в. еще ходили в сарафанах, но чаще носили платья и кофты с юбками (рис. 14). В это время существовала мода на «уговор» – в каком наряде пойти на беседу, когда все участницы надевали, например, сорочки и белые сарафаны или казачки с юбками¹⁰⁴. Бытовала мода и на обмен одеждой¹⁰⁵.

Рис. 12. Женщины в сарафане и платье-«парочке». 1926 г. Репродукция. Кизи. НВФ-13421/10. Оригинал: Институт истории материальной культуры РАН

¹⁰⁰ Русский традиционный костюм... С. 26.

¹⁰¹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1714/1. Л. 8.

¹⁰² Там же. Ед. хр. 2118. Л. 14.

¹⁰³ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 96. Л. 23.

¹⁰⁴ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1932. Л. 7.

¹⁰⁵ Там же. Ед. хр. 1941. Л. 24.

Рис. 13 а, б. Казачок. Шлямино. Конец XIX – начало XX в. Киж. КП-9/16

Рис. 14. Шуньга. Группа танцующих. 1926 г. Репродукция. Киж. НВФ-13421/22. Оригинал: Институт истории материальной культуры РАН

Сарафаны надевали на церковные праздники. На Пасху, Рождество, Троицу, праздник Казанской Божьей матери. В церковь ходили в праздничной одежде. «На службе пожилые женщины в широких пестрых сарафанах и шёлковых платках»¹⁰⁶. Платки «красивые были... расцветок разных. Большие. И шерстяные, и шёлковые, атлазные, всякие...»¹⁰⁷. Жительница

¹⁰⁶ НА КарНЦ РАН. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 73. (Дневник Ольги Ионовой.)

¹⁰⁷ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр.2118. Л. 9.

деревни Жарниково Е. И. Жарникова вспоминала, как ходила в церковь ее бабушка: «В коричневой атласной юбке, с посохом»¹⁰⁸. Мама О. И. Куделиной из Дудниково тоже надевала в церковь шерстяную юбку. Мужчины стояли в церкви в лучших брюках, рубахах-косоворотках, пиджаках, сапогах. В зимнее время женщины ходили на службу в праздничной верхней одежде: чаще всего в плюшевых жакетках¹⁰⁹. Вот как вспоминала праздник Преображения в Кижской церкви 19 августа 1931 г. одна из студенток ЛИИИ: «В церкви больше было женщин, одетых в пестрые костюмы, длинные юбки, короткие кофты с длинным рукавом, цветные головные платки, подвязанные спереди. У девушек в косах – ленты»¹¹⁰.

Женской праздничной обувью были ботинки, которые могли быть разными: низкими или высокими до колена со шнуровкой¹¹¹, иногда покупными, иногда самосшитыми¹¹². Ботинки домашнего шитья были грубоватыми, покупные – поизящней. «Ботинки были на пуговичках. Шавровые... кремовые такие красивые. Как (родители. – Л. Т.) уйдут, я открою сундук и... нахожусь досыта»¹¹³. Домашнего шитья могли быть и туфли, каблуки которых в 1930-е гг. делали из катушек из-под ниток¹¹⁴.

Когда молодые девушки собирались в гости в другую деревню, все свои наряды они завязывали в тукач – квадратной формы платок, выплетенный из холста, вытканного в технике многоремизного ткачества¹¹⁵.

Верхней праздничной одеждой заонежанок в теплое время года был шугай, который шился из шелка, реже из сатина или ситца. Приведем описание шугая, который носила восьмидесятилетняя жительница деревни Леликово в 1931 г.: «Шугай – кофта. Носили её в молодости 65 лет назад (то есть в 1864 г. – Л. Т.). Шьется она из сатина, из ситца, у кого какие материалы имеются. Сзади в сборку... пониже плеча. А спереди пуговицы и пояс шёлковый»¹¹⁶. Шугай представлял собой распашную однобортную одежду с длинными рукавами, с цельными передними полами и спиной, отрезной по талии или в области лопаток, с круглым воротником¹¹⁷. Шился длиной до середины бедра.

¹⁰⁸ Там же. Ед. хр. 2246. Л. 5.

¹⁰⁹ Там же. Ед. хр. 1948. Л. 8.

¹¹⁰ НА КарНЦ РАН. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 62. (Дневник Перовкиной М.)

¹¹¹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2167. Л. 24; НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2192. Л. 6.

¹¹² Там же. Ед. хр. 1944. Л. 26.

¹¹³ Там же. Ед. хр. 2150. Л. 8.

¹¹⁴ Там же. Л. 8.

¹¹⁵ Там же. Ед. хр. 2192. Л. 4,5.

¹¹⁶ НА КарНЦ РАН. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 72. (Дневник Лорви С. А.)

¹¹⁷ РНБ. Отдел эстампов. 3-К 222/1. Ал этн 63. (Круковский М. А. Виды и типы Олонекской губернии. Этнографическая экскурсия. 1899.) Русский традиционный костюм... С. 376.

Второй разновидностью верхней одежды был сак – пальто с прямой или расширенной спинкой, крытое материей, чаще всего сукном. Сак вошел в моду в 1840–1850-е гг. и был в употреблении до первой четверти XX в. Шился из сукна или драпа. Существовали и зимние варианты сака: на меху или на вате¹¹⁸. Жительница деревни Шабановская близ Толвуи М. П. Степанова (1927–2015) вспоминала: «У мамы был сак – верхняя одежда. Рукав с пышками, узкий в кисти»¹¹⁹. На рубеже веков женщины носили пальто приталенного покроя со встречными складкамизади, с рукавами, приспособленными у плеча, длиной до колена. Женщин в таких пальто запечатлел М. А. Круковский на палубе парохода «Геркулес», курсировавшего между Петрозаводском и Заонежьем в 1899 г. Бытование таких «праздничных длинных пальто» подтвердила информант из деревни Яндомозеро¹²⁰. Еще одной разновидностью праздничной одежды заонежанок была шубка. У зажиточных она шилась из лисьих, у менее состоятельных – из заячьих шкурок, крытых сукном. По внешнему виду она напоминала шугай с удлинненным до колен подолом. Края рукавов и подола имели меховую опушку. Воротник шубки был из куньего или лисьего меха. Застегивалась шубка на крючки или завязывалась внутри на тесемочки¹²¹.

Крестьянский праздничный женский костюм Заонежья вплоть до 30-х гг. XX в. продолжал оставаться традиционным, но под влиянием городской культуры претерпел некоторые изменения, сказавшиеся в изменении кроя и замене традиционных тканей на фабричные.

Мужская праздничная одежда

Мужской праздничный костюм Заонежья второй половины XIX в. описал П. Н. Рыбников. По его свидетельству, в 1860-е гг. для шитья праздничных рубах предпочитался розовый ситец. Ворот-стойка у рубахи косоворотки не застегивался на пуговицу, а завязывался ленточками. Порты шились из плиса – хлопчатобумажного бархата. К праздничному костюму полагался жилет¹²². Рубахи подпоясывались поясами в палец шириной с кистями, завязывались с левой стороны. Пояса бытовали в костюме заонежанина до начала XX столетия. Некоторые имели текстовой орнамент и были именными. Они «специально ткались где-то в Питере... (например. – Л. Т.) Ивана Ивановича – сына такого-то. А кисточки

¹¹⁸ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2246.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Ед. хр. 1134. Л. 33.

¹²¹ Логинов К. К. Материальная культура... С. 111.

¹²² Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах... С.150.

обычно шелковые плетеные»¹²³. Информант вспоминала, что у ее отца «...пояс был... досюльный... ни с буквами ли хоть... Порядочной (длины. – Л. Т.)... Концы с кистями. С палец толщиной. Нитки шелковые»¹²⁴. Иногда подобные пояса изготавливались скрытницами-старообрядками, жившими в Заонежье вплоть до конца 1930-х гг. «У нас бывало как скрытники были, дак ткали пояса... У них ставины (были. – Л. Т.) небольшие. Четыре старушки жили до 1937–1938-х гг.»¹²⁵. Речь идет о заонежском селе Шуньга. Относительно ношения в праздник шейных платков мнения информантов расходятся.

Верхней праздничной одеждой в 1860-е–1870-е гг. была поддевка, которая шилась обычно из казинета – шерстяной или полушерстяной ткани саржевого переплетения или из черного фабричного сукна. По талии поддевка была отрезной со сборками на спине, имела длину до колена, длинный рукав и отложной воротник¹²⁶. В среде старообрядцев бытовал длинный отрезной по талии кафтан – азам, который шился из сукна черного, темно-серого или темно-синего цвета. Как разновидность одежды азам известен с XVI в. Интересно привести описание костюма И. Т. Рябина, вернувшегося в 1902 г. в Петрозаводск из Петербурга, где он выступал в зале Русского географического общества перед интеллигенцией Петербурга и перед императорской семьей в Малахитовом зале Зимнего дворца: «Костюм старика поражал своим набором: крестьянский азам из темно-синего сукна и высокие сапоги до колена, а на голове шляпа котелком, в одной руке шелковый зонтик, в другой небольшой саквояж изящной работы»¹²⁷. Не следует забывать, что И. Т. Рябинин – пожилой человек (ему 62 года), старообрядец, а потому в своей одежде придерживается старых традиций. Молодое поколение заонежан, начиная с 1890-х г., носит новую модную разновидность верхней одежды – пиджак. Хотя влияние столичной культуры ощущалось еще в 60-е гг. XIX в. в одежде бурлаков, то есть тех, кто ходил на заработки в Петербург. На беседах в родной деревне Шуньге они поражали воображение девушек длинными сюртуками и пальто «пальмерстон»¹²⁸. К праздничной зимней верхней одежде на протяжении всей второй половины XIX в. относился тулуп, который шился из овчины и покрывался сукном, казинетом или нанкой – недорогими хлопчатобумажными тканями, производившимися русскими фабриками.

¹²³ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1932. Л. 8.

¹²⁴ Там же. Ед. хр. 1725/2. Л. 23.

¹²⁵ Там же. Л. 24.

¹²⁶ Русский традиционный костюм... С. 227.

¹²⁷ Исполнители фольклорных произведений... С. 180.

¹²⁸ Беседы и беседные песни... С. 122.

Мужской праздничный крестьянский костюм конца XIX – начала XX в. состоял из рубахи-косоворотки, суконных портов и сапог. В конце XIX в. начинают носить штаны, сшитые «по-брючному»; среди зажиточных крестьян получает распространение костюм, состоящий из широких плисовых шаровар, заправленных в сапоги, и рубахи, подпоясанной шелковым поясом. Рубахи шились из ситца разных расцветок: черного, синего, красного, розового, белого, в клетку, в полоску, в горошек. Верхней одеждой у пожилых была поддёвка, у молодых – пиджак. Дополнениями к костюму могли быть: жилет, шейный платок, головной убор (шляпа или картуз), трость, карманные часы, перстень, шелковый карманный платок. Еще одним новшеством, пришедшим из города, был кожаный ремень.

Рис. 15. Иван Лазаревич Сергин. 1900-1910-е гг. Кизи. КП-4704/1

Рис. 16. Сергей Лазаревич и Дмитрий Лазаревич Сергины. Конец 1880-х гг. Репродукция. Кизи. НВФ-13695

Состоятельные крестьяне носили костюмы «тройка» (рис. 15); жившие в Петербурге одевались по столичной моде (рис. 16). В деревне сапоги к празднику всегда надевали черные из хромовой кожи. В будни заонежане носили сапоги «из белой кожи, которая по уверению местных жителей никогда не промокает, а черную кожу хаот и никого не

увидишь в сапогах черного товара до праздника, когда без него не обойдешься без того, чтобы похазить»¹²⁹. Мужчины-заонежане были щеголеваты и любили приодеться к празднику. По меткому замечанию путешественника В. Майнова, заонежанин «мужик готов не есть, лишь бы сколотить деньгу на обнову». Щегольство заонежан 1870-х гг. Майнов подразделяет на три типа: «Хазь – ... человек, что щеголяет вообще новизною и добротностью костюма; ложило – тот, который на добротность внимания не обращает, лишь бы все было с иголочки, да подороже, и, наконец, фабольник – тот, кто щеголяет уже скверно, по-бабьему, так что ленточку лишнюю вденет, волосы промаслит, словно телок, что корова облизала, не прочь, пожалуй, и духов на гривенничек прикупить в Петрозаводске, чтобы от себя “запах пущать” на погибель сердец красивых заонежанок»¹³⁰.

П. Н. Рыбников также отмечает у заонежан удивительную страсть к нарядам. Причем для заонежанина важно, чтобы наряд был обязательно покупным¹³¹. «Иногда встретишь такого щеголя, – пишет Рыбников, – что решительно нельзя определить, какого цвета и свойства его поддевка, потому что и новая-то она была собрана из разных лоскутьев, а потом, от времени и непредвиденных обстоятельств, покрылась многочисленными заплатками, наподобие медных пятакв прежней чеканки. Но несмотря на то, по понятию заонежанина, одеть в праздничный день и такую одежду гораздо приличнее, чем, хотя бы совершенно новый серый кафтан, потому что она, как ни худо, все-таки вышла из лавки»¹³².

Заключение

Заонежье – один из тех районов Олонецкой губернии, где было сильно развито отходничество в Петербург, в силу чего мужской костюм на рубеже XIX–XX вв. испытал на себе сильное влияние столичной культуры. Еще в 1860-е гг. отходники приезжали к себе на родину в диковинных нарядах вроде «сюртуков» и пальто «пальмерстон». У заонежан, проживавших в Петербурге, повседневной одеждой в конце XIX – начале XX в. становится костюм «тройка»: брюки, жилет и пиджак или его комбинация (пиджак, жилет). Между тем и в заонежских деревнях уже с 90-х гг. XIX столетия на праздники крестьяне начинают носить порты, сшитые «по-брючному», пиджаки и подпоясывать рубахи кожаными ремнями. В этот период среди деревенских щеголей появляется мода на плисовые шаровары, которые носят в праздники вместе с руба-

¹²⁹ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. С. 137. Похазить – пофорсить.

¹³⁰ Там же. С. 137–138.

¹³¹ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах ... С. 149.

¹³² Там же.

хой, опоясанной шелковым поясом. И все же будничная одежда заонежан остается традиционной и в основном шьется из тканей домашнего производства. Мужской повседневный костюм почти ничем не отличается от костюма Пудожья или северной полосы России: рубаха, порты, пояс. Повседневной демисезонной одеждой был кафтан, рабочей – балахон. Зимняя одежда состояла из овчинных шуб и полушубков.

Женский повседневный костюм заонежанки включал рубаху, сарафан и передник. В 1860-е гг. еще бытовали сарафаны кубовой окраски и сарафаны-набивальники, а верх рубахи шился из домашнего холста. С развитием текстильного производства в России фабричные ткани начали вытеснять домашние. Верхнюю часть женских рубах, сарафаны, мужские рубахи стали шить из ситца, сатина или коленкора. В целом женский костюм продолжал сохранять традиционную форму, хотя новшества городской моды не обошли его стороной: появился рукав до локтя и платье-«парочка», состоявшее из юбки и казачка. В крое казачка и в наличии у него потайного корсета отразилось желание городской моды отметить достоинства женской фигуры. Стремление буржуазной моды 70–80-х гг. XIX в. подчеркнуть формы земной женской красоты было диаметрально противоположно идее, заложенной в образе древнерусского костюма, хранителем традиций которого и являлся женский праздничный костюм Заонежья. Древнерусский костюм своими истоками восходит к Византии. По канонам византийской эстетики материальное начало вторично относительно начала духовного. Противопоставление высшего («горнего») земному нашло свое отражение в византийской архитектуре, иконописании, а также в отдельных формах бытовой культуры, в частности в женском костюме. Одежда была призвана скрывать земные греховные формы женской фигуры. Этот отголосок византийского наследия можно проследить в русском женском национальном костюме вплоть до XVII в. На Русском Севере с его консервативным укладом жизни древнерусские традиции сохранялись до первой трети XX столетия. Определенное влияние на традиционный женский крестьянский костюм оказали эстетические представления крестьян об идеале женской красоты. Красивой считалась женщина крепкого телосложения, здоровая, способная к тяжелому физическому труду. И традиционный женский костюм полностью отвечал этому эстетическому образу, начиная от свободного покроя одежды и заканчивая отдельными деталями вроде обилия складок на спинке сарафана, придававшими женской фигуре особую репрезентативность и значительность¹³³. Таким образом, женский заонежский традиционный кос-

¹³³ Трифонова Л. В. Традиционный праздничный крестьянский костюм... С. 250.

твом сохранил в своем облике эстетический образ женщины Древней Руси и черты, присущие боярскому костюму XVII в., а через платье «парочку» приобщился к новой буржуазной культуре второй половины XIX в. Мужской же праздничный костюм сохранил только основу древнерусского костюма – порты и рубаху, в остальном же он полностью приобрел черты, характерные для мещанской городской культуры второй половины XIX–начала XX в.¹³⁴

¹³⁴ Там же. С. 251.

И. И. Набокова

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ПУДОЖСКОГО СКАЗИТЕЛЯ А. Е. ЧУКОВА

Абрам Евтифеевич Чуков (Чуккоев) по прозвищу Бутылка (1817–1891), крестьянин д. Горка Пудожгорской волости Повенецкого уезда, был одним из первых сказителей Олонецкой губернии, кто обратил на себя внимание исследователей эпической поэзии.

На протяжении 1850–1870 гг. от А. Е. Чукова было записано 28 текстов былин, баллад и исторических песен. П. Н. Рыбников опубликовал 15 текстов¹ его старин: «Женитьба князя Владимира», «Илья Муромец и Идолище поганое», «Бой Добрыни с змеищем Горыничием, встреча с Настасьей Никуличной и женитьба на ней», «Добрыня в отъезде. Алеша Попович», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Михайло Потык сын Иванович», «О молодом боярине Дюке Степановиче», «Ставр Годинович и Василиса Микулична», «Старина о Грозном царе Иване Васильевиче», «Земский собор», «О Настасье, королевичне политовской», «Царь Саламан и купец темный», «Нерасказанный сон», «О царстве Подсолнечном, царе Иване Васильевиче и царевиче Федоре Ивановиче», «Девять братьев и сестра»². А. Ф. Гильфердинг записал от Чукова 8 эпических текстов: «Добрыня и змей», «Добрыня и Алеша Попович», «Михайла Потык», «Ставер», «Дюк Степанович», «Грозный царь Иван Васильевич», «Земский собор», «Молодец и королева»³. По мнению исследователей, Абрам Евтифеевич был выдающимся исполнителем русского героического эпоса, эталоном сказителя-передатчика, бережно сохраняющего усвоенные эпические тексты.

¹ Четыре текста имеют варианты повторных записей: «Бой Добрыни с змеищем Горыничием», «Михайло Потык сын Иванович», «Земский собор», «О Настасье, королевичне политовской».

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. Б. Н. Путилова. Былины. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 193–291.

³ Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. С. 744–794.

Есть веские основания предполагать, что первые записи были от Чукова были сделаны еще в 1850 г. Принадлежали они Александру Пантелеймоновичу Баласогло, который в 1850–1851 гг. служил в Олонецком губернском правлении, где занимался сбором статистических и этнографических сведений в уездах⁴. В 1850 г. он совершил трехмесячную поездку по губернии, из которой привез обширный фольклорный, этнографический и статистический материал⁵. Во время поездки А. П. Баласогло посетил в том числе и д. Горка, где в то время проживала семья А. Е. Чукова, провел в деревне несколько дней, принял участие в крестьянской свадьбе. В это время он имел возможность сделать записи от сказителя. По-видимому, его записи, сохранившиеся в архиве ведомства, и привлекли внимание П. Н. Рыбникова, пришедшего на ту же должность спустя девять лет, в 1859 г. Собиратель сообщал в «Заметке собирателя»: «В том же году мне самому довелось прочесть в рукописи несколько старин, записанных (как я узнал впоследствии) со слов крестьянского портного Бутылки»⁶.

Чувствуя замечательный потенциал сказителя, молодой собиратель искал встречи с А. Е. Чуковым, но в течение трех лет его старания были безуспешны. «Три раза... – писал Рыбников, – я преследовал Бутылку: два раза из-за него мне приходилось в лютую зиму переезжать через Онего по льду, а летом 1860 г. переплывать в дрянной лодчонке озеро из Кижей до Пудожгорского погоста, и все понапрасну. Уже в 1863 г. я успел познакомиться с ним и со слов его исправить то, что от него же было записано прежде другими лицами»⁷. Уделяя внимание записи былин, П. Н. Рыбников фиксировал и некоторые биографические данные о сказителе: «Мне остается сказать несколько слов о Бутылке, настоящее имя которого Абрам Евтифеев (Евтихийев) Чукоев. <...> У него есть хороший участок земли в дер. Горка Пудожского погоста и все хозяйственное обзаведение, но он больше промышляет портняжеством, и по этому ремеслу всю почти зиму обходит заонежские деревни. Петь он выучился от отца своего, который был великим сказителем»⁸.

⁴ А. П. Баласогло был сослан в Олонецкую губернию за связь с петрашевцами. (См.: Пашков А. М. Фольклорная и этнографическая деятельность петрашевца А. П. Баласогло в петрозаводской ссылке // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2010. № 5 (110). С. 11.)

⁵ Базанов В. Поэзия русского Севера. Петрозаводск, 1981. С. 36.

⁶ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: Т. 1. С. 48.

⁷ Там же. С. 50–51.

⁸ Там же. С. 70.

А. Ф. Гильфердинг встретился с А. Е. Чуковым и начал записывать от него былины в первые дни приезда в г. Петрозаводск, в июне 1871 г.⁹ «Старик оказался в гостях у сына, и уже в самый день моего приезда я имел удовольствие услышать его прекрасные былины. Мы с ним сошлись так, что он охотно согласился сопровождать меня по всему Занонежью и до самого Каргополя и был мне весьма полезен»¹⁰. Постепенно сложилась удивительная дружба сказителя и собирателя. Благодаря активной помощи Абрама Евтифеева Гильфердингу удалось записать более 70 исполнителей. «Я старался останавливаться в таких селениях, где можно было рассчитывать наверно услышать былины; а пока я их там записывал, Абрам Евтихийев, бывало, пойдет по окрестности, иногда далеко, верст за 40 и даже за 50, “доставать сказителей”, как он выражался; удостоверенные им, что они будут вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщать свои былины»¹¹. Во время общения со сказителем Гильфердинг пришел к мысли о необходимости и важности повторной записи текстов, он обратил внимание на расхождение подлинных текстов в живом исполнении от исполнителя и текстов, напечатанных в сборнике Рыбникова.

Свои впечатления о посещении Олонецкого края и встрече с былинными сказителями Александр Федорович описал в статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», которая была впервые опубликована в мартовском выпуске журнала «Вестник Европы» за 1872 г. (с. 83–140). В этом очерке Гильфердинг привел рассказ Абрама Евтифеева, раскрывающий детали его биографии: «...батюшка мой был не тутошний, он родом из Киж, с Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мне уже было лет 20; оттого я и пою былины как кижане, а не как здешние»¹². Уточненная биографическая справка о сказителе А. Е. Чукове была составлена А. Ф. Гильфердингом позже, при подготовке сборника эпических текстов «Онежские былины»: «Чуков Абрам Евтихийев, по прозванию Бутылка, крестьянин д. Горка, Пудожгорской волости, Повенецкого уезда, 59-ти лет [на 1871 г. – И. Н.]. Заимствовал былины от отца, который был мастер петь и знал очень много “старин”. Отец родился и провел молодость на Космозере, в Кижском крае; оттого, по свидетельству самого Абрама, он поет былины так, как кижане, а не так, как их поют другие сказители на

⁹ Первые былины, записанные А. Ф. Гильфердингом в Олонецкой губернии, были исполнены А. Е. Чуковым («Добрыня и Алеша Попович» и «Михайло Потык»). См.: Дневник путешествия А. Ф. Гильфердинга // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. С. V.

¹⁰ Там же. С. XV.

¹¹ Там же.

¹² Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб.: Тип. Император. Акад.наук, 1873. С. XV, XXIX.

Пудожской Горе. Впоследствии отец переселился в Кузаранду, а оттуда уже, лет сорок тому, на Пудожскую Горку. Абрам Евтихийев в молодости выучился портняжному мастерству и до сих пор ежегодно проводит осень и зиму, странствуя по деревням, чтобы шить крестьянам платье; преимущественно бывает в Кижском Заонежье; за работой он обыкновенно распевает свои старины. Он, впрочем, ведет и крестьянское хозяйство, довольно порядочное, служил обществу в качестве сборщика податей»¹³.

Собиратели не раз отмечали близость текстов Чукова с вариантами былин, записанных от космозерских сказителей. В ходе исследования предстояло ответить на вопрос, в какой мере семейство Чуковых действительно было связано с Заонежьем и Космозерским кустом деревень.

Дальнейшие генеалогические изыскания позволили ввести в научный оборот сведения, дополняющие и уточняющие биографию сказителя. Самые ранние документальные свидетельства о семье А. Е. Чукова, найденные в Национальном архиве РК, относятся к 1780-м гг. Материалы ревизий податного населения Олонецкой губернии, начиная с 1782 г., свидетельствуют, что предки сказителя проживали в Пудожгорской волости. В Национальном архиве хранятся материалы 7 ревизий, в том числе и переписи крестьян, проживавших в д. Горка Повенецкого уезда (4-я – 1782 г., 5-я – 1795 г., 6-я – 1811 г., 7-я – 1815 г., 8-я – 1833 г., 9-я – 1850 г., 10-я – 1857 г.)¹⁴. В материалах всех ревизий имеются упоминания о представителях рода Чуковых¹⁵.

Местечко Пудожская Гора, где проживал А. Е. Чуков, располагалось в Повенецком уезде в двух верстах от восточного берега Онежского озера, напротив заонежской деревни Кузаранда. На протяжении конца XVIII – середины XIX в. крестьяне д. Горка были приписаны к экономическому ведомству, то есть в прошлом причислялись к монастырским крестьянам Муромского монастыря. На 1890 г. это селение входило в состав Римской волости, насчитывавшей 9 деревень. По свидетельству путешественников, посещавших эти места в 1880-е г., пудожгоры жили «если и не в большом

¹³ Там же.

¹⁴ В течение XVIII – первой половины XIX в. судьба всей Олонецкой губернии, состав и границы уездов несколько раз менялись, менялась административная принадлежность волостей и селений. В 1780–1830-е гг. д. Горка входила в состав Пудожгорской волости Челмужского погоста, в 1840–1860-е она относилась к Даниловской волости Николаевско-Ладожского сельского общества, во второй половине XIX в. деревня вошла в состав образованной Римской волости Пудожского уезда.

¹⁵ Ревизская сказка за 1782 г. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 8/52. Л. 149 об.–150; Ревизская сказка за 1795 г. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 22/217. Л. 73 об.; Ревизская сказка за 1816. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 47/445. Л. 12 об.; Ревизская сказка за 1811 г. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 28/263. Л. 17; Ревизская сказка за 1834. НА РК. Ф. 4. Оп. 46. Ед. хр. 4/48. Л. 48 об.–49 об.; Ревизская сказка за 1850. НА РК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 21/176. Л. 62 об. 63; Ревизская сказка за 1858. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 78/767. Л. 88–88 об.

достатке, зато и бедности большой у них нет... улицы в деревнях, хотя и не прямые, но достаточно широкие и сухие; домики, хотя большею частью и старые, но высмотрят бодро, крыты везде тесом, покривившихся и полуразвалившихся между ними нет, а напротив есть несколько домов двухэтажных, новых, с раскрашенными “подзорами” и балкончиками»¹⁶. Благополучие пудожгорцев опиралось на земледелие и промыслы. Крестьянские наделы составляли по 15 десятин на душу, но почвы быстро истощались, и хлеба своего не хватало. Выручали жителей Пудожской Горы отхожие промыслы. Чаще всего уходили работать по найму плотники, пильщики, столяры, маляры, сапожники, бондари-«бочары», кожевники, скорняки-«овчинники», красильщики, кузнецы и коновалы. Особенно много в селекции было портных. «Около Рождества портные, обыкновенно, приходят домой, во-первых “чтобы дом заповедать”, как говорят они, и, во-вторых, чтобы уплатить подати. После праздников некоторые уходят снова, другие же (малосемейные) остаются дома, для занятия хозяйством. Главными пунктами для заработка пудожгорских портных служат уезды – Повенецкий, Петрозаводский (Заонежье) и Пудожский; но многие уходят также и в Архангельскую губернию и даже в Поморье. Сколько-нибудь порядочный портной до Рождества успевает заработать от 30 до 40 руб., а хорошие мастера и больше». Не менее важными статьями дохода пудожгорцев были охота на пушного зверя, птицу и рыболовство¹⁷.

Дед Аврама Евтифеева Чукова Ефим Иванов (ок. 1735–1789), в 1780-е г. проживал вместе с супругой Параскевой Емельяновой (ок. 1733–1787), в д. Горка (вар. Пудожская Гора, Пудожгорская) Пудожгорского прихода Повенецкого уезда¹⁸. Здесь же проживали с семьями его братьев (двоюродные братья) Ипат (ок. 1739–1791), Аким (ок. 1742 г.р.) и Иван Антоновы (ок. 1741 г.р.)¹⁹.

Отца знаменитого сказителя звали Евтифей (вар. Ефтифей, Евстифей) Ефимов (ок. 1768 г.р.). Он проживал в той же деревне и после смерти родителей в конце XVIII в. перешел на жительство в семейство дяди Ивана Антонова²⁰. Супругу он привез из заонежского селения: «жена его Катерина Петрова взята Фоймогубской волости деревни Карасозера у государственного крестьянина Петра Прохорова»²¹.

¹⁶ N. Этнографические заметки. Пудожская гора, в Повенецком уезде // ОГВ. 1888. № 47. С. 436.

¹⁷ Там же. С. 444–445.

¹⁸ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 22/217. Л. 73 об. (Ревизская сказка Повенецкого уезда Челмужского погоста Пудожгорской волости д. Горки за 1795 г.)

¹⁹ Там же. Л. 72.

²⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 26/406. Л. 572. (Исповедальные ведомости Новгородской епархии Вытегорского уезда Пудожгорского прихода за 1802 г.)

²¹ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 22/217. Л. 73 об. (Ревизская сказка Повенецкого уезда Челмужского погоста Пудожгорской волости д. Горки за 1795 г.).

По словам А. Е. Чукова, отец его родился в Заонежье и лишь обзаведясь семейством, переехал на Пудожский берег. Между тем в отчетах переписи населения за 1795 г., исповедальных ведомостях и других архивных документах того времени мы не находим подтверждений слов сказителя²². Тем не менее с Заонежским берегом семью связывали многочисленные родственные связи: две тетки Евтифея Ефимова были взяты из семей государственных крестьян Толвуйской и Кузарандской волостей²³. В начале 1790-х гг. в Кузарандскую волость в д. Шиловская был переписан семилетний двоюродный брат Евтифея Ефимова Павел²⁴.

В семье родителей А. Е. Чукова по документам рождено было шесть детей: пять мальчиков и одна девочка²⁵. Семья на протяжении первой половины XIX в. жила большим нераздельным хозяйством. До 1836 г. возглавлялась она отцом семейства Евтифеем Ефимовым, позже большаком семьи стал старший из детей Федор Евтифеев (1801 г.р.). По-видимому, наследовали фамилию Чуковы все сыновья Евтифея Ефимова, но документально фиксируется она лишь у внуков²⁶.

Абрам (вар. Аврам) Евтифеев был младшим в семье. Родился он в конце 1817 г. Дата его рождения установлена по данным ревизской сказки за 1834 г., где было указано, что ребенок *новорожденный*, то есть не был внесен в документы предыдущей ревизии 1816 г. На момент проведения переписи 1834 г. Абраму было полных 17 лет²⁷. К со-

²² Следует отметить, что полученные архивные данные о семье Чукова не вполне согласуются с биографическими материалами об А. Чукове, опубликованными А. Ф. Гильфердингом. В частности, собиратель, со слов самого сказителя, сообщает, что отец А. Чукова, Евтифей Ефимов, родился и провел молодость на Космозере в Заонежье, откуда перебрался в Пудожскую Гору, причем Абраму тогда было «лет двадцать». Таким образом, переезд должен был состояться в первой половине 1830-х гг. Однако ревизские сказки свидетельствуют, что семья деда А. Чукова Ефима Иванова постоянно проживает в Пудожской Горе гораздо раньше – с 1780-х гг. В документах по селу Космозеро, сведений о семье А. Чукова мы не нашли. Очевидно, что история переезда семьи Чукова из Космозера в Пудожскую Гору нуждается в дополнительном изучении.

²³ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 22/217. Л. 72–73 об.

²⁴ Там же. Л. 72.

²⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 19. Д. 26/406. Л. 572; Ф. 4. Оп. 18. Д. 28/263. Л. 17; Д. 47/445. Л. 12 об.; Оп. 46. Д. 4/48. Л. 48 об.–49.

²⁶ Константин Абрамов Чуков, Кирилл Абрамов Чуков (см: НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 299, запись от 05.02.1875); Трофим Федоров Чуков (см: НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 635, запись от 28.07.1891); Николай Кириллов Чуков (см: НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 548, запись от 26.04.1909). Фамилия могла произойти от родового прозвания брат–*šukko* в диалекте карельского языка Вадлайского р-на Новгородской области и принадлежать выходцу из этих мест. См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск, 2007. С. 291.

²⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 46. Д. 4/48. Л. 48 об.–49. (Ревизская сказка Повенецкого уезда Олонечкой губернии Николаевско-Ладожской вотчины Пудожгорской волости, д. Горки за 1834). Православные именины Авраама: 9 (22) октября – день памяти праведного Авраама праотца и племянника его Лота.

жалению, пока не удалось уточнить дату рождения по записям о крещении. Метрические книги Пудожгорской волости за 1816 г. в Национальном архиве Республики Карелия отсутствуют, а записи 1817 г. разрозненны и неполны. Возможно, это связано с пожаром, уничтожившим местный храм в 1819 г.²⁸

В 1850 г. в доме Чуковых в д. Горка проживали семья трех братьев: Федора, Петра и Абрама, и их возрастная незамужняя сестра Настасья, всего 17 человек²⁹. Исследователи поэтического дара сказителя отмечали пристрастие А. Е. Чукова среди женских персонажей второго плана к имени Настасья: Настасья Никулична в «Добрыне и Настасье» и «Добрыне и Алеше» (Рыбников, № 148, 149), Настасья королевична в «Михайле Потыке» и балладе «Молодец и королевна» (Гильфердинг, № 150, 155), Настасья королевична в былине «Женитьба князя Владимира» (Рыбников, № 23 – первая часть сюжета «Дунай-сват») ³⁰. Эта деталь дает нам повод предположить уважительные отношения между старшей сестрой Настасьей и братом. Вместе с тем подчиненное положение младшего брата в многочисленном семействе могло стать поводом для Чукова овладеть портняжным ремеслом и ходить в отход по заонежским деревням.

По документам середины XIX в. в семье, помимо домочадцев, проживали «принятые во двор» вдовы ³¹, которые, по-видимому, являлись дальними родственницами. Сложно установить определенно отношение к старообрядческому вероучению семьи А. Е. Чукова, поскольку в XVIII – начале XIX в. учет старообрядцев в приходах был крайне несовершенным. Священнослужители нередко использовали обязанность учета старообрядцев как источник дополнительных доходов. Это, в свою очередь, позволяло прихожанам избегать упоминаний о себе в отчетных документах и уменьшать риск преследований ³².

²⁸ Из «ведомости» о церквях и монастырях 1798 г. известно, что «на Пудожгорской Горе» стояла церковь Великомученика Георгия, неизвестно когда построенная, но просуществовавшая, согласно «Ведомости ... Повенецкого уезда Пудожгорского самостоятельного прихода за 1890 г.», до 1819 г. «Дело об отошедших от Архангельской епархии к Новгородской церкви 1797-го г.». (См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 64).

²⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 21/176. Л. 62 об.–63. (Ревизская сказка Повенецкого уезда, Даниловской волости, Николаевско-Ладожского сельского общества деревни Горки за 1850 г.).

³⁰ Новиков Ю. А. Сказитель и эпический текст (из текстологических наблюдений над былинами из Сборника Кириши Данилова). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudology.org/chtivo/SkazitelDanilov.htm>. Дата обращения: 18.07.2017.

³¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 21. Д. 64/144. Л. 106 об.–107. (Ревизская сказка. Пудожгорской волости Повенецкого уезда д. Горки за 1816 г.); Ф. 4. Оп. 18. Д. 47/445. Л. 12 об. (Исповедальные ведомости Повенецкого уезда Пудожгорского погоста деревни Горки за 1853 г.).

³² Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 317.

По данным исповедальных ведомостей середины XIX в., члены семей старших братьев Чукова не являлись в пасхальную неделю на исповедь либо «вследствие отлучки», либо «по нерачению»³³. Возможно, эта «забывчивость» была следствием «приверженности к расколу». Стоит отметить, что Пудожгорский приход издавна слыл старообрядческим. В самом начале XVII столетия в «лесожительном сельце, называемом Пудожская Гора» скрывался от смуты и умер в монашестве князь Борис Александрович Мышецкий – предок Андрея Денисова, основателя Выговского старообрядческого общежительства³⁴. В XVIII в. в северной части Пудожской горы располагался старообрядческий скит, к концу века разоренный войсками. В XIX в., несмотря на закрытие выгорецких скитов, в пудожгорских деревнях продолжали появляться «скрытники» («бегуны», «странники»). Вплоть до начала XX в. на Пудожской горе проживала небольшая группа странников-безденежников.

Церковное начальство при поддержке светской власти предпринимало немало усилий для изменения ситуации в епархии. В 1830–1850-е гг. усилились репрессивные государственные мероприятия. Преследовалось «внешнее оказательство раскола» как «нарушение общего благочиния и порядка». Представители церкви вели учет тех, кто отказывался от исповеди и причастия по религиозным соображениям. Запечатывались старообрядческие часовни, уничтожались чтимые старообрядцами мощи, преследовались собрания верующих. Явных старообрядцев продолжали ссылать в отдаленные места, разлучали с семьями, разрушали их хозяйства. Эти меры послужили поводом медленного сокращения численности старообрядцев³⁵.

По церковным ведомостям конца 1850-х гг., жители селения Пудожская Гора более активно начинают посещать православную церковь. В 1853 г. Абрам Евтифеев с супругой и детьми упоминаются в ведомостях как бывшие у исповеди и святого причастия³⁶.

Абрам Чуков был женат на Василисте (или Вассе) Лукиной. В браке было рождено шесть детей: Федор, Кирилл, Константин, Агафья, Егор и Аксения. Средний сын Константин (1844 г.р.) в 1875 г. в звании отставного рядового 105 Оренбургского полка женился и переехал в Петрозаводск³⁷. Старший сын, Кирилл Абрамович Чуков (1839–1889)

³³ НА РК. Ф. 25. Оп. 21. Д. 64/144. Л. 106 об.–107. (Исповедальные ведомости Повенецкого уезда Пудожгорского погоста деревни Горки за 1853 г.).

³⁴ Усов П. С. Помор-философ // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 24. № 4. С. 145–160.

³⁵ Пулькин М. В. Православный приход... С. 317–320.

³⁶ НАРК. Ф. 25. Оп. 21. Д. 64/144. Л. 106 об.–107. (Исповедальные ведомости Повенецкого уезда Пудожгорского погоста деревни Горки за 1853 г.).

³⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 299, запись от 05.02.1875. (Метрическая книга Кафедрального собора г. Петрозаводска за 1875 г.).

выучился грамоте у местного дьячка, в 10 лет был взят в канцелярию Повенецкого окружного начальства, женился на Анне Ивановне (в дев. Барышевой), уроженке д. Песчаное, и, переписавшись в мещанство, вслед за братом уехал из деревни. Запись об этом была сделана в Ревизской сказке за 1858 г. по д. Горка при описании семейства Абрама Евтифеева. В этом документе впервые была упомянута фамилия Чуков: «Кирила Чуков по постановлению Казенной палаты переведен в мещане г. Петрозаводска»³⁸.

В Петрозаводске он содержал гостиницу. Их сын, Николай Кириллович Чуков³⁹ (01.02.1870, Петрозаводск – 05.11.1955, Москва), внук сказителя, вырос в Петрозаводске, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, вернулся в родной город и много сил отдал организации школ в Олонецкой губернии (рис. 1). Позже он стал ректором Олонецкой духовной семинарии, известным общественным деятелем. После революции

Рис. 1. Николай Кириллович Чуков с родителями Кириллом Абрамовичем и Анной Ивановной

Н. К. Чуков переехал в Петроград, где был назначен настоятелем Казанского собора. В 1922 г. он проходил по знаменитому «делу» митрополита Петроградского Вениамина (с ним Н. К. Чуков был знаком по совместной учебе в Олонецкой семинарии). Обоих приговорили к расстрелу, но судьба их ждала разная: митрополит Вениамин принял мученическую смерть, а протоиерея Николая Чукова помиловали. В годы войны, после гибели всей семьи, он стал монахом Григорием и был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским. Митрополит Григорий возглавлял Учебный комитет Русской православной церкви и приложил немало усилий для возрождения духовно-образовательной в стране.

³⁸ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 78/767. Л. 88 об. Ревизская сказка Повенецкого уезда Даниловской волости Николаевско-Ладожского сельского общества за 1858 г.

³⁹ Сорокин В., протоиерей. Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) и его церковно-просветительская деятельность // Богословские труды. Сб.: 175-летие Ленинградской духовной академии. М., 1989. С. 97–98.

В воспоминаниях митрополита есть упоминание о сказительском мастерстве деда, Абрама Евтифеева Чукова: «Я много раз слышал пение... былин от своего деда. Обыкновенно он, как и другие родственники по отцу и по матери, ежегодно приезжал к нам в гости на “Петров день” (29 июня), когда город справлял престольный праздник своего собора, и окрестное население съезжалось на ярмарку». В них же сообщается о том, что сказитель скончался в г. Пудож в 1891 г.⁴⁰

По обычаю младший сын сказителя А. Е. Чукова, Егор Абрамович, остался жить с отцом в родительском доме в д. Горской. Его сыновья Егор и Осип унаследовали фамилию Чуковы. До сего дня их потомки проживают в Пудожском районе. По воспоминаниям родных, Егор Абрамович славился по всей пудожской округе как лучший охотник-медвежатник. «Полесниками» были и его сыновья. Даже свою супругу, Настасью Фоминичну, он брал на медвежью охоту. Довелось ей с рогатиной помогать мужу у берлоги. В семье Егора Егоровича было рождено трое сыновей: Василий, Федор, Иван и дочь Анна (в замужестве Насонова) (рис. 2). Все они проживали в д. Горской Римского сельсовета.

Старший из сыновей, Василий Егорович, получил образование, работал в колхозе счетоводом, но был репрессирован и скончался сразу после войны. С его дочерью, Елизаветой Васильевной Чуковой, автору статьи удалось встретиться. По рассказам Елизаветы Васильевны, семья Чуковых в д. Горка была единственным семейством с карими глазами и черными волосами⁴¹. По деревне их звали «черноголовики».

Рис. 2. Иван Егорович и Федор Егорович Чуковы

⁴⁰ Сорокин В., протоиерей. Указ. соч. С. 98.

⁴¹ По данным антропологических наблюдений, жители волостей восточного побережья Онежского озера преимущественно имели русский и светло-русый цвет волос. Обладателей черного цвета волос было очень мало. См.: Архив РГО. Фонд Олонечкой губернии. Р. 25. Оп. 1. № 27. (Студитов Г. Этнографические описания, объемлющие местность Пудожского уезда, Нигижемско-Георгиевского, Пречистенского и Гакугского погостов.)

Вторая деревенская прозвища была «чуковский копыл», данная односельчанами Егору Егоровичу за независимый и твердый характер⁴². На ее памяти былины из членов семьи никто не исполнял, но песни любили. Многие из старших родственниц были участницами фольклорной группы с. Римское.

Несмотря на то что исполнительское мастерство не было наследовано в роду Чуковых, до сих пор в памяти потомков бережно сохраняется уважительное отношение к прославленному предку, сказителю былин Абраму Евтифееву Чукову.

⁴² В новгородских говорах копылом называли валец для стирки белья, в вологодских – топорнице; в костромских – деревянное донце, куда пряжи вставляют гребень; все детали связаны с мастерством древоделия. Между тем повсеместно «копылом» называли деревянный стоек, держащий санный полоз, откуда и пошло выражение «копылом торчать», то есть быть на виду, стоять поперек. Прозвищу «Копыл» мог получить обладатель деятельного, своенравного, упрямого характера.

С. М. Лойтер

**«ВЫ ПАДИТЕ-ТКО, ГОРЮЧИ МОИ СЛЁЗУШКИ...»
(К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ФЕДОСОВОЙ)**

Среди замечательных фольклорных имен, которыми славится Карелия, имя заонежской сказительницы и народной поэтессы Ирины Андреевны Федосовой, «Ирины Толвуйской», занимает место совершенно особое. «Крупнейшая», «известнейшая», «знаменитейшая» Ирина Федосова – феноменальная историко-культурная и поэтическая личность. Степень одаренности, влияние, которое она оказала на литературу и искусство, делают ее явлением выдающимся и уникальным в истории русской народной поэзии. А ее поэтическое наследие заслуженно и прочно стало достоянием не только русской, но и мировой народной культуры.

В феврале 1867 г. в Петрозаводске произошла встреча тогда уже знаменитой во всем Заонежье вопленицы Ирины Федосовой с преподавателем логики и психологии Олонецкой духовной семинарии Е. В. Барсовым, впоследствии известным ученым, собирателем и исследователем древнерусских рукописей. «Я познакомился с ней в Великом посту 1867 г. и тотчас же начал записывать от нее духовные стихи и старины; диктовать что-нибудь другое она считала грехом. После Пасхи я принялся за причитания <...> Всё записанное мною в Великом посту, было издаваемо в Олонецких ведомостях»¹. Этими первыми записями стали 10 духовных стихов, былина о Чуриле Пленковиче, баллады «О девяти братьях разбойниках», «Василий и Софья», «Казань-город». Тексты сразу же публиковались в газете «Олонецкие губернские ведомости» под общим заголовком «Из обычаев Обонежского народа». Главным результатом почти трехлетней совместной работы Ирины Федосовой с собирателем стали тексты, которые в 60–70-е гг. XIX в. еще не имели установившегося названия. Так Барсов оказался первооткрывателем жанра причитаний и одним из первых собирателей в русской

¹ ОГВ. 1867. № 11–14, 16 (8 марта – 22 апреля).

фольклористике, кто сделал попытку исчерпать репертуар одного исполнителя. Появление в 1872–1885 гг. трехтомного издания «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым», федосовского по преимуществу (17 причитаний Федосовой составляют 272 страницы, а 5 причитаний четырех других исполнительниц – 26 страниц), знаменовало собой: 1) «открытие» причитаний как одного из важнейших жанров народной традиции, 2) обнаружение ценнейших текстов и, наконец, 3) явление крупнейшей исполнительницы причитаний, чье индивидуальное дарование выразилось в совершенной и классической форме, не имеющей равных в плачевой традиции и не знающей аналогов в фольклоре других европейских народов. «Я записал от нее 30 000 стихов, но она легко могла бы продиктовать и сто тысяч, так как творческая импровизация ее неистощима», – писал Барсов.

После издания «Причитаний Северного края...» к Федосовой пришла настоящая слава. Ее записывают известные филологи, музыканты, этнографы. Фольклорист Ф. М. Истомин и музыковед Г. О. Дютш в 1886 г. записали от Федосовой на пароходе в Онежском озере свадебную песню «Пивна ягода по сахару плыла»². В течение нескольких лет в своем тверском имении О. Х. Агренева-Славянская записывала от Федосовой свадебные песни и свадебные причитания, составившие два тома «Описания русской крестьянской свадьбы», третий том содержал попутно записанные похоронные причитания, былины, исторические и лирические песни, духовные стихи, баллады, пословицы, загадки³. Большую роль в осознании творчества Федосовой как великого национального наследия, неотъемлемого слагаемого этнического самосознания сыграла деятельность истинного подвижника, учителя петрозаводской гимназии П. Т. Виноградова, записывавшего Федосову (его записи не сохранились) и главное – организовавшего в конце 1880-х – 1890-е гг. серию ее публичных выступлений в Петрозаводске, Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде⁴. Эти не экспедиционные, не «полевые», вне обряда исполнения позволили многим деятелям русской культуры услышать Федосову и ввести ее творчество в обиход русской литературы и профессиональной музыки (А. М. Горький, Ф. И. Шаляпин, Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, С. М. Ляпунов и др.).

² *Истомин Ф. М., Дютш Г. О.* Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. С. 104–106 (№ 7).

³ *Агренева-Славянская О. Х.* Описание русской крестьянской свадьбы. М.; Тверь, 1887–1889. Т. 1–3.

⁴ Не менее значительна заслуга П. Т. Виноградова, организовавшего серию поездок Ивана Трофимовича Рябинина в Москву, Петербург, Киев, Одессу, страны Европы и описавшего его выступления в брошюре «Сказитель И. Т. Рябинин и моя с ним поездка» (Томск, 1906).

В большом репертуаре Ирины Федосовой – разные жанры народной словесности, что и позволяет говорить о двух пластах записанных от нее текстов и о двух ипостасях этой уникальной исполнительницы. В одних она проявляется как рядовая сказительница: когда речь идет о вариантах текстов традиционных жанров – былинах, духовных стихах, балладах, песнях, сказке, пословицах и поговорках. Устная поэзия в ее исполнении – искусство и не только искусство, явление коллективное. И неграмотная крестьянка Федосова, сказавшая о себе: «Я грамотой неграмотна, зато памятью я памятна», не фиксировавшая, а державшая в памяти тысячи стихов, не автор, а хранитель и носитель традиции. «Народной поэтессой» (так впервые ее назвал Л. Н. Майков) Федосова оказывается, когда речь идет о причитаниях – элегических импровизациях, которые всякий раз рождаются заново и вариативность которых обнаруживается не в исполнении устойчивого текста, а в воспроизведении процесса оплакивания. Каждая плакальщица, владея приемами причитывания, используя типовую обрядовую схему, сложившийся фонд словесных стереотипов (формул), синтаксических конструкций, создает свой текст, имеющий в своей основе конкретный жизненный факт, конкретных людей, бытовую обстановку и конкретную ситуацию. Здесь-то и проявилось индивидуальное дарование Федосовой, ее несравненный талант вопленицы, истолковательницы народного горя. Именно причитаниями Федосова блистательно и неповторимо вошла в фольклористику и благодаря им и была названа «народной поэтессой», но не в том значении, какое вкладывается в это понятие, когда речь идет, скажем, о Н. А. Некрасове. Плачи Ирины Федосовой – не просто традиционные плачи, а плачи-«поэмы», в которых она обнаруживает дар повествователя, владеющего мастерством строить сюжет и создавать оригинальные художественные образы. Человеческая жизнь в ее изображении разворачивается в богатую подробностями драму, в которой принимает участие множество людей, иногда вся земля и небо. Так, страдание, к примеру, вдовы в «Плаче по мужу» соединяется со страданием всей природы.

Укатилось красное солнышко
За горы оно да за высокие,
За лесушка оно да за дремучие,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня, победную головушку,
Со стадушком оно да со детиною,
Оставляют меня, горюшу горегорькую,
На веки-то меня да вековечные! <...>
У меня три поля кручинушки насыяно,
Три озеришка горючих слёз наронено⁵.

⁵ Федосова И. А. Избранное. Петрозаводск, 1981. С. 65, 71.

Уровень и глубина поэтического мышления, сила выраженного чувства плакальщицы Федосовой в том, что она, говоря от лица каждого причастного к драме, проявляет умение понять его душевное состояние, как, скажем, психологически передать горе матери в плаче «По дочери»:

На полете лебедь белая,
Ой, куда летишь, косатушка?
Не утай, скажи, сугрэва моя теплая;
Как пчела в меду, добротинка, купалася,
Как скачён жемчуг по блюду рассыпалася;
У стола была любимая стряпеюшка;
За ставом да дорогая была ткиюшка;
За тамбуром досужа рукодельница,
Вышивала всяки-разны полотенечки⁶...

Только незаурядный дар импровизатора, высокая духовная энергия могли вызвать к жизни единственный в своем роде в плачевой традиции «Плач о старосте» с образами не только семейного, но и общественного характера. Не случайно страстные, обличительные стихи этого плача привлекли внимание Н. А. Некрасова и были вложены им в уста Матрены Тимофеевны в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Вы падите-тко, горячи мои слёзушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице, –
Вы падите-тко, гоючи мои слёзушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!

Только с незаурядным дарованием можно было создать в «Плаче о старосте» и других плачах такие яркие художественные обобщения, как легенда о происхождении Горя, «пролог в небесах», мифологический по своей природе образ «новгородской» социальной утопии.

Там ведь жалобно-то солнце припекает,
Там ведь прежняя родима наша сторона,
Наша славна сторона Новгородская!

«Личное начало» в причитаниях Федосовой настолько сильно, что не оставляет сомнения: она истинный поэт, народная поэтесса, но не равнозначная, как уже отмечалось, этому понятию в литературном творчестве⁷.

⁶ Федосова И. А. Избранное. С. 93.

⁷ Неадекватно понятие «народная поэтесса» применительно к Федосовой и тому значению, которое придает ему В. А. Агапитов в статье «Народные самодеятельные поэты Заонежья. XX в.» (Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 277–280).

Высокоодаренная вопленица Федосова, создававшая оригинальные тексты, которые «до сих пор не превзойдены», творила в русле традиции, и она явление фольклорное⁸.

Уникальность Федосовой проявляется и в монументальности ее причитаний. Они несопоставимы с плачами других исполнительниц. Фольклористика попросту не знает более монументальных плачей. «Плач по холостом рекруте» Федосовой – это 2595 стихов (61 страница книжного текста) и рядом «Плачи по холостом рекруте» Марьи Федоровой (75 стихов), святозерской крестьянки (55 стихов) и Ирины Калитиной (80 стихов); 3000 стихов (65 страниц книжного текста) занимает «Плач по рекруте женатом» И. Федосовой и здесь же «Плач по рекруте женатом» Афросиньи Ехаловой (250 стихов).

Появление текстов Барсова в печати сразу привлекло внимание издателей, фольклористов, ученых. О причитаниях Федосовой писали Л. Н. Майков, Г. И. Куликовский, А. Е. Грузинский, А. Н. Веселовский и др. Тексты Федосовой стали появляться в более доступных изданиях. И об этом в известной степени свидетельствует имеющийся библиографический указатель «Ирина Андреевна Федосова», который, к сожалению, не отражает всей литературы вопроса и сегодня нуждается в существенных дополнениях⁹. Совершенно очевидно, что нужен новый, соответствующий современной библиографической культуре персональный указатель, посвященный Федосовой.

Назову наиболее значительные переиздания текстов Федосовой XX в. В 1945 г. в Петрозаводске вышел подготовленный В. Г. Базановым том «Избранных причитаний», в котором было помещено четыре причитания Ирины Федосовой¹⁰. В 1960 г. была издана подготовленная К. В. и Б. Е. Чистовыми фундаментальная антология «Причитания» с преобладанием плачей Федосовой¹¹. Этими же составителями подготовлен том с текстами Федосовой под названием «Обрядовая поэзия»¹². Особо стоит подготовленный К. В. Чистовым том Федосовой, включающий в себя не только причитания, но и тексты мало

⁸ Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. С. 76–77.

⁹ Ирина Андреевна Федосова. Библиографический указатель / Сост. Н. А. Прушинская. Петрозаводск, 1997. 34 с.

¹⁰ Избранные причитания / Подгот. текстов и вступ. ст. В. Базанова; под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1945. С. 14–75. (Библиотека русского фольклора Карелии).

¹¹ Причитания / Подгот. текстов К. В. Чистова и Б. Е. Чистовой; вступ.ст. К. В. Чистова. Л., 1960. 434 с. (Библиотека поэта; Большая серия).

¹² Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия / Сост. и подгот. текста К. Чистова и Б. Чистовой; вступ. ст., предисл. к разделам и ком. К. Чистова. Л., 1984. 528 с.

доступных публикаций других жанров: былин «Добрыня и Алеша» и «Чурилушка Пленкович», духовного стиха «Егорий Храбрый» (недавно вышло в свет подготовленное В. П. Кузнецовой издание духовных стихов Русского Севера, которое содержит все тексты духовных стихов, записанных от Федосовой¹³), баллады, рекрутские, свадебные и лирические необрядовые песни, пословицы и поговорки, искрометный «Рассказ о себе» – первая в истории русской фольклористики биография исполнителя, записанная с его слов Барсовым. Этот сборник с названием на обложке и титульном листе «И. А. Федосова. Избранное»¹⁴, предваренный статьей К. В. Чистова «Народная поэтесса», издан так, как издаются обычно книги профессиональных авторов, и возвращает читателя к проблеме «личного начала» и индивидуальности Федосовой.

Качественно новым этапом и подлинным событием для фольклористики и науки стало второе издание собрания «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым» в авторитетной академической серии «Литературные памятники»¹⁵. Это итог многолетнего титанического труда К. В. Чистова (в соавторстве с Б. Е. Чистовой), соединивший в себе опыт Чистова-«полевика» и Чистова-теоретика¹⁶.

Характеризуя научную ценность этого издания «Причитаний...», подчеркну, что его создатели выполнили задачу полного воспроизведения текстов причитаний, записанных от И. А. Федосовой и других исполнительниц. Чрезвычайно ценно включение в новое издание причитаний И. А. Федосовой в записях О. Х. Агреновой-Славянской, сделанных собирательницей спустя 20 лет после Барсова (1886–1888). Среди 9 текстов, записанных Агреновой-Славянской, нет ни одного идентичного тексту в записи Барсова. При всех справедливых и неоднократно отмеченных недостатках записей Агреновой-Славянской их публикация важна не только тем, что дополняет репертуар Федосовой, но и тем, что имеет непосредственное отношение к проблемам «личного начала» в сказительстве, роли импровизации в причитаниях как специфическом жанре фольклора.

¹³ Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова; сост. нот. прилож. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск, 2016. № 216–226.

¹⁴ Федосова И. А. Избранное / Сост., вступ. ст. и ком. К. В. Чистова; подг. текст. Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. Петрозаводск, 1981. 303 с.

¹⁵ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 2 т. Т. 1: Похоронные причитания. 498 с.; Т. 2: Рекрутские и солдатские причитания. Свадебные причитания / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов; отв. ред. А. М. Астахова. СПб, 1997. 655 с. (серия «Литературные памятники»).

¹⁶ Подробно см.: *Лойтер С. М.* Второе издание «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: мат. III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения -99». Петрозаводск, 2000. С.187–194.

Воссоздание корпуса текстов в издании «Причитаний...» 1997 г. неотделимо от текстологического редактирования, нередко переработавшего в «текстологическую экспертизу», которые осуществлялись в разных направлениях и предшествовали каждой из публикаций причитаний в ранее упомянутых изданиях. Комментарии (каждой строки текста) – лингвистический, исторический, этнографический, мифологический, юридический, экономический, социологический, культурологический, поэтический, литературоведческий – репрезентируют самостоятельно и в синтезе, когда это диктуется необходимостью. Нередко комментарии к двум-трем строкам превращается в самостоятельное небольшое исследование со многими параллелями и обязательными библиографическими ссылками.

В настоящее время ни один из классических фольклорных сборников XIX в. (А. Н. Афанасьева, П. Н. Рыбникова, П. В. Киреевского и др.) не имеет такого многопланового, комплексного, тщательного и глубокого комментария, как второе издание «Причитаний...» Барсова.

Такой уровень издания «Причитаний ...» предопределен всей деятельностью К. В. Чистова-ученого, для которого Федосова более полувека была главным «героем» научных штудий, а изучение ее жизни и творчества – сквозной, доминирующей темой.

Первая публикация Чистова о Федосовой появилась в 1947 г., когда он стал руководителем работы фольклористов в секторе литературы Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске¹⁷. В 1951 г. К. В. Чистов защитил кандидатскую диссертацию «Народная поэтесса И. А. Федосова», которая переросла в первую монографию, изданную в Петрозаводске в 1955 г.¹⁸ Большая архивно-разыскная работа, записи воспоминаний от старожителей-земляков в 1948 г. (они составили Приложение) позволили воссоздать биографию Федосовой, установить связь ее причитаний со всем укладом севернорусской деревни, исследовать художественный мир причитаний с его особенностями поэтического языка – метафорической системой, которая состоит в замене табуированных терминов родства и лексики, связанной со смертью.

Вторая специальная монография К. В. Чистова «Ирина Андреевна Федосова»¹⁹ развивает и углубляет проблему биографии, соотношения коллективного и индивидуального начал в исполнительском творчестве,

¹⁷ Чистов К. В. Некрасов и сказительница Ирина Федосова // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. 1947. № 16–17. С. 39–45.

¹⁸ *Он же*. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955. 376 с.

¹⁹ *Он же*. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. 334 с.

значения Федосовой и ее влияния на русскую культуру. А рассмотрение Чистовым творчества Федосовой в широком историко-культурном контексте позволило Т. М. Бернштам и Е. М. Мелетинскому говорить о приоритете Чистова в разработке таких важных проблем Русского Севера, как явление «вторичной архаики» и выделения Русского Севера как «зоны особой развитости причитаний, локальной вариативности и культурных традиций»²⁰. В том, что это так, я, как и мои коллеги-фольклористы, убеждались в своих экспедиционных поездках по Карелии в 1970–1980-е гг., делая многочисленные записи причитаний. Документально это подтверждает анализ этапов формирования русского фонда рукописного фольклорного архива Карельского научного центра РАН и таблица динамики поступлений материалов по жанрам и периодам. Так вот она свидетельствует: записи причитаний: в 1957–1970-е гг. – 146 текстов, 1971–1980-е гг. – 295²¹.

В конце первого тома нового издания «Причитаний...» помещена статья-послесловие «“Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым” в истории русской культуры» – по существу, третья монография Чистова и новый этап в исследовании причитаний и творчества И. Федосовой, рассмотренной в контексте истории, быта, народной культуры Заонежья, актуальной для современной фольклористики проблемы «сказитель» и «личное начало». Эта работа вобрала в себя новые архивные материалы, факты, документы. В биографию Федосовой внесены отдельные коррективы. Широкий спектр востребованной составителями литературы, обращения и отсылки к многочисленным отечественным и зарубежным источникам, в том числе самым новым, библиографическая оснащенность чрезвычайно важны для будущих исследователей, для которых открываются новые перспективы.

Многочисленны публикации, статьи, доклады и выступления К. В. Чистова о Федосовой на международных и российских научных конференциях, съездах, симпозиумах. Не могу обойти вниманием не академическую, но замечательную его работу, обращенную к широкому читателю, – очерк «Ирина Андреевна Федосова» в книге «Русские сказители Карелии»²².

²⁰ Кирилл Васильевич Чистов: Материалы к биобиблиографии ученых / Сост. Л. А. Калашникова, М. Я. Мельц; авторы. вступ. ст. Т. А. Бернштам, Е. М. Мелетинский. М., 1995. С. 11.

²¹ Марковская Е. В. Основные этапы формирования русского фонда рукописного фольклорного архива ИЯЛИ // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3. Шестые Шёгреневские чтения: Сб. статей. СПб., 2014. С. 45–51.

²² Чистов К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 110–178.

«В ней вся моя жизнь», – сказал К. В. Чистов 22 сентября 1998 г. в Карельском научном центре РАН на презентации нового издания «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» – завершающего труда о Федосовой²³. Чистов – ее биограф, исследователь, истолкователь, комментатор-текстолог.

Из работ других исследователей творчества Федосовой назову большой раздел «Ирина Федосова. Обряд и поэзия» в книге известного фольклориста, собирателя и исследователя причитаний В. Г. Базанова «Поэзия русского Севера»²⁴, поднимающей комплекс проблем, связанных с историей жанра причитаний, оценкой места и роли Федосовой, соотношением традиции и личного начала; в работе есть полемика с К. В. Чистовым. «Исполнители фольклорных произведений (Заонежье, Карелия)» – так называется книга, содержащая записанные разными собирателями биографии сказителей, а в интересующем нас случае рассказы Федосовой о себе и воспоминания ее односельчан²⁵. Наконец, еще одна работа важна установлением неизвестной до недавнего времени даты рождения Федосовой. Долго предположительно считался то 1820-й, то 1825-й г. Сама Ирина Федосова, отвечая на вопрос О. Х. Агреновой-Славянской «Сколько тебе лет?», сказала: «Сколько мне лет – столько тебе нет .<...> когда родилась – память извелась». Изучив историко-архивные документы, которые ранее никем не привлекались, научный сотрудник музея «Кижы» С. В. Воробьева определила дату рождения Ирины Федосовой – 30 апреля 1827 г.²⁶

Уже говорилось о влиянии, которое оказывала Ирина Федосова на современников, знаменитых и рядовых, кому довелось ее видеть и слышать. Не меньшее влияние испытали те, кто узнавал ее из книг: Н. А. Некрасов, П. И. Мельников-Печерский, М. М. Пришвин, А. Т. Твардовский, Н. А. Клюев, Андрей Белый, Роберт Рождественский и другие. Выразившая самосознание русской женщины-крестьянки второй половины XIX в., Федосова – предтеча великих поэтесс, устами которых «заговорила» женщина XX в., – и прежде всего это «Музы скорби» Анна Ахматова²⁷ и Марина Цветаева.

²³ Лицей. 1999. № 11. С. 11.

²⁴ Базанов В. Ирина Федосова. Обряд и поэзия // Базанов В. Поэзия русского Севера. Карельские статьи и очерки. Петрозаводск, 1981. С. 129–253.

²⁵ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье, Карелия) / Изд. подг. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008. 373 с.

²⁶ Воробьева С. В. К биографии И. А. Федосовой // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1998. Вып. 12. С. 154–162; Она же. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 2006. С. 96–107.

²⁷ Лойтер С. М. 1) Музы скорби: Ирина Федосова и Анна Ахматова // Север. 2001. № 4–5–6. С. 204–216; 2) «Я плакальщиц стаю веду за собой...»: Традиция плача в поэзии

Федосова сама стала литературным героем, художественным образом. Ей посвящали и продолжают посвящать свои произведения писатели Карелии: Иван Костин, автор стихов, поэмы и единственной повести о Федосовой²⁸, поэты Марат Тарасов, Александр Родин, Вячеслав Агапитов.

Несомненно, изучение творчества и личности Федосовой способствует осознанию общественностью ее места и роли в истории русской и мировой культуры.

Имя Федосовой присвоено одной из улиц Петрозаводска, мемориальная доска в ее честь висит на здании бывшей Мариинской женской гимназии на улице Кирова, ее имя носят две библиотеки – районная в Медвежьегорске и упомянутая сельская, но существует только один памятник – на могиле на Юсовой горе около родного села Кузаранда. Ее посещение в июне 2002 г. во время научно-практической конференции «Поэтические наследие И. А. Федосовой и фольклорно-этнографические традиции Заонежья», которая была организована республиканским центром по охране памятников, Карельским научным центром и администрацией Медвежьегорского района (она проходила в библиотеке-музее ее имени), – одно из моих самых светлых и незабываемых впечатлений последних десятилетий. Никогда не забуду этот солнечный день, когда с Юсовой горы открывалась потрясающей красоты водная безбрежность, сливающаяся с голубым небесным горизонтом, питавшими, как мне видится, талант Федосовой. Как важно, чтобы это ощутили, почувствовали не только те, кто побывал на могиле Федосовой. Памятник в формате скульптуры или бюста непременно должен быть в Петрозаводске на той улице, где она жила, где ее записывал Е. В. Барсов. Он нужен тем, кому дорога наша культура, чья «память не извелась», кто хочет выразить свое признание и благодарение великому таланту сказителя-художника. И это будет прекрасная образовательная, нравственная, эстетическая страница той книги, каковой является город. А книга под названием Петрозаводск станет содержательней, интересней, значительней для своих жителей, для гостей города и туристов. Памятнику Федосовой быть!

А. Ахматовой // Кормановские чтения: мат. междунар. науч. конф. «Текст-2002». Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 256–265.

²⁸ Костин И. А. «Слово вольное поведаю...»: Повесть о вопленице И. А. Федосовой. Петрозаводск, 1989. 188 с.

Б. Д. Москин

ОБРАЗ СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО В НАВЕРШИИ ИКОНОСТАСОВ СЕВЕРНЫХ ХРАМОВ

Судя по сохранившимся свидетельствам, на Руси в последней трети XVI–XVII в., была распространена традиция венчать (завершать) иконостас образом Спаса Нерукотворного, а также образами Спаса Вседержителя оплечного и Саваофа (Отечества). Иконы-навершия ставили посередине над верхним рядом иконостасов каменных и деревянных храмов. В каменных церквах во второй половине XVII в. распространяются рамные резные иконостасы¹. В их завершении начинают ставить живописное или резное Распятие с предстоящими², что является продолжением этой традиции. В северных деревянных храмах резные иконостасы возникают с конца XVII в., а в основном – в XVIII в.³, но это не приводит к отказу от образов-наверший Спаса Нерукотворного. Иконы св. Лица порой даже заходят на потолок. Одновременно в северных деревянных церквах и часовнях с последней трети XVII в. появляются и распространяются комплексы потолочных икон – «небеса»⁴, которые занимают место венчающих икон. Иконы-навершия устанавливались не в каждом храме; большинство сведений о них относится к северным территориям.

По количеству упоминаний в документах XVII в. самым распространенным изображением на иконах-навершиях был Спас Нерукотворный (рис. 1). В. М. Сорокатый считает, что образ Спаса Нерукотворного в завершении иконостаса соответствовал традиционной росписи с образом св. Лица на вос-

¹ Бусева-Давыдова И. Л. Русский иконостас XVII в.: генезис типа и итоги эволюции // Иконостас. Происхождение – Развитие – Символика. М., 2000. С. 626, 634.

² Сперовский Н. Старинные русские иконостасы // Христианское чтение. 1892. № 01-02. С. 11.

³ Кольцова Т. М. Искусство Холмогор XVI–XVIII вв. М., 2009. С. 205.

⁴ Витхундовская М. А. «Небеса» Заонежья: Классификация и ареалы // Местные традиции материальной и духовной культуры: Тез. докл. Петрозаводск, 1981. С. 52–53; Кольцова Т. М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993; Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижи». Петрозаводск, 2008.

точной подпружной (поддерживающей купол) арке каменных храмов⁵. Такое известное с древности стенописное изображение располагалось как раз над иконостасом. Время возникновения традиции устанавливать иконы в завершении иконостаса совпадает с периодом формирования праотеческого ряда (вторая половина XVI в.). Возникновение праотеческого яруса объясняется в том числе развитием структуры иконостаса по вертикали⁶. В определенной мере мы связываем появление икон-наверший с той же причиной.

Рис. 1. Иконостас Воскресенской церкви в с. Сельцо Холмогорского района. Вторая половина XVII в.

Фото 1974 г. (Иконостас северного храма: каталог икон Воскресенской церкви села Сельцо Холмогорского района из собрания музея «Малые Корелы» / Сост. и авт. вступ. ст. С. А. Согрина. Архангельск, 2013)

⁵ *Сорокатый В. М.* Новгородские иконостасы XVI в.: Состав и иконографические особенности // Русское искусство позднего Средневековья: Образ и смысл. М., 1993. С. 79.

⁶ *Филатов С. В.* Проблема взаимосвязи станковой и монументальной живописи в памятниках архитектуры московского круга конца XV–XVI вв. / Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1987. С. 21; *Сорокатый В. М.* Новгородские иконостасы XVI в. ... С. 63–64.

Время появления традиции завершать тябловые иконостасы отдельной иконой можно отнести приблизительно к 1570-м гг. Ее хронологические рамки были примерно определены исследователями еще в XIX в. Н. Сперовский в своей до сих пор не утратившей значения работе, писал: «Кроме херувимов и серафимов, верх иконостаса не редко увенчивался иконой **Нерукотворенного Спаса или Господа Саваофа**. Когда возник такой обычай, не знаем, но в конце XVI и в XVII в. он был весьма широко распространен. Сведения относительно этого обычая мы получили из старинных церковных и монастырских описей»⁷.

Подробно вопросами возникновения и развития венчающих икон никто не занимался. Рассмотрим документальные упоминания об иконах-наверших и предположения об их возникновении.

Новгородская икона-навершие второй половины XVI в.

Первый пример – наглядный. Сохранилось изображение 4-рядного иконостаса Преображенского собора Варлаамо-Хутынского монастыря с образом Спаса Вседержителя оплечного в завершении. Оно находится на иконе второй половины XVI в. «Видение пономаря Тарасия»⁸, где представлен сам собор и его внутренний вид (рис. 2а,б). Изображенный иконостас, по всей видимости, был создан одновременно с постройкой храма в 1515 г.⁹, но в какой момент появилась икона-навершие – нам не известно. Икона «Видение пономаря Тарасия», по мнению Э. А. Гордиенко, была написана между 1574 и 1582 г.¹⁰, и на ней отразилась структура иконостасов второй половины XVI в. В описи Новгорода 1617 г. для монастырских Преображенского собора и церкви на подворье в городе указано общее количество икон (121 образ) без выделения ярусов их иконостасов¹¹. По данным описи собора 1642 г., в иконостасе упоминаются те же образы, что и на иконном изображении, но в завершении описывается уже Спас Нерукотворный¹² (он либо заменил Спаса оплечного, либо образ не менялся, но его неточно назвали). Тябловый иконо-

⁷ Сперовский Н. Старинные русские иконостасы... С. 10.

⁸ Игнашина Е. В., Комарова Ю. Б. Русская икона XI–XIX вв. в собрании Новгородского музея. Путеводитель по экспозиции. М., 2008. С. 106. Ил. 61.

⁹ Медникова Н. И. Иконостас Спасо-Преображенского Собора Хутынского монастыря на иконе «Видение пономаря Тарасия» XVI в. // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 2000. Вып. 8. С. 87.

¹⁰ Гордиенко Э. А. Изображения Новгорода на иконах XVI–XVII вв. и связь их с общественно-политической ситуацией своего времени // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 109.

¹¹ Опись Новгорода 1617 г. // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. С. 88.

¹² Макарий, архимандрит. Опись Новгородского Спасо-Хутынского монастыря, 1642 г. // Записки Императорского Археологического общества. СПб., 1857. Т. 9. Вып. 2. С. 428.

стас в Преображенском соборе сменяется на рамный резной приблизительно в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.¹³ В его состав входит часть древних икон, а в венчании, над появившимся страстным рядом, указывается живописное распятие¹⁴.

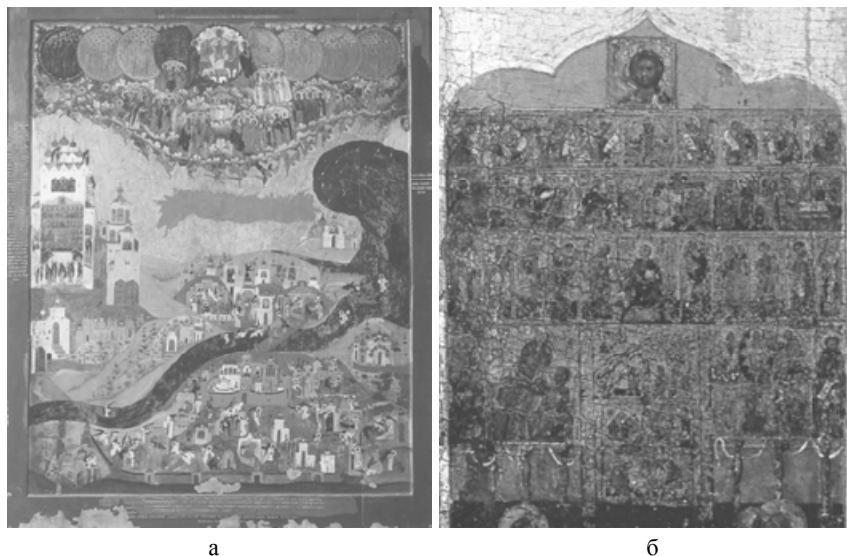

Рис. 2 а,б. Икона «Видение пономаря Тарасия», Новгород, вторая половина XVI в. Фрагмент и общий вид (Игнашина Е. В., Комарова Ю. Б. Русская икона XI–XIX вв. ... С. 106. Ил. 61.)

В результате эволюции иконописного убранства данного каменного храма Спас Вседержитель оплечный в навершии тяблового иконостаса уступил место распятию над рамным резным иконостасом.

Это не единственная новгородская церковь с иконописным убранством, включавшим образ-навершие. Об этом пишет архимандрит Макарий, указавший, что на 1860 г.: «... во всех почти храмах, кроме Софийского собора и других, над верхним ярусом поставлены изображения **Распятия с предстоящими, или Спаса нерукотворенного и Воскре[се]ния Христова. Причина этому та, что в крестной**

¹³ Трифонова А. Н. Резной иконостас XVIII в. Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря // Новгород и Новгородская земля: Искусство и реставрация. Великий Новгород, 2014. Вып. 5. С. 155.

¹⁴ Там же. С. 149.

смерти и воскресении Иисуса Христа заключается основание и торжество христианской веры»¹⁵. Примеров нашедших с Воскресением нам не известно.

В церкви Сошествия Святого духа новгородского Свято-Духовского монастыря, по свидетельству 1590 г., были обозначены: «*Да Иисус большой шти пядей и в одинацатере обложен серебром ... да Празники и Пророки на одних цках, на золоте, да вверху **Образ Господа нашего Иисуса Христа Нерукотворенный, обложен серебром***»¹⁶.

В каменной Никольской церкви Николо-Лятского монастыря близ Новгорода, по описи 1604 г., в иконостасе указаны: «*деисус стоящий, 11 образов на золоте; ... да дванадцать праздников господские, да пророки на трехнадесяти диках на золоте поясные; да над пророки **Спасов образ главной, пядница большая на золоте***»¹⁷. Слово «главной» следует понимать как прилагательное от слова глава (голова)¹⁸. Такой оглавной иконой мог быть как Спас Нерукотворный, так и Спас Вседержитель оплечный¹⁹. По описи 1617 г. структуру иконостаса Никольской церкви не удастся уточнить, так как опять приводится только общее количество икон²⁰.

По данным описи 1617 г., в Новгороде еще как минимум два храма (помимо приведенных примеров) имели интересующее нас венчание иконостаса. Например, в каменной Воскресенской церкви на Павлове улице был: «*Сверх деисуса **образ Спасов на золоте***»²¹ (над деисусным рядом), а в Никольской церкви Островского монастыря образ Спаса находился над 4-рядным иконостасом: «*Другой деисус 11 образов да **образ Спасов вверху над пророки, над деисусом праздники и пророки, все на красках***»²².

В. М. Сорокатый указывает, что примеры размещения икон в наверхи иконостасов сохранились в памятниках «северно-русских» земель, исторически связанных с новгородским кругом. К таким землям относится в том числе Обонежье и его часть, Заонежье, где находился Кижский погост.

¹⁵ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 40–41.

¹⁶ Лихачев Н. Духовное завещание старца Варлаама 1590 г. // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 101–102.

¹⁷ Опись монастыря Николая Чудотворца на Лятке, близ Рюрикова городища, под Новгородом. 1604 г. // Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1863. Т. 4. Вып. 5. С. 427.

¹⁸ Баландина А. А. Наименования икон по изображению в памятниках деловой письменности XVI–XVIII вв. // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995. С. 19.

¹⁹ Оглавным назван Спас Вседержитель оплечный в описи конца XIX в. См.: Попова В. С. Икона Спаса из Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 126. Прим. 2.

²⁰ Опись Новгорода 1617 г. ... С. 109.

²¹ Там же. С. 65.

²² Там же. С. 103.

Исследователь так объясняет традицию венчания новгородских иконостасов образом Спаса Нерукотворного: «*Такое завершение соответствовало традиции каменных росписей, где соответствующее изображение помещалось над иконостасом, на восточной арке. **Нерукотворный образ** служил лучшим доказательством истинности Боговоплощения, будучи как бы его материализованным знаком*»²³. При этом В. М. Сорокатый не делает акцент на том, что большинство ранних новгородских примеров говорят об образе Спаса (Вседержителя), а не Спаса Нерукотворного²⁴. Добавим также, что, помимо Воплощения, св. Лик был и еucharистическим символом²⁵. Богословскую трактовку этого образа и его места в иконописном убранстве храма в данной работе мы опускаем.

А. М. Лидов расположение фресок Спаса Нерукотворного на восточной и западной арках каменных храмов трактует как копирование убранства Фаросской церкви-реликвария в Константинополе²⁶. В ней в арках на цепях были подвешены специальные сосуды, внутри которых хранились Мандилион и Керамион²⁷. Такое расположение реликвий в свою очередь восходило к отображению истории обретения св. Убруса в арке ворот города Эдессы²⁸. Верхнее место Спаса Нерукотворного в иконописном убранстве русских храмов, получается, имеет корни, уходящие в своей истории к заре христианства.

Соловецкая икона-навершие 1570–1582 гг.

Другой ранний образ-навершие происходит из Соловецкого монастыря. А. Г. Мельник на основании монастырских описей XVI–XVII вв. выделяет 4-рядный (не считая пядничного ряда) иконостас Преображенского собора как самый ранний известный ему пример, получивший в завершении отдельную икону. Это происходит в промежутке между временем составле-

²³ Сорокатый В. М. Новгородские иконостасы XVI в. ... С. 79.

²⁴ Заметим, что приведенные выше упоминания образа Спаса можно было бы трактовать и как сокращенные наименования Спаса Нерукотворного, если бы не ясное изображение Вседержителя на иконе «Видение пономаря Тарасия».

²⁵ Герстель Ш. Чудотворный Мандилион. Образ Спаса Нерукотворного в византийских иконографических программах (перевод П. Е. Лукина) // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 82.

²⁶ Лидов А. М. Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М., 2005. С. 79–108.

²⁷ Мандилион – св. Убрус (Нерукотворный образ на плате), Керамион – св. Лик на черепице (черепице).

²⁸ Лидов А. М. Мандилион и Керамион. Иконический образ сакрального пространства // Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009. С. 107–133.

ния описей 1570 и 1582 г.²⁹ В деревянных преображенских церквах-предшественницах (одна сгорела в пожаре 1538 г.) по описям 1514 и 1549 г. находились 3- и 4-рядный иконостасы без венчаний³⁰. После 1570 г. в каменном соборе (построен в 1558–1566 гг.) над пророческим рядом устанавливается значительный по размерам, 13-рядный (примерно 2,8 м) образ Спаса Нерукотворного, о чем свидетельствует документ 1582 г.: *«Да над пророки болейшей Спасов образ Нерукотворенной на левкасе золочен тринадцатиядной»*³¹. Отметим, что его размер значительно больше, чем у новгородской венчающей иконы, но в обоих случаях сохраняется примерное соответствие размерам центрального образа деисусного ряда. Это также первое известное нам четкое указание на иконографию Спаса Нерукотворного для икон-наверший.

В промежутке между 1613 и 1632 г. в иконостасе соловецкого Преображенского собора появляется праотеческий ярус, сверху которого ставятся резные херувимы и серафимы. Венчающий же образ Спаса Нерукотворного исчезает³². В 1695–1697 гг. тябловый иконостас собора заменяется 5-рядным (не считая пядничного ряда) рамным резным иконостасом без завершения.

А. Г. Мельник выявляет структуры иконостасов еще двух церквей Соловецкого монастыря до и после появления иконы-навершия³³. В новопостроенной надвратной церкви Благовещения над 4-рядным иконостасом (не считая двух пядничных рядов), по описи 1604 г., устанавливается икона Спаса Нерукотворного, по данным 1711 г., ее уже окружают 4 иконы пророков и преподобных. В Никольской церкви (построена в 1583 г.), по данным описи 1640 г., иконостас получает венчающий образ Спаса Нерукотворного, а по сведениям 1711 г., над иконой св. Лика появляется еще и Распятие.

А. Г. Мельник замечает, что *«Находясь над четвертым пророческим чином икона Спаса Нерукотворного как бы предвосхищала появление пятого яруса иконостаса»*³⁴. Озвученному принципу соответствует развитие иконописного убранства соловецкого Преображенского собора. Похожее заключение делает и В. М. Сорокатый: *«Подобное навершие*

²⁹ Мельник А. Г. К истории иконостасов XVI–XVII вв. храмов Соловецкого монастыря // Роль Архангельска в освоении севера: Тез. докл. Архангельск, 1984. С. 121.

³⁰ Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 368; Она же. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 341–342.

³¹ Описи Соловецкого монастыря XVI в. / Отв. ред. М. И. Мильчик. СПб., 2003. С. 89.

³² Мельник А. Г. Ансамбль Соловецкого монастыря в XV–XVII вв.: История, архитектура, оформление храмовых интерьеров. Ярославль, 2000. С. 132–33.

³³ См. таблицу: Мельник А. Г. Ансамбль Соловецкого монастыря в XV–XVII вв. ... С. 126–127.

³⁴ Мельник А. Г. Основные типы русских высоких иконостасов XV – середины XVII в. // Иконостас. Происхождение – Развитие – Символика / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 434.

иконостаса стало архаизмом с введением в него нового верхнего ряда, праотечества, и оформлением связавшей его ряды воедино новой смысловой концепции»³⁵.

В контексте этой идеи интересен состав праотеческого чина главного иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля по описи 1634 г., где в центре был отмечен Спас Нерукотворный: «В третьем ябле: Образ Пресвятыя Богородицы и Пророки на семнадцати дсках. На тех же дсках, на верху, образ Спасов Нерукотворенный, по сторонам Праотцы»³⁶. Подобный пример встречается в описи 1668 г. убранства каменной церкви Кирилла Чудотворца в Кирилло-Белозерском монастыре: «а над Пророки образ Спасов нерукотворенный да по обе стороны дванадесать Праотцей с Херувимами и Серафимами»³⁷. Указание еще на один праотеческий чин (поясной) с центральной иконой Спаса Нерукотворного приводит в своей работе И. А. Журавлева³⁸.

Иконы-навершия появляются в период возникновения праотеческого ряда высокого русского иконостаса, а именно в середине – второй половине XVI в.³⁹, что может указывать на взаимовлияния между ними, тем более что на венчающих иконах изображался Саваоф, который соответствует центральной иконе этого ряда.

В деревянных церквях в завершении и 5-рядных иконостасов все также продолжали ставить образ Спаса Нерукотворного (там где не было «небес»). Например, в 1607 г. в Богоявленской церкви на Ухтоострове иконостас был дополнен праотеческим рядом и иконой-навершием: «ставили праотцы и места крепили и Нерукотворенный образ поставили»⁴⁰.

³⁵ Сорокатый В. М. Новгородские иконостасы в XVI в. ... С. 79.

³⁶ Переписная книга Московского Благовещенского собора, XVII в. // Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 8.

³⁷ Савваитов П. И. Церкви и ризница Кирилло-Белозерского монастыря. По описным книгам 1668 г. // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского Археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 181.

³⁸ Журавлева И. А. Праотеческий ряд и завершение символической структуры русского высокого иконостаса // Иконостас. ... С. 498. Прим. 28.

³⁹ Сорокатый В. М. Об иконостасе с праотеческим рядом и его развитии во второй половине XVI века // Русская художественная культура XV–XVI вв.: Тез. докл. М., 1990. С. 70–71; Филатов С. В. О времени появления праотеческого чина в русском иконостасе // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1992. С. 108–109; Мельник А. Г. К истории и типологии русских высоких иконостасов XV – середины XVII вв. // История и культура Ростовской земли. 1994. Ростов, 1995. С. 114–124; Журавлева И. А. Праотеческий ряд и завершение ... С. 496; Евсеева Л. М. Эсхатология 7000 г. и возникновение высокого иконостаса // Иконостас... С. 411. Языкова И., изумен Лука (Головков). Богословские основы иконы и иконопочитания // История иконописи. Истоки, традиции, современность. VI–XX в. М., 2014. С. 27.

⁴⁰ Кольцова Т. М. Искусство Холмогор XVI–XVIII вв. ... С. 203.

В Великом Устюге в 1630 г. деревянная Прокопиевская церковь имела: «... над пророки праотцы 27 образов, стоячие, писаны праздники и пророки и праотцы на золоте, вверху над праотцы **образ Спаса Нерукотворенного со ангелы**»⁴¹.

В архангельской деревянной Воскресенской церкви на 1643 г. были указаны: «В тябле деисус на 21 дүки с праздники и с пророки на золоте. Праотцы на 21 дүки на красках. Створы киотные, на них писаны Дмитрий Солунский да Георгий Стратотерпец на прзелени. Во главе **образ Спасов Нерукотворенный на золоте**»⁴². Последняя строчка в цитате вряд ли описывает киот, так, в точности такое же описание венчающей иконы мы имеем и для придельского иконостаса⁴³.

В Никольской церкви в Великом Устюге, по данным 1676–1683 гг., находились: «...в верхнем поясе пророков и праотцев на 21 дүке, а промеж ими и на веревках 18 херувимов посребряных, да поверх Саваофова образа **образ Спасов Нерукотворенного со двумя ангелом**а покрыты убрусом; да над Спасовым и над праотцовыми образы 17 херувимов резных позлащенных древяных»⁴⁴.

Мы видим, что иконы-навершия в деревянных церквях ставились и над пятым рядом иконостаса, но в каких случаях венчающие образы Спаса Нерукотворного предшествовали праотческому ярусу, пока точно сказать нельзя из-за недостатка данных.

Каргопольская икона-навершие 1581 г.

Четвертое известное нам описание венчающей иконы последней четверти XVI в. находится в описи 1581 г. каргопольского Спасо-Преображенского монастыря (Васьяновой Строкиной пустыни). Образ Спаса Нерукотворного располагался, по-видимому, над 2-рядным иконостасом деревянной Преображенской церкви. В. И. Иванов предполагает, что в иконостасе было два деисусных ряда – один над другим⁴⁵. По нашему мнению, в документе говорится о наличии второго деисуса из пядничных икон, находившегося рядом с первым. В любом случае это был иконостас без верхних рядов: праздничного и пророческого: «да в деисусе образ Спас Вседержитель, а с ним де-

⁴¹ Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 6.

⁴² Дмитриева З. В., Мильчик М. И., Чистиков А. Н. Два документа из ранней истории Архангельска // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск, 1998. С. 138.

⁴³ Там же. С. 139.

⁴⁴ Устюг Великий. Материалы для истории города ... С. 55.

⁴⁵ Иванов В. И. Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь (Васьянова Строкина пустынь) в XVI–XVII вв. // XVII в. в истории и культуре Русского Севера. К 400-летию отражения осады польско-литовских интервентов защитниками Каргопольской крепости: Сб. ст. Каргополь, 2012. С. 114.

сать образов – все на красках. Да другой деисус меньшой все на красках – шесть образов. Да двери царские на красках. ... да образ Нерукотворенной вверху над деисусом»⁴⁶.

Данное упоминание затрагивает тему венчания кратких по составу иконостасов. В одном из приведенных выше новгородских свидетельств 1617 г. образ-навершие также находился над вторым ярусом икон. Эти ранние примеры говорят о том, что традиция установки икон-наверший, изначально известная для 4-рядных иконостасов, почти сразу распространилась как на 5-рядные, так и на более скромные по структуре образцы⁴⁷. Более того, в конце XVII в. в часовнях упоминаются венчания даже местного ряда.

Получается, что в вопросе завершения иконостаса не было привязки к числу ярусов. А это значит, что иконы-навершие не представляли собой некий новый редуцированный ряд, требующий в общем случае наличия всех остальных рядов (как праотеческий ярус). Они представляли собой скорее универсальное завершение структуры иконостаса (как оглавия со Спасом Нерукотворным у наперсных крестов и икон). Отметим, что и «небеса» устанавливались над иконостасами с 2, 3, 4 или 5 стами.

«Невысокие» иконостасы со Спасом Нерукотворным в навершии упоминаются в течение всего XVII в. В писцовой книге 1628–1629 гг. по Обонежью дается описание свыше 70 храмов, более половины из которых имели 2-рядные иконостасы⁴⁸. У части из них были иконы-навершие. Приведем примеры.

В Муромском монастыре в деревянной Успенской церкви на Андомском погосте описаны: *«Дейсус, празники и двери црские и сень и столбцы на краске; над Дейсусом Нерукотворенной образ на краске»⁴⁹.*

Интересно, что образ Спаса Нерукотворного среди икон избранных святых и праздников мог занимать место деисуса⁵⁰, как, например, в церкви Петра и Павла в с. Горы Олонецкого погоста: *«в Дейсус места на тьябле образ нерукотворенный Господа нашего Иисуса Христа, на краске, большая пядница; по обе стороны того образа на одной цки образ Никола Чудотворец; образ святых великомученицы Парасковии, на-*

⁴⁶ Иванов В. И. Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь... С. 121.

⁴⁷ Любопытно, что 3-рядных иконостасов со Спасом Нерукотворным в навершии нам не встречалось.

⁴⁸ Платонов В. Г. Живопись Обонежья 17–18 вв. / Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1987. Л. 28–29.

⁴⁹ Исторические и юридические акты Олонецкого края. Список с писцовой книги 136 и 137 (1628–1629 гг.). Муромский монастырь // ОГВ. 1850. № 47.

⁵⁰ Платонов В. Г. Иконостасы храмов Обонежья по писцовой книге 1628–1629 гг. и некоторые вопросы развития иконостасных композиций в XVII–XVIII вв. // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвященные памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцева, 1902–1981. Архангельск, 1992. С. 130.

реченные пятницы; образ Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, да образ архистратига Михаила – все на красках»⁵¹.

В Писцовой книге упоминаются и церкви с высокими иконостасами, и в первую очередь это кижская шатровая Преображенская церковь – предшественница ныне существующей: «А в церкви божия милосердия образов в тьябле: деисус с праздники и с пророки на красках, ... поверх деисуса **образ Нерукотворенный** господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа, писан на золоте»⁵².

В деревянной церкви Рождества Богородицы олонецкого Рождественского погоста венчался иконостас из 2- или 3-рядных икон: «на тьябле Дейсус с праздники и пророки на одних цках; поверх Дейсуса **образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа нерукотворенный, на прзелени**»⁵³.

Для еще одного, уже каменного храма – Троицкой церкви Александровского монастыря, икона-навершие определяется как государев вклад: «... над пророки сверху **образ Спасов нерукотворенной, поставленые Государево; а по скаске игумена Аврамья праздники и пророки присланы от пустых храмов из Великаго Новагорода**»⁵⁴.

Завершения иконостасов важских часовен на 1692 г.

Интересны примеры установки икон-наверший над часовенными иконостасами. Особенностью часовенных иконостасов является не строгое следование составу чинов. Например, в местном ряду могли отсутствовать Богоричный образ или образ Спаса. На ярусах подчас одновременно располагались иконы большого размера и иконы-пядницы. Во втором ряду могли находиться иконы избранных святых, при отсутствии икон деисусных.

На основании данных переписи 1692 г. часовен Важского уезда (к востоку от Каргопольского уезда) и в Устьянских сохах (волостях) нам удалось выявить более 20 иконостасов⁵⁵ с иконой-навершием среди описания убранства 434 храмов⁵⁶.

⁵¹ Древние исторические памятники Олонецкого края. Писцовыя книги 7136–7137 (1628–1629 гг.) // ОГВ. 1849. № 2.

⁵² Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 70–71.

⁵³ Древние исторические памятники Олонецкого края. Писцовыя книги 7136–7137 (1628–1629 гг.) // ОГВ. 1849. № 1.

⁵⁴ Исторические и юридические акты Олонецкого края. Список с писцовой книги 136 и 137 (1628–1629 гг.). Александровский монастырь // ОГВ. 1850. № 16.

⁵⁵ Приблизительно, так как описи 32 часовен оказались нечитаемыми из-за плохого качества копии страниц источника.

⁵⁶ Уточнение количества описанных часовен см.: Платонов Е. В. Перепись севернорусских часовен 1692 г. как этнографический источник // Новгородский исторический сборник. В. Новгород, 2013. Вып. 13(23). С. 298. Прим. 5.

В тексте встречаются уже привычные венчания деисусного ряда: «Спас: в Деисусе тринадцать лиц ... вверху **Нерукотворенный образ Христов** со арханьелы, на красках»⁵⁷ или: «Вверху **нерукотворенный образ Господень**, писан вновь. – Деисус в тягле в девяти лицах»⁵⁸.

Более чем в половине случаев иконы-навершия указаны над местным ярусом. Вот пример венчания местного ряда из двух икон разного размера: «Настоящая (храмовая. – Б.Д.) икона **Николая чудотворца** писана красками; ... Икона **Озненное Возхождение, ядннишная**. – Икона вверху **Нерукотворенного образа**; писаны красками»⁵⁹.

Удивителен пример венчания единственной храмовой иконы: «А в часовне настоящая икона святых мучеников **Флора и Лавра**, в вышину три четверти, а [в] ширину девять вершков, а дру[гая] икона вверху над настоящей ико[на] **Нерукотворенного образа**, в выш[ину] та икона три четверти, а в шир[ину] девять верхов»⁶⁰. При относительно свободной структуре часовенных иконостасов может возникнуть сомнение в том, что в данных примерах речь идет об иконе-навершии, однако эти упоминания объединены: в большинстве случаев при описании завершений используется слово «вверху».

В данных описаниях часовенных интерьеров образ Спаса Нерукотворного обычно упоминается либо отдельно, либо с архангелами. В единичных примерах в навершии указаны Отечество, Спас Вседержитель и Спас: «да вверху Деисус в девяти лицах да над Деисусом **Отечество с херувимы**, [да] образ **Николая чудотворца**»⁶¹ или «вверху над месною иконою написан на цке **Господь Вседержитель**»⁶².

В переписи часовен 1692 г. иконы-навершия не указываются на полке, притом сами подволоки (потолки) упоминаются. Отметим, что в заонежских часовнях (из деревень Леликозеро, Вигово, Васильево) с иконостасами примерно того же периода (последней трети XVII – начала XVIII в.) были «небеса». Без сомнения, помимо изучения посвящений, количества икон и других общих сведений⁶³ дополнительного анализа требует структура иконостасов важных часовен.

⁵⁷ Акты Холмогорской и Устюжской епархий // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 25. Кн. 3. Стб. 422.

⁵⁸ Там же. Стб. 498.

⁵⁹ Там же. Стб. 559.

⁶⁰ Там же. Стб. 579–580.

⁶¹ Там же. Стб. 643–644.

⁶² Там же. Стб. 710.

⁶³ Яницкий Н. Ф. Северно-русская часовня в конце XVII в. (по переписи часовен 1692 г.) // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Императорском университете св. Владимира. Киев, 1914.

Самой же трудной задачей является анализ композиций, где Спас Нерукотворный стоит в ряду других икон: «*вверху над месной иконой в тьябле образ нерукотвореннаго Спаса, в том же тьябле десять икон пятничных, писаны все на красках*»⁶⁴. Ведь в этом случае не ясно, что представляет собой такой ярус: сложное навершие или отдельный ряд избранных икон.

Подобные примеры (как и выше приведенное убранство церкви Петра и Павла Олонецкого погоста) поднимают сложную тему бытования деисусов со Спасом Нерукотворным на месте Спаса Вседержителя⁶⁵. Самым известным примером с подобной иконографией является шитый воздух Марии Тверской 1389 г. со Спасом Нерукотворным в центре деисусного предстояния⁶⁶ (рис. 3).

Рис. 3. Спас Нерукотворный в центре деисусного предстояния. Памятник лицевого шитья – воздух Марии Тверской, 1389 г.

В. Н. Лазарев приводит описание архаичного деисуса на одной доске из Вытегорского погоста со Спасом Нерукотворным в окружении поясных Богоматери и Иоанна Предтечи и двух фигур столпников⁶⁷. Этот образ, возможно, относится к XVI в.⁶⁸

⁶⁴ Акты Холмогорской и Устюжской епархий... Стб. 738.

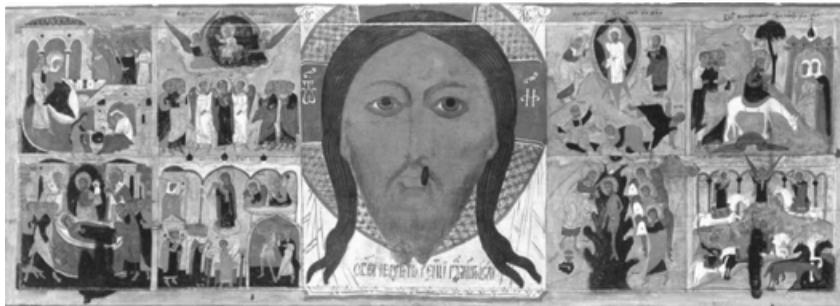
⁶⁵ Евсева Л. М. Спас Нерукотворный в XIV в. // Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2005. С. 86.

⁶⁶ Маясова Н. А. Памятник московского золотного шитья XV в. // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970. С. 491.

⁶⁷ Лазарев В. Н. Два новых памятника русской станковой живописи XII–XIII вв. (К истории иконостаса) // Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970. С. 139. (статья впервые опубликована в 1946 г.)

⁶⁸ Смирнова Э. С. Два примера убранства иконостасных тьябл на Севере // Средневековая Русь: Сб. статей памяти Н. Н. Воронина. М., 1976. С. 356.

В карельском Сегозерье в Успенской часовне из д. Пелкула сохранилась горизонтального формата икона рубежа XVII–XVIII вв. со Спасом Нерукотворным среди праздников, занимавшая место деисусного ряда (рис. 4). Образы св. Лица предположительно находились в центре иконостасов еще двух местных часовен⁶⁹. На сходство структуры этой иконы с северными иконостасов указывает в своей статье Э. С. Смирнова⁷⁰.

*Рис. 4. Икона «Спас Нерукотворный, с праздниками и чудом Архангела Михаила». Конец XVII – начало XVIII в.
Из д. Пелкула Медвежьегорского района (МИИ РК, И-190)*

Могло ли случиться так, что известное с конца XIV в. особое место образа Спаса Нерукотворного в центре деисуса повлияло на распространение традиции завершать иконостас этим образом в XVII в. на северных территориях?

Хронологические границы традиции венчания иконостаса

На основе данных об убранстве соловецких храмов XVI в., а также сведений описи 1545 г. подмосковного Иосифо-Волоколамского монастыря А. Г. Мельник заключает, что примеров традиции завершения иконостаса образом Спаса Нерукотворного для первой половины XVI в. ему не известно⁷¹. Приведем другой пример отсутствия упоминаний завершения иконостаса в документах XVI в. Это писцовые книги центральных губерний, изданные Н. В. Калачовым⁷². В них, по данным С. В. Филатова,

⁶⁹ *Платонов В. Г.* Сегозерские письма // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 317.

⁷⁰ *Смирнова Э. С.* Два примера убранства иконостасных тябл на Севере ... С. 353.

⁷¹ *Мельник А. Г.* Основные типы русских высоких иконостасов ... С. 434.

⁷² *Калачов Н. В.* Писцовые книги XVI в. Отделение I. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872.

содержатся описания 92 главных и придельских иконостасов⁷³, среди которых нет примеров с образом-венчанием. На основании этих данных можно предположить, что и в рассмотренном выше иконостасе Преображенского собора Варламо-Хутынского монастыря в первой половине XVI в. иконы-навершия еще не было.

Дополнительным уточнением датировки рассматриваемой традиции являются церковные предметы XVI в. с изображением Спаса Нерукотворного среди пророков над деисусом. Св. Лик здесь не является отдельным навершием, однако он вписан в сложную композицию, отражающую структуру иконостаса.

Из Москвы происходит костяной резной наперсный крест XVI в. (рис. 5). На его лицевой стороне изображены праздники и фигуры святых, на оборотной стороне, на горизонтальной перекладине – 9-фигурный деисус, над деисусом – Спас Нерукотворный среди четырех пророков, а над пророками и под деисусом – праздники⁷⁴.

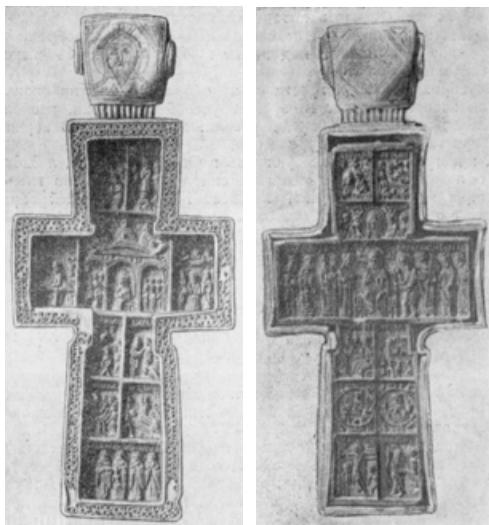

Рис. 5. Спас Нерукотворный среди пророков над деисусом (правая часть фото) и на оглавии креста (левая часть). (Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв.: Каталог. Загорск, 1960. С. 290.)

Второй подобный пример – это костяной резной наперсный крест 1580–1590-х гг. из Соловецкого монастыря (предположительно происходящий из Новгорода). На лицевой стороне на перекладине изображен 9-фигурный деисус со Спасом на престоле, сверху – пророческий

⁷³ Филатов С. В. Письменные источники о составе иконостасов XVI в. // Архитектурное наследие и реставрация: (Реставрация памятников истории и культуры России). М., 1984. С. 123–28.

⁷⁴ Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. С. 289.

ряд из двух ярусов со Спасом Нерукотворным в центре верхнего из них. Над пророками и под деисусом, а также на оборотной стороне изображены праздники⁷⁵. Составитель описания креста Е. А. Моршакова связывает изображение Спаса Нерукотворного среди пророков с разбираемой нами традицией венчания иконостаса⁷⁶.

На оглавии обоих рассмотренных крестов был изображен также Спас Нерукотворный. Это древний и характерный образ на оглавиях русских предметов личного благочестия: наперсных крестов и икон, мощевиков, панагий. По мнению А. В. Рындиной, распространенность изображения Спаса Нерукотворного на крупных по размеру оглавиях предметов конца XIV–XVI вв. объясняется отражением пришедшей из Византии традиции хранения в них копий текста письма Христа к царю Авгарю⁷⁷, что придавало общий защитный смысл. В данной работе мы опускаем исследование связи изображений Спаса Нерукотворного на оглавиях церковных предметов и на иконах-навершиях.

Верхнюю границу периода существования традиции венчания иконостаса образами Спаса Нерукотворного, Спаса Вседержителя оплечного и Саваофа (Отечества) формально можно связать с указанием Московского собора 1666–1667 гг. Оно гласит, что вместо образа Саваофа над иконостасом следует размещать Распятие: *«Лепо бо и прилично есть во святых церквах надейсусе вместо саваофа, поставити крест, сиречь Распятие Господа и спаса нашего Иисуса христа. Якоже чин держится издревле во всех святых Церквах в восточных странах, и в киеве и повсюду, опричь московскаго Государства, и то велие таинство содержится во святей Церкви»*⁷⁸.

Содержание этого раздела кратко дублируется в оглавлении: *«Во Святых Церквах на дейсусе вместо саваофа поставляти распятие Иисуса Христа»*. Под словосочетанием *«на дейсусе»* следует понимать «на иконостасе», так как в документах XVII в. под деисусом подчас подразумевались один или все верхние ряды иконостаса⁷⁹.

Самое любопытное, что в указаниях Собора 1666–1667 гг. не идет речи об иконе Спаса Нерукотворного. По какой причине – непонятно. Упоминание о нем при трактовке выше приведенного текста добавляет Н. Сперовский в своей работе «Старинные русские иконостасы»⁸⁰.

⁷⁵ Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: Каталог выставки. М., 2001. С. 160–161.

⁷⁶ Там же. С. 160.

⁷⁷ Рындина А. В. Образ-реликварий. Спас Нерукотворный в малых формах русского искусства XIV–XVI вв. // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 578.

⁷⁸ Деяния Московских соборов 1666 и 1667 гг. М. 1881. Л. 24. об. 25.

⁷⁹ Баландина А. А. Семантическая структура составных наименований (на материале лексики иконописи XVI–XVIII вв.) // Культура народов Причерноморья. 2007. № 110, Т. 1. С. 2–24.

⁸⁰ Сперовский Н. Старинные русские иконостасы... С. 11.

Саваоф (Отечество) в наверхши иконостаса

В постановлении Собора 1666–1667 гг. мы встречаемся с первым известным нам упоминанием иконы Саваофа в завершении иконостаса. Причем в документе, скорее всего, имелись в виду более ранние, чем относящиеся к 1660-м гг., иконостасы. Сразу уточним, что вместе с образом Саваофа стоит рассматривать и образ Отечества. В описях церковного убранства, где в праотеческом ряду указывался Саваоф, нередко подразумевалось именно Отечество⁸¹.

В первой половине XVII в. мы встречаем образ Саваофа только в центре праотеческих рядов⁸². Самое раннее известное нам указание на отдельную икону относится к 1675 г. из описания белозерской городской Успенской церкви: «над пророки **образ Господа Саваофа**»⁸³.

Икона Отечества сохранилась над 4-рядным иконостасом Успенской церкви в с. Варзуга⁸⁴ (рис. 6 а,б). По сторонам образа установлены фризы с живописными изображениями серафимов и херувимов. Иконостас относится ко времени постройки храма – 1674 г., однако время установки иконы-наверхши точно не известно.

а

б

Рис. 6 а,б. Образ Отечества в наверхши иконостаса.

Успенская церковь 1674 г. постройки в с. Варзуга

(Ополовников А. В. Русский Север. М., 1977. С. 132.) Иконостас церкви на 2013 г.

⁸¹ Например: «праотцы на 24 цках, да в середине образ Господа Саваофа, у него Сын в недрах все писаны на золоте» (Устюг Великий. Материалы для истории города ... С. 75.)

⁸² Могло ли постановление Собора указывать на центральную икону праотеческих рядов, а не на отдельный образ Саваофа?

⁸³ Сперовский Н. Старинные русские иконостасы... С. 10. Прим. 1.

⁸⁴ Ополовников А. В. Русский Север. С. 132.

К концу XVII в. относится уже приведенное упоминание Отечества вместе с Николой над деисусом в часовенном иконостасе.

З. В. Дмитриева и М. И. Мильчик цитируют данные описаний 1773 г., по которым в деревянной Воскресенской церкви в белозерском с. Рукина Слободка находился: «*в церкви вверху в середине подволоки образ Господа Саваофа*»⁸⁵. Авторы трактуют этот текст как упоминание «небес». То, что икона располагалась посередине потолка, указывает на отсутствие ее связи с иконостасом. Однако подобная формулировка очень сходна с описаниями икон-наверший Спаса Нерукотворного, которые были подняты в подволоку.

Так, по описи 1683 г. Михаило-Архангельского монастыря в Архангельске в соборной деревянной церкви⁸⁶, в главном 5-рядном иконостасе находились: «*Над деисусом – образы Господских праздников и пророки и праотцы на одних досках 21 образ. Да в подволоке образ Нерукотворенного Спасова образа со архангелы на красках*»⁸⁷.

В описи 1686 г. деревянной шатровой Троицкой церкви на Ухтоострове упоминается: «*в подволоки Образ Спасов Нерукотворенный писан на золоте*»⁸⁸.

В вологодском «старом» Покровском Глушицком монастыре в деревянной Покровской церкви с 4-рядным иконостасом в 1775 г. был учтен: «*В подволоке Нерукотворенный образ Спасителей писан на золоте краски*»⁸⁹.

Мы предполагаем, что текст 1773 г. мог указывать не столько на краткие «небеса», сколько на икону-навершие Саваофа, которая была поднята на потолок. В любом случае это позднее упоминание, не относящееся к XVII в.

Резная икона Отечества начала XVIII в.⁹⁰ (рис. 7) происходит из деревянного Успенского собора в Кемии (построен в 1711–1717 гг.). По данным экспедиции 1961 г.⁹¹, этот образ находился на западной стене трапезной и

⁸⁵ Дмитриева З. В., Мильчик М. И. Графические и текстовые источники по истории деревянного церковного зодчества Белозерья (XVI–XVIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. XIX. С. 165.

⁸⁶ Попова Л. Д. Символика и иконографическая структура иконостаса православных храмов Архангельска // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 134.

⁸⁷ К истории Михаило-Архангельского монастыря в г. Архангельске. Опись монастыря 1683 г. / [Авт. вступ. ст., публикатор И. М. Сибирцев]. Архангельск, 1895. С. 4.

⁸⁸ Кольцова Т. М. Искусство Холмогор XVI–XVIII вв. ... С. 162.

⁸⁹ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. Исследования и тексты / Отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда, 2011. С. 215.

⁹⁰ Новые открытия советских реставраторов. Живопись. Графика. Скульптура. Прикладное искусство. М., 1973. [Вып. 1]. С. 52–53. См. описание иллюстрации.

⁹¹ Благодарим В. Г. Платонова за указанные сведения.

«Ранее служил завершением иконостаса»⁹². Сложно оценить насколько верно это замечание исследователей, так как мы не знаем откуда оно было получено. Отметим, что иконостас Успенской церкви в Варзуге с иконой-навершием Троицы Новозаветной в иконографии Отечества мог послужить примером для иконописного убранства кемского собора. Заметим, что потолочных икон в церквях в Варзуге и Кемии не было.

Резная с килевидным завершением поясная икона Саваофа происходит из Никольской церкви Троицкого Муезерского монастыря. А. А. Молчанов отнес ее к XVII в.⁹³ Где находилась икона в храме – нам не известно. Муезерский монастырь так же, как и Кемь и Варзуга, входили в орбиту влияния Соловецкого монастыря.

Килевидные завершения являются характерными для икон пратотеческих рядов (помимо наверший киотов или Царских врат). Таковы иконы праотцев первой трети XVII в. из соловецкого Преображенского собора⁹⁴, или пратотеческий ряд 1653 г. Успенского собора Московского Кремля⁹⁵, или образы конца XVII в. пятого ряда иконостаса собора Рождества Богородицы Антониевского монастыря в Новгороде⁹⁶.

Килевидное завершение резной иконы Саваофа может косвенно свидетельствовать о ее месте в верхнем ряду или в навершии иконостаса. Две указанные резные иконы хранятся в фондах МИИ РК. Они требуют дальнейшего изучения.

Рис. 7. Предполагаемая резная икона-навершие «Отечество» из Успенского собора в Кемии.
(Новые открытия советских реставраторов. ...)

⁹² Научный архив МИИ РК. Отчеты музейных экспедиций. Дело №26. Л. 6. (Акт по учету и обследованию произведений древнерусской живописи, находящихся в недействующих церквях КАССР.)

⁹³ Молчанов А. А. Деревянная церковь Николая Чудотворца в Муезерском монастыре // Архитектурное наследство. М., 1969. Вып. 18. С. 113–114.

⁹⁴ Щенникова Л. А. Вопросы изучения соловецких икон XVI–XVII вв. // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 267.

⁹⁵ Остапенко Е. Я. Главный иконостас Успенского собора Московского Кремля // Художественные памятники Московского Кремля. М., 2003. С. 5–40.

⁹⁶ Игнатишина Е. В., Комарова Ю. Б. Русская икона XI–XIX вв. ... С. 124–125.

Рис. 8. Предполагаемая икона-навершие «Троица Новозаветная», XVII в. Государственный музей истории религии

Документальных свидетельств об иконах Троицы Новозаветной в иконографии Сопрестолие в навершии иконостасов нам не известно, однако сохранился образ, который предположительно являлся таковым. Эта крупного размера (141 x 102 см) килевидной формы икона XVII в. находится в экспозиции музея Истории религии⁹⁷ (рис. 8). Она происходит из Ильинской церкви тверской старообрядческой общины в Москве, хотя не принадлежала иконостасу этого храма (икона хранилась в церкви)⁹⁸. Поэтому вопросы где и для какого иконостаса она была написана и являлась ли в действительности навершием остаются открытыми. У этого образа есть особенность в иконографии – Христос указывает на свою рану на груди. Об-

раз Троицы Новозаветной именно такого извода был в местном ряду кижской Покровской церкви. Сейчас под названием «Отечество со страстями» он находится в Челябинской галерее⁹⁹.

В Великоустюжском уезде, по данным писцовой книги 1676–1683 гг., в деревянной Одигитриевской церкви находился 5-рядный иконостас без венчающей иконы, с образом Отечества в центре праотеческого ряда. На западной стене храма располагалось изображение Троицы Новозаветной на холсте: *«на западной стране написано на полотне Сидение Спасителей о десную Отца; вверху церкви в своде писано на полотне Сотворение света»*¹⁰⁰.

⁹⁷ Коробко О. А. Иконопись XVII – первой половины XVIII в. из собрания Государственного музея истории религии // Ростовский архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII в. Ростов, 2006. С. 210.

⁹⁸ Благодарим О. А. Коробко за предоставленные сведения.

⁹⁹ Фролова Г. И. Иконы в собрании музея-заповедника «Кижжи» (формирование, изучение, характеристика коллекции) // Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижжи»). Петрозаводск, 2016. (Кижский вестник. Вып. 16.) С. 192.

¹⁰⁰ Устюг Великий. Материалы для истории города ... С. 81.

В том же документе в каменной церкви Происхождения креста Господня над 5-рядным иконостасом указывается Отечество на холсте: *«над царскими дверьми деисус с празники и с пророки и с праотцы писано на золоте, в своде над деисусом писано на холсту **Отечество**»*¹⁰¹.

Вопрос о существовании икон-завершений с Сопрестолием пока остается открытым.

Спас Нерукотворный с ангелами в навершии иконостаса и «небеса»

Сохранились указания второй половины XVII в. на то, что икона Спаса Нерукотворного устанавливалась на иконостас вместе с иконами ангелов. В совмещении этих образов нет ничего необычного, так как именно ангелы поддерживают св. Убрус (плат): *«да поверх Саваофова образа образ **Спасов Нерукотворенного со двумя ангелом** покрыты убрусом»*¹⁰².

По данным Переписной книги 1653 г., в Кяндском приходе Онежского уезда Архангельской епархии в деревянной Богоявленской церкви над главным иконостасом указаны две иконы: *«У Богоявления Господня в тябле деисус на красках, у Спаса венец и цата серебряные золочены басменные. **Две иконы над деисус Спас нерукотворный на красках**»*¹⁰³.

В Великом Устюге в каменном Прокопиевском соборе 1668 г. постройки, по данным писцовой книги 1676–1683 гг., в иконостасе находились: *«Да в верхних тяблех Праздники и Пророки и Праотцы писаны на золоте. Да над праотцы в вышнем тябле образ **Спасов Нерукотворенный со архангелы, писаны на красках по золоту**»*¹⁰⁴. В этой цитате выделим глагол «писаны», подразумевающий что Спас и архангелы были изображены на разных досках. Если бы изображения были на одной доске, то скорее использовалась бы форма единственного числа – «писан», как в следующем примере: *«Повыше над тем Деисусом поставлен **Нерукотворенный образ в трех лицах, писан красками, мерою цка в длину аршин с четью, поперег в аршин**»*¹⁰⁵.

Наиболее ясным указанием на отдельные иконы в навершии является упоминание в 1668 г. в Архангельске в деревянной теплой церкви Рождества Христова 4-рядного иконостаса, венчанного иконой Спаса Нерукотворного *«со архангелы – на **трех дсках, писаны на золоте**»*¹⁰⁶.

¹⁰¹ Фролова Г. И. Иконы в собрании музея-заповедника «Кижы»... С. 51.

¹⁰² Устюг Великий. Материалы для истории города ... С. 55.

¹⁰³ Кожозерский монастырь // Архангельские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1901. № 20. С. 540.

¹⁰⁴ Попов А. Описание великоустюжского Прокопиевского собора. Вологда, 1859. С. 23.

¹⁰⁵ Акты Холмогорской и Устюжской епархий ... Стб. 678.

¹⁰⁶ Сибирцев И. Исторические сведения о Рождественской церкви в городе Архангельске. Архангельск, 1893. С. 5.

Повторимся, что во второй половине XVII в. отдельные иконы-навершия Спаса Нерукотворного «поднимаются» на потолок – в подволоку, как в уже приведенном архангельском примере 1683 г.¹⁰⁷

Теперь сравним данные упоминания с описанием особого краткого по составу «неба» в Переписной книге 1702 г. костромского Богоявленского монастыря. По данным Переписной книги, в холодной Покровской церкви с. Кривушено находился: «... в церковном *небе образ Господа Вседержителя, по сторонам два образа ангельских*»¹⁰⁸.

Продолжим цепочку цитат первым известным свидетельством о «небесах» с гранями. В главном иконостасе деревянной Георгиевской церкви в с. Толвуя над 5-рядным иконостасом были: «*Небеса, Спасов образ в кругу, по косякам небесныя силы в чину*»¹⁰⁹.

С середины XVIII в. на восточных гранях «небес» (по центру иконостаса) утверждается изображение Распятия с предстоящими по аналогии с завершениями иконостаса в виде Распятия¹¹⁰. Подобные влияния могли происходить и в ранний этап развития «небес» на Севере, тем более что Спас Вседержитель оплечный, Саваоф и Отечество изображались на медальонах «небес».

В связи с этим можно предположить, что навершия со Спасом Нерукотворным и ангелами, а также место Спаса Нерукотворного на потолке повлияли на самую раннюю и самую распространенную иконографическую схему «небес» со Вседержителем и ангелами (силами небесными).

Иконографии Спаса Нерукотворного и Спаса Вседержителя оплечного

Появление в последней трети XVI в. образов в завершении иконостасов соборов Соловецкого и Варлаамо-Хутынского монастырей и упоминание икон-наверший в официальных документах Собора 1666–1667 гг. (по всей видимости, в них помимо Саваофа подразумевался и образ Спаса Нерукотворного) говорят о том, что мы имеем дело с традицией, а не с отдельными случайными примерами. В некоторых случаях такие венчания иконостаса сохранились до XX в.¹¹¹

¹⁰⁷ К истории Михаило-Архангельского монастыря ... С. 4.

¹⁰⁸ Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. М., 1984. С. 184. Прим. 80.

¹⁰⁹ Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н. Калачова. СПб., 1864. Т. 2. С. 210.

¹¹⁰ Кольцова Т. М. «Небо» и его росписи в памятниках деревянной культовой архитектуры Русского Севера // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994. С. 63–64.

¹¹¹ Каретников А. А. Деревянное церковное строительство: фотоальбом (по изданию 1913 г.). Архангельск, 2010. С. 113; Карелия: ежегодник Карельского государственного музея за 1928 г. Петрозаводск, 1930. С. 125; Иконостас северного храма: каталог икон Воскресенской церкви села Сельцо Холмогорского района из собрания музея «Малые Корель» / Сост. и авт. вступ. ст. С. А. Согрина. Архангельск, 2013.

Спас Вседержитель оплечный, изображенный на иконе «Видение пономаря Тарасия», мог появиться в навершии иконостаса и раньше времени написания иконы, после середины XVI в. За отсутствием других сведений новгородская икона-навершие может являться первообразом для рассматриваемой традиции на Русском Севере¹¹², тем более что известные по ранним упоминаниям икон-наверший Соловецкий и Каргопольский монастыри были связаны с Новгородом.

Спас Вседержитель оплечный с выделенной оглавной иконографией, по всей видимости, связан с иконными образами XIV в.¹¹³, имеющими византийские корни. Об этом пишет Т. Л. Никитина, выясняя происхождение краткой иконографии Вседержителя в куполе Богоявленского собора ростовского Авраамиева монастыря¹¹⁴. Изображение Вседержителя для иконы-навершия могло быть заимствовано с купольных росписей или центрального образа деисусного ряда (что не объясняет краткость его иконографии).

Вернемся к тому факту, что ни в постановлении Собора 1666–1667 гг., ни в труде архимандрита Макария (1860), ни в работе Н. Сперовского (1891–1893 гг.) не упоминается образ Спаса Вседержителя оплечного, четко различаемый на иконе «Видение пономаря Тарасия». Поразительно, что и некоторые современные исследователи прямо¹¹⁵ либо косвенно¹¹⁶ трактуют его как Спаса Нерукотворного.

Сделаем предположение, что эти иконографии Спаса могли подменять друг друга. Ярким примером замены наименования иконографии Спаса Вседержителя оплечного на Нерукотворного в исторических документах является определение нерукотворным в описи 1627 г. известного образа Успенского собора Московского Кремля – «Спаса Ярое око»¹¹⁷. В известной работе Н. Кондакова 1905 г. «тутаевский» образ Спаса Всемилоственного (по иконографии – Вседержителя), несмотря на наличие в издании фотографии, назван Нерукотворным. Эта крупная по размерам икона, происходящая из каменного Воскресенского собора г. Тутаева

¹¹² По мнению А. Г. Мельника, вопрос, в каком храме впервые возник венчающий образ, остается открытым (*Мельник А. Г.* Ансамбль Соловецкого монастыря в XV–XVII вв. ... С. 131.).

¹¹³ *Попова О. С.* Икона «Спас Ярое око» из Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 128.

¹¹⁴ *Никитина Т. Л.* Первоначальное изображение в центральном куполе Богоявленского собора ростовского Авраамиева монастыря // Сообщения Ростовского музея. Вып. 9. 1998. С. 111–117.

¹¹⁵ *Журавлева И. А.* Праотеческий ряд и завершение символической структуры ... С. 492; *Сорокатый В. М.* Новгородские иконостасы в XVI в. ... С. 79.

¹¹⁶ *Евсеева Л. М.* «Св. Образ» в XV–XVI вв. Иконографические типы и формы почитания // Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2005. С. 120–121.

¹¹⁷ *Попова В. С.* Икона Спаса из Успенского собора Московского Кремля ... С. 125. Прим. 2.

(бывший Романов-Борисоглебск), в 1671 г. была поставлена в навершии 5-рядного иконостаса (сейчас стоит отдельно), а до этого в предшествующем деревянном храме располагалась на потолке («в куполе деревянного храма»)¹¹⁸. Другой косвенный пример – это уже упоминавшаяся опись 1642 г. Преображенского собора Варлаамо-Хутынского монастыря, где венчающий образ иконостаса обозначался уже как «*Нерукотворенный Образ Господень*»¹¹⁹.

Пока что исчерпывающе ответить на вопрос о замещении наименований иконографии Спаса мы не можем.

Упоминания икон Спаса, которые можно трактовать как образы Вседержителя, иногда встречаются в описаниях завершений иконостасов XVII в. В 1675 г. в белозерской городской церкви Происхождения Честных Древ над верхним ярусом иконостаса располагался образ Спаса¹²⁰. Спас и Спас Вседержитель упоминаются в переписи важских часовен 1692 г.

Заключение

Итак, иконы-навершия появляются предположительно в 1570-е гг. на позднем этапе развития структуры высокого русского иконостаса. Самыми ранними изображениями на них являются Спас Вседержитель (оплечный) и Спас Нерукотворный. В XVII в. образ св. Лица занимает главенствующее место. Во второй половине XVII в. появляются упоминания о завершениях с образом Саваофа (Отечества). Следующим этапом развития традиции становится живописное или резное Распятие с предстоящими, с последней трети XVII в. утверждающееся над рамными резными иконостасами. В тех деревянных храмах, где устанавливались потолочные иконы «небес», они заменяли иконы-навершия.

Иконы-навершия с различной частотой встречались в иконописном убранстве деревянных храмов локальных северных территорий. Образы в завершении иконостаса устанавливали не слишком часто, однако при этом они были распространены на довольно широкой территории. Важным моментом является наличие венчающих икон во многих монастырских храмах, особенно в каменных соборах Соловецкого и Варлаамо-Хутынского монастырей. Границы и частоту распространения традиции еще предстоит точно установить, так как нами изучены разрозненные документальные источники. Стоит заметить, что конкретные иконы-навершия, которые упоминаются в цитатах, в большинстве своем возникли раньше указанных для документов дат.

¹¹⁸ Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905. С. 89. Ил. 40.

¹¹⁹ Макарий. Опись Новгородского Спасо-Хутынского монастыря... С. 428.

¹²⁰ Сперовский Н. Старинные русские иконостасы... С. 10. Прим. 1.

Образ Спаса Нерукотворного в завершении иконостаса может иметь связь со стенописными изображениями на восточной подпружной арке, а также с изображениями на оглавиях предметов личного благочестия. Кроме того, на Севере были распространены архаичные деисусы со Спасом Нерукотворным в центре ряда. Праотеческий ярус иконостаса связан с иконами-завершениями временем своего появления, а также идеей развития иконостаса вверх. А для икон-наверший с Саваофом (Отечеством) прослеживается связь с центральным изображением этого ряда. Не до конца ясны истоки образов-завершений со Спасом Вседержителем.

Иконы-навершия Спаса Нерукотворного в отдельных деревянных церквях устанавливали на потолке (подволоке). В этом, а также в других аспектах прослеживается их связь с «небесами». Данный вопрос требует отдельного рассмотрения.

Эта статья является первым этапом изучения икон-наверший северных иконостасов. Дополнительные архивные изыскания помогут выявить большее количество упоминаний о венчающих иконах и позволят дальше разрабатывать рассматриваемую тему.

ИЗУЧЕНИЕ ФОНДОВОГО СОБРАНИЯ МУЗЕЯ- ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Г. И. Фролова

«РАДУЙСЯ, ОБРАДОВАННАЯ, ВО УСПЕНИИ ТВОЕМ НАС НЕ ОСТАВЛЯЮЩАЯ». ИКОНЫ «УСПЕНИЕ БОГОМАТЕРИ» ИЗ КИЖСКИХ ЦЕРКВЕЙ

В составе коллекции музея-заповедника «Кижь» хранится несколько икон «Успение Богоматери». Все они происходят из храмов Спасо-Кижского погоста.

В статье анализируются особенности композиций трех иконостасных икон, посвященных празднику «Успение Богоматери», затронуты некоторые вопросы их сюжетного содержания. Это две праздничные иконы из иконостасов кижских церквей: зимней Покрова Богородицы¹ и летней Преображения Господня²; третья – из местного ряда кижской Преображенской церкви³. На них разные иконописцы в меру своего мастерства и знаний изобразили христианскую историю Успения Богородицы⁴.

¹ Кижь. КП-107/15. ДРЖ-90. Датировка: конец XVII в. (не позднее 1697 г.). Основа: две сосновые тесаные и строганные доски; две врезные, сквозные шпонки. Ковчег. Паволока льняная. Левкас белый, плотный, меловой. Желтковая темпера. 80 x 58 x 4.

² Кижь. КП-106/41. ДРЖ-359. Датировка: перв. четв. XVIII в. Основа: две тесаные доски. Ковчег. Паволока льняная. Левкас белый, плотный, меловой. Желтковая темпера. 99 x 73,5 x 4.

³ Кижь. КП-106/11. ДРЖ-389. Датировка: около 1759 г. Мастерская «Кондопожский мастер», Заонежье. Основа: четыре тесаные хвойные доски; три врезные, сквозные шпонки. Левкас белый, плотный, меловой. Желтковая темпера. 172 x 138 x 4,5.

⁴ Кроме рассматриваемых в статье трех икон, с территории Спасо-Кижского погоста происходят еще две иконы с данным сюжетом: 1) храмовая икона «Успение Богоматери» конца XV столетия из часовни Успения Богородицы в деревне Васильево на острове Кижь (в настоящее время принадлежит Музею изобразительных искусств РК); 2) икона «Богоматерь Тихвинская» из волкостровской Петропавловской часовни, по периметру средника ее обрамляют двенадцатые праздники, среди которых изображено и Успение (рис. 1).

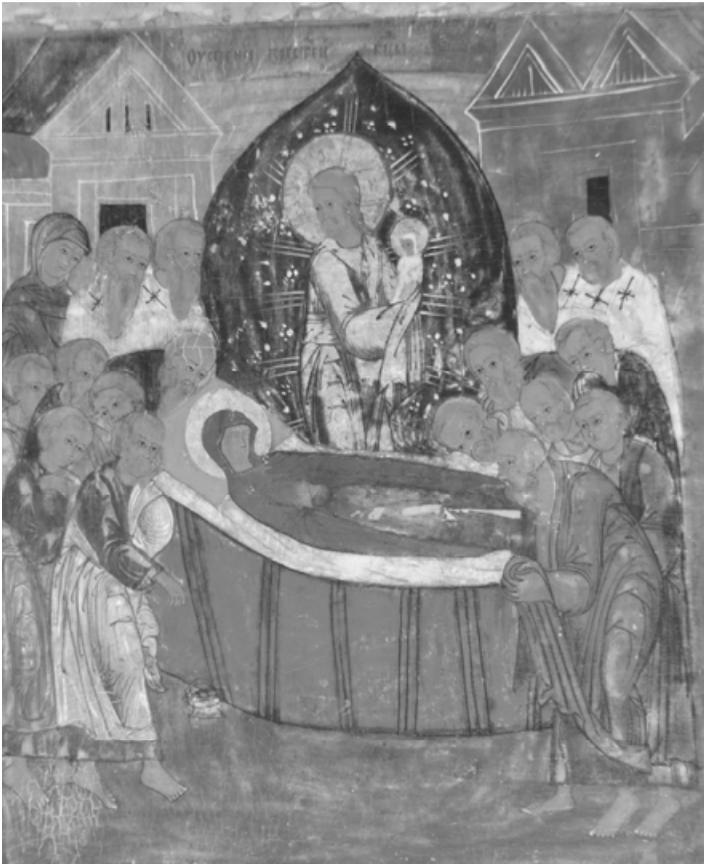

Рис. 1. КП-111-4. «Успение Богородицы», клеймо иконы «Богородица Тихвинская с праздниками» из Петропавловской часовни

В православной Руси почитание Богородицы было необычайно развито. Праздников и икон, посвященных событиям из жизни Девы Марии⁵, чудотворных богородичных икон, списков с них было огромное, не поддающееся счету количество. В честь Богородицы составлен Великий Акафист, хвалебное песнопение, автором которого предположительно явля-

⁵ Перечислим главные праздники христианского года и названия икон, связанные с Богородицей: «Рождество Богородицы», «Введение во храм», «Благовещение», «Сошествие Святого Духа на апостолов»; «Рождество Христово», «Сретение», «Распятие», «Снятие со креста», «Положение во гроб», «Вознесение Господне».

ется Роман Сладкопевец. Великий Акафист послужил основой для создания других акафистов, в частности для двенадесятых праздников христианского богослужебного года, в том числе на праздник Успения Божией Матери. Первая публикация Акафиста Успению Богородицы была выполнена в Киево-Печерской лавре в 1625 г. Издание включало три акафиста: Пречистой Богородице, Иисусу Сладчайшему и Успению Владычице нашей. Это был первый перевод на славянский язык Акафиста на праздник Успения – сочинения константинопольского патриарха Константина († 1349). Акафист Успению Богородице считается вторым по древности после Акафиста Благовещению.

Успение Богородицы включено в состав двенадесятых праздников, главных праздников христианского года. На Руси праздник Успения Богоматери почитается особо. Еще на заре русского православия преподобные Антоний и Феодосий, основатели Киево-Печерского монастыря, главный храм посвятили Успению Богоматери. Это посвящение было воспринято на Руси и стало своеобразной традицией: множество храмов возведено в честь этого праздника. Среди них – главные храмы Владимира, Москвы, Ростова Великого. Успенские соборы были построены в Троице-Сергиевом, Псково-Печерском, Кирилло-Белозерском и многих других монастырях. Один из древнейших монастырей в Обонежье – Успенский Муромский. Успение Богоматери, Ее переход из тварного мира в горний празднуется как возвышенное событие, достойное ликования. Источником светлых радостных чувств является вера в искупительный подвиг Иисуса Христа Сына Божия и Девы Марии. Отнюдь не печаль, а духовную радость испытывают православные, поскольку уверены, что в мире горнем, куда вознесена Богородица, и они, когда придет время, будут наслаждаться в сонме праведников неиссякаемой духовной пищей. Более того, по вознесении в горний мир Богородица, предстая пред Господом, стала защитницей и покровительницей за них⁶.

Принято считать, что праздник установлен в период правления византийского императора Маврикия (592–602) в конце VI столетия. Ни одно из Евангелий не сообщает о последних днях жизни Богородицы. Основу праздника в Византии, на Балканах и в Древней Руси составили широко распространенные древние сочинения «Слово Иоанна Богослова на Успение Богородицы», «Слово Иоанна, архиепископа Солунского», а также

⁶ Эта мысль заключена в словах 13 кондака Акафиста на праздник Успения Богоматери: «О Всепетая Мати Безсмертнаго Царя Небесе и земли, Христа Бога нашего, живущая и по смерти, нынешняя приношения от всечестном Твоем Успении от нас приемши, в жизни сей и в смертном успении нашем от всякия напасти, бед и муки избави, и Небеснаго Царствия нас, Царица, сподоби, о Тебе вопиющих: Аллилуйя». Акафисты двенадцатым праздникам (в порядке церковного года). Типография Киево-Печерской лавры, 2007. С. 365–389.

древнейшее праздничное слово на Успение иерусалимского патриарха Модеста († 632), Слова святых Андрея Критского, константинопольского патриарха Германа и три Слова святого Иоанна Дамаскина (все – VIII в.)⁷.

Иконография праздника в иконописи представлена кратким вариантом, а также развитым и расширенным – так называемым облачным Успением. На протяжении веков в изображении этого, как и других двенадцатых праздников, происходили видоизменения, но при этом основа композиции оставалась стабильной, она присутствует на всех иконах данного сюжета⁸. Для этой иконографии характерна симметрия в размещении персонажей, расположенных слева и справа от Христа и одра с Богородицей. Обязательным элементом композиции на иконах является ложе с Богородицей. За ним в миндалевидной славе изображают Христа с душой Богородицы⁹. На многих иконах слава завершается серафимом, по бокам от Христа изображены ангелы в светлых одеждах, сопровождающие Спасителя. По сторонам ложа – апостолы (по шесть фигур) и святители (их может быть разное количество, от двух до четырех). Перед ложем – высокий светильник или кадило в руках апостола Петра. Часто на переднем плане изображается сцена с нечестивым Авфонием, которому ангел отрубает руки. Первоначально эта сцена пишется на иконах для местных рядов иконостасов¹⁰, затем с XVII столетия получает широкое распространение и на иконах, предназначенных для праздничных рядов.

Все три кижские иконы имеют в основе одну и ту же композиционную и сюжетную схему, но через видение и восприятие иконописцами поставленной задачи разнятся в изображении события деталями, подробностями, цветовым решением¹¹.

⁷ *Лунатова С. Н.* Успение Пресвятой Богородицы: иконография праздника в искусстве Византии и Древней Руси. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/060826144424.htm>. Дата обращения: 18.01.2017.

⁸ Иконописец Григорий Круг сохранение основы иконографии на протяжении столетий объясняет следующим образом: «...бесконечное разнообразие, присущее иконам, не разрывающее их родового единства и позволяющее, не лишая иконопись подвижности и гибкости, видоизменять изображения, сохраняя внутреннее единство и цельность иконы, не давая ей распасться на множество не связанных друг с другом и совершенно чуждых друг другу изображений» (*Григорий (Круг)*, инок. Мысли об иконе. М., 1997. С. 52).

⁹ Самый краткий иконографический извод, в котором нет даже апостолов, представлен на иконе из собрания Н. П. Лихачева в коллекции ГПМ. Икона опубликована: «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. Каталог / Ред. Н. Обновленская. СПб., 1994. Ил. на с. 46.

¹⁰ *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV в. М., 1982. С. 251.

¹¹ В Подлиннике иконописном приведено следующее описание иконографии праздника: «Успение Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии. Над Спасом херувим огнен, Спас держит душу Пречистыя Богородицы, белу, Пречистая лежит на одре, руки к сердцу, с правую сторону стоит святитель сед, аки Власий, в руке книга, а с левую святитель сед, брада

**Рис. 2. КП-106-41. Икона «Успение Богоматери»
из церкви Преображения Господня**

На иконе из праздничного ряда иконостаса Преображенской церкви прощание с Богородицей представлено наиболее скромно (рис. 2). Помимо апостолов изображены два святителя. Из иконографических особенностей отметим, что Спаситель держит душу Богоматери (изображенной в виде улыбающегося спеленатого младенца) двумя руками, покрытыми платом (так же и на иконе из Покровской церкви). Фигура Христа заключена в ро-

долга, в руке книга, а за ним две вдовы жены, плачутся, у главы Пречистой апостол Петр с кадиллом, а за ним пять апостолов, постронь полата вохра с белилом, а по другую сторону полата празель, ограды мало видет, вохра с белилом» (Подлинник иконописный / Изд. С. Т. Большакова, под ред. А. И. Успенского. Изд. Паломник, 1998. С. 128 (репринт изд. 1903 г.).

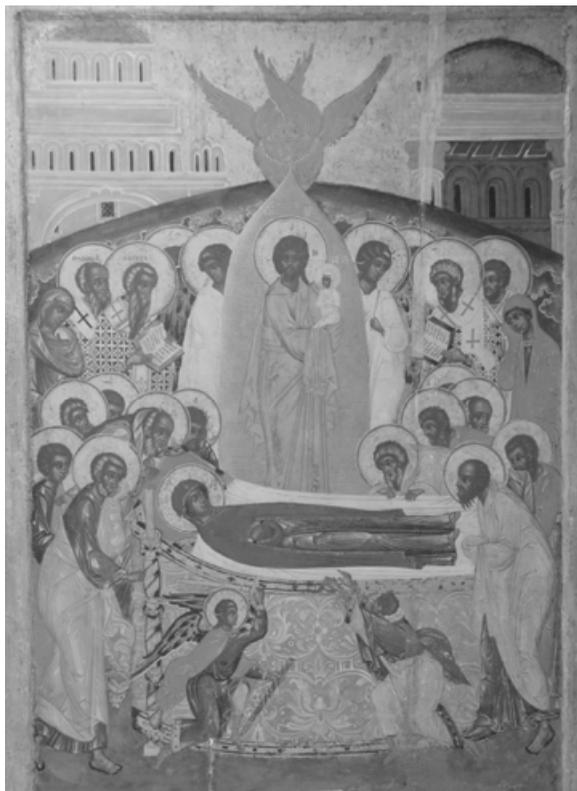
зовую мандорлу, завершающуюся огненным херувимом. За ней стоят два огненноликих ангела со свечами, в светлых одеждах. Ангелы частично перекрыты плотной славой Христа и, в свою очередь, заключены в голубую мандорлу, окаймленную зеленовато-белыми облачками. На переднем плане ангел отрубает руки нечестивому Авфонию. Событие происходит в интерьере здания с сетчатыми окнами, приоткрытой дверью и завесой с травным орнаментом, плитками пола, изображенными без ракурса. Композиция иконы не только симметрично уравновешена, но и ритмична. Напряженности, глубокой взволнованности, динамичному выражению печали, обозначенному в позах, жестах, взглядах персонажей у одра Богородицы в нижней части иконы, противопоставлены пафос и торжественность поз Христа, ангелов и святителей на верхней половине иконы. Здесь представлены два святителя Иерофей и Иаков, брат Господень, но нет ни одной женской фигуры. Необычным для иконописной традиции является изображение нимбов, за нимбами двенадцати апостолов.

Вторая икона из праздничного ряда иконостаса Покровской церкви более детализирована (рис. 3). Композиция включает изображения четырех святителей (Дионисия Ареопажита, Иерофея Афинского, Тимофея Ефесского, Иакова, брата Господня) и две женские фигуры, которые замыкают предстояние скорбящих. При этом жены изображены не в зданиях и не рядом со зданиями, а между ярусом святителей и апостолов. Отличается композиция оригинальным изображением внешнего ореола: все событие обрамляет, подобно завесе, небесный сегмент в виде двухслойной гряды облаков. В контексте развития художественной традиции можно соотнести данный извод с иконой «Успение» из Успенской церкви с. Курицко близ Новгорода конца XIV в.¹² На этой иконе внешний ореол круглой формы расположен подобным же образом. Скорбящая жена также изображена между святителями и апостолами. Учитывая датировку кижской иконы концом XVII столетия, в сюжетной канве можно отметить целенаправленность в решении иконописцем определенной задачи. Вероятно, иконописец изобразил облако, которое, согласно книжной традиции, укрыло от посторонних взглядов проводы Богородицы. За «облачным» сегментом в верхних углах изображены два разноцветных здания с округлым завершением. Присутствует также популярная сцена с нечестивым Авфонием.

В кижских иконах из праздничных иконостасных рядов несомненно сходство композиции, очертаний, поз и моделировки фигур. Их объединяет ряд деталей. Спаситель принимает душу Богородицы двумя руками, прикрытыми белоснежным и золотым платами. Его взгляд обращен не к

¹² Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. М., 1976. С. 229.

возлежащему телу Богородицы, а к созерцающему икону. Торжественность позы Христа подчеркнута некоторой удлинённостью фигуры и миндалевидной славой. Христос изображен в остроконечной розовой славе, с почти горизонтально расположенными золотыми лучами. Слава завершается красным серафимом. За ней изображено по красноликому ангелу в белоснежных с золотом одеждах, с горящими свечами в руках. Расположение фигур апостолов, их позы близки. Таковы фигуры переднего плана: апостолов Петра и Павла. Апостол Петр на многих иконах изображается с кадиллом. Подобным образом изображено кадило на цепочке в руке апостола Петра в преображенском варианте. Иконописец повторяет позу и движение фигуры на покровской иконе, но в руке Петра, расположенной в том же движении, нет кадила – она упирается в высокий светильник.

**Рис. 3. КП-107-15. Икона «Успение Богоматери»
из церкви Покрова Богородицы**

Сцена с нечестивым Авфонием представлена одинаково. Ангел изображен слева, Авфоний – справа. Стремительное движение Авфония в этих композициях можно отметить как идентичное.

Ложе Богоматери покрыто тканью с богатым травным орнаментом, характерным в целом для орнаментации одежд (святителей в деисусном ряду преображенского иконостаса) и драпировок (на праздничных иконах). Здания на иконах, несмотря на разнообразие форм, стилистически характерны для петровского барокко. Фон и поля икон – золотые (золото-двойник).

К существенным отличиям можно отнести отсутствие скорбящих иерусалимских жен на преображенской иконе, в то время как на покровской они расположены несколько необычно, между святителями и апостолами. В результате создается эффект близости святителей к ангельскому чину и славы с Христом, усиливающий их особое служебное призвание: соединение земного и горнего. В их руках находятся раскрытые книги с текстами из служебных чтений. У Иакова, брата Господня, расположенного слева: «О Тебе // вси про//возвестиша// Моисей// первые// купи//ну//ви//девь //тя// предь // глагола//ше». У второго святителя, представленного справа (имя не сохранилось): «Бла//жена//еси в же//нахъ и//в роды//и роды// блго//слове//на на//нбси//и на зе//мли//слави//мъ». На преображенской иконе изображены два святителя, в руках у них закрытые книги.

В живописном плане иконы значительно разнятся в исполнении ликов. Мягкие живописные лица с соразмерными пропорциями деталей на иконе из зимней церкви резко контрастируют с жестко исполненными ликами на иконе из летнего храма.

Композиция этих двух икон плотная, насыщенная цветом и фигурами скорбящих, с крупными зданиями в верхних углах ковчега, уравновешена как в вертикальном, так и в горизонтальном направлениях. Композиция третьей иконы из местного ряда иконостаса Преображенской церкви, несмотря на четко читаемые горизонтальные ряды, построена в вертикальном направлении (рис. 4).

Третья кижская икона относится к так называемому «Облачному Успению»¹³. На ней событие проиллюстрировано подробнейшим образом, с присущей для иконописцев мастерской «Кондопожского мастера» непосредственной живостью и яркостью красок. Иконописец следовал выработанной на протяжении столетий традиции, но при этом кажется, что он писал икону под впечатлением гимнографических текстов об Ус-

¹³ Древнейший пример «Облачного Успения» – икона из новгородского Десятинного монастыря, датируемая началом XIII в. См.: Смирнова Э. С. Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI вв. М., 2008. Ил. на с. 43.

пении Пресвятой Богородицы. Это могли быть каноны и стихиры праздника, в которых подчеркивается радостный характер события, а также икосы и кондаки акафиста. Многие слова в этих текстах созвучны живописному языку иконы.

**Рис. 4. КП-106-12. Икона «Успение Богоматери»
из церкви Преображения Господня**

Композиция строго симметричная. Содержание строится вдоль центральной оси, постепенно устремляясь вверх. Внизу в центре – ложе с телом Богоматери в голубом хитоне и коричневом мафории. Голова ее покоится на двух (голубой и красной) подушках, руки сложены на груди. Ложе застелено белой в красную и черную полоску тканью. Подзор на ложе коричневый с травным орнаментом. За ложем в розовой мандорле – Христос, который держит душу Богоматери (в белой одежде) на левой руке, прикровенной тканью гиматия. Явление Спасителя, виден-

ное боговидцами Дионисием Ареопагитом, «небесным таинником», «дивным» Иерофеем Афинским и Тимофеем Ефесским, предстает в текстах как «божественное и страшное Христа Бога смотрения таинство»¹⁴. Вседержитель изображен в легком наклоне к одру, двуперстно благословляющим Богоматерь. Хитон и гиматий Христа золотые. По сторонам мандорлы стоят ангелы в белых одеждах с красными зажженными свечами в прикровенных руках. Сверху на розовой мандорле – широко раскрывший крылья херувим с красным нимбом, ниже мандорлу фланкируют два херувима, изображенные в профиль. Изображения ангелов и херувимов, в свою очередь, заключены в голубую мандорлу, украшенную изображениями звезд и условных облаков.

Слева и справа от ангелов расположены по два святителя с Евангелиями в руках: Иаков, брат Господень, Дионисий Ареопагит, Иерофей Афинский и Тимофей Ефесский. Нимбы подписаны, но сохранность надписей плохая. Одежды: (слева направо) желтый подризник и грязно-зеленая с белым травным орнаментом фелонь; розовый подризник; черно-белая крестчатая фелонь; розовый подризник и белая с мелкими красными и черными крестиками фелонь; голубой подризник и красная фелонь. Омофоры белые с красными крестами.

В изголовье и ногах Богоматери находятся две группы скорбящих апостолов. На нимбах апостолов подписаны начальные буквы их имен. Апостолы одеты в цветные хитоны и гиматии (преобладают голубые и грязно-зеленые тона). В правой руке Петра – кадильница, левая прижата к лицу. [Ср.: «Егда преставление пречистаго Твоего тела готовляшеся, тогда апостоли обстояше одр, с трепетом зряху Тя ...Петр же со слезами вопиаша Ти: Дево, вижду Тя ясно простерту просту живота всех и удивляюся: в Ней же вселися будущия жизни наслаждение»]¹⁵.

На первом плане – в изголовье зажженный красный светильник; правее – сцена усечения рук нечестивого Авфонии ангелом в воинских одеждах с обнаженным мечом. Прощание происходит на фоне палат, которые слева завершаются зелеными двускатными кровлями, справа – охристыми с полукружиями кровлями. На левой палате – охристый занавес, на правой – красный. На фоне приоткрытых занавесей изображены многочисленные фигурки скорбящих: слева – жен (в белых платах), справа – дев (с непокрытыми головами). Включение в композицию стольких женских фигур можно назвать редким приемом, который встречается в поздней иконописи¹⁶.

¹⁴ Служба на Успение Пресвятой Богородицы. М., 1764. Л. 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ Например, см. икону «Успение» 1680-х гг. Гурия Никитина Кинешемцева (Комашко Н. И., Каткова С. С. Костромская икона XIII–XIX вв. М., 2004. Кат. № 126).

**Рис. 5. КП-106-12. Икона «Успение Богоматери»,
фрагмент «Прибытие апостолов»**

Значительное пространствоверху занято летящими ангелами, несущими разноцветные сферы с апостолами. [Ср.: «На безсмертное Твое усение Богородице Мати живота облацы апостолы по воздуху восхищаху и по миру разсеянные, во едином лице предсташа пресвятому Твоему телу»]¹⁷. Изображения апостолов поясные; с жестом предстояния обращены к Богоматери, в левых руках – свернутые свитки. Они в цветных хитонах и гиматиях. Апостолы Павел, Матфей, Марк, Иаков Алфеев, Варфоломей и Филипп изображены в левой части композиции (рис. 5); Лука, Иоанн, Петр, Иаков, Симон и Андрей – в правой. Несение апостолов к ложу Богородицы отличается от традиционной иконографии. На иконе каждый апостол изображен в цветном круге, со слегка тональной раскладкой цвета, внутри которого обозначены тонкими линиями волнообразные облака. Иаков, Андрей, Марк, Варфоломей – в желтых сферах; Лука, Симон, Петр, Павел, Иаков, Филипп – в оранжево-красных; Иоанн – в зеленой, Матфей – в голубой. Любопытная деталь в изображении некоторых ангелов: их рукава закатаны выше локтя. Создается впечатление напряженности, осязаемой тяжести несомого облака. Возможно, тем самым автор хотел акцентировать внимание на срочности их

¹⁷ Служба на Успение Пресвятой Богородицы. Л. 17.

прибытия к ложу Богоматери. Апостолы, Богоматерь и ликующие ангелы в этой части иконы изображены на золотом фоне (золото-двойник значительно потерто), то есть в мире божественном. Мастер обозначает «значимость» персонажей различным оформлением: апостолы написаны в разноцветных круглых облаках-медальонах (знак вечности), заполненных каким-либо одним цветом. Богородица представлена в мандорле, которая внутри синего цвета с белыми звездами, но в соответствии с духом времени в «славе» присутствуют облачные включения. То есть, если апостолы летят на разноцветных облаках, то Матерь Божия пребывает в небесном пространстве.

Вверху, на свету, расположена несомая четырьмя ангелами сфера «славы» с Богоматерью, восседающей на престоле. Руки ее подняты к груди (ладонью на зрителя) (рис. 6). Сфера голубая, двухтоновая, украшенная звездами, сиянием и розовыми условными облаками по краю. Над ней – голубая сфера меньшего размера, с собором ликующих ангелов. [Ср.: «Взяшя двери небесныя и ангели воспеша: и прияхъ Христось девства своея матере сосудъ: херувими подныша Тя съ веселиемъ, серафими же славятъ, радующеся»]¹⁸. В самом верху – «отверстые врата». [Ср.: «...радовахося всепетая: превыше же пресвятыя и старейшия ангельския силы чудеси дивящеся, приникши друг ко другу, глаголаху: Возьмите ваша врата и восприимите рождшую небесе и земли Творца»]¹⁹. За вратами рая – ангелы с прикровенными руками, встречающие Богородицу, и изображение Святого Духа в виде голубя на красном квадрате, расположенном на зеленом. Эта сцена представлена в центре голубого неба, ограниченного крупными многослойными облаками, которым завершается композиция иконы.

На этой полосе голубого неба, слева, изображены красная личина Солнца, справа – бледно-розовая личина Луны. Это является опять же специфическим элементом композиции. Изображение личин Луны (померкшей) и Солнца (в кровь обратившейся) характерно для иконографии Страшного суда. Включением сцены с открытыми вратами рая на фоне неба – «неба земного» – мастер, вероятно, художественным языком подчеркивает прохождение Богородицы «в небесная и наднебесная», Ее приятие во Иерусалим Горний. [Ср.: «Радуйся, вшедшая в престольный град Самаго Вседержителя; радуйся, вознесшаяся в прекрасный рай Вышнего Насадителя»]²⁰. В этой части иконы наиболее ярко проявилась индивидуальность мастера. Восхождение Богородицы он представляет тремя композициями: телесное вознесение Богоматери ангелами в славе; ликование ангелов; открытые врата рая с Небесными силами, готовыми принять Богородицу.

¹⁸ Служба на Успение Пресвятой Богородицы. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Акафист на Успение. Икосы 2, 3, 6, 8. Цит по: Акафисты двенадцатым праздникам (в порядке церковного года). Типография Киево-Печерской лавры, 2007. С. 365–389.

**Рис. 6. КП-106-12. Икона «Успение Богородицы»,
фрагмент «Вознесение Богородицы»**

В композиции иконы четко прослеживается вертикальная устремленность вверх. Взгляд в соответствии с развитием сюжета постепенно поднимается вверх, вслед за ангелами, которые несут Богородицу в небесной славе через славящий Богородицу Собор ангелов, пока не достигают отверстых райских врат.

Детализированное, активно насыщенное, имеющее соответствия в литературных и богослужебных источниках повествование, в отличие от немногословных, емких по содержанию ранних композиций, характерно и для своего времени, и для иконописной мастерской «Кондо-

пожский мастер». Скорбь предстоящих в нижней части иконы постепенно, по мере включения дополнительных разновременных эпизодов, сменяется торжеством. В канонах и стихирах праздника, в икосах и кондаках звучат разнообразные эпитеты, восхваляющие Богородицу: «Радуйся присноблаженная», «Радуйся предстательство наше и крепкое заступление», «Радуйся от всех родов Богом избранная» и т. п. Эти слова в сочетании со звучанием яркой многоцветной живописи, в которой ведущая роль принадлежит индиго и киновари, способствуют раскрытию темы.

В представленных трех кижских иконах много общего и индивидуального. В двух из них заметна интересная интерпретация темы, основанная на книжных источниках. Созданы все три иконы последовательно друг за другом (покровская не позднее 1697 г., преображенские в первой четверти XVIII в. и около 1759 г.). Сюжет к этому временному периоду был разработан в многочисленных вариантах, при написании икон мастера ориентировались на определенные текстовые образы. Функция цитаты в кижских иконах традиционна для своего времени, является частично сюжетобразующим элементом, раскрывает индивидуальность авторов. Их вариативность не меняет сюжетную сторону икон; основа композиции, отшлифованная столетиями, остается целостной. При этом все они имеют «свое лицо», индивидуальность. Содержание события, происходящего на протяжении определенного времени, гармонично объединено и сведено в композициях кижских икон к сокровенной сути (при абсолютной ясности изображения) для восприятия главной идеи православия: воскресения и бессмертия.

В. А. Гущина

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ИКОНОПИСНОГО УБРАНСТВА В СВЯЗИ С ЗАВЕРШЕНИЕМ РЕСТАВРАЦИИ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ НА ОСТРОВЕ КИЖИ

Вопрос об иконописном убранстве Преображенской церкви всегда представлял особый интерес для сотрудников музея «Кижь». Величественный 4-ярусный иконостас, состоящий из 102 икон XVII–XVIII вв., воссозданный в 1950-х гг. по схеме, разработанной В. Г. Брюсовой (Светличной), первоначально страшил, словно закрытое «окно в минувшее». Сказывались атеистическое воспитание и предубеждение по отношению к восприятию иконописной тематики. «Религия – опиум для народа» – таков был настрой первых музейных методических пособий, написанных с упором на атеистическую пропаганду.

Неоценимую помощь в освоении этой чрезвычайно актуальной для музея-заповедника «Кижь» темы оказали консультации ведущих специалистов Ленинграда и Москвы: Энгелины Сергеевны Смирновой, Александра Арсеньевича Невского, Веры Григорьевны Брюсовой, Савелия Васильевича Ямщикова.

Постепенно мир иконописи увлек, стал более понятным, доступным. В музее-заповеднике «Кижь» появились специалисты, начавшие разработку данной тематики. В 1973 г. иконы в количестве 291 единицы хранения из фондов музея «Кижь» впервые были опубликованы¹. В 1980 г. был издан каталог икон, содержащий информацию уже о 428 памятниках из собрания музея².

¹ Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь»: Каталог / Сост.: А. Т. Беляев, Б. А. Гушин, В. А. Гущина. Петрозаводск, 1973.

² Древняя живопись Карелии. Каталог. Фонды музея «Кижь» / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980.

Интересные результаты дали архивные изыскания, в частности, выявление автором описей имущества Преображенской церкви за 1826, 1830 и 1867 гг., которые частично были введены в научный оборот³. Данные материалы начали активно использоваться исследователями, изучавшими внутреннее убранство кижских церквей⁴.

Полученные материалы позволили уточнить порядок расположения икон в составе иконостаса церкви Преображения Господня. Описи за 1826, 1830, 1867 и 1952 гг. свидетельствуют о том, что при восстановлении иконостаса в 1950-е гг. были допущены отступления от его первоначального состава. Так, в 1952 г. праздничный ряд был представлен 28 иконами вместо прежних 30 в 1867 г., вместо 5-го и 6-го вселенских соборов в иконостасе были установлены 1-й и 2-й вселенские соборы⁵.

В 1867 г. в деисусном ряду было шесть икон, которые не значатся в настоящее время: «Александр Свирский», «Преподобный Зосима», «Варнава», «Нафаил», «Иоанн Богослов», «Фома». Вместо этих икон в 1952 г. были представлены: «Александр Невский», «Архиепископ Медост», «Евангелист Иоанн», «Апостол Павел», «Власий Севастийский», «Симеон столпник».

В пророческом чине 1867 г. отмечены 3 иконы: «Даниил», «Исайя», «Осип», которые в 1952 г. были заменены иконами: «Малахия», «Иоиль», «Авдей».

В 1980 г., в связи с демонтажем внутреннего убранства Преображенской церкви, вызванного началом реставрационных работ, возник вопрос о восстановлении иконостаса после завершения реставрации.

³ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1021. (Гущина В. А. Из истории формирования иконостасов Преображенской церкви. 1980). См. также: Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945) / Сост. В. А. Гущина, Б. А. Гущин. Петрозаводск, 2013. 140 с.

⁴ Древняя живопись Карелии; *Платонов В. Г.* Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI–XVII столетиях // Известия Вологодского общества изучения северного края. Вологда, 1999. Вып. 7. С. 79–83; *Фролова Г. И.* 1) Из истории внутреннего убранства кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 173–183; 2) Кижский акафист. Богородичные иконы в собрании музея-заповедника «Кижь». Каталог выставки. Петрозаводск, 2003; 3) История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижь (обзор архивных источников) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 20–35; 4) Обзор литературы и рукописных материалов по изучению истории внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 54–66; 5) Внутреннее убранство Преображенской церкви Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 3–18; 6) Путь длиною в три столетия. Иконы из фондов музея-заповедника «Кижь». Каталог выставки / Сост. Г. И. Фролова. Петрозаводск, 2006. 96 с.; 7) «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижь». Петрозаводск, 2008. 168 с.

⁵ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1037 (Из истории одного памятника Кижского архитектурного ансамбля. Преображенская церковь 1714–1920 гг. Петрозаводск, 1982).

На совещании, состоявшемся в Министерстве культуры КАССР 5 февраля 1982 г., было предложено проработать вопрос о возможности воссоздания интерьера в формах, близких первоначальному образу Преображенской церкви. Дело в том, что реставрация церкви 1949–1950 гг. привела к воссозданию первоначального внешнего облика храма, который вступил в противоречие с существующим поздним интерьером, определявшимся барочным иконостасом. Согласованность была нарушена, так как барочная резьба иконостаса не гармонирует со строгой простотой остального интерьера: с первоначальным тябловым каркасом «неба», частично сохранившимся от прежнего убранства церкви.

Тябловый каркас потолочного свода – «неба» – является подлинным элементом первоначального убранства церкви. В росписи тябел «неба» представлен растительный орнамент, состоящий из красных, желтых и синих цветов на белом фоне. На всех шестнадцати тяблах и замковом кольце орнамент различен.

Существующий иконостас имеет величавый и спокойный ритм. Сложный орнамент его рамы говорит о знакомстве мастеров с лучшими образцами декоративной резьбы конца XVII – начала XVIII в. Иконостас отличается высоким мастерством исполнения, но в то же время остро ощущается неуместность его золоченой пышности в строгом бревенчатом интерьере деревянной церкви.

К сожалению, даже безупречное искусство резчиков не оправдывает нарушение, вводимое ими в интерьер церкви. Остается только смириться и привыкнуть к такому несоответствию.

Решительностью отмечена публикация И. М. Гурвич, представляющая обоснование воссоздания первоначального тяблового иконостаса с целью восстановления стилистического единства внешнего и внутреннего облика этого выдающегося памятника народного зодчества. При этом автор отмечает, что Преображенская церковь «действительно, являясь образцом так называемого деревенского барокко (к сожалению, термин этот еще не разработан) обладает всеми лучшими качествами искусства народного»⁶. По мнению И. М. Гурвич, с введением показного, декоративного богатства барочного иконостаса было утрачено, разрушено восприятие церковного интерьера. Предлагая восстановить в церкви тябловый иконостас, она пишет: «Барочную раму иконостаса Преображенской церкви необходимо сохранить в фондах музея “Кижы” как памятник, связанный с историей существования Преображенской церкви и как образец художественной резьбы начала XIX в.»⁷.

⁶ Гурвич И. М. Предложения по реконструкции иконостаса Преображенской церкви в Кижках в тябловый // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1986. С. 92.

⁷ Там же.

Полемика по поводу замены резного иконостаса Преображенской церкви тябловым была продолжена в статье А. И. Байера в том же сборнике⁸. Автор указал на опасность перенесения в реставрационную практику недостаточно обоснованных теоретических разработок и высказал предположение о соответствии художественных особенностей существующего резного иконостаса историческим закономерностям развития русского прикладного искусства XVIII в.

А. И. Байер веско и убедительно привел свои доводы, подчеркнув, что, уходя корнями в глубокую древность, Преображенская церковь отразила тенденции, характерные для быстро развивавшейся общерусской культуры. Он приводит слова академика И. Э. Грабаря, который отмечал, что в кижском памятнике «смело и бодро слиты в одно непринужденное целое и новшество современной ему эпохи, и богатое наследие созданных народом форм». Стремление во что бы то ни стало приблизиться к первоначальному облику памятника есть в данном случае вольное или невольное игнорирование этого важного этапа отечественной культуры⁹.

На мой взгляд, в самом начале строительства церкви, уже тогда обладавшей в экстерьере признаками новомодного стиля барокко, приспела пора устройства в интерьере не тяблового, а барочного иконостаса. Однако предпочтение отдавалось тябловому: резные иконостасы, более отвечающие своему времени, вводятся позднее. Кроме того, считалось, что русская архитектура XVII – начала XVIII в. преимущественно наружная, силуэтная. Иконостасы становятся связующим элементом между интерьером и экстерьером. И тем не менее, к сожалению, нельзя было избежать дисгармонии новоявленного иконостаса и устоявшейся, традиционной конструкции тяблового «неба». Прошлое и настоящее в памятнике продолжают жить вместе, подтверждая выражение: «Традиция – это не мертвое копирование прошлого, а жизнь в развитии».

Следует помнить, что пространство интерьера средневекового древнерусского храма представляло собой особый мир: «церковь есть небо земное». Этот мир стремился обособиться от окружающего, создавая интерьер с узкими дверями – вратами Царствия Небесного, открытого только для верных; узкие окна в верхней части стен, имитируя связь с Богом, не давали узнать о происходящем извне. Всё это создавало изолированность от внешнего мира – «враждебного и опасного»¹⁰.

⁸ Байер А. И. К вопросу о проекте воссоздания первоначального иконостаса церкви Преображения на о. Кизи // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1986. С. 114.

⁹ Там же. С. 114–115.

¹⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 61.

Неравномерная освещенность храма также способствовала этому: световые акценты выделяли важные места – солею, где происходила значительная часть богослужения, и купол.

Появление высокого иконостаса полностью изолировало восточную часть интерьера.

Позднее церкви стали находиться в довольно активных отношениях с внешним пространством. В архитектуре храма наметилось увеличение размера окон, появилась равномерная освещенность. Большие окна проявили верхние зоны интерьера и осветили живопись на «небе».

Иконостас, состоящий из четырех ярусов (местный, праздничный, деисусный и пророческий), получил центральную вертикальную ось: главные иконы всех ярусов размещены друг над другом. Их разные размеры и формы смягчили устремление по вертикали.

Иконы «неба» расширяют иконографическое содержание убранства храма и придают завершенность его художественному оформлению¹¹.

На протяжении второй половины XVIII в. постепенно осуществляется переход к осознанию эстетических свойств интерьера¹².

Образ церкви Преображения Господня с ее светлым пространством интерьера отразил новые тенденции в развитии русской церковной архитектуры под влиянием европейского стиля барокко¹³. Кижская Преображенская церковь принадлежала к числу храмов с новым архитектурным обликом, являясь «величественным символом торжества и мира»¹⁴.

В связи с оккупацией Заонежья в годы Великой Отечественной войны интерьеру церкви Преображения Господня был нанесен невосполнимый урон: иконы иконостаса были вывезены в Финляндию, иконы «неба» разобраны и оставлены в Петрозаводске, где зимой 1945 г. их «завхоз Дома культуры истопил на дрова»¹⁵. После возвращения икон и восстановления интерьера церкви, в связи с утратой икон «неба» проемы между тябами были заполнены щитами в «елочку».

¹¹ Гущина В. А. Художественное убранство Преображенской церкви Кижского погоста (тябловый и резной иконостасы, живопись «неба») // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 138–143.

¹² Бусева-Давыдова И. Л. Эволюция внутреннего пространства храмов XVIII в. (на примере церкви Троицы в Никитниках и Покрова в Филях) // Архитектурное наследие. Проблемы стиля и метода в древнерусской архитектуре. М., 1995. Вып. 38. С. 265–281.

¹³ Агафонов С. Кижь – памятник барокко? // Архитектура и строительство России. 1989. № 12. С. 7.

¹⁴ Платонов В. Г. Отражение тенденций развития русской культуры XVIII в. в эволюции художественного убранства Преображенской церкви Кижского погоста // Церковь Преображения Господня на острове Кижь ... С. 132–135.

¹⁵ Из письма начальника Управления по делам строительства и архитектуры Д. С. Масленникова. Текст письма см.: Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1946–1979) / Сост. В. А. Гущина, Б. А. Гушин. Петрозаводск, 2014. С. 16.

По мнению И. М. Гурвич, высказанному в упомянутой статье, «иконы, заполнявшие некогда конструкцию потолка “неба”, восстановить, не имея оригинала, решительно невозможно, так как сохранились лишь фотографии плохого качества» (имеется в виду фото И. Билибина 1904 г.)¹⁶. По тому времени данное утверждение не вызывало возражения.

В настоящее время проблема воссоздания икон «неба» активно разрабатывается на основе сохранившихся в фондах музея «Кижы» вариантов живописной росписи: фрагментов тябел, росписи фризов. Имеется полный комплекс фотографий икон «небес», полученных из Национального музея Финляндии, а также текстовые описания их цветового решения, непосредственно связанного с цветовым решением иконостасных икон¹⁷.

В 1990 г. удалось установить, что часть икон иконостаса оказалась в разных местах, в том числе в фондах МИИРК в количестве 18 единиц хранения, а также в фондах Челябинского музея (с 1966 г. там значится икона «Отечество с клеймами», переданная по обмену из фондов МИИРК).

В феврале 1996 г. во время частной поездки в Финляндию В. А. и Б. А. Гущины выявили «Список собраний произведений» (икон, картин) из Военного архива, предназначенный к вывозу в Финляндию весной 1943 г., часть которых входила в состав Карельского государственного музея. Он содержал 65 различных категорий: фотопластинок, диапозитивов, икон, альбомов иллюстраций, статей и карт. В «Списке» значились ценнейшие сведения: названия икон всех иконостасных ярусов были даны с финскими шифрами, с указанием размеров, мест их нахождения, в том числе в алтаре. К «Списку» прилагалась «Схема» с расположением икон в иконостасной раме, а также иконами «неба».

Полученные сведения позволили определить составы иконостасов Преображенской и Покровской церквей в 1943 г.¹⁸

В дальнейшем автором была подготовлена «Разработка научно-экспозиционного проектирования по воссозданию иконописного убранства интерьеров Преображенской и Покровской церквей Кижского архитектурного ансамбля в историческом аспекте (1628–2013 гг.)» (в 2-х т.)¹⁹.

В этой работе иконописное убранство интерьеров Преображенской церкви отображено в специальных схемах – «окнах», позволяющих наглядно, в строго хронологическом порядке, проследить общий вид каж-

¹⁶ Гурвич И. М. Предложения по реконструкции... С. 106.

¹⁷ Гущина В. А. Художественное убранство Преображенской церкви... С. 138–143.

¹⁸ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3529. (Гущина В. А. К вопросу о составе иконостасов Преображенской и Покровской церквей Кижского архитектурного ансамбля (до 1943 г.). Петрозаводск, 1995–1997 гг.)

¹⁹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4387. т. 1, 2.

дого иконостаса; уточнить количество икон; узнать месторасположение икон; выявить последующие изменения в составе ряда; проследить «историю» перемещения или замены икон; уточнить время установки отдельных фрагментов иконописного яруса (например, замена «простых» Царских врат резными); отметить наличие икон «в заворотах» (с южной и северной сторон); определить количество рядов в иконостасе (трех-, четырехъярусные); проследить последовательность в расположении иконостасных рядов (праздничного и деисусного); определить устойчивый или подвижный состав икон в каждом ряду; выявить наиболее древние иконы в составе каждого яруса; зафиксировать все крупные изменения в «жизни» иконостаса (например, демонтаж и вывоз икон в Финляндию, воссоздание иконостаса, демонтаж иконостаса в связи с подготовительными работами к реставрации Преображенской церкви и т.д.).

Схематическое отображение иконописного убранства церкви рассмотрено в следующей хронологической последовательности, в соответствии с наличием архивных данных: 1628, 1826, 1830, 1867, 1943, 1944, 1956, 1973, 1980, 1981, 2001 гг.

В дополнение к схемам даны «Исторические справки» по каждой иконе с ее фотофиксацией. В «Исторической справке» дается представление об иконе с указанием следующих сведений: название иконы; местонахождение в иконостасе; источник; датировка; размеры; шифры (финский музей, МИИРК, музей «Кижь»); вывоз иконы в Финляндию; участие иконы на выставке в Финляндии (г. Хельсинки); современное местонахождение иконы (в фондах музея «Кижь», МИИРК, на выставке, в другом городе).

Представленные сведения о состоянии иконостасов, а также иконописного убранства всех церковных интерьеров на примере отдельно взятых икон или их комплексов (например, «деисус оплечный», «деисус в рост») позволили заглянуть, «открыть окно» в глубокое прошлое кижских церквей и наглядно представить картину их иконописного состава в разные периоды времени.

В целом состав существовавшего до демонтажа в 1980 г. иконостаса с 1826 г. претерпел незначительные изменения, которые не нарушили его целостный образ. Наибольшей устойчивостью отличались составы икон местного и праздничного рядов. Деисусный чин подвергался более значительным изменениям: в нем было заменено 6 икон. Пророческий чин с 1826 г. сократился на 4 единицы, из них три иконы этого ряда были заменены другими. При этом следует заметить, что перестановка икон в пределах яруса характерна для всех четырех рядов иконостаса²⁰.

²⁰ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1021. Л. 13. (Гущина В. А. Из истории формирования иконостасов Преображенской церкви.)

Целесообразно воссоздание (по аналогу – фотографии) также, к сожалению, утраченного паникадила на 32 свечи, изготовленного в стиле барокко. Паникадило под названием «церковная латунная люстра» в финской описи упоминается под номером 4/154.

Также целесообразно привлечение для воссоздания интерьера 18 икон, находящихся в фондах МИИРК, в том числе средника иконы «Живоначная Троица», и иконы «Преображение Господне», прежде находившейся в алтаре Преображенской церкви в резном кивории, расположенном над престолом.

Желательно восстановление ажурного запрестольного креста из алтаря церкви. Фрагмент креста сохранился в фондах НМ РК.

При воссоздании интерьера нужно будет вернуть на первоначальное место чудотворную икону Кижского погоста «Спас Всемиловитый». Икона располагалась за правым клиросом. В настоящее время находится в местном ряду иконостаса церкви «Покрова Богоматери» (№ 253/4).

Желательно, чтобы после капитальной реставрации Преображенской церкви эти иконы заняли первоначальное место в церковном интерьере алтаря и трапезной на взаимоприемлемых условиях сотрудничества между музеем-заповедником «Кижы» и МИИРК.

В связи с ожидаемым завершением реставрационных работ на церкви Преображения Господня воссоздание интерьера памятника представляется актуальным и своевременным. С этой целью Г. И. Фроловой подготовлен «Проект тематико-экспозиционного плана восстановления интерьера церкви Преображения Господня»²¹. В «Проекте» автор подходит к внутреннему оформлению церкви с новой точки зрения. В основе воссоздания внутреннего убранства она предлагает представить подлинные и необходимые новодельные предметы для придания храму соответствующего ему содержания и назначения. Возвращение предметного ряда и введение новых экспонатов (взамен утраченных) сочетает архитектурные элементы (солея с амвоном, иконостасная рама, клиросы, потолок («небо»), фризы), с церковной утварью (иконы, подсвечники, лампадки, хоругви, убрис, плащаница, паникадило). Восстанавливаемый вариант характеризует интерьер летней церкви в процессе приходской жизнедеятельности.

В 1950-е г. архитектор А. В. Ополовников освободил интерьер от всех церковных элементов за исключением иконостаса. Многие предметы были утрачены, в связи с чем необходимо будет изготовить ряд предметов вновь, придерживаясь исторически достоверных образцов.

²¹ Проект тематико-экспозиционного плана «Реконструкция интерьера церкви Преображения Господня Спасо-Кижского прихода на о. Кижы» / Сост. Г. И. Фролова. Петрозаводск, 2012.

Для восстановления внутреннего убранства кафоликона имеется большинство подлинных предметов, хранящихся в музейных фондах: иконостасная рама, иконы иконостаса, тябла «неба», потолочные фризy, плащаница, осветительные приборы (подсвечники, фарфоровые свечи (навершия для напольных подсвечников).

Из церковных описей известно, что при всех местных иконах были «лампады» медные посеребренные.

Хоругви, установленные у клиросов, подлежат реставрации.

В южной части кафоликона размещалась большая, сохранившаяся «писанная на холсте» плащаница. Для ее размещения на прежнем месте необходимо сделать подставку – «тумбу».

Работа предстоит масштабная: многое требует изготовления, установки, приобретения.

В 2015 г. проектной организацией ООО «ПИ Геореконструкция» под руководством В.С. Рахманова был разработан рабочий проект восстановления интерьеров церкви, который предусматривает использование ее по прямому назначению²². Проектом предполагается экспонирование участка пола из плах XIX в. в южном прирубе, поверх которого должен быть устроен стеклянный настил. Также рекомендуется возобновление солей с воссоздаваемым амвоном XVIII в. (амвон восстанавливается на основании следов при исследовании элементов солей, состоящей из трех ступеней). Предлагается воссоздание ризницы (бывшей кладовой), вновь устраиваемого помещения в северной части трапезной из плах, с каркасной стеной – перегородкой из дощатой горизонтальной заборки и потолком из такой же дощатой заборки, уложенной в штрабы стен.

Предстоят масштабные ремонтно-реставрационные работы по устройству каркаса иконостаса.

Церковь будет залита электрическим светом: предлагается произвести прокладку электрокабелей с разводкой к люстрам, светильникам и розеткам от электрогенераторов, находящихся в подклете.

Таким образом, в настоящее время у исследователей и музейных работников имеются исчерпывающие сведения, касающиеся интерьера Преображенской церкви.

Настало время воплощения теоретических знаний на практике.

Для оформления церковного убранства интерьера церкви Преображения Господня необходимы сборка и установка иконостаса во вновь отреставрированном объеме церковного помещения, а также консервация иконостасных икон.

²² НА МК. Б/н. (Рабочий проект интерьеров церкви с учетом эпизодического использования ее по прямому назначению и с учетом размещения части фондовых коллекций музея-заповедника «Кижы» в соответствии с Комплексным эскизным проектом реставрации.)

Следует также продолжить разработку дискуссионной проблемы воссоздания утраченного в годы Великой Отечественной войны «неба», являющегося неотъемлемой частью церковного интерьера. «Небо» в интерьере является вторым по значению после иконостаса композиционным и смысловым центром.

Необходимо наполнить интерьер церковно-предметной атрибутикой, что потребует сборки, установки, реставрации и изготовления копий, а также приобретения дополнительной экспонатуры. Определение очередности работ позволит облегчить своевременное их выполнение.

Наполнение интерьера церковной утварью не требует поспешности, так как в приходской жизни процесс этот длительный и непредсказуемый, связанный с подношениями, вкладами и пожертвованиями.

Все эти основные задачи необходимо решить своевременно, к моменту торжественного открытия церкви после длительной, капитальной реставрации.

Л. С. Харебова

РЕДКИЕ ИЗДАНИЯ ПСАЛТИРИ В КНИЖНЫХ СОБРАНИЯХ КАРЕЛИИ

Обзор изданий Псалтири основан на материалах опубликованных в последнее время каталогов; автором были использованы также электронный ресурс «Книжные памятники Карелии» и электронные каталоги библиотек Петрозаводска.

В 1997 г. был издан каталог коллекции рукописей и редких изданий Карельского краеведческого музея, составленный ее хранителем Н. М. Пановой¹. Это издание стало первой попыткой каталогизации и введения в научный оборот книжных памятников на территории Карелии. Работа по выявлению и описанию книжных памятников в регионах активизировалась в начале 2000-х гг. в связи с разработкой Национальной программы сохранения библиотечных фондов. В рамках осуществления федерального проекта «Книжные памятники» начались координация всех книгохранилищ страны и создание сети региональных центров по работе с книжными коллекциями. В нашей республике научно-методическим и координационным центром стала Национальная библиотека, специалисты которой организовали работу по созданию республиканского свода книжных памятников. Надо отметить, что мы несколько опередили своих коллег из других регионов, поскольку уже в 1996 г. Национальной библиотекой РК была разработана программа «Старопечатные издания в фондах хранилищ Карелии». Результатом ее осуществления стала электронная библиографическая база «Книжные памятники Карелии», этот ресурс доступен сегодня на сайте Национальной библиотеки РК².

В 2005 г. каталог коллекции книг кириллической печати опубликовали специалисты музея-заповедника «Кижы». Он был издан под редакцией И. В. Поздеевой, доктора исторических наук, руководителя Археографи-

¹ Коллекция рукописных и печатных книг кирилловского шрифта: Каталог / Карельский гос. краеведческий музей; сост. Н. М. Панова. Петрозаводск, 1997.

² <http://monuments.library.karelia.ru>.

ческой лаборатории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова³. Побывав в Петрозаводске и ознакомившись с некоторыми коллекциями редких книг петрозаводских хранилищ, И. В. Поздеева вдохновила специалистов республики на создание регионального каталога старопечатных книг кириллического шрифта. В его составлении приняли участие сотрудники музея-заповедника «Кижы», отделов редких книг Национальной библиотеки РК и Петрозаводского государственного университета. Научное редактирование издания осуществлял А. В. Вознесенский, доктор филологических наук, заведующий сектором старопечатных книг Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)⁴.

Важнейшим этапом исследования духовной культуры нашего края стало издание в 2010 г. каталога рукописей из государственных хранилищ Республики Карелия. Автор и организатор этого проекта – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Карелии А. В. Пигин⁵. В работе над каталогом принимал участие авторский коллектив, состоящий из специалистов Карелии, Москвы и Санкт-Петербурга. В издании опубликованы описания 230 рукописей, в том числе семи списков Псалтири конца XV – первой половины XIX в. Древнейшая рукописная Псалтирь является и самой ранней рукописью республиканских собраний. Она хранится в Национальном архиве Республики Карелия, в 2010 г. рукопись была внесена в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации.

Различные аспекты научного освоения материалов, собранных в процессе изучения книжного наследия края, нашли отражение в многочисленных публикациях, библиографию которых в полном объеме представить затруднительно.

В данной статье рассматривается коллекция изданий Псалтири – книги, игравшей значительную роль в жизни дореволюционного российского общества. Тексты псалмов заучивали в детстве, осваивая грамоту, их постоянно слышали в храмах при богослужении, Псалтирь читали над тяжело больными и по усопшим. В зависимости от состава издания выделяют два вида Псалтири – простую и следованную. В состав следованной Псалтири, кроме полного собрания псалмов, входили Часослов, Месяцеслов и другие прибавления из богослужебных книг. Еще один вид книги – Псалтирь толковая – содержит богословские комментарии к текстам псалмов.

³ Харебова Л. С., Шилов Н. И. Книги кириллической печати в фондах музея-заповедника «Кижы»: Каталог / Под ред. И. В. Поздеевой. Петрозаводск, 2005.

⁴ Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия (1569–1830 гг.) / Под ред. А. В. Вознесенского; сост. Л. С. Харебова; авт. коллектив: Е. Н. Вознесенская и др. Петрозаводск, 2013.

⁵ Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX вв. в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб., 2010.

В сводном республиканском каталоге книг кириллической печати описаны 57 экземпляров изданий Псалтири, напечатанных с 1622 по 1827 г. Самые ранние – изданные печатником Кондратом Ивановым на Московском печатном дворе 19 марта 1622 г. – хранятся в Музее изобразительных искусств Республики Карелия и Национальном музее.

Пятнадцать книг, изданных в XVII в., – это продукция Московского печатного двора, в то время монополиста российского книгоиздания. Из них преобладающее большинство – 13 экземпляров – было напечатано в первой половине века, до начала реформ и книжной sprawy патриарха Никона. В том, что эти книги сохранились до наших дней, большую роль сыграли приверженцы «древлего благочестия» – старообрядцы. Ими сберегались малейшие фрагменты дониконовских изданий, утраченные в процессе длительного использования тексты восстанавливались каллиграфическим почерком, копирующим книжный шрифт. Книги заново переплетались, причем новые переплеты – доски в коже с тиснением – часто изготавливали по образцу переплетов XVII в. (со скосами в средней части каждого торца). Многие из сохранившихся экземпляров изданий Псалтири первой половины XVII в. являются образцами профессиональной старообрядческой реставрации, порой более бережной и умелой, чем технологическая современная.

Исключительным информативно ценным источником при изучении бытования изданий являются сохранившиеся на листах книг владельческие, вкладные и купчие записи, различные пометы и маргиналии, превращающие каждый экземпляр издания в уникальный. На многочисленных примерах можно убедиться в том, как зафиксированные в записях и маргиналиях разнообразие сведения могут обогатить и дополнить наши представления не только о личностях, владевших книгами, но и о фактах истории и культуры, в них отраженных.

Экземпляры издания Псалтири с воследованием 1632 г. хранятся в научной библиотеке Петрозаводского университета и в фондах музея-заповедника «Кижь». В первой книге читается следующая запись: «Сию книгу псалтырь с следованием положил в дом великому чудотворцу Николаю Вегарукския волости житель Мелентеи Иванов сын Кожин с товарищи своими по обещанию своему, а подписал по его Мелентиеву с товарищи вельню Кижского погоста Костка Семенов сын Попов». Как установила С. В. Воробьева, сотрудник музея-заповедника «Кижь», автором этой записи является Костка Семенов – сын Семена Никитина, священника Кижского прихода. Впервые он упоминается в Переписной книге Заонежских погостов Олонецкого уезда за 1678 г. Поскольку в документах следующей переписи 1696 г. записан только его сын, дьячок Ивашко Константинов, можно предположить, что к то-

му времени его отца не стало, и, следовательно, книга была вложена в Никольскую часовню в деревне Вегорукса не позднее этой даты. По мнению исследователей деревянного зодчества Карелии, Никольская часовня в заонежской деревне Вегорукса была построена в середине XVIII в., в 1887 г. ее переделали в церковь⁶. Запись о вложении книги во второй половине XVII в. в Никольскую часовню доказывает существование храма в Вегоруксе уже в это время.

В фондах музея-заповедника «Кижь» экземпляр Псалтири с воследованием 1632 г. – самая ранняя печатная книга музейного собрания. Она поступила в 1966 г. из Карельского краеведческого музея в составе коллекции, собранной экспедицией Государственного Русского музея в Поморье. Происходит книга из Петропавловской церкви в селе Вирма, ее передал в храм 29 февраля 1812 г. крестьянин Виремской волости Яков Степанов Головин, что он собственноручно зафиксировал в полистной записи. В процессе изучения книг кириллической печати в фондах музея обнаружилось факты владения крестьянами Головиными не только этой книгой, но и еще двумя изданиями, в которых также были обнаружены владельческие записи. В экземпляре Патерика Печерского, киевского издания 1678 г., пространная запись Ивана Головина сообщает о том, что купил книгу в Архангельске его отец Яков Головин, а досталась она ему по жребью при разделе имущества между братьями. О брате Ивана Головина Федоре содержатся сведения в записи, оставленной им в старообрядческой Псалтири, по которой в семье учились грамоте: «Сия книга глаголемая псалтирь. По сей книге училсе Виремской деревни крестьянина Якова Головина сын его Феодор в Сумском посаде у учителя нюхоцкого крестьянина Александра Егорова 1817-го г.»⁷.

Экземпляр издания Псалтири с воследованием 1640 г. из фондов музея-заповедника «Кижь», судя по записям, принадлежал представителям двух именитых дворянских родов – Дохтуровых и Вышеславцевых⁸. По-видимому, первым владельцем книги был Герасим Семенович Дохтуров († 31.1.1676) – русский государственный деятель и дипломат, думный дьяк. Затем она перешла по наследству к его старшему сыну Гавриилу. В литературе имеются сведения о том, что книгоцеем был и

⁶ Кутькова Г. А. Новые материалы по исследованию и реконструкции Никольской церкви в селе Вегоруксы // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1991. С. 132–136.

⁷ О потомках крестьян Головиных, и по сей день живущих в Вирме, см.: Кошкина С. В. Вирма: очерк о старинном поморском селе. Петрозаводск, 2012.

⁸ Книга в числе других старопечатных изданий была приобретена у М. М. Буркина, бывшего военного летчика, участника военных действий в Афганистане и Чечне. Их владельцами были родственницы его жены.

второй сын Дохтурова Степан – стряпчий, позднее стольник, известен его владельческий книжный знак 1671 г. из списка Степенной книги⁹.

Представители другого дворянского рода Вышеславцевых, владевшие книгой в конце XVII – начале XVIII в., были воеводами, московскими дворянами, стольниками и стряпчими. Потомство Василия Сергеевича Вышеславцева, жалованного в 1675 г. «за многие службы» поместным и денежным окладами, записано в шестой части родословных книг Тамбовской, Пензенской и Московской губерний. В книге читаются многочисленные записи, сделанные рукой одного из его сыновей – стольника Петра Васильевича Вышеславцева, содержащие факты биографий членов его семьи и родственников. Брат Петра Вышеславцева Афанасий «был убит под Чигиринским от турок ис пищали» 19 августа 1678 г. Главы семейства Василия Сергеевича Вышеславцева не стало 7 декабря 1698 г. В книге отмечены даты рождения детей Петра Вышеславцева: Михаила (3 декабря 1691 г.), Матфея (1 августа 1699 г.), Татьяны (1 января 1701 г.), Иоакима (3 сентября 1705 г.).

Известно, что в 1705 г. Петром Васильевичем Вышеславцевым была построена деревянная церковь во имя святителя Николая Чудотворца в его родовом селе Рогозинино Владимирской губернии¹⁰. Именно из этой церкви происходит и наша книга, о чем свидетельствует запись в ней: «Сия глаголемая книга Псалтирь вотчины столника Петра Васильевича Вышеславцова церкви Николая Чудотворца». В книге читается запись и о гибели самого Петра Васильевича Вышеславцева, он был убит 15 августа «от шведов». Год смерти в записи не указан, но можно предположить, что погиб стольник в период с 1707 по 1709 г., когда военные действия Северной войны происходили в Центральной России. Как видим, подобные семейные хроники дают возможность использовать записи в книгах как уникальный генеалогический источник, позволяющий не только реконструировать историю бытования экземпляра издания, но и получить биографические сведения о владельцах книг.

Второй экземпляр издания Псалтири с воследованием 1640 г., который хранится в фондах Национального музея Республики Карелия, принадлежал неизвестному читателю, проживавшему в Казани. В записях, оставленных им на полях книги, читаются свидетельства о трех пожарах, случившихся в городе 2 августа 1742 г., 2 мая 1749 г. и 1 августа 1765 г., о солнечном затмении, которое наблюдалось 6 октября 1763 г., а также о посеще-

⁹ *Щанов Я. Н.* К истории русского книжного знака конца XV–XVII вв. // *Рукописная и печатная книга.* М., 1975. С. 91–93. См. также вкладные и владельческие записи С. Г. Дохтурова: Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли 1652–1700 гг.: Каталог / Под ред. И. В. Поздеевой. Ярославль; Ростов, 2009. № 366, 448, 560, 7686.

¹⁰ *Добронравов В. Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир: Типо-литография В. Паркова, 1895. Т. 2. С. 122–123.

нии Казани императрицей Екатериной Второй: «1767 г. сего месяца (мая. – Л. Х.) 27 числа пополудни в 6 часу во исходе прибыла в Казань государыня императрица Екатерина Алексеевна, а отбыла июня 1-го числа».

Особенно ценными являются записи, в которых зафиксированы события, позволяющие подтвердить или уточнить факты из церковной и гражданской жизни Карелии. Например, в Псалтири с воследованием 1792 г. издания из фондов Пудожского музея имеется запись об освящении кладбищенской церкви Архангела Михаила, состоявшемся 8 ноября 1802 г. в Пудожском приходе. А из записи в Псалтири с воследованием 1749 г., хранящейся в Национальной библиотеке РК, мы узнали о том, что «Святозерская церковь згорела 1832-го г. марта месяца на 26-е числа в ночи со всею утварью и колоколами без остатку».

В некоторых книгах сохранились указания на стоимость изданий Псалтири, приобретенных в разное время: «...Куплена сия книга... у Ивана Власева сына кузнеца, дано цены сорок алтын 1706-го генваря в... день»; «Михаилы Ефимова книга, купле[на] в Шунги у старухи у манастырки, дан трохрубловой»; «Сия книга... куплена в Санкть-Петербурге, дано денег триьцать восемь рублей марта сего 1781-го г.».

Среди сохранившихся в нашей республике редких изданий имеется целый ряд книг, которые достойны самого пристального внимания и, несомненно, вызовут интерес специалистов. Это касается, в частности, коллекции старообрядческих изданий, в которой представлена продукция практически всех типографий, печатавших книги по образцу дониконовских изданий. Состав книжных собраний Карелии отражает особенности географического распространения старообрядческой литературы в нашем регионе. Она превалирует в районах, расположенных в непосредственной близости к центру староверия Обонежья – Выговскому общежителству. В скромных по количеству книжных коллекциях Беломорского краеведческого музея и кемского музея «Поморье» старообрядческие издания составляют соответственно 80 % и около 70 %. Почти третья часть фондового собрания старопечатных книг музея-заповедника «Кижы» – это также издания старообрядческих типографий. Многочисленные записи в книгах свидетельствуют о том, что ими владели крестьяне и представители купеческого звания, поморы, бравшие книги с собой в плавание, и даже священнослужители, позволявшие себе чтение запрещенной литературы. В Псалтири из фондов Национальной библиотеки читается запись священника Колежемского Сретенского прихода Михаила Павловского о том, что он читал книгу «в часы досуга во время проживания в Сорочкой деревне по следственному делу с 12 по 18-е число октября 1844 г.»¹¹.

¹¹ Книга издана в 1781 г. в Гродненской королевской типографии (инв. № 1170673р).

После закрытия нелегальных типографий и с принятием единоверия издание книг для староверов, вернувшихся в лоно церкви, было организовано в Единоверческой типографии при московской Троице-Введенской церкви, Христианской типографии при Преображенском богадельном доме, Псковской Славянской типографии. Такие издания входили и в состав приходских библиотек, церковный клир использовал их для душевспасительных бесед с приверженцами старой веры. Пример тому – единоверческое издание Псалтири с воследованием, напечатанное в 1832 г., которое ранее принадлежало кижской Преображенской церкви. В одной из книг Национального музея был обнаружен черновик отчета кижского священника Иоанна Павинского о собеседовании с крестьянами-старообрядцами в Сенногубском приходе¹².

Большинство книг церковно-служебного назначения в XVIII – начале XX в. печатали синодальные типографии Москвы и Санкт-Петербурга. Немногочисленные образцы украинских изданий этого времени из карельских книжных собраний демонстрируют особенности полиграфического исполнения книг, изданных в типографии Киево-Печерской лавры – орнаментальную насыщенность в оформлении и разнообразие сюжетных иллюстраций. Наряду с традиционным изображением царя Давида, автора большинства псалмов, в отдельных украинских изданиях Псалтири на оборотной стороне титульного листа помещено изображение Успения Богородицы – праздника, в честь которого был назван главный храм Киево-Печерской лавры. Текстам библейских песней предшествует иллюстрация с изображением пророка Моисея или связанного с этим персонажем библейского сюжета – исхода евреев из Египта¹³.

К уникальным изданиям можно отнести книги, напечатанные в годы Великой Отечественной войны, поступившие в фонды музея-заповедника «Кижь» в составе домашних библиотек заонежских крестьян Корниловых и Сергиных. В доме Сергиных в деревне Мунозеро в 1943–1944 гг. скрывались члены разведывательно-диверсионной группы, отсюда радисты передавали сведения о дислокации финских войск¹⁴. Книги также стали свидетелями военного времени. На листах экземпляров издания Нового Завета с Псалтирью, напечатанных в Финляндии в 1942 г. Стокгольмским Обществом для распространения Евангелия в России, сохранились оттиски штампов «Puolustusvoimat» («Вооруженные силы»).

¹² Обе книги хранятся в Национальном музее РК, описаны в каталоге Н.М. Пановой (№ 227, 211).

¹³ Псалтири, изданные в типографии Киево-Печерской лавры в 1861, 1892 гг. и в период между 1881 и 1894 г. (Кижь, КП-4411; 2677; 8147).

¹⁴ Героическая деятельность партизан и разведчиков в Заонежье нашла отражение в повести И. Баера и А. Кликачева «Позывные из ночи». Дом Сергиных, построенный в 80-е гг. XIX в., был перевезен на остров Кижь и установлен в деревне Васильево. В светелке этого дома в 1980-е гг. экспонировалась выставка, посвященная партизанскому движению в Заонежье в годы Великой Отечественной войны.

Путеводителем по карельской коллекции рукописей и старопечатных изданий Псалтири может служить перечень выявленных в республике книжных памятников, опубликованный в виде приложения к данной статье с использованием следующих сокращений:

КГМ – Карельский гос. краеведческий музей (с 2011 г. – Национальный музей Республики Карелия)

КМ – краеведческий музей «Поморье» Кемского муниципального района

МБП – Беломорский районный краеведческий музей «Беломорские петроглифы»

МИИ РК – Музей изобразительных искусств РК

МКМ – Медвежьегорский районный музей

НА РК – Национальный архив Республики Карелия

НБ РК – Национальная библиотека Республики Карелия

НБ ПетрГУ – Научная библиотека Петрозаводского государственного университета

ОМ – Олонецкий национальный музей карелов-ливвиков им. Н. Г. Прилукина

ПФ – Пудожский историко-краеведческий музей им. А. Ф. Кораблева.

**Псалтирь рукописная и печатная
(конец XV – 1-я половина XIX в.) в книгохранилищах Карелии**

№ п/п	Место и время издания	Фондодержатель	Примечание
Рукописи			
1	Конец XV в.	НА РК № 20 (17)	Псалтирь с воследованием (только следованная часть)
2	2-я половина XVI в.	НА РК № 83 (82)	
3	Конец XVIII в.	КГМ-17086	
4	1627 г.	КГМ-20825	
5	XVI–XVIII вв.	КГМ-20840	Псалтирь с дополнениями
6	Конец XVIII–1-я половина XIX в.	Киж. КП-2623	
7	1-я половина XIX в.	НБ ПетрГУ	
Кириллические издания			
XVII в.			
1, 2	Москва: Печатный двор, печ. Кондрат Иванов, 19.03.1622	МИИ РККП–12348 К–6 КГМ–6211 Кс–75	
3	Москва: Печатный двор, 26.10.1627	ПФ-6301	Псалтирь с воследованием
4	Москва: печ. В. Ф. Бурцов, 08.06.1634	Киж. КП–4783 ПИ–472	
5, 6	Москва: Печатный двор, 08.09.1632	НБ ПетрГУ 1013913 Киж. КП-53/6 ПИ-403	Псалтирь с воследованием
7, 8	Москва: Печатный двор, 18.08.1640.	КГМ-16436 Кс-188 Киж. КП-6015	Псалтирь с воследованием
9	Москва: Печатный двор, 06.12.1645	КГМ-15828 Кс–93	
10	Москва: Печатный двор. 01.11.1647	Киж. КП-3813 ПИ-445	
11	Москва: Печатный двор, 01.08.1649 (21.05.–01.08.7157)	НБ ПетрГУ 1087247	
12	Москва: Печатный двор, 05.12.1650	Киж. КП-1447 ПИ-417	
13	Москва: Печатный двор, 03.12.1651	КМ–1353	
14	Москва: Печатный двор, 23.09.1661	НБ ПетрГУ 964466	
15	Москва: Печатный двор, 09.1689	МБП-988	Псалтирь с воследованием
XVIII в.			
16	[Москва: Синодальная тип., нач. 1740-х]	НБ ПетрГУ 1022522	
17, 18	Москва: Синодальная тип., 04.1745	НБ ПетрГУ 1061451 Киж. КП-3/7 ПИ-395	

№ п/п	Место и время издания	Фондодержатель	Примечание
19	Москва: Синодальная тип., 04.1749	НБ РК 1172187р	Псалтирь с воследованием
20	Москва: Синодальная тип., 10.1750.	ПФ-6305	
21	Москва: Синодальная тип., 11.1750	МИИ РК. КП-13344 К-18	
22	Москва: Синодальная тип., 08.1751	Кизи. КП-3517 ПИ-743	
23	Киев: тип. Лавры, [1773-1776]	НБ ПетрГУ 1013954	
24	Москва: Синодальная тип., 07.1778	КГМ-34118	
25, 26	Санкт-Петербург: Синодальная тип., 10.1779	Кизи. КП-3/10 ПИ-397 ПФ6308.	
27	Москва: Синодальная тип., 08.1788	КГМ-17082 Кс-191	Псалтирь с воследованием
28	Москва: Синодальная тип., 10.1792	ПФ-5289	Псалтирь с воследованием
29	Москва: Синодальная тип., 12.1796	Кизи. КП-7219	
30, 31	Москва: Синодальная тип., 08.1800	НБ ПетрГУ 1013458, 1013917	Псалтирь с воследованием
Издания старообрядческих типографий			
32, 33	Вильно: тип. Троицкого м-ря, 1780	КГМ-961 Кс-25 НБ ПетрГУ 1013927	
34, 35	Гродно: казенная королевская тип., 1781	НБ РК 1170673р КГМ-56385	Псалтирь с воследованием
36	Почаев: тип. Успенского м-ря, 1783	КГМ-17081 Кс-190	
37	[Вильно: Тип. Троицкого м-ря, не ранее 1785]	НА РК 84 (83)	Ложный выход: Вильно: Академическая тип., 1779. С издания: М., 20.09.1645
38	Клинцы: тип. Д. Рукавишника и Я. Железникова, 30.05.1786	НБ ПетрГУ 1033042	С издания: М., 06.12.1645
39	[Клинцы: тип. Ф. Карташева, не ранее 1790]	НБ РК 1170674р	Ложный выход: Львов, б. г. С издания: М., 01.10.1651
40	[Клинцы: тип. Ф. Карташева], 1791	КГМ-15398 Кс-83	Ложный выход: Львов. С издания: М., 01.10.1651
41	[Яссы: тип. М. Стрельбицкого], 1793	НА РК 75 (72)	С издания: М., 01.10.1651
42	[Клинцы: тип. Ф. Карташева], 1794	Кизи. КП-3/9 ПИ-396	Ложный выход: Гродно. С издания: М., 01.10.1651
43	[Клинцы: тип. Ф. Карташева], 1794	МКМ-1880	Ложный выход: Почаев. С издания: М., 01.10.1651
44	Варшава: [тип. П. Дюфора], 1798	Кизи. КП-3/9 ПИ-396	С издания: М., 01.10.1651 Фрагмент
45	Вильно: тип. Троицкого м-ря, 1799	НБ ПетрГУ 1024918	С издания: М., 1646

Окончание прил.

№ п/п	Место и время издания	Фондодержатель	Примечание
46	[Вильно: тип. Троицкого м-ря, не ранее 1802]	НБ РК 1179585р	
47	[Клинцы: тип. Ф. и А. Карташевых, не ранее 1802]	Киж. КП-4508 ПИ-469	
48	Вильно: [тип. Троицкого м-ря, не ранее 1803]	НБ РК 1181312р	Ложный выход: 1796
49	[Махновка: тип. П. И. Селезнева, не ранее 1803]	НБ РК 1181312р	В тип., позв. Высоч. Властью, б. г. С издания: М., 01.10.1651
50	[Янов: тип. К. Колычева, не ранее 1805]	КГМ-20850 Кс-244	Ложный выход: Вильно, 1796
51	[Янов: тип. К. Колычева, не ранее 1806]	КГМ-4269 Кс-65	Ложный выход: Вильно, 1795
52-54	[Янов: тип. К. Колычева, не ранее 1810]	Киж. КП-3596 ПИ-438 НБ ПетрГУ 1013926 КМ-1312	Ложный выход: Вильно, 1795
55	[Клинцы: тип. А. Карташева, не ранее 1811]	МБП-1613	Ложный выход: Почаев, б. г.
56	Янов: тип. К. Колычева, 1817	Киж. НВФ-13388	
1-я половина XIX в.			
57	[12.06.1825-21.09.1827]	КГМ-27687 Кс-253	
58	Москва: тип. единоверцев при Св. Троицко-Введенской церкви, 1832	КГМ-17089 Кс-197	Псалтирь с воследованием
59, 60	Москва: Синодальная тип., 1836	КГМ-15832 Кс-97 ОМ-551	
61	[1843-1844]	Киж. НВФ-12743	
Книги гражданской печати			
62	Москва: Синодальная тип., 1822	НБ РК № 22073	Первое издание Российского Библейского общества

И. В. Мельников, К. Э. Герман

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ОЗЕРАХ ВАНЧОЗЕРО И КОСМОЗЕРО В ЗАОНЕЖЬЕ (МЕДВЕЖЬЕГОРСКИЙ РАЙОН КАРЕЛИИ)

В 2013–2015 гг. музей-заповедник «Кижы» проводил археологические исследования, связанные с выявлением новых памятников на побережьях внутренних озер Заонежского полуострова (Медвежьегорский район Республики Карелия). Актуальность данных работ определяется следующими обстоятельствами. Заонежье – это район, обладающий богатым археологическим наследием. Крупные комплексы древних поселений известны в Уницкой губе¹, а также в районе залива Вожмариха Онежского озера². Широко известен мезолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера³. Памятники археологии открыты на полуостровах Ширыйнаволок, Клим и в ряде других мест⁴, однако до настоящего времени, все памятники были открыты на берегах Онежского озера – крупного водоема, побережье которого с начала голоценовой эпохи активно осваивалось древним населением. На внутренних же водоемах Заонежского полуострова разведочные археологические исследования не проводились и памятники археологии там до настоящего времени не были известны.

Проведенные экспедицией музея-заповедника «Кижы» исследования показали, что памятники первобытной археологии имеются и на внутренних озерах Заонежья. В 2013–2015 гг. была проведена разведка на двух

¹ Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991. 108 с. *Он же*. Заонежье в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск, 1994. 108 с.

² Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 406 с.

³ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. 431 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 47.)

⁴ Журавлев А. П. Заонежье в эпоху камня ... С. 77–83.

озерах – Космозеро и Ванчозеро, что позволило выявить 20 древних поселений эпох мезолита, неолита и энеолита (рис. 1). Из них одно поселение (Космозеро 1) находится на северо-западном берегу Космозера, напротив протоки, соединяющей это озеро с заливом Святуха Онежского озера. Два памятника (Ванчозеро 11, 12) располагаются в северной части озера Ванчозеро, вблизи протоки, соединяющей его с заливом Кефтенъ-губа Онежского озера. Еще один памятник (Ванчозеро 19) находится примерно в 500 м от западного берега Ванчозера, вблизи небольшой реки Угомы, соединяющей озеро Ванчозеро и Турастамозеро. Остальные памятники залегают на песчаных береговых террасах на восточном, юго-восточном и южном берегах озера Ванчозеро.

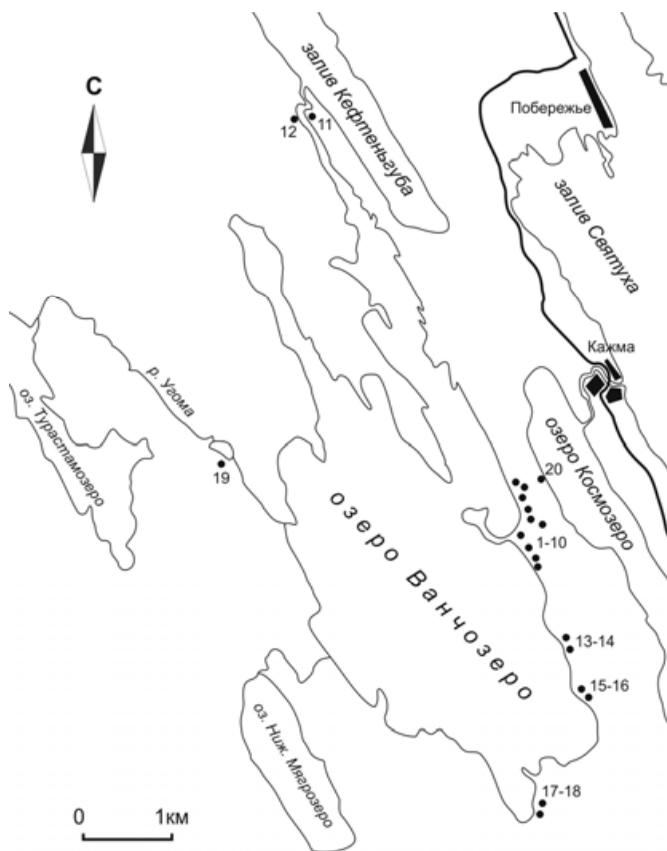

Рис. 1. Расположение памятников археологии на озерах Ванчозеро и Космозеро

Площадки всех открытых поселений покрыты древесно-кустарниковой растительностью. На поселениях на восточном берегу Ванчозера и на озере Космозеро произрастает сосновый лес.

Ландшафтная ситуация в районе, где проводились исследования, характеризуется следующими условиями.

Озеро Космозеро находится в центральной части Заонежского полуострова, его протяженность с северо-запада на юго-восток составляет почти 31 км, максимальная ширина в южной части – около 2,1 км, минимальная – примерно 200 м, абсолютная высота – 38,5 м (около 5,5 м над уровнем Онежского озера). Берега низменные, по большей части песчано-гравийные, в некоторых местах (в северной и южной частях) – песчаные, имеются скальные выходы. Берега покрыты древесно-кустарниковой растительностью. В северной части имеется крупный, вытянутый на протяжении 2 км Тягостров. Почти на самой северной оконечности озера имеется протока, соединяющая Космозеро с заливом Святуха Онежского озера.

Озеро Ванчозеро находится в северо-западной части Заонежского полуострова и отделено от северо-западной оконечности озера Космозеро перешейком шириной около 380 м. Его основная часть вытянута с северо-запада на юго-восток на протяжении 5,1 км, максимальная ширина (в центральной части) составляет около 2,4 км. В северной части имеются два узких вытянутых залива протяженностью 2,1 и 5 км. Их ширина не превышает 400 м. Наиболее длинный залив в северной части соединяется протокой с заливом Кефтенгуба Онежского озера. Абсолютная высота озера Ванчозеро – 35,9 м (2,9 м над уровнем Онежского озера). Побережье Ванчозеро отличается разнообразием ландшафтов. В северной части имеются многочисленные скальные выходы, западное и южное побережье, где ранее находились сельхозугодья, покрыто древесно-кустарниковой и луговой растительностью. На восточном и юго-восточном берегах имеются протяженные участки побережья, сложенные песчаными и песчано-гравийными отложениями. Они образуют террасы, фиксирующие изменения береговой линии Онежского озера на протяжении голоценовой эпохи. Именно на этих террасах в ходе разведки были выявлены древние поселения.

Следует отметить, что оба озера, на которых проводилась разведка, в настоящее время соединены с Онежским озером мелководными протоками. Судя по их высоте над современным уровнем воды в Онежском озере, с учетом имеющихся сведений об изменениях его береговой линии на протяжении эпохи голоцена⁵, можно полагать, что в период бытования поселений, данные озера являлись глубоко вдающимися в материк заливами Онежского озера.

⁵ Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986.

Космозеро 1. Поселение находится на северо-западном берегу озера Космозеро (рис. 2). На противоположном берегу озера, примерно в 0,9 км к северо-востоку, находится деревня Кажма, а в 1,6 км к юго-востоку деревня Медведево. Напротив поселения, на противоположном восточном берегу озера Космозеро есть протока, соединяющая Космозеро с заливом Святуха Онежского озера.

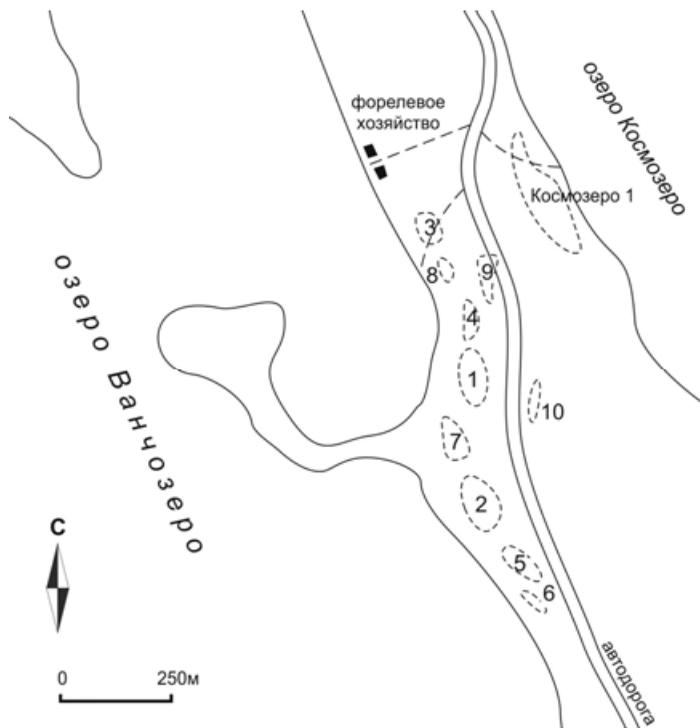

Рис. 2. Расположение поселений Ванчозеро 1–10 (1–10) и Космозеро 1

К площадке, на которой располагается памятник, подходит лесная дорога, ведущая в сторону автомобильной трассы Кажма – Нижнее Мягрозеро. Поселение занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, расширяющейся в юго-восточном направлении. Высота около 1–2 м над уровнем воды в озере Космозеро (6,5–7,5 м от уровня Онежского озера).

Границы памятника имеют достаточно сложную конфигурацию. В северной части культурный слой поселения распространяется узкой полосой

(около 10 м) вдоль берега. Восточная граница памятника маркируется береговой линией, западная – склоном следующей береговой террасы высотой около 8 м. В юго-восточном направлении терраса расширяется и увеличивается, ширина занимаемой памятником площадки достигает 65 м. Протяженность поселения вдоль берега озера составляет около 300 м. Таким образом, его площадь – не менее 10 тыс. кв. м.

На поселении было заложено три шурфа размером 1 х 1 м. В северной части памятника заложено шурф 1, в котором прослежена следующая стратиграфия: 1. Дерн – 9–13 см. 2. Подзол – до 10 см. 3. Коричневый песок (культурный слой) – 10–23 см. 4. Серый песок (культурный слой) – 8–17 см. 5. Желтый песок (материк). Находки встречались в коричневом и сером песке. Они включали сланцевое тесло, гальку со следами обработки, осколок кварца со следами использования, фрагменты ямочно-гребенчатой и асбестовой керамики, а также осколки и отщепы сланца, кварца и кварцита.

В центральной части памятника заложено шурф 2. Стратиграфия: 1. Дерн – до 11 см. 2. Подзол – 3–6 см, в западаниях до 12 см. 3. Коричневый песок (культурный слой) – 11–17 см. 4. Светло-серый песок (материк). Найдены фрагменты асбестовой керамики, а также отщепы сланца и кварца.

В южной части памятника заложено шурф 3. Стратиграфия: 1. Дерн – 5–7 см. 2. Подзол – 3–6 см. 3. Коричневый песок (культурный слой) – 13–17 см. 4. Желтый песок (материк). Находки включали осколок сланца со следами шлифовки, нуклеидный осколок кварца со следами использования, кварцевый скребок, рыболовный груз из песчанниковой гальки, фрагменты ямочно-гребенчатой и пористой керамики, а также осколки и отщепы сланца, кварца и кварцита (табл. 1).

Таблица 1. Состав коллекции из поселения Космозеро 1

	Шурф 1	Шурф 2	Шурф 3	Всего
Тесло сланцевое	1	–	–	1
Галька песчанниковая с обработкой (рыб.груз)	1	–	1	2
Осколки и отщепы со следами использования (кварц)	2	–	–	2
Осколок сланца со следами шлифовки	–	–	1	1
Скребок кварцевый	–	–	1	1
Ямочно-гребенчатая керамика	3	–	9	12
Асбестовая керамика	3	5	–	8
Пористая керамика	1	–	3	4
Керамика н/о	4	–	3	7
Отщепы и осколки сланца	6	3	7	16
Отщепы и осколки кварца	9	1	2	12
Отщепы и осколки кварцита	2	–	1	3
<i>Всего</i>	<i>32</i>	<i>9</i>	<i>28</i>	<i>69</i>

Среди найденных предметов отметим следующие. Тесло сланцевое (3 x 4,5 x 9,5 см), подчетырёхугольной в плане формы, полуокруглой в поперечном сечении формы (рис. 3:1). Лезвие дугообразное. На обушной части сколы. Поверхность со стороны «спинки» орудия полностью шлифована, с противоположной стороны орудия шлифовка отсутствует.

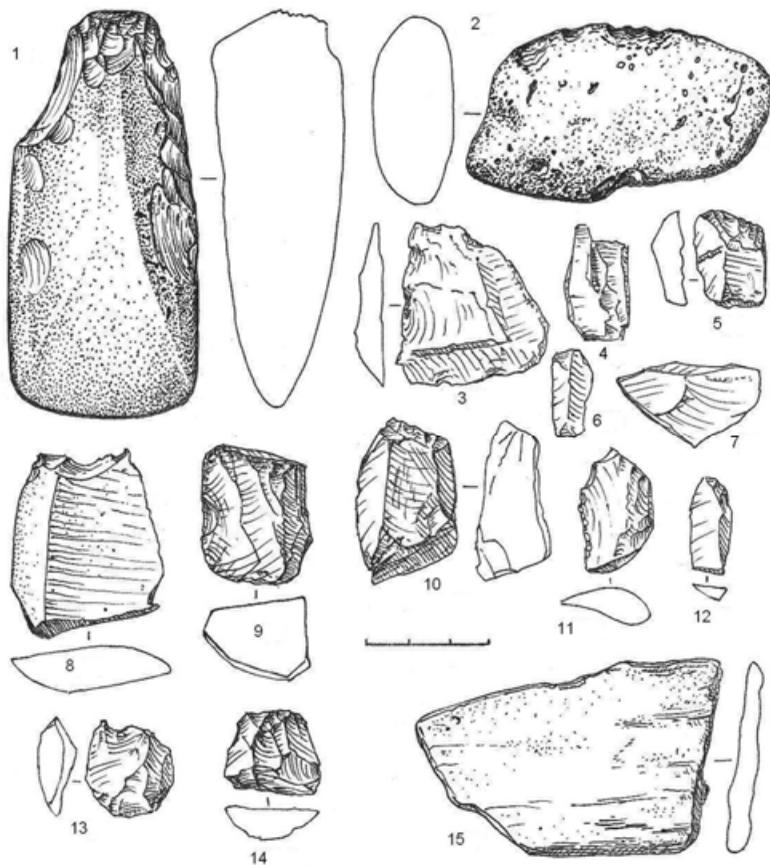

Рис. 3. Находки из поселений Космозеро 1 (1,2,8,9,10,12,14) и Ванчозеро 1 (11,13,15)

Кварцевый концевой скребок (0,6 x 1,7 x 2 см) подтрапещевидной формы со следами сработанности по одному из ребер (рис. 3:14). Небольшую (1,3 x 4 x 7 см) плоскую песчаниковую гальку с двумя есте-

ственными выемками на противоположащих боковых сторонах, до-оформленных сколами. Возможно, использовалась как рыболовный груз (рис. 3:2).

Коллекция керамики представлена тремя типами: ямочно-гребенчатая, асбестовая и пористая.

Ямочно-гребенчатая керамика (рис. 4: 1–8, 10, 12, 13, 17) – не менее 4–5 сосудов, украшенных коническими ямочными вдавлениями (диаметр 0,4–0,6 см), сочетающимися с поясами из горизонтальных линий, нанесенных с использованием гребенчатого штампа. Толщина стенок около 0,5 см. Один маленький фрагмент венчика, видимо, принадлежит к числу так называемых каргопольских сосудов, бытовавших на территории Карелии во второй половине IV тыс. до н.э.⁶

Асбестовая керамика (рис. 4: 9, 11, 14, 15, 19, 20, 23, 26) – мелкие фрагменты без орнамента или украшенные вертикальным зигзагом, образованным оттисками гребенчатого штампа. Толщина стенок 0,4–0,5 см. Не менее 2–3 горшков.

Пористая керамика (рис. 4: 16, 18, 21, 22) – мелкие фрагменты без орнамента, в том числе один утолщенный подокруглый венчик, с наружной стороны украшенный едва заметной прочерченной линией вдоль среза. Толщина стенок около 0,5 см.

Судя по составу керамического материала, поселение функционировало в течение длительного времени, вначале в IV тыс. до н.э. (ямочно-гребенчатая керамика), затем во второй половине III тыс. до н.э. (асбестовая и пористая керамика). Его нахождение в районе протоки, соединяющей озеро Космозеро с заливом Святуха Онежского озера, возможно, свидетельствует о прохождении здесь древнего пути, соединяющего побережье Онежского озера с внутренней частью Заонежского полуострова.

Поселение Ванчозеро 1. Расположено на восточном берегу озера Ванчозеро, примерно в 2 км к северо-востоку находится деревня Кажма. Вместе с памятниками Ванчозеро 2–10 составляет компактный комплекс древних поселений, протянувшийся вдоль берега озера Ванчозеро на протяжении одного километра (см. рис. 2). Удаленность от берега – около 120 м. Примерно в 65 м от западной границы памятника проходит лесная тропа, идущая вдоль берега озера по направлению северо-восток – юго-запад. Где-то в 90 м от восточной границы памятника проходит автодорога Кажма – Нижнее Мягрозеро. Памятник занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, расширяющейся в южном направлении. Высота около 4–5 м над уровнем воды в озере Ванчозеро (6–7 м от уровня Онежского озера).

⁶ Лобанова Н. В. Каргопольская керамика на поселениях Карелии // Археология Севера. Петрозаводск, 1997. Вып. 1. С. 85–96.

Рис. 4. Керамика из поселения Косозеро 1

Протяженность памятника с севера на юг составляет около 135 м, ширина – примерно 80 м, площадь – около 10 тыс. кв. м. Западная граница памятника маркируется краем террасы.

На памятнике было заложено два шурфа (1x1 м), в которых прослежена схожая стратиграфия: 1. Дерн – 7–13 см. 2. Подзол – до 9 см. 3. Темно-серый песок (культурный слой) – 12–20 см, 4. Светло-серый песок (материк). Шурф 1 находится в юго-восточной части памятника. Находки включали кварцевый скребок, отщепы сланца и фрагмент ямочно-гребенчатой керамики. Шурф 2 был заложен в северо-западной части поселения, в нем были найдены песчаниковый абразив, отщеп кварца со следами обработки, отщепы и осколки сланца, кварца и кварцита, а также фрагменты ямочно-гребенчатой керамики (табл. 2).

Таблица 2. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 1

	Шурф 1	Шурф 2	Всего
Скребок (кварц)	1	–	1
Абразив (песчаник)	–	1	1
Отщеп со следами использования (кварц)	–	1	1
Ямочно-гребенчатая керамика	1	12	13
Отщепы и осколки сланца	8	7	15
Отщепы и осколки кварца	–	4	4
Отщепы и осколки кварцита	–	2	2

Среди найденных предметов отметим скребок кварцевый концевой, подокруглой формы, размером 0,6 x 2 x 2,3 см, со следами использования на дугообразном лезвии (см. рис. 3:13). Также найден песчаниковый абразив в виде плитки аморфных очертаний (0,5 x 4 x 6,5 см) со следами использования в качестве орудия шлифования и пиления (см. рис. 3:15).

Коллекция керамики представлена фрагментами от не менее 5 сосудов ямочно-гребенчатой керамики (в том числе 2 венчика) (рис. 5:1–10). В орнаменте преобладают ямки конической формы диаметром 0,4–0,5 см. Венчики прямые, неорнаментированные по срезу. В верхней части, вдоль среза с наружной стороны сосудов: у одного орнамент в виде горизонтального ряда ямок, сочетающихся с поясом наклонно поставленных оттисков, нанесенных торцом палочки, у другого – горизонтальный ряд ямок, сочетающийся с нанесенной выше двойной прочерченной линией. Все сосуды изготовлены из глины с примесью крупнозернистого песка.

Судя по составу керамического материала, поселение относится к неолиту и датируется IV тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 2. Оно находится на восточном берегу озера Ванчозеро, примерно в 200 м к юго-западу от поселения Ванчозеро 1. Удаленность от береговой линии составляет около 55 м. Памятник занимает ровный участок прибрежной береговой террасы. Высота около 5 м над уровнем воды в озере Ванчозеро (7 м от уровня Онежского озера).

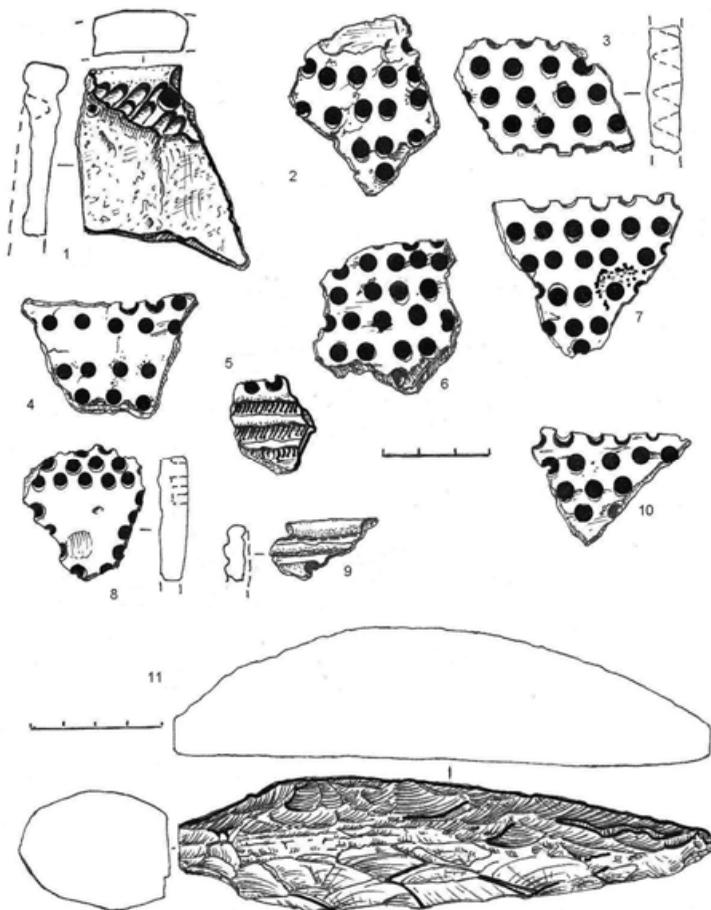

Рис. 5. Находки из поселений Ванчозеро 1-10 (1-10) и Ванчозеро 2 (11)

Протяженность памятника с северо-запада на юго-восток составляет около 130 м, ширина – приблизительно 75 м, площадь – около 9–10 тыс. кв. м. Юго-западная граница памятника маркируется краем террасы, юго-восточная – складкой рельефа в виде небольшого повышения террасы.

В центральной части памятника заложен шурф (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн – около 10–12 см. 2. Подзол – 5–7 см. 3. Коричневый песок (культурный слой) – 7–13 см. 4. Серый песок (культурный слой) – 9–13 см. 5. Желтый песок (материк). Находки включали сланцевую кирку, а также 19 отщепов сланца, 3 кварца и 1 лидита.

Среди найденных предметов отметим сланцевую кирку, изготовленную из плитчатого сланца (рис. 5:11). Кирка вытянутая размером 3 x 3,5 x 14,7 см, линзовидной в плане и полуовальной в поперечном сечении формы. Верхняя и боковые поверхности со следами многочисленных сколов. Нижняя часть плоская, без следов обработки. Обух уплощен, со следами сколов. Следов шлифовки нет.

Отсутствие керамического материала позволяет предполагать отнесение памятника к мезолитическому времени, однако высота расположения (около 5 м над уровнем Ванчозера) скорее свидетельствует об отнесении стоянки к раннему неолиту. Возможно, в ходе дальнейших исследований будет найдена керамика сперрингс или ямочно-гребенчатая.

Поселение Ванчозеро 3. Поселение находится на восточном берегу озера Ванчозеро, в 60 м от берега. Памятник занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, расширяющейся в северном направлении. Высота около 7–8 м над уровнем воды в озере Ванчозеро. Протяженность памятника с северо-запада на юго-восток составляет около 76 м, ширина – примерно 54 м, площадь – около 4100 кв. м. Западная граница памятника маркируется краем террасы.

На памятнике в северо-западной и юго-восточной частях было заложено два шурфа (1 x 1 м), в которых прослежена схожая стратиграфия: 1. Дерн – 4–7 см. 2. Подзол – до 5 см. 3. Светло-коричневый песок (культурный слой) – 6–14 см. 4. Темно-серый песок (культурный слой) – 14–20 см. 5. Светло-серый песок (материк). В шурфе 1 были найдены кремневый скребок, осколок сосуда с гребенчато-ямочным орнаментом, а также отщепы и осколки сланца, кварца, лидита и кремня. В шурфе 2 – сланцевая стамеска, а также осколки и отщепы сланца, лидита и песчаника (табл. 3).

Таблица 3. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 3

	Шурф 1	Шурф 2	Всего
Скребок (кремь)	1	–	1
Стамеска (сланец)	–	1	1
Отщеп со следами использования (кварц)	1	–	1
Отщепы и осколки сланца	9	1	10
Отщепы и осколки кварца	2	–	2
Отщепы и осколки лидита	2	2	4
Отщепы и осколки кремня	2	–	2
Отщеп песчаника	–	1	1
Гребенчато-ямочная керамика	1	–	1
Неопределенные мелкие фрагменты керамики	3	–	3

Среди найденных предметов отметим сланцевую стамеску из отщепа подтреугольной в плане и подчетыреугольной в поперечном сечении формы, размером 1 x 2,5 x 7,7 см. Большая часть поверхности шлифована

на. Лезвие прямое, со следами сколов (рис. 6:17). Интересен кремневый скребок из небольшого четырехгранного отщипа (0,5 x 1,5 x 2,5 см) аморфных очертаний, со следами грубой односторонней ретуши по трем ребрам (рис. 6:12). Найден также фрагмент сосуда с гребенчато-ямочным орнаментом и следами расчесов на внутренней поверхности, толщиной стенок 0,8 см (рис. 6:13).

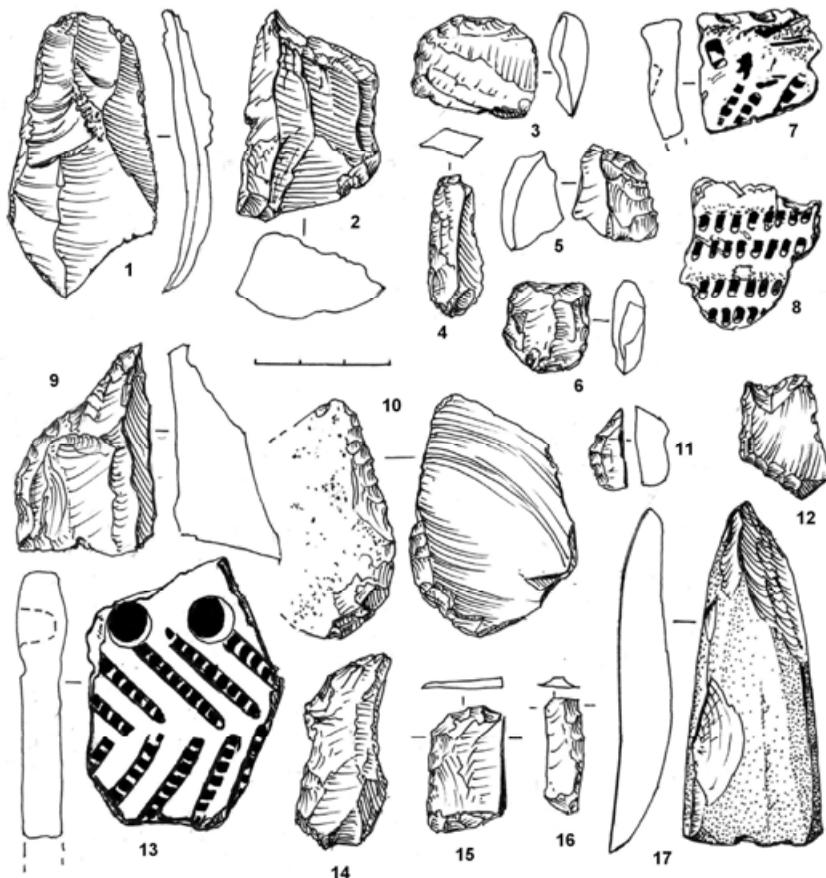

Рис. 6. Находки из поселений Ванчозеро 3 (12, 13, 17), Ванчозеро 7 (1, 2, 4–8), Ванчозеро 10 (3, 14–16), Ванчозеро 11 (9–11)

Судя по составу керамического материала, поселение относится к неолиту и датируется первой половиной III тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 4. Оно находится севернее поселения Ванчозеро 1 на более высоком участке берега. Удаленность от береговой линии составляет около 90 м. Памятник занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, сужающийся в северном направлении. Высота около 6,5 м над уровнем воды в Ванчозере.

Протяженность памятника с севера на юг составляет около 86 м, ширина – до 32 м, площадь – до 2700 кв. м. Западная граница памятника маркируется краем террасы.

На поселении было заложено два шурфа (в южной и северной частях памятника), в которых прослежена схожая стратиграфия: 1. Дерн – около 10 см. 2. Подзол – 3–6 см. 3. Темно-коричневый песок (культурный слой) – 4–13 см. 4. Светло-серый песок (культурный слой) – 7–14 см. 5. Светло-коричневый песок (материк).

Находки в шурфе 1: обломок шлифовальной плиты (сланец), обломок плитки со следами шлифовки (сланец), три осколка кварца со следами использования, а также осколки и отщепы кварца, сланца, лидита и кремня.

Находки в шурфе 2: 2 отщепы сланца, осколок сосуда с ямочным орнаментом и осколок сосуда без орнамента. Находки приводятся в табл. 4.

Таблица 4. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 4

	Шурф1	Шурф 2	Всего
Обломок шлифовальной плиты (сланец)	1	–	1
Обломок плитки со следами шлифовки (сланец)	1	–	1
Осколки со следами использования (кварц)	3	–	3
Отщепы и осколки сланца	5	2	7
Отщепы и осколки кварца	1	–	1
Отщепы и осколки лидита	2	–	2
Отщепы и осколки кремня	1	–	1
Ямочная керамика	–	1	1
Неопределенная керамика	–	1	1

Среди найденных предметов отметим небольшой обломок сланцевой односторонней шлифовальной плиты (рис. 7:1), а также мелкие фрагменты сильно окатанной керамики, видимо, неолитической. На одном прослеживаются следы ямочного орнамента.

Судя по составу керамического материала, поселение относится к неолиту и датируется IV тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 5. Располагается примерно в 50 м к юго-востоку от поселения Ванчозеро 2, но занимает более высокий участок берега (6–7 м над уровнем воды в Ванчозере). Находится на ровном участке прибрежной береговой террасы, расширяющейся в северо-западном направлении. Удаленность от берега составляет 35 м. Протяженность поселения с северо-запада на юго-восток – около 110 м, ши-

рина – примерно 40 м, площадь – 4400 кв. м. Западная граница памятника маркируется краем террасы, восточная – определяется склоном следующей более высокой террасы.

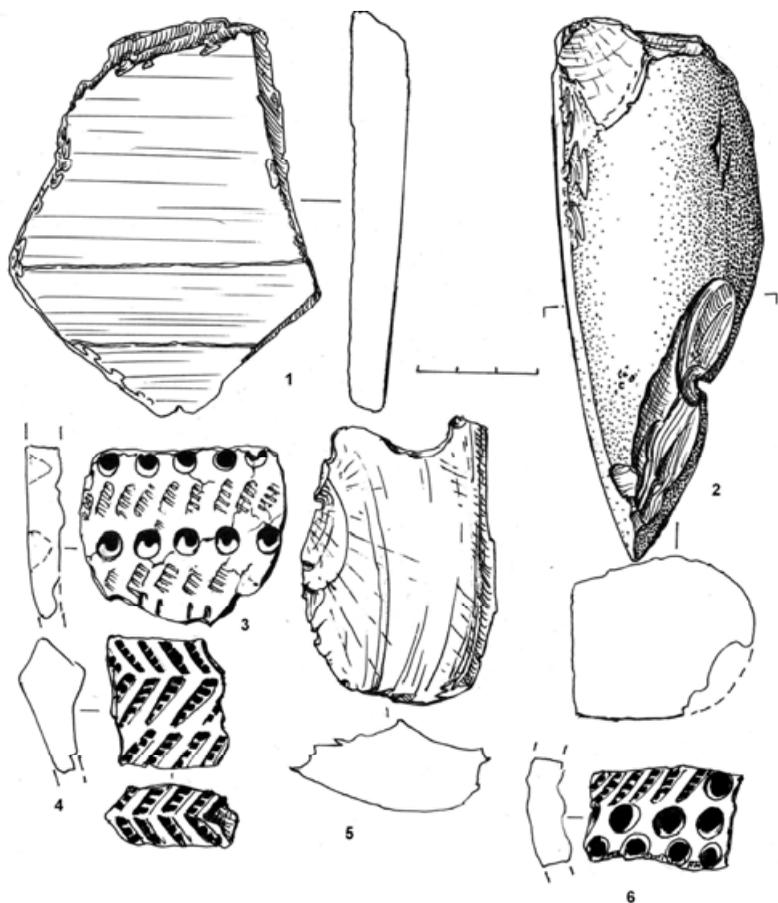

Рис. 7. Находки из поселений Ванчозеро 4 (1), 5 (5), 8 (3), 9 (2), 12 (4,6)

В южной части памятника заложен шурф 1 (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн – 4–7 см. 2. Подзол – 3–6 см. 3. Темно-серый песок (культурный слой) – 23–30 см. 4. Светло-коричневый песок (материк). Находки включали заготовку небольшого (1,7 x 4,2 x 6 см) сланцевого орудия со следами окатанности, осколок кварца со следами использования, кварцевый нуклеус, а также отщепы и осколки сланца и кварца.

В северной части памятника на противопожарной полосе была сделана зачистка культурного слоя (2 м). Стратиграфия: 1. Дерн – 4 см. 2. Погребенный дерн – 3 см. 3. Темно-коричневый песок (культурный слой) – 19–26 см. 4. Светло-коричневый песок (материк). Находки приводятся в табл. 5. Отметим обломок заготовки сланцевого орудия со следами шлифовки (рис. 7:5).

Таблица 5. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 5

	Шурф	Зачистка	Всего
Заготовка орудия (сланец)	1		1
Нуклеидный осколок (кварц)	1		1
Осколок со следами использования (кварц)	1	1	2
Отщепы и осколки сланца	4	2	6
Отщепы и осколки кварца	1	2	3
Отщепы и осколки кварцита	–	1	1

Отсутствие керамического материала позволяет предполагать мезолитическое время бытования памятника (VI – первая половина V тыс. до н.э.).

Поселение Ванчозеро 6. Находится примерно в 65 м к югу от поселения Ванчозеро 5, но занимает ровный участок более низкой береговой террасы (1–2 м от уровня воды в озере Ванчозеро). Протяженность памятника с северо-запада на юго-восток составляет около 53 м, ширина – около 16 м, площадь – до 900 кв. м. Западная граница памятника маркируется краем террасы, восточная – склоном следующей более высокой береговой террасы.

В центральной части памятника заложен шурф (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн – около 10 см. 2. Подзол – до 5 см. 3. Светло-серый песок (культурный слой) – 17–21 см. 4. Светло-коричневый песок (материк). Находки приводятся в табл. 6.

Таблица 6. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 6

	Шурф
Обломок абразива (кварцит)	1
Отщепы и осколки сланца	4
Осколки кварца	3
Керамика с ямочным орнаментом	1
Асбестовая керамика	12
Неопределенные мелкие фрагменты керамики	10

Среди найденных предметов отметим обломок песчаникового абразива (рис. 8:6) со следами шлифования по трем граням.

Единственный фрагмент ямочно-гребенчатой керамики (рис. 8:7) – осколок кососрезанного внутрь венчика, с напльвом по внутреннему краю. Орнамент представлен горизонтальными рядами гребенчатого

штампа, сочетающимися с рядом округлых ямок цилиндрической формы. Срез орнаментирован косыми насечками. Фрагмент имеет следы окатанности в воде.

Асбестовая керамика (рис. 8:1–5) представлена фрагментами от двух сосудов толщиной стенок около 0,3–0,4 см с орнаментом в виде коротких гребенчатых отпечатков, образующих зигзагообразные линии. Венчики плоскосрезанные, слегка утолщены, один слегка отогнут внутрь сосуда. По срезу венчики орнаментированы косыми насечками один гладкого, другой – гребенчатого штампа.

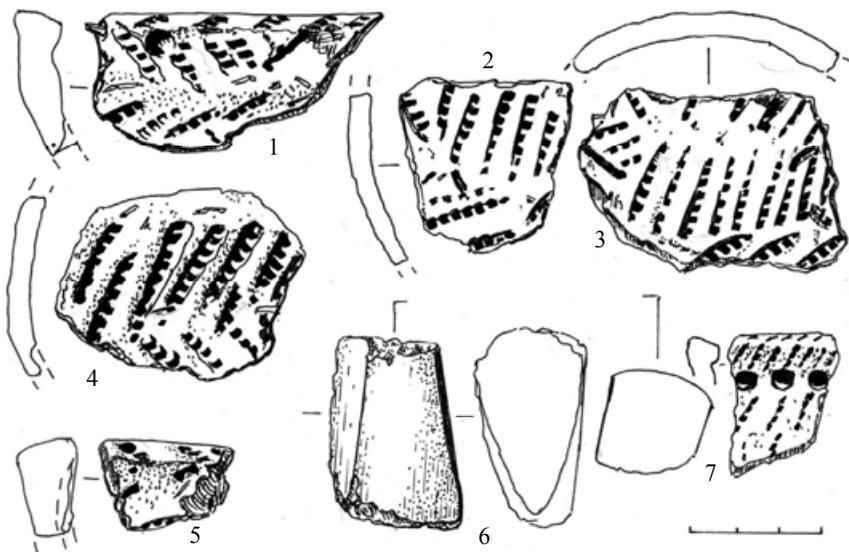

Рис. 8. Находки из поселения Ванчозеро 6

Судя по составу керамического материала, поселение относится к энеолиту и датируется второй половиной III – первой половиной II тыс. до н.э. Возможно, данное место посещалось и ранее – в неолите (IV тыс. до н.э.), о чем свидетельствует находка фрагмента ямочно-гребенчатой керамики.

Поселение Ванчозеро 7. Находится примерно в 95 м к юго-западу от Ванчозера 1, на более низком участке берега (высота около 3–4 м над уровнем воды в Ванчозере). Удаленность от берега – 10–20 м. Памятник занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, сужающейся в северном и расширяющейся в южном направлении. Протяженность памятника с северо-запада на юго-восток составляет око-

ло 100 м, ширина – примерно 48 м, площадь – около 4800 кв. м. Западная граница памятника маркируется краем террасы.

На поселении было заложено два шурфа (1 x 1 м). Их стратиграфия схожа: 1. Дерн – около 5–10 см. 2. Подзол – 3–6 см. 3. Светло-серый песок (культурный слой) – 7–16 см. 4. Светло-коричневый песок (материк).

Находки в шурфе 1 включали отщепы и осколки сланца, кварца и лидита, в шурфе 2 были более многочисленны и разнообразны и кроме отходов производства орудий из камня и фрагментов асбестовой керамики включали орудия из кремня и кварца. Состав находок см. в табл. 7.

Таблица 7. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 7

	Шурф1	Шурф 2	Всего
Скребки (кварц)	–	2	2
Нож (кремень)	–	1	1
Осколки со следами шлифовки	–	2	2
Отщеп со следами использования (кремень)	–	1	1
Нуклеидный осколок (кварц)	–	1	1
Осколок со следами использования (кварц)	–	1	1
Пластина (кварц)	–	1	1
Отщепы и осколки сланца	3	6	9
Отщепы и осколки кварца	2	2	4
Отщепы и осколки лидита	1	–	1
Отщепы и осколки кремня	–	2	2
Асбестовая керамика	–	6	6

Среди найденных предметов отметим следующие. Кремневый нож (см. рис. 6:1) в виде плоского удлиненного отщепа, по трем краям обработан мелкой односторонней ретушью. Миниатюрный кварцевый скребок (см. рис. 6:6) из осколка неправильной подчетыреугольной формы со следами работы на двух смежных краях. Миниатюрный кварцевый скребок (см. рис. 6:5) из граненого аморфного осколка. Дугообразное лезвие сформовано односторонней ретушью по одному из ребер. Миниатюрную кварцевую пластинку (см. рис. 6:4) подтреугольную в поперечном сечении.

Асбестовая керамика (см. рис. 6:7,8) представлена фрагментами от трех сосудов толщиной стенок около 0,3 см с орнаментом в виде гребенчатых отпечатков. Фрагменты венчика имеются только от одного сосуда, венчик слегка утолщенный, плоскосрезанный, подтреугольный в сечении.

Судя по составу керамического материала, поселение относится к неолиту и датируется второй половиной III – первой половиной II тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 8. Находится на восточном берегу Ванчозера. Занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, сужающейся в северном и южном направлениях. Высота около 4–5 м над уровнем воды в Ванчозере. Удаленность от береговой линии составляет около 75 м. В 30 м к юго-востоку находится поселение Ванчозеро 4, занимающее более высокую береговую террасу (6–7 м).

Протяженность памятника с северо-запада на юго-восток составляет около 56 м, ширина – примерно 30 м, площадь – около 1680 кв. м. Западная граница памятника маркируется краем террасы, восточная – проходит по склону следующей террасы.

На поселении было заложено два шурфа. Шурф 1 (1 x 1 м) – в южной части памятника. Стратиграфия: 1. Дерн – около 7 см. 2. Подзол – до 6 см. 3. Темно-коричневый песок (культурный слой) – 5–8 см. 4. Светло-серый песок (культурный слой) – 3–7 см. 5. Светло-коричневый песок (материк). Находки включали фрагменты гребенчато-ямочной керамики и отщепы сланца (табл. 8).

В северной части памятника заложен шурф 2 (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн – около 6 см. 2. Подзол – 6–8 см. 3. Темно-коричневый песок (культурный слой) – 13–15 см. 4. Светло-коричневый песок (материк). Находки включали отщепы сланца (табл. 8).

Таблица 8. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 8

	Шурф 1	Шурф 2
Отщепы и осколки сланца	3	7
Гребенчато-ямочная керамика	5	–
Неопределенные мелкие фрагменты керамики	4	–

Среди найденных предметов отметим мелкие фрагменты гребенчато-ямочной керамики со следами окатанности водой. Наиболее сохранившийся фрагмент (см. рис. 7:3) имеет орнамент в виде двух горизонтальных рядов ямочных вдавлений конической формы диаметром 0,5 см и двух рядов короткого гребенчатого штампа, толщина стенки 0,5–0,6 см. Представленный в коллекции мелкий фрагмент венчика кососрезанный внутрь, с наплывом по внутреннему краю, орнаментирован по срезу наклонными оттисками гребенчатого штампа.

Судя по составу керамического материала, поселение относится к неолиту и датируется первой половиной III тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 9. Находится на восточном берегу Ванчозера, примерно в 1,35 км к северо-востоку от деревни Кажма. Удаленность от берега составляет около 150 м. В северо-восточной части памятника в направлении север–юг проходит автодорога Кажма – Нижнее Мягрозеро. Примерно в 60 м к западу находится поселение Ванчозеро 8, в 45 м к

юго-западу – поселение Ванчозеро 4, которые занимают более низкие участки древнего берега (около 4,5 и 6,5 м соответственно).

Памятник расположен на ровном участке прибрежной береговой террасы, полого спускающейся в юго-западном направлении. Его северная часть залегает на высоте около 10–10,5 м над уровнем озера Ванчозеро, центральная и южная части занимают склон террасы и имеют высоту около 8,5–10 м.

Протяженность памятника с севера на юг составляет около 106 м, ширина – около 45 м в северной части и примерно 18 м в южной, площадь – около 2800 кв. м. Западная граница памятника проходит по краю террасы.

В северо-западной части памятника заложен шурф 1 (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн – 7–9 см. 2. Подзол – до 6 см. 3. Темно-коричневый песок (культурный слой) – 9–12 см. 4. Светло-серый песок (материк). Находки включали обломок кирпичи, а также осколки и отщепы сланца, кварца, лидита и кремня (табл. 9).

В южной части памятника была сделана зачистка обнажения культурного слоя (2,6 м). Стратиграфия: 1. Дерн – 3–6 см. 2. Подзол – около 2–3 см. 3. Темно-коричневый песок (культурный слой) – 14–23 см. 4. Светло-коричневый песок (материк). Находки включали кварцевые нуклеус, отщеп со следами использования, а также осколки и отщепы сланца, кварца и лидита.

Таблица 9. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 9

	Шурф	Зачистка	Всего
Обломок кирпичи (сланец)	1	–	1
Отщеп со следами использования (кварц)	1	1	2
Отщеп со следами обработки (кремь)	1	–	1
Нуклеус (кварц)	–	1	1
Обломок пластины (кварц)	–	1	1
Отщепы и осколки сланца	2	2	4
Отщепы и осколки кварца	1	2	3
Отщепы и осколки лидита	2	1	3
Отщепы и осколки кремня	1	–	1

Среди найденных предметов отметим обломок шлифованной сланцевой кирпичи (см. рис. 7:2) полукруглого поперечного сечения, а также тщательно заточенное острие со следами двух сколов, образовавшихся вследствие попытки вторичного использования обломка в качестве заготовки.

Отсутствие керамики и относительно высокое расположение поселения позволяют отнести его к эпохе мезолита.

Поселение Ванчозеро 10. Находится примерно в 50 м к востоку от поселения Ванчозеро 1. Удаленность от береговой линии составляет около 160 м. В северо-восточной части памятника в направлении северо-запад – юго-восток проходит лесная просека. К западной границе памятника

вплотную примыкает автодорога Кажма – Нижнее Мягрозеро. Памятник занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, расширяющейся в северном направлении. Высота около 7,3–7,8 м над уровнем воды в озере Ванчозеро. Протяженность памятника с северо-востока на юго-запад составляет около 94 м, ширина – примерно 20 м, площадь – около 1800 кв. м. Западная граница памятника проходит вплотную к автодороге.

На поселении было заложено два шурфа (1 x 1 м). В северной части памятника заложен шурф 1. Стратиграфия: 1. Дерн – до 10 см. 2. Подзол – 2–3 см. 3. Темно-серый песок (культурный слой) – 7–10 см. 4. Светло-коричневый песок (материк). Находки встречались в темно-сером песке. Они включали мелкие фрагменты керамики без орнамента, кварцевые нуклеус и отщепы со следами обработки или использования, а также отщепы и осколки сланца, кварца и лидита (табл. 10).

В южной части памятника заложен шурф 2. Стратиграфия: 1. Дерн – 7–11 см. 2. Подзол – около 3–6 см. 3. Темно-коричневый песок (культурный слой) – 6–10 см. 4. Светло-коричневый песок (материк). Находки: кварцевые скребок, резцы, пластина, а также отщепы сланца и кварца (табл. 10).

Таблица 10. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 10

	Шурф 1	Шурф 2	Всего
Скребок (кварц)		1	1
Резцы (кварц)		2	2
Пластина (кварц)		1	1
Нуклеидный осколок со следами обработки (кварц)	1		1
Осколок со следами обработки (кварц)	2		2
Отщеп со следами использования (кварц)	1		1
Отщепы и осколки сланца	3	1	4
Отщепы и осколки кварца	3	1	4
Отщепы и осколки лидита	1		1
Неопределенные мелкие фрагменты керамики	2		2

Среди предметов отметим следующие кварцевые орудия. Скребок (см. рис. 6:3) (0,8 x 2 x 2,7 см) в форме полукруга с дугообразной лезвийной частью, сформованной грубой односторонней ретушью. Резец боковой (см. рис. 6:14) из аморфного удлиненного осколка (0,8 x 1,5 x 4,5 см). Резец угловой (см. рис. 6:15) из плоского отщепа подчетырёхугольной формы (0,4 x 1,5 x 2,5 см). Миниатюрную пластинку (см. рис. 6:16), линзовидную в поперечном сечении (0,2 x 0,7 x 2,6 см).

Хронология поселения затруднена. Состав каменного инвентаря, а также большая удаленность и высота расположения могут свидетельствовать о его принадлежности к мезолиту. Найденные фрагменты керамики из-за плохой сохранности не поддаются атрибуции, однако наиболее вероятно их отнесение к неолиту.

Поселение Ванчозеро 11. Расположено на северном берегу Ванчозера, вблизи протоки, соединяющей озеро с заливом Кефтенгуба Онежского озера (рис. 9). Примерно в 0,9 км к востоку находится деревня Есино, в 0,8 км к северо-востоку – деревня Часовенская. Удаленность от береговой линии составляет около 7 м, от основания мыса – 57 м. Памятник занимает наиболее возвышенный относительно ровный участок прибрежной береговой террасы. Высота около 3,5 м над уровнем воды в озере Ванчозеро. Протяженность памятника с СЗ на ЮВ составляет около 26 м, ширина – примерно 12 м, площадь – около 310 кв. м. Западная граница памятника маркируется краем террасы, северная – скальным выступом, восточная – береговым склоном.

В южной части памятника заложен шурф 1 (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн – до 5 см. 2. Подзол – 2–3 см. 3. Красновато-коричневый песок с примесью гальки (культурный слой) – 11–14 см. 4. Светло-желтый песок (материк). Находки встречались в красновато-коричневом песке. Список приводится в табл. 11.

Таблица 11. Состав коллекции из поселения Ванчозеро 11

	Шурф1
Скребок (кварц)	2
Нуклеус (кварц)	2
Отщеп со следами обработки (кремь)	1
Осколок со следами обработки (кварц)	1
Осколок со следами использования (кварц)	1
Отщепы и осколки сланца	1
Отщепы и осколки кварца	4
Асбестовая керамика	1

Среди найденных предметов отметим крупный (0,6 x 3,5 x 5,5 см) кремневый отщеп (см. рис. 6:101) с галечной коркой и следами мелкой односторонней ретуши по одному из краев. Видимо, использовался в качестве режущего орудия. Кварцевый скребок (см. рис. 6:9) из граненого осколка подтреугольной формы (1,3 x 3 x 4,5). Дугообразное лезвие сформовано довольно грубыми односторонними сколами. Мелкий обломок дугообразной лезвийной части кварцевого скребка (см. рис. 6:11), сформованной крутой односторонней ретушью.

Судя по составу керамического материала, поселение относится к энеолиту и датируется второй половиной III – первой половиной II тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 12. Расположено на северном берегу Ванчозера, в районе протоки, соединяющей озеро с заливом Кефтенгуба Онежского озера. Удаленность от береговой линии составляет около 17 м. В 600 м к северо-востоку, на противоположном берегу залива, находится поселение Ванчозеро 11 (рис. 9). Памятник занимает расширяющийся в

этом месте участок прибрежной береговой террасы, полого спускающийся в северо-восточном направлении. Высота около 6,3–6,7 м над уровнем воды в озере Ванчозеро. Протяженность памятника с северо-запада на юго-восток составляет около 40 м, ширина – примерно 11 м, площадь – около 440 кв. м. Восточная граница памятника маркируется краем террасы, западная – склоном следующей более высокой береговой террасы.

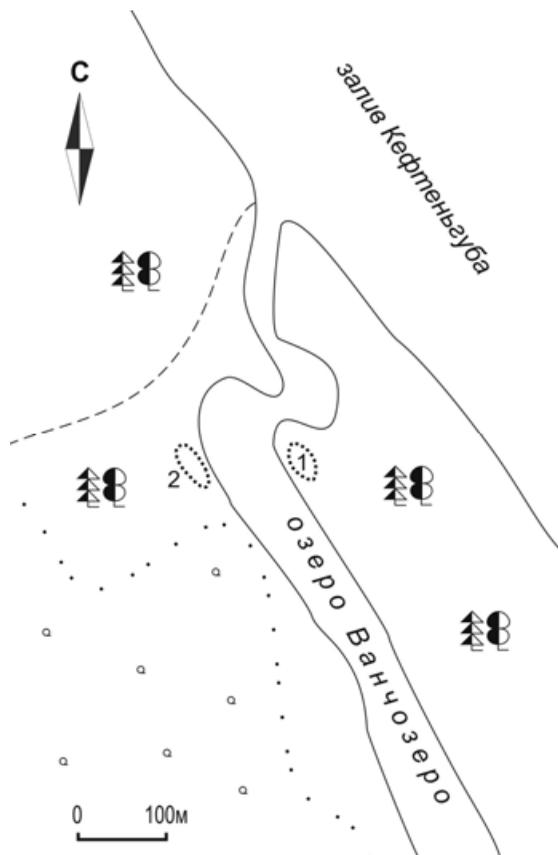

Рис. 9. Расположение поселений Ванчозеро 11(1), 12(2)

В центральной части памятника заложен шурф (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн – около 5 см. 2. Подзол – 2–4 см. 3. Светло-серый песок – 8–17, 4. Красновато-коричневый песок (культурный слой) – 9–14 см. 4. Светло-желтый песок (материк). Находки включали 7 осколков

сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом, заготовку орудия из сланца, а также отщепы и осколки сланца (4 ед.) и кварца (4 ед.).

В коллекции представлены мелкие фрагменты гребенчато-ямочной керамики толщиной стенок до 0,7 см (см. рис. 7:4,6). Фрагмент венчика (см. рис. 7:4) утолщен, имеет подтреугольную в сечении форму, орнаментирован по граням наклонно поставленными оттисками гребенчатого штампа.

Судя по составу керамического материала, поселение относится к позднему неолиту и датируется III тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 13. Располагается на юго-восточном берегу Ванчозера, примерно в 800 м южнее поселения Ванчозеро 6, в 55 м от берега, 140 м западнее дороги Кажма – Ладмозеро.

Памятник находится на ровной площадке, полого спускающейся в сторону озера Ванчозеро, высотой 6–6,5 м над уровнем озера Ванчозеро. Западная часть памятника ограничена понижением береговой террасы, восточная – небольшим ее повышением. В южной части по территории поселения проходит лесная дорога, ведущая к берегу озера. Протяженность с севера на юг составляет 27 м, ширина – 6 м, площадь – около 160 кв.м.

В северной части памятника, на противопожарной полосе, была сделана зачистка размерами 1,5 м. Выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн – 1–2 см. 2. Желто-белый песок – 10–12 см. 3. Бело-желтый песок – 15–20 см. 4. Коричнево-черный песок (культурный слой) – 5–15 см. 5. Темно-желтый песок (материк) (см. рис. 4, 6).

Находки: скребок (рис. 10:1) сегментовидной формы с подокруглым лезвием, сформованным односторонней ретушью, отщепы со следами использования из сланца и кварца (рис. 10:2,3), два отщепа из кварца и один из сланца.

На основании высотного расположения время бытования поселения можно отнести к VI тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 14. Находится в 280 м южнее поселения Ванчозеро 13, в 30 м восточнее берега Ванчозера. Памятник располагается на ровном мысовидном выступе древнего берега озера высотой 5–6 м над уровнем озера Ванчозеро. Западная часть памятника ограничена каменистым понижением береговой террасы, восточная – резким повышением береговой террасы, северная и южная – ее сужением. Протяженность с севера на юг составляет примерно 40 м, ширина – 9–10 м, площадь – около 380 кв.м.

В северной части памятника, на противопожарной полосе, был заложен шурф (1 x 1 м), в котором прослежена следующая стратиграфия: 1. Дерн – 2–3 см. 2. Подзол бело-серый песок – 15–20 см. 3. Погребенный дерн – 2–4 см. 4. Серый песок (культурный слой) – 18–20 см. 5. Желтый песок (материк) (рис. 8, 10).

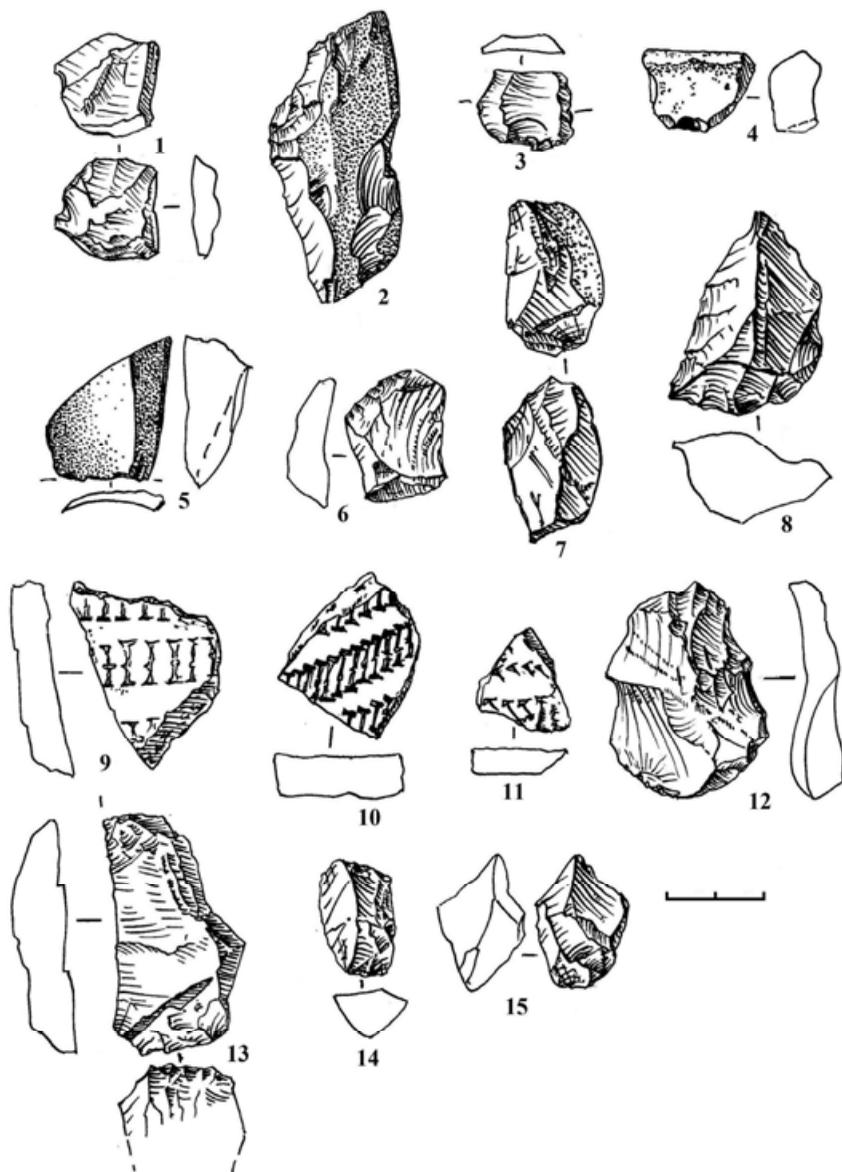

Рис. 10. Находки из поселений Ванчозеро 13 (1-3), 14 (4-8), 15 (9-12), 16 (13-15)

Находки: 3 мелких фрагмента ямочно-гребенчатой керамики (рис. 10:1), небольшой обломок сланцевого желобчатого долота со следами шлифовки (рис. 10:2), два кварцевых скребка (рис. 10:3,4), отщеп со следами использования из кварца (рис. 10:5), семь отщепов из сланца, один из кварца и два из кварцита.

На основании высотного расположения время бытования поселения можно отнести к IV тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 15. Находится на восточном берегу Ванчозера, примерно в 420 м южнее поселения Ванчозеро 14, в 40 м от берега, 110 м западнее дороги Кажма – Ладмозеро. Памятник располагается на ровной площадке, полого спускающейся в сторону берега высотой 4–4,5 м над уровнем озера Ванчозеро. Западная часть памятника ограничена понижением береговой террасы, восточная – небольшим повышением. Протяженность с севера на юг составляет примерно 40 м, ширина – 9 м. Площадь – 360 кв.м.

В южной части памятника, на противопожарной полосе, была сделана зачистка размерами 1,5 м. Выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн 1–2 см. 2. Темно-желтый песок – 12–15 см. 3. Серый песок (культурный слой) – 12–15 см. 4. Темно-желтый песок (материк).

Находки в зачистке в сером песке: 5 фрагментов керамики сперрингс (рис. 10:1–3), отщеп со следами использования из сланца (рис. 10:4), два отщепа сланца и один из кварцита.

На основании керамического материала время бытования поселения можно отнести к V тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 16. Располагается на восточном берегу Ванчозера, в 110 м к юго-востоку от поселения Ванчозеро 15, в 200 м от берега озера, 55 м западнее дороги Кажма – Ладмозеро. Памятник находится на ровной площадке, полого спускающейся в сторону озера Ванчозеро, высотой 8–9 м над его уровнем. Западная часть памятника ограничена понижением береговой террасы, восточная – ее повышением, северная и южная фиксируется по сужению береговой террасы. Протяженность с северо-запада на юго-восток составляет около 55 м, ширина – 16 м. Площадь стоянки – около 880 кв. м.

В центральной части памятника, на противопожарной полосе, была сделана зачистка размерами 1,5 м. Выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн – 1–2 см. 2. Темно-желтый песок – 8–10 см. 3. Погребенный дерн – 9–10 см. 4. Коричнево-красный песок (культурный слой) – 10–12 см. 5. Желтый песок (материк).

Находки представлены предметами из кварца: долотовидным орудием (рис. 10:13), скребком, резцом (рис. 10:14,15) и отщепом.

В южной части памятника был заложен шурф (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн – 2–3 см. 2. Подзол бело-серый песок – 12–15 см. 3. Серый песок (культурный слой) – 5–7 см. 4. Темно-желтый песок (материк). Находки включали два отщепа кварца.

На основании находок и высотного расположения время бытования поселения можно отнести к VI–V тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 17. Располагается на южном берегу Ванчозера, на удалении 200 м от берега, в 0,4 км восточнее устья ручья Черный, 22 м севернее дороги Кажма – Ладмозеро. Памятник занимает ровную площадку, полого спускающуюся в сторону озера Ванчозера, высотой 6–6,2 м над его уровнем. Северная часть памятника ограничена понижением, а южная – небольшим повышением береговой террасы. Размер поселения по линии запад – восток составляет 32 м, ширина – 18–19 м. Площадь поселения – около 600 кв.м.

В центральной части памятника, на противопожарной полосе, была сделана зачистка размером 1,5 м. Стратиграфия: 1. Дерн 1–2 см. 2. Темно-желтый песок – 8–10 см. 3. Подзол бело-серый песок – 5–6 см. 4. Коричнево-красный песок (культурный слой) – 17–20 см. 5. Темно-желтый песок (материк).

Находки: восемь скребков (рис. 11:1–8), долотовидное орудие (рис. 11:9), нуклеус (рис. 11:10), отщеп со следами обработки (рис. 11:11) и 16 отщепов из кварца.

На основании находок и высотного расположения время бытования поселения можно отнести к VI–V тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 18. Располагается в 200 м западнее стоянки Ванчозеро 17, в 120 м от берега Ванчозера. Памятник занимает ровную площадку, полого спускающуюся в сторону озера (высота 3–3,2 м над уровнем водоема). Территория поросла редкими сосновыми деревьями, с южной части идет большая вырубка. Северная часть памятника ограничена понижением, а южная – небольшим повышением береговой террасы. Протяженность поселения с запада на восток составляет 42 м, ширина – 13 м. Площадь стоянки – около 540 кв.м.

В центральной части памятника был заложен шурф (1 x 1 м), в котором прослежена следующая стратиграфия: 1. Дерн 1–2 см. Подзол бело-серый песок – 14–17 см. 3. Серый песок (культурный слой) – 12–15 см. 4. Желтый песок (материк). Найдено 6 фрагментов асбестовой керамики (рис. 11:12–14).

На основании находок и высотного расположения время бытования поселения можно отнести к III тыс. до н.э.

Поселение Ванчозеро 19. Располагается на юго-западном берегу безымянного озерного расширения реки Угомы, соединяющей озера Ванчозеро и Турастамозеро, в 50 м от берега, в 250 м севернее дороги Кажма – Ладмозеро (рис. 12).

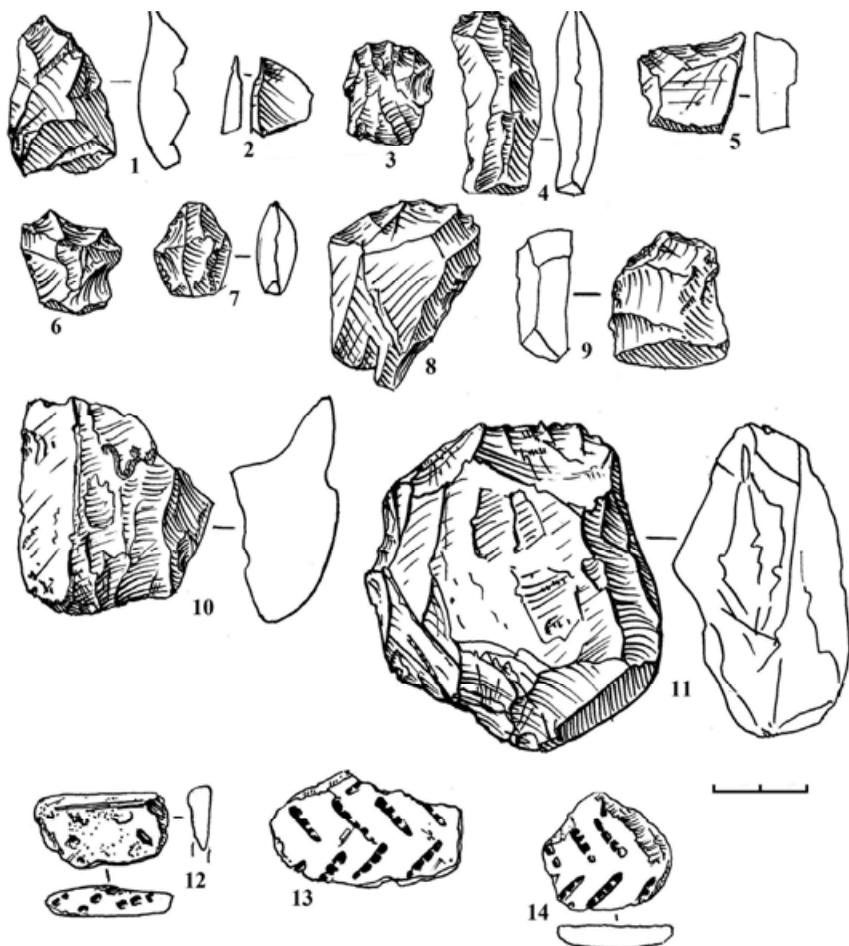

Рис. 11. Находки из поселений Ванчозеро 17 (1–11), 18 (12–14)

Памятник располагается на мысовидном выступе высотой 6–7 м над уровнем озера Ванчозеро (42–43 м над уровнем Балтийского моря). Территория поросла редким хвойно-лиственным лесом. Северная часть памятника ограничена понижением береговой террасы, южная – небольшим повышением береговой террасы, западная и восточная фиксируется по сужению террасы. Протяженность стоянки с запада на восток составляет 20 м, ширина – 10 м, площадь – около 200 кв.м.

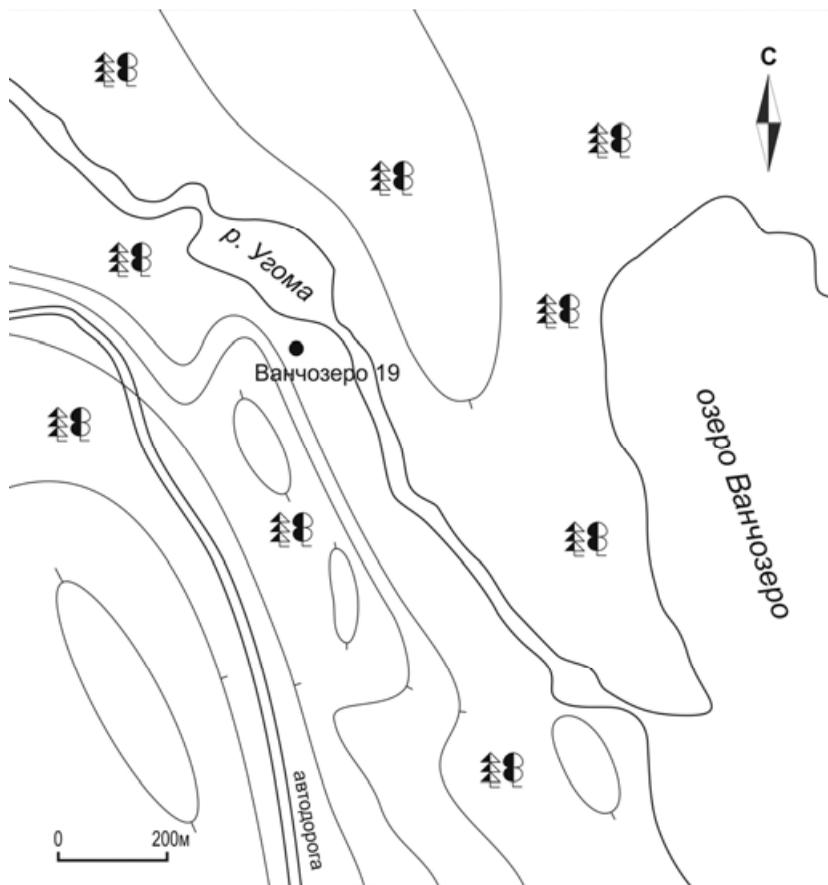

Рис. 12. Расположение поселения Ванчозеро 19

В центральной части памятника был заложен шурф (1 x 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн 1–2 см. 2. Подзол бело-серый песок – 8–10 см. 3. Коричнево-красный песок с мелкой галькой (культурный слой) – 17–20 см. 4. Желтый песок с галькой (материк).

Находки: четыре фрагмента ямочно-ребенчатой керамики (рис. 13:1–4), две заготовки сланцевых орудий (рис. 13:5,6), отщеп со следами использования (рис. 13:7) и 27 отщепов из сланца.

На основании находок и высотного расположения время бытования поселения можно отнести к IV тыс. до н.э.

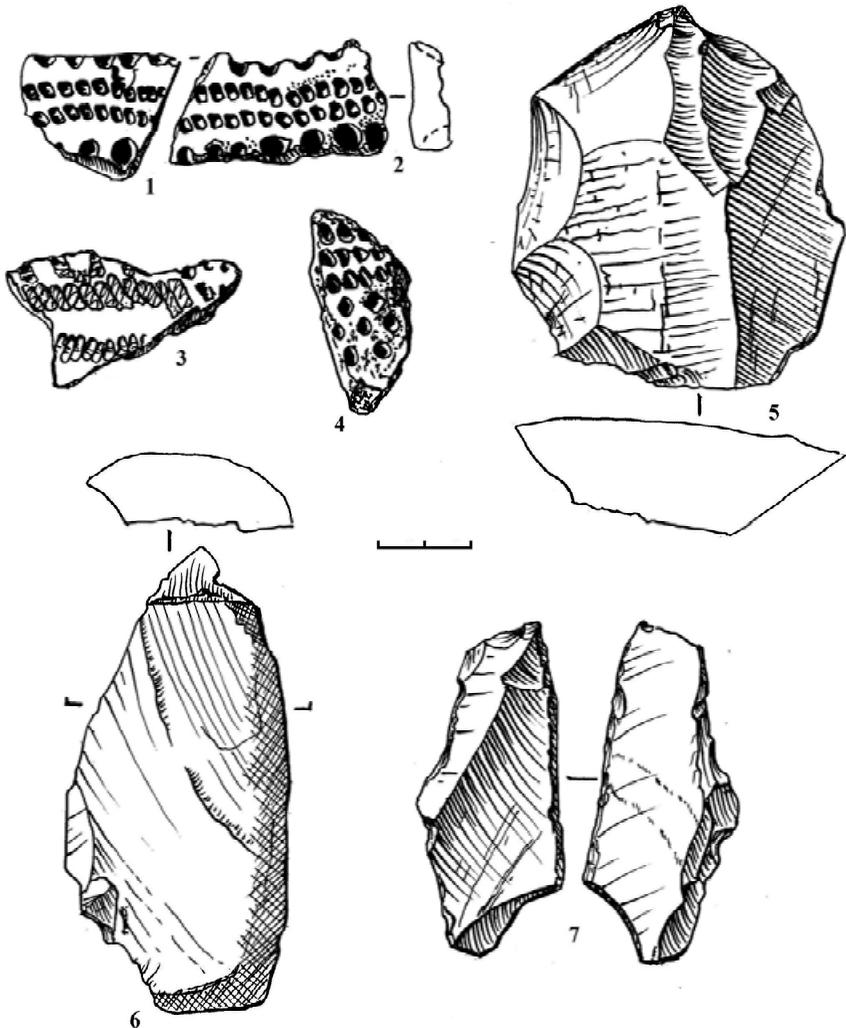

Рис. 13. Находки из поселения Ванчозеро 19

Разведочные исследования на озерах Космозеро и Ванчозеро позволяют сформулировать предварительные выводы об особенностях расселения древнего населения на территории Заонежья. В эпохи мезолита, неолита и энеолита население осваивало побережья заливов, глубоко вдававшихся в материк и имевших устойчивую связь с основной частью

Онежского озера. Впоследствии, по причине понижения уровня водоема, эти заливы превратились во внутренние озера (Ванчозеро и Космозеро). Селились в местах, которые традиционно являлись наиболее удобными для проживания. Это ровные песчаные террасы, образовавшиеся в результате отступления берега Онежского озера. В таких местах в настоящее время фиксируются скопления древних поселений. Примером являются группировки памятников на восточном, юго-восточном и южном берегах озера Ванчозеро (Ванчозеро 1–10, 13–18). Подобные скопления памятников археологии известны и в других местах Заонежья (Вожмариха, Пегрема). Также древнее население селилось вблизи проливов, соединявших заливы с Онежским озером (Космозеро 1, Ванчозеро 11, 12), причем в этом случае они могли осваивать ровные участки скалистых берегов (Ванчозеро 11). Поселения могли находиться на берегах рек, соединявших заливы с внутренними озерами. Примером является поселение Ванчозеро 19 на берегу реки Угомы, которая соединяет озеро Ванчозеро с озером Турастамозеро и далее с крупным озером Ладмозеро. Судя по высоте расположения стоянки Ванчозеро 19 (6–7 м над уровнем озера Ванчозеро), возможно, в период бытования поселения она находилась в устье данной реки, в месте, где впадала в озеро Ванчозеро, бывшее тогда заливом Онежского озера.

МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ И АРХИВАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ¹

ОТ РЕДАКТОРОВ

В данном разделе «Кижского вестника» публикуются материалы VII научно-практического семинара «Методика полевых работ и архивация фольклорных, этнографических и рукописных материалов», который состоялся 19–20 апреля 2016 г. в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН).

Первый семинар был проведен в 2007 г. по инициативе фольклористов ИЯЛИ КарНЦ РАН и музея-заповедника «Кижы». Материалы II–VI семинаров опубликованы².

Научно-практические семинары по данной тематике проводятся уже в течение десяти лет с целью информирования специалистов, занимающихся собирательской работой, о полевых исследованиях в разных организациях, для обмена опытом по научной обработке и архивному хранению собранных материалов, применению современных информационных технологий в деле накопления и систематизации архивов. Семинары не случайно проводятся в ИЯЛИ КарНЦ РАН, поскольку фонды Научного архива КарНЦ РАН и Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН являются богатейшей источниковой базой для фундаментальных исследований в области фольклористики, этнографии и языкознания, издания сборников фольклорных произведений и образцов речи. Эти фонды имеют не только научное значение,

¹ Материалы VII научно-практического семинара. Петрозаводск, 19–20 апреля 2016 г.

² Кижский вестник / Науч. ред. И. В. Мельников, В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 116–178; Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов. Материалы научно-практического семинара, г. Петрозаводск, 23–24 марта 2009 г. / Отв. ред. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2009; Кижский вестник / Науч. ред. И. В. Мельников, В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 95–145; Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов. Материалы V научно-практического семинара / Отв. ред. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 21–22 марта 2012 г. Петрозаводск, 2012. Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Материалы VI научно-практического семинара. Петрозаводск, 27–28 марта 2013 г. / Отв. ред. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2013.

они используются в сфере образования и культуры, в экспозиционно-выставочной деятельности, являются источником формирования репертуара исполнительских коллективов. В музее-заповеднике «Кижы», например, успешно реализуются проекты, имеющие цель изучения и презентации традиций нематериальной культуры народов Карелии. Фольклорные материалы используются и в работе Национального музея Республики Карелия, а также районных музеев. Для студентов вузов полевая практика, знакомство с научными архивами – важная часть образовательного процесса.

Сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН и музея-заповедника «Кижы» накоплен большой опыт собирательской работы и архивного хранения экспедиционных материалов. Благодаря использованию новых информационных технологий развиваются современные направления: создание электронных версий имеющихся фондов, архивных сайтов в сети Интернет.

Участниками семинаров в разные годы были не только петрозаводчане, но и сотрудники Института мировой литературы РАН (Москва), Государственного центра русского фольклора (Москва), Российского государственного гуманитарного университета (Москва), Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург), Института лингвистических исследований РАН (С.-Петербург), РГПУ им. А. И. Герцена (С.-Петербург), Фонда «Юминкеко» (Финляндия) и многих других организаций. Семинары неоднократно посвящались юбилеям видных ученых, научных архивов, они дают возможность выступить дебютантам, молодым начинающим исследователям, студентам и аспирантам.

По сложившейся традиции на семинаре 2016 г. прозвучали доклады об архивных фондах: Фонограммархива ИЯЛИ (В. П. Кузнецова, Е. В. Марковская, П. Б. Легкая, Н. Г. Зайцева), Фонда «Юминкеко» (В. Й. Нюман, М. Ниеминен, О. Зайцева), Национального архива Республики Карелия (М. Н. Ермолина, М. Е. Неёлова). Несколько докладов были посвящены анализу экспедиционных материалов и методике полевых работ, обобщению собранного в предыдущие годы (А. И. Васкул, И. В. Козлова, А. М. Петров, Л. И. Иванова, А. С. Лызлова, А. П. Родионова, В. А. Швецова, Ю. И. Ковыршина и др.). Впервые на семинаре были представлены доклады о книжных, в том числе старообрядческих, памятниках и рукописных собраниях (А. В. Пигин, С. А. Лунц, Н. П. Лихачева, Н. В. Савельева, А. Ю. Жуков).

Надеемся, что научно-практические семинары по полевым исследованиям продолжат и впредь свою работу и будут способствовать созданию оригинальных методик в данной области и введению в научный оборот новых материалов, представляющих интерес для фольклористов, этнографов, лингвистов и археографов.

В. П. Кузнецова

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДОВ ФОНОГРАММАРХИВА ИЯЛИ КарНЦ РАН, ПРОБЛЕМЫ ИХ СОХРАНЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ*

Фонды Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН составляют сегодня 4319 зарегистрированных единиц хранения: магнитофонные бобины и катушки, грампластинки и видеокассеты, CD и DVD-диски, электронный научный фонд. Фонды Фонограммархива создавались сотрудниками ИЯЛИ, представителями разных специальностей: языковедами, фольклористами, этнографами, а также любителями-краеведами.

Первые звуковые записи появились в конце 1940-х гг. Это были фольклорные произведения, записанные на гибкие грампластинки, изготовлявшиеся из использованной рентгеновской пленки. Содержание этого фонда уже освещалось в статьях В. П. Кузнецовой и А. С. Лызловой, см. также статью Е. В. Марковской в настоящем издании¹. В послевоенное время магнитофонов в институте еще не было, но записи на магнитную ленту производились. В 1948 г. композитором Н. Н. Леви совместно с московской бригадой Всесоюзного радиокомитета были записаны песни от известных исполнительниц А. Т. Коначковой (г. Пудож) и Ф. И. Быковой (Карельское Поморье), произведения на карельском языке от А. Е. Киброевой и М. И. Михеевой. В этом фонде хранились и первые магнитофонные записи 1952–1955 гг. сотрудников ИЯЛИ Ю. М. Зарицкого, В. Я. Евсеева, А. П. Разумовой. В начале 1950-х гг. А. П. Разумова и музыкант Ю. М. Зарицкий выезжали в с. Паданы, где

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Научная систематизация и сохранение памятников фольклора», № 0225-2014-0011.

¹ *Кузнецова В. П.* Эпические песни в коллекции грамзаписей Фонограммархива Института ЯЛИ КарНЦ РАН // Музыкальная традиция Северной Карелии. Петрозаводск, 2013. С. 46–50; *Лызлова А. С.* Первые звуковые записи сказок 1940-х гг. в ИЯЛИ КарНЦ РАН // Живая старина. 2017. № 1. С. 2–4; *Марковская Е. В.* Коллекция записей «на костях» Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (см. наст. издание, с. 200).

записывали Сегозерский народный хор, а также в с. Спасская Губа для записи Петровского народного хора. Ю. М. Зарицкий предпринял экспедицию в северную Карелию в с. Ухта (Калевала), где ему удалось зафиксировать карельские руны от известных исполнителей Ё. Хямяляйнен, В. Прохоровой, О. Лафеевой, песни в исполнении Калевальского народного хора. В Вокнаволоке он записал замечательных певцов И. А. и И. Ф. Кондратьевых. Заслугой Ю. М. Зарицкого является также его работа по звукозаписи с Шелтозерским вепским народным хором. В эти же годы Ю. М. Зарицкий работал в карельской деревне Ведлозеро, где зафиксировал карельский эпос и песни.

Собирательскую работу с использованием магнитофонов проводили К. В. Чистов, А. А. Беляков, В. Я. Евсеев и другие сотрудники ИЯЛИ. В первой половине 1950-х гг. они записывали произведения карельского фольклора от лучших сказителей Т. А. Перттунен, М. И. Михеевой, А. Ф. Никифоровой и др. Наиболее активным собирателем был В. Я. Евсеев. Помимо карельского, он собирал и произведения финского фольклора в северной Карелии. Собирательская работа этих лет была сосредоточена в основном на фиксации карельского и русского эпоса, песенной лирики. Этот небольшой фонд находился в Научном архиве Карельского филиала АН СССР. В нем были музыкальные записи фольклорных текстов за 1948–1955 гг. Здесь же хранились нотные и текстовые расшифровки Н. Н. Леви, Ю. М. Зарицкого, Б. И. Шеломова, В. Я. Евсеева. Сотрудниками Научного архива осуществлялась систематизация материала: присваивались номера хранения, велись описи (разряд III, опись 1). Впоследствии этот фонд был передан вместе с грампластинками в ИЯЛИ и сейчас хранится в Фонограммархиве, он оцифрован.

В 1975 г. с записями былин на грампластинках работал сотрудник ИРЛИ С. Н. Азбелев, для «Свода былин» были сделаны копии². В 1987 г. весь фонд грампластинок и ферропленок был передан в Санкт-Петербург по просьбе Пушкинского Дома на условиях аналоговой перезаписи и предоставления в ИЯЛИ копий. Пластинки и ферропленки вместе с копиями на магнитной ленте были возвращены в ИЯЛИ в 1988 г.³, а в 1999 г. весь этот фонд был оцифрован силами сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН и записан на CD-диски. Некоторые образцы этих записей размещены на сайте Фонограммархива ИЯЛИ <http://phonogr.krc.karelia.ru>.

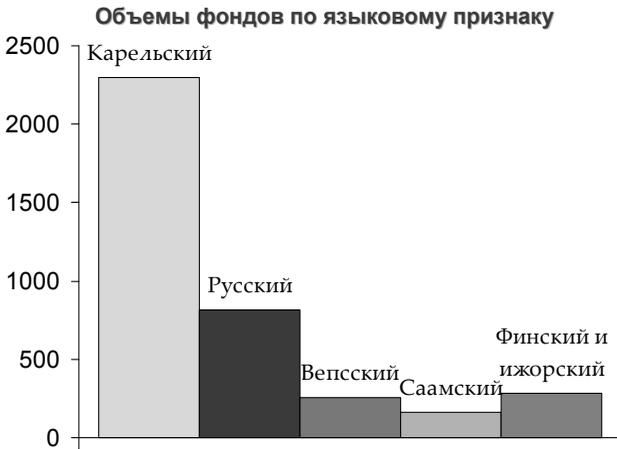
В 1956 г. президиумом Карельского филиала АН СССР было принято решение о создании кабинета звукозаписи, которым стала заведовать выпускница Московской государственной консерватории С. Н. Конд-

² *Соболева Л. Г.* Предисловие к описи № 1 разряда III // Разряд III, опись № 1. Музыкальные записи по фольклору за 1938–1947 гг. НА КарНЦ РАН. Научная документация. 1986 г. Л. 3.

³ См.: Опись Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН в журнале № 24 за 1986–1989 гг.

ратьева. В кабинет поступали экспедиционные магнитофонные записи фольклористов, начала создаваться фонотека. Материалы регистрировались в журналах-описях с указанием полных паспортных данных, они систематизировались в соответствии с принятой научной классификацией. Самыми первыми были зарегистрированы магнитофонные бобины и катушки, переданные в кабинет из Научного архива (разряд III, опись 1). Первые номера были присвоены записям от Ф. И. Быковой, А. Т. Конашковой, А. Ф. Никифоровой, Сегозерского хора и т. д. Здесь же зарегистрированы материалы поморской экспедиции аспиранта Пушкинского Дома, а впоследствии сотрудника ИЯЛИ Д. М. Балашова (1957 г.). Он записал на одну катушку (№ 23) в с. Шуерецкое 60 песен от группы женщин, но, поскольку был весьма ограничен в магнитной ленте, зафиксировал только фрагменты песен. В журнале № 1 были зарегистрированы вепские записи Н. И. Богданова (1957 г.), саамские – Г. М. Керта (1958 г.), поморские – С. Н. Кондратьевой (1958 г.), карельские – Г. Н. Макарова, Р. Ф. Тароевой (Никольской) (1959 г.) и т. д.

Основной и самый большой по объему фонд Фонограммархива ИЯЛИ хранится на магнитной ленте. Объемы по языковому признаку представлены на следующей диаграмме:

Количество единиц хранения:

- на карельском языке 2299,
- на русском – 815,
- на вепском – 257,
- на саамском – 159,
- на финском (ингерманландском) и ижорском – 283.

Самый большой фонд составляют записи, производившиеся в районах проживания карелов. В архиве представлены все наречия карельского языка: собственно карельское, ливвиковское и людиковское. Материалы собирались не только на территории Республики Карелия, но и в Тверской, Новгородской и Ленинградской областях, где проживают группы карельского населения, говорящего на собственно карельском наречии. Среди первых собирателей, помимо Ю. М. Зарицкого и В. Я. Евсеева, были Л. В. Суни, У. С. Конкка, С. Н. Кондратьева, П. Я. Куйкка; в 1960-е гг. карельский материал собирали А. С. Степанова, Ю. Е. Красовская, Э. С. Киуру, Х. П. Кабанова, А. П. Баранцев, В. Д. Рягоев, Т. И. Вяйзинен, А. А. Митрофанова, Т. А. Коски. Исследователи записывали разнообразный по содержанию материал. Так, например, Г. Н. Макаров собирал этнографические, фольклорные и языковые сведения, пословицы и поговорки. В 1958 г. свою первую экспедицию к тверским карелам совершила молодой языковед М. И. Муллонен. В 1962 г. карельский этнографический материал начала собирать Р. Ф. Тароева (Никольская). В конце 1960-х гг. образцы речи у тверских карелов фиксировала А. В. Пунжина, у тихвинских – В. Д. Рягоев. В 1970-е гг. активную собирательскую работу среди северных карелов вели Н. А. Лавонен, Р. П. Ремшуева, Н. Ф. Онегина.

В 1980-е гг. начинается сбор топонимического материала, в Фонограммархив поступают записи И. И. Муллонен, Н. Г. Зайцевой, Н. Н. Мамонтовой. Языковой и фольклорный материал у карелов-людиков фиксируют К. Х. Раутио и Н. Н. Пахомов. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. собирательскую работу начинают Л. И. Иванова и В. П. Миронова. Карельские фонды значительно пополнились благодаря поступлению большой коллекции, собранной Э. Тимонен. В этой коллекции имеется много записей сказочницы М. И. Михеевой.

Фонды вепсских материалов стали создаваться в начале 1950-х гг. с фиксации репертуара уже упоминавшегося Шелтозерского народного хора под руководством А. Е. Никонова. Первые лингвистические записи средневепсского диалекта были сделаны Н. И. Богдановым и М. И. Зайцевой в Петрозаводске в 1957 г. С 1958 г. ИЯЛИ организует систематические экспедиции в районы проживания вепсов. В фонды поступают записи, производившиеся М. И. Муллонен и М. И. Зайцевой среди северных вепсов. Эти исследователи продолжали экспедиции к вепсам и в 1970-е гг. Среди лингвистических вепсских записей немало фольклорного и этнографического материала, что позволило подготовить сборники сказок и причитаний⁴. В 1960-е гг. материал записывал

⁴ Вепсские народные сказки (Vepsän rahvahan sarnad) / Сост. Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996; Käte-ške käbedaks kägoihudeks (Вепсские причитания) 'Обернись-ка милой кукушкой' / Сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. Нотировки С. В. Косыревой. Петрозаводск, 2012.

М. М. Хямляйнен, в 1976 г. собирательскую работу у северных вепсов проводила Н. Г. Зайцева. В 1983 г. прионежские деревни были включены в маршрут экспедиции в составе этнографов З. И. Строгальщиковой, И. Ю. Винокуровой и топонимиста И. И. Муллонен. Впоследствии состоялся ряд экспедиций в районы проживания средней и южной группы вепсов, в результате которых были пополнены фонды Фонограммархива.

Большое общественное и научное значение имеет фонд записей, собранных среди финнов-ингерманландцев и ижорцев. Ижорский язык находится на грани исчезновения, поэтому наличие хотя бы небольшого фонда фонограмм чрезвычайно актуально. Исследователи ИЯЛИ собирали материалы как на исконной территории проживания этих народов, так и в населенных пунктах Карелии, где проживают переселенные со своей родины представители этих национальностей. Первые записи относятся к началу 1950-х гг., когда В. Я. Евсеев, С. Т. Нокелайнен и Т. Н. Евсеева производили магнитофонные записи в Петрозаводске. В конце 1950-х гг. У. С. Конкка и Л. В. Суни собирали финский фольклор в средней Карелии. Впоследствии, в 1960-е гг., в фонды поступили материалы, собранные Т. И. Вяйзиненом и А. И. Флинкман, А. А. Митрофановой, Б. А. Порро (Лайдинен), А. П. Лайдиненом, Э. С. Киуру, У. С. Конкка, Н. А. Лавонен, Э. Тимо-нен, Э. П. Кюльмясу в п. Чална, г. Петрозаводске, д. Сяпся, Матросы, Кестеньга. Нередко исследователи записывали на магнитофон рассказы своих родителей, родственников и знакомых, чтобы сохранить особенности говоров и историю своего народа, а также произведения устного народного творчества. С 1960-х гг. стали проводиться экспедиции в Ленинградскую область. Э. С. Киуру записал значительный материал по ижорам в течение 1968–1975 гг. Последняя фольклорная экспедиция в населенные пункты, где проживают ижорцы, была совершена в 1988 г. Э. С. Киуру и К. Х. Раутио. В архиве имеется также запись (копия предоставлена Финским литературным обществом) Ар-маса Лауниса 1906 г.: это в основном ижорские эпические и круговые песни. В настоящее время финский и ижорский фонд оцифрован полностью и хранится не только в нашем Фонограммархиве, но и в Архиве исчезающих языков Лондонского университета.

Не менее ценным является фонд на саамском языке. В Фонограммархиве ИЯЛИ имеются лингвистические материалы на всех четырех диалектах саамского языка, он включает немало записей саамских сказок-моайнас, традиционных саамских музыкальных произведений (luvvvt), преданий, рассказов о семейных обрядах, разного рода обычаях и т. д. В 1956 г. Г. М. Керт впервые фиксирует на магнитофон саамский фольклор и образцы речи кольских саамов. С 1958 по 1960 г. им

проводятся четыре экспедиции на Кольский полуостров, с 1964 г. в собирательской работе принимает участие лаборант Т. В. Матрехина. В 1970-е гг. в собирательскую работу включается аспирант П. М. Зайков. В Фонограммархиве по проекту, поддержанному Баренц-секретариатом, произведена оцифровка и перезапись на CD-диски всего саамского звукового архива.

Вторым по величине является фонд севернорусских материалов, содержащий преимущественно фольклорные записи. В 1950-е гг. стали проводиться экспедиции в Поморье. Сюда в 1957–1958 гг. впервые выезжает с магнитофоном аспирант Д. М. Балашов. В 1958 г. в Поморье начинает свою собирательскую деятельность музыковед С. Н. Кондратьева. Она совершает несколько экспедиций совместно с В. Л. Нордлинг, Т. Вяйзиненом.

В 1963 г. языковед И. В. Сало записывала в Поморье на магнитофон образцы речи и фольклор. С этого же года фольклористы А. П. Разумова и А. А. Митрофанова начинают работу в селах Кемского района. С 1964 г. в экспедициях принимает участие музыковед Т. А. Коски. Записывается огромное количество песен по всему побережью Белого моря, собираются сказки, материал по свадебному обряду.

В 1961 г. Д. М. Балашов впервые проложил маршруты на Терский берег, где тоже удалось собрать значительный фольклорный материал. В начале 1960-х гг. при непосредственном участии Д. М. Балашова был снят этнографический кинофильм, посвященный свадьбе и праздникам Терского берега. Фильм оцифрован и хранится в Фонограммархиве, имеется его видеокопия. В 1963–1964 гг. Д. М. Балашовым проводились экспедиции на Печору, в Усть-Цилемский район Республики Коми. За две поездки он записал богатый материал, в том числе былины в исполнении сказителей Чупровых, Г. В. Вокуева, В. И. Лагеева и духовные стихи, исполненные представителями старообрядческой общины с. Усть-Цильма. В 1962 г. большой материал на Терском берегу был собран А. С. Тупицыной (Степановой) и музыковедом Ю. Красовской. В 1959 г. С. Н. Кондратьева и Т. И. Вяйзинен записывали песенный материал в Заонежье на родине И. А. Федосовой. Ими сделана уникальная запись свадебного причитания от местной жительницы Юлиной, сохранившей напев знаменитой вопленицы.

В 1980 г. начинаются систематические экспедиции в Заонежье, в которых участвуют Н. Ф. Онегина, В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен, Э. П. Кюльмясу (Кемппинен). Тщательно обследуется вся территория полуострова. Собиратели еще застали исполнителей духовных стихов, причитальщиц, знающих полный цикл свадебных причитаний, прекрасных исполнителей сказок и других жанров.

Систематические экспедиции в Пудожский район проводятся с 1967 г. Полевой отряд, в составе которого были А. П. Разумова (руководитель), Н. А. Криничная, Т. А. Коски, Т. И. Сенькина, обследовал г. Пудож и деревни Колодозерского сельсовета. С 1973 г. А. П. Разумовой, Т. А. Коски, Е. И. Русаковой проводилось обследование деревень на оз. Водлозеро, был зафиксирован на магнитофон богатый песенный фольклор этого края, сказки, былички и т.д. В 1974 г. обследование было продолжено Е. И. Русаковой, В. П. Кузнецовой и студентками Петрозаводского университета М. Нигметовой и О. Устинской, в 1977 г. – Т. И. Сенькиной и Т. С. Курец. Впоследствии экспедиции продолжались, в том числе и с целью видеозаписи фольклора. В течение 1970–1980-х гг. в Пудожском крае была обследована большая часть поселений. В районе Купецкого озера, являвшемся одним из очагов былинной традиции, В. П. Кузнецовой, Т. И. Сенькиной, Т. С. Курец и Н. Г. Черняевой были зафиксированы в 1970-е гг. разные жанры от потомков сказителей И. Т. Фофанова, Н. А. Ремезова, известного сказочника О. Дмитриева. Значительная коллекция сказок была собрана автором данного исследования в деревнях, расположенных в среднем течении р. Водла в 1976 г. В 1970-е гг. Н. А. Криничная и В. И. Пулькин проводили экспедиции в Каргопольский и Вытегорский районы для сбора исторических преданий.

В конце 1990-х гг. в Фонограммархиве появился новый фонд – полые видеозаписи, производившиеся сначала на видеокамеру Panasonic M 3500 VHS, а впоследствии на цифровые видеокамеры. Первая экспедиция с применением видеозаписи состоялась в Пудожском районе Карелии на Водлозеро (руководитель В. П. Кузнецова, видеооператор С. В. Куликов). В 1997 г. состоялись экспедиции по гранту РГНФ «Видеозапись севернорусского фольклора» (руководитель В. П. Кузнецова). В тот же год проводилась видеофиксация в экспедиции в Бабаевский район Вологодской области (В. П. Кузнецова, А. А. Лапин, И. Ю. Винокурова). В 1998 г. состоялась экспедиция в Зонежье В. П. Кузнецовой, Е. В. Марковской, В. Б. Бовина совместно с американской исследовательницей С. Форрестер, комплексная экспедиция в Вытегорский район Вологодской области и Каргопольский район Архангельской области совместно с Петрозаводским университетом и Петрозаводской консерваторией (руководитель В. П. Орфинский), в д. Куйтежа Олонецкого района Карелии (руководитель В. П. Кузнецова). В 2000 г. проводилась видеозапись саамского фольклора в Мурманской области по гранту РГНФ (руководитель В. П. Кузнецова, участники Е. В. Марковская, В. Б. Бовин). Впоследствии в фонд видеозаписей поступили ценные материалы сибирской экспеди-

ции к вепсам (Н. Г. Зайцева, З. И. Строгальщикова, В. Б. Бовин), поморских экспедиций начала 2000-х гг. (В. П. Кузнецова, Е. В. Марковская, В. Б. Бовин), карельских экспедиций (В. П. Миронова, Л. И. Иванова, Ф. С. Герасимов и др.). В настоящее время фонд видеозаписей насчитывает более 300 часов.

С 1989 г. выполнялся ряд проектов по созданию информационной системы по фольклорному архиву и переводу фонограмм на электронные носители. Благодаря содействию заведующего лабораторией информационных компьютерных технологий ИПМИ КарНЦ РАН В. Т. Вдовицына (руководитель одного из проектов по созданию информационной системы по фольклорным архивам) был создан творческий коллектив из сотрудников ИПМИ и ИЯЛИ КарНЦ РАН. В рамках нескольких крупных проектов при поддержке РГНФ, Института «Открытое общество», Президиума РАН были переведены на цифровые носители фонограммы и рукописные архивы. Результатом этих проектов стало создание нового электронного научного фонда по Фонограммархиву и по рукописным коллекциям НА КарНЦ РАН. Он состоит из оцифрованных фонограмм, содержащихся на пластинках и магнитной ленте. В этом фонде хранятся также отсканированные рукописные коллекции НА КарНЦ РАН (700 тыс. файлов). Это крупнейший по своему объему современный научный фонд, появившийся в результате выполнения не только проектов, но и большой плановой работы по оцифровке фольклорных архивов. На сегодняшний день фонды Фонограммархива оцифрованы на одну треть (1500 единиц хранения). Система хранения электронного научного фонда постоянно совершенствуется, появляются новые идеи и разработки. Сотрудником Фонограммархива Ф. С. Герасимовым разработана программа базы данных.

Благодаря собранным и расшифрованным материалам сотрудниками ИЯЛИ подготовлены фундаментальные исследования в области языкознания, фольклористики, этнографии; составлены и изданы словари, опубликованы образцы речи и многочисленные сборники фольклорных произведений. Фонотека используется также в работе высших и средних учебных заведений, музеев, профессиональных и самодеятельных коллективов, ею интересуются и любители устного народного творчества. Наша задача – сохранить фонды Фонограммархива и сделать их доступными как для специалистов, так и для широкого круга пользователей.

П. Б. Лёгкая

АУДИОЗАПИСИ ФОНОГРАММАРХИВА ИЯЛИ КарНЦ РАН, СДЕЛАННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ: ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Поморье – это узкая прибрежная полоса поселений на Белом море, поделенная на семь берегов. Карельское Поморье – часть побережья Белого моря, находящегося на территории Республики Карелия; включает южную часть Кандалакшского берега, Карельский берег, большую часть Поморского берега.

Поморами называют себя жители прибрежных поселений Белого моря, занимающиеся морскими промыслами. Особые условия быта поморов наложили отпечаток на все сферы их духовной и материальной жизни, сформировался и особый психотип: «Высокоразвитые у поморов чувство и традиции коллективизма явились результатом отбора свойств, необходимых для психической адаптации к длительному и трудному проживанию в однополом – мужском – обществе на основе взаимной выручки и помощи»¹. Население Поморья отличают «чувство собственного достоинства, свобода действий, независимость, живой ум, сдержанность и понятие своей “особости”»².

В музыкальном отношении Поморье представляет собой особую культуру, где сложились два вербально-музыкально-хореографических исполнительских пласта – мужской и женский, что связано с промысловой деятельностью поморов. Мужчины большую часть года проводили «в море», в их среде бытовала традиция сказывания былин, духовных стихов, сказок; в дореволюционной литературе можно встретить описания пения

¹ Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009. С. 228.

² Там же. С. 230.

поморами лирических песен. Если былины, исторические песни и – в большом количестве – сказки были зафиксированы собирателями на аудионосители, то мужское артельное исполнение лирики так и останется теперь только «красочным описанием из книги».

Женская исполнительская традиция зафиксирована более полно. В Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН содержится большое количество качественных образцов артельного и сольного пения практически всех бытовавших на этой территории жанров: свадебной, лирической, колыбельной, хороводной песни, свадебной и похоронной причети. Мелодический склад поморских напевов, исполнительская манера и другие особенности певческой традиции Поморья делают ее всегда узнаваемой.

В молодежной среде сложились и особые хореографические формы, своеобразие которых проявляется в особенностях бытования традиции, являющейся преимущественно девичьей, в темпо-ритме чувствования, в отсутствии какой-либо сексуальной направленности в характере исполнения.

В 2013–2014 гг. автором настоящей статьи был составлен единый реестр аудиозаписей ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН, сделанных на территории Карельского Поморья. Цель этой работы заключалась в систематизации полевого материала для удобства поиска нужных текстов и информации о них. Основным источником для реестра послужили журналы поступлений в Фонограммархив аудиоматериалов с 1940 по 2001 г.

Экспедиции в Поморье проводились с 1940 по 1977 г. и после этого до начала XXI в. не предпринимались. С 2006 по 2013 г. автору этих строк удалось посетить все населенные пункты северной части Поморского берега Белого моря. Были собраны преимущественно этнографические материалы; фольклорных текстов удалось зафиксировать немного, поскольку традиционная культура в этом регионе находится в состоянии угасания. По этой причине материалы XXI в. не могут быть использованы в качестве основного источника для изучения фольклорной традиции края.

Аудиоматериал, записанный на территории Поморья и хранящийся в ФА ИЯЛИ, весьма велик. По объему он превышает пудожский и заонежский и составляет большую долю русскоязычного материала, зафиксированного в Карелии с 1940 по 1977 г. Отрадно, что традиции некоторых сел представлены почти полным спектром фольклорных жанров, а также этнографическими рассказами, отражающими наиболее значимые сферы жизни поморов.

В одиннадцати журналах ФА ИЯЛИ (№ 1–6, 8–10, 14, 16) содержится более 3000 записей, выполненных на территории Карельского Поморья. Временные рамки записей: 1940–1977 гг. В разные годы в

Поморье материал записывали следующие фольклористы: финно-угровед В. Я. Евсеев, Д. М. Балашов, А. П. Разумова, музыковед С. Н. Кондратьева и др.

Самые ранние записи (1940 г.) сделаны в с. Сумский Посад от сказочника Ф. Н. Свинына: десять сказок и новина «Про Чапаева» (собиратели Н. Н. Леви и Н. И. Богданов). В 1941 г. в д. Кереть К. И. Белова и Н. И. Богданов записывали фольклор от известного сказочника М. М. Коргуева, а также от А. К. Богданова, А. Е. Старикова и В. П. Меньшикова. Все тексты исполнены solo, жанры записей: сказка, былина, лирическая песня (протяжная и поздняя лирика).

В 1948 г. В. Я. Евсеевым была произведена запись в г. Беломорске от сказительницы Ф. И. Быковой, записаны лирические, свадебные и хороводные песни (всего 15 образцов). В 1957 г. Д. М. Балашовым от ансамбля песельниц с. Шуерецкое записано 60 песен, в журнале имеется помета: «все песни записаны в отрывках». Данный материал свидетельствует о богатстве репертуара этого народного ансамбля.

Записи, произведенные с 1958 по 1977 г., относятся к двум разным экспедиционным периодам. Первый период – с 1958 по 1959 г. – экспедиции под руководством С. Н. Кондратьевой совместно с сотрудниками ИЯЛИ В. Л. Нордлинг, Л. В. Суни, Т. И. Вязиненом.

Второй – с 1963 по 1977 г. – под руководством А. П. Разумовой, в разные годы совместно с А. А. Митрофановой, Т. А. Коски, Н. А. Лавонен, Т. И. Сенькиной, Е. И. Русаковой, И. А. Разумовой, Р. Денисовой.

Языковедами И. В. Сало в 1963–1964 гг. и Л. Крупиной в 1967 г. был записан материал, содержащий рассказы об обрядах, праздниках, биографические, бытовые нарративы. В 1972 г. Е. М. Гин производила аудиозапись детского фольклора в селах Сумский Посад и Колежма.

По результатам экспедиции 1958–1959 гг. С. Н. Кондратьевой был подготовлен сборник «Русские народные песни Поморья» (1966 г.)³. В издании представлен материал из г. Беломорска, сел Шижня, Сухое, Вирма, Нюхча (южной части Карельского Поморья). Это была первая публикация в советское время поморских песен с напевами.

В 1971 г. вышел сборник «Русские народные песни Карельского Поморья»⁴. Опубликованный здесь материал записан в 1963–1965 гг. сотрудниками ИЯЛИ в селах Черная Речка, Кереть, Чупа, Гридино, Калгалакша, Поньгома, Шуерецкое, в г. Кеми (северная часть Карельского Поморья).

³ Русские народные песни Поморья / Сост. и собиратель С. Н. Кондратьева; под общей ред. С. В. Аксюка. М., 1966.

⁴ Русские народные песни Карельского Поморья / Под ред. Н. П. Колпаковой; муз. ред. Ю. М. Зарицкий; сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971.

В книгу «Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежма и Нюхча)» (1980 г.)⁵ вошли песни, собранные во время экспедиций 1970–1977 гг. А. П. Разумовой, Т. А. Коски, Е. И. Русаковой. В этом издании черты сходства и различия в свадебном ритуале и приуроченных к нему обрядовых песен и причитаний двух сел Карельского Поморья – Колежмы и Нюхчи – показаны в сравнительном описании. В книгу вошел также аналитический очерк Т. В. Краснопольской и Т. А. Коски.

Таким образом, в нотных публикациях представлены почти все села Карельского Поморья, кроме Сумского Посада. Этномузыкальная традиция этого села, одного из самых крупных и старинных поселений Поморья, в музыкальной литературе не освещена. Село Колежма, в котором было произведено наибольшее количество записей широкого спектра жанров, представлено только свадебным материалом. Аудио-изданий традиционного фольклора Поморья не существует, за исключением интернет-публикации четырех фрагментов поморских песен на сайте Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Некоторые статистические сведения о хранящихся в Фонограммархиве поморских материалах приведены в табл. 1, 2.

Таблица 1. Объем и время записей

Населенный пункт	Кол-во пленок / кассет	Кол-во записей	Годы записи
Черная Речка	10	111	1964, 1965
Кереть	8	84	1941, 1964
Чула	4	48	1964
Гридино	9	137	1963–1965
Калгалакша	7	148	1964
Поньгома	14	171	1963, 1965, 1967
Кемь	23	237	1963, 1965, 1967
Шуерецкое	23	315	1957, 1964, 1965, 1968
Беломорск	22	219	1948, 1958, 1963, 1967, 1968, 1970, 1975
Шижня	10	72	1959, 1968, 1970
Сухое	5	56	1958, 1959
Вирма	9	83	1959, 1964, 1967, 1968
Сумский Посад	34	288	1940, 1959, 1963, 1964, 1967, 1968, 1971, 1972, 1975
Юково	3	10	1963
Колежма	44	536	1959, 1964, 1967, 1971–1973, 1975
Нюхча	42	460	1958, 1963, 1967, 1968, 1970, 1972, 1975, 1976, 1977

⁵ Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче) / Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски; под общей ред. Е. В. Гиппиуса. Петрозаводск, 1980.

Из табл. видно, что интерес собирателей распределялся между селами неравномерно; вероятно, некоторые места посещались лишь проездом. Сегодня эти пробелы уже не восполнить. Например, в 2006 г. в с. Сухое проживало всего три семьи местных поморов, остальные жители – переселенцы из других районов Карелии и более отдаленных мест России. Основная часть материалов происходит из южной части Карельского Поморья, то есть с территории Поморского берега Белого моря (его северной стороны), а именно из сел Колежма, Нюхча, Сумский Посад. Села Карельского берега обследованы хуже, что, вероятно, объясняется двумя причинами. Первая из них – более значительная удаленность этой территории от Петрозаводска. Другая заключается, возможно, в том, что черты своеобразия традиции, находящейся на стыке карельской и русской культуры, могли в тот период рассматриваться как недостаток. Активное развитие тема межэтнических связей получила не так давно.

Таблица 2. Жанровый состав записанных текстов: вербальный фольклор

Населенный пункт	Жанр записанного текста																		
	С	Б	б	П	п	Р	АР	А	З	Пр	з	По	с	сч	СИ	ст	И	ПР	
Черная Речка						1													
Кереть	6																		
Чупа																			
Гридино																			
Калгалакша																			
Поньгома	68	3									73	2		9					
Кемь	14	1				8		2											
Шуерцкое	20	23	1	1		13		2			+								1
Беломорск	41	12		1		17					30	22						1	
Шижня	9	8				11					7	2							
Сухое																			1
Вирма	21	1				27				1	4								
Сумский Посад	46					63		6	2		6	1	6	22	1	15			
Юово						7													
Колежма	47	10			3	111	3	33	5		27	5	3	8	10	21	1		
Нюхча	60	27	4	3		119			8	8	18	9	1				2		

Список сокращений: С – сказка, Б – быличка, б – бывальщина, П – предание, п – повесть, Р – рассказ, АР – авторский рассказ, А – анекдот, З – заговор, Пр – примета, з – загадка, По – пословицы и поговорки, с – скороговорка, сч – считалка, СИ – страшная история, ст – стихотворение, И – описание игры, ПР – прибаутка.

Нетрудно заметить, что жанровое разнообразие записанных текстов, как и их количество, увеличиваются к югу. Большой объем записей сказок и этнографических рассказов является хорошей основой для изучения поморского диалекта, таких особенностей речи, как фонетика, интонация,

скорость речи, ритмика. Зачастую именно они делают речь помора узнаваемой. Эти черты во многом сохраняются и в современной речи поморов, что связано с антропологическим типом, глубинными основами менталитета и устойчивостью традиции. Устная речь помора звучит сегодня так же скоро, с высокими интонациями, сильно назализована, артикуляция сопровождается активным напряжением задней стенки глотки.

**Таблица 3. Жанровый состав записанных текстов:
вербально-музыкальный фольклор**

Населенный пункт	Жанр записанного текста															
	Б	Б	И	ДС	ба	К	П	Л	Р	С	СП	ПП	Х	Ш	Ч	к
Черная Речка		1			1			61	4	14	4		26		+	
Кереть	2	1	2					39	2	8			15	4	+	
Чупа					1		1	11	5	2			11	6	+	1
Гридино	5	3	2					60	9	16			32		+	
Калгалакша	4	4			1			55	22	10			49	1	+	
Поньгома	2	4		1	2			28	15	9	2	1	20	3	+	
Кемь		2			4	1		62	24	23	3	1	75	1	+	
Шуерское	1	2		1	4	1		73	9	33	3		108	4	+	3
Беломорск		1					3	25	6	39	1		58			
Шижня							1	1		34	3		4			
Сухое	2	1						19		9	2		18		+	
Вирма								10		8			6	3		
Сумский Посад				3	6		3	26	65	34	3	1	24		+	
Юково													1			
Колежма	3	2		5	14		3	55	6	59	24		50	6	+	
Нюхча	9	1		4	6		1	24	2	76	55	1	22		+	

Список сокращений: Б – былина, Б – баллада, И – историческая песня, ДС – духовный стих, ба – байка (колыбельная), К – кумулятивная песня, П – пестушка, Л – лирика, Р – романс, С – свадебная, СП – свадебная причеть, ПП – похоронная причеть, Х – хороводная, Ш – шуточная, Ч – частушки (в журналах не указывается количество, наличие обозначено знаком +), к – колядка.

Как можно понять из табл. 3, преобладают записи лирической, свадебной и хороводной песни, что связано, с одной стороны, с еще довольно активным живым их бытованием, с другой – с исследовательскими интересами собирателей. Невелико количество колыбельных песен и пестушек, других произведений детского фольклора. Эти произведения входили в круг научных интересов Е. М. Гин, которая записывала детский фольклор в 1972 г. в двух селах Поморья – Колежме и Сумском Посаде. Рождественские христославия, обозначенные собирателями как колядки, также имеются в единичных записях. В 2012 г. в экспедиции в с. Нюхча было записано рождественское христославие во множестве версий, дети информантов вплоть до 1990 г. р. утверждали, что они еще ходили «славить Христа» и помнят христославие. Незначительное количество запи-

сей этого жанра, а также похоронной причеты и духовного стиха, скорее всего, объясняется идеологическими установками советской науки в тот период.

В составленном мной реестре некоторые определения жанра были изменены и упорядочены. В отношении эпоса и других вербальных жанров сохранены определения собирателей. Реестр включает также колонки «Объем» и «Качественная характеристика», содержание которых позволит пользователю оценить качество аудиозаписи еще на уровне знакомства с реестром.

Единый реест поморских аудиозаписей станет, надеюсь, помощником в работе фольклористов и этномузыковедов, изучающих материалы Фондограммархива ИЯЛИ. Уже сейчас он является большим подспорьем в работе над поморской программой фольклорно-этнографического ансамбля музея-заповедника «Кижы».

Е. В. Марковская

КОЛЛЕКЦИЯ ЗАПИСЕЙ «НА КОСТЯХ» ФОНОГРАММАРХИВА ИЯЛИ КарНЦ РАН*

Записи фольклорных произведений «на костях»¹ датируются 1938–1941 гг. и являются наиболее ранними звуковыми материалами, хранящимися в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН.

С давних времен известны механические музыкальные инструменты: шарманки, музыкальные часы, механические спинеты, музыкальные шкатулки, ящики, табакерки, которые могли проигрывать ограниченный набор мелодий и не могли записывать звуки. И только во второй половине XIX в. был изобретен фоноавтограф, на который можно было записывать голос. Этот аппарат имел серьезный недостаток: он не мог воспроизводить сделанную запись. Через 20 лет, в 1877 г., Томас Эдисон изобрел фонограф, позволявший не только фиксировать, но и воспроизводить живой звук. В России фонограф появился в 1878 г. и достаточно быстро завоевал популярность, особенно среди музыкантов, этнографов, фольклористов. На фоновалики были записаны голоса известных политиков, общественных деятелей и популярных представителей литературы и искусства².

В Пушкинском Доме хранятся восковые валики, сделанные А. М. Астаховой и другими исследователями на фонографе с голосами народных сказителей, в том числе карельских. В ИА КарНЦ РАН сохранились расшифровки фоноваликов экспедиции 1940 г. в Калевальский район ленинградских и карельских ученых: аспирантки Ленинградской государственной консерватории Н. И. Жемчужиной, студентки музыкального училища Ленинградской

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Научная систематизация и сохранение памятников фольклора», № 0225-2014-0011.

¹ Так принято называть звукозаписи, выполненные на использованных рентгеновских снимках.

² История отечественной звукозаписи и фоноархивистики // Сайт Российского государственного архива фонодокументов. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80afe9bwa.xn--p1ai> (дата обращения 28.05.2016).

государственной консерватории К. Я. Эпштейн, сотрудницы КНИИК (предшественник ИЯЛИ в 1937–1946 гг.) А. Р. Леонтьевой³. В 1941 г. в письме, адресованном директору КНИИК В. И. Машезерскому, Н. И. Жемчужина предлагала помощь в приобретении фонографа для КНИИК⁴, но эти планы не осуществились – помешала война. Фонограф имел серьезный недостаток: при перезаписи фоноваликов происходило значительное ухудшение звука, что мешало копированию фонодокументов. Этот недостаток был впоследствии преодолен с изобретением грамофона и грампластинок.

С организацией КНИИ в 1930 г. (предшественник ИЯЛИ в 1930–1937 гг.) начались систематические полевые работы местных ученых. На начальном этапе большую методическую помощь оказали ленинградские фольклористы под руководством М. К. Азадовского. Фольклористам и музыковедам КНИИ было необходимо производить звуковые записи фольклорных произведений. К сожалению, нам не удалось узнать, кем был сделан аппарат для записи пластинок «на костях» и кому принадлежала идея. В 1938–1941 гг. были записаны 182 пластинки на рентгеновской пленке.

Существует описание процесса записи на такие пластинки. Для записи «на костях» использовали прибор, собранный из разных аппаратов для воспроизведения грампластинок. Обычными ножницами из квадратного рентгеновского снимка вырезали круг, который редко получался идеально ровным. Форма не имела большого значения, разве что для внешнего сходства с виниловой пластинкой. Затем в середине этого круга шилом аккуратно протыкали отверстие. Самодельную пластинку ставили на рекордер. Главным отличием записывающего устройства от обычного проигрывателя являлось использование не иглы, а резца с очень острым кончиком. Крепление для этого резца было в два раза шире игольного: там размещался механизм, тоже собранный вручную, который мог улавливать электромагнитные волны. Самодельный резец мог не только скользить по дорожке и воспроизводить звук, но и прорезать на «кости» саму дорожку. Резец двигался в такт звукам и вырисовывал на крутящемся рентгеновском снимке идентичную музыкальную дорожку. При этом он оставлял тоненькую стружку, которую необходимо было часто снимать. Важно было сохранять тишину: любой скрип или вздох тоже улавливался самодельным рекордером и становился неотъемлемой частью звуковой дорожки⁵.

³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Кол. 30. Расшифровка записей, сделанных на фонографе во время экспедиции в Калевальский район в декабре 1940 г.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 313. Л. 83. (Переписка КНИИК по организации и проведению научных исследований за 1941 г. Т. 1.)

⁵ Записи на костях. Из истории советской грамзаписи // Аудиопортал о музыке и средствах ее воспроизведения [Электронный ресурс]. URL: <http://audiportal.hi-fi.ru/showthread.php/58034-%C7%E0%EF%E8%F1%E8-%ED%E0-EA%EE%F1%F2%FF%F5> (дата обращения 28.05.2016).

Таким образом были записаны 182 пластинки, из них 47 впоследствии заменили на копии в виде гибких пластинок желтого цвета. Сохранился архивный документ на эту тему, датированный 17 апреля 1952 г. Это обращение директора ИЯЛИ КарНЦ РАН В. И. Машезерского к ленинградскому композитору Н. Н. Леви с просьбой вернуть оставшиеся за ней пластинки с напевами сказителей П. И. Рябинина-Андреева, А. Ф. Никифоровой, А. В. Ватчиевой, М. Е. Самылина, И. Т. Фофанова и М. М. Коргуева, которые были получены Н. Н. Леви в 1946 и 1948 г.⁶ Скорее всего, Н. Н. Леви (она работала сотрудником КНИИ в 1936–1937 гг.) была вынуждена сделать эти копии, так как для нотирования напевов нужно неоднократно прослушивать аудиоматериал, а пластинки могли крошиться и портиться.

Целью создания коллекции на гибких пластинках являлось сохранение живых голосов лучших исполнителей русского и карельского фольклора. Удалось записать эпические песни, сказки, причитания, лирические песни, а также ряд новин. Основная часть записей была сделана в отрывках, поскольку пластинка позволяла записывать всего несколько минут звучания. Эпические песни из коллекции грамзаписей ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН подробно рассмотрены в статье В. П. Кузнецовой⁷, а сказки – в статье А. С. Лызловой⁸. Гибкие грампластинки хранят голоса последнего поколения севернорусских сказителей П. И. Рябинина-Андреева, П. Г. Горшкова, М. Е. Самылина, Н. В. Кигачева, Ф. А. Конашкова, И. Т. Фофанова.

Уникальной является четырехминутная запись знаменитого былинного напева сказителей Рябининых от П. И. Рябинина-Андреева («Королевичи из Крякова»). От этого же сказителя Н. Н. Леви были сделаны также записи баллады «о братьях-разбойниках и сестре» и несколько повторных записей новины о легендарном красном командире Тойво Антикайнене.

От известного пудожского сказителя Ф. А. Конашкова⁹ было сделано 38 фрагментов записи. В основном это былины («Дюк», «Илья Му-

⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Разряд 3. Оп. 2 (внутренняя опись народных песен).

⁷ Кузнецова В. П. Эпические песни в коллекции грамзаписей Фонограммархива Института ЯЛИ КарНЦ РАН // Музыкальная традиция Северной Карелии. Петрозаводск, 2013. С. 46–50.

⁸ Лызлова А. С. Первые звуковые записи сказок 1940-х гг. в фондах Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Живая старина. 2017. № 1. С. 2–4.

⁹ О Ф. А. Конашкове см.: Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текста, вступит. ст. и ком. А. М. Линевого; под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948; Черняева Н. Г. Из текстологических наблюдений над сборником былин «Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевого / Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948» // Фольклор и литература Карелии. Петрозаводск, 1980. С. 7–12; Смирнов В. Праздник в Семеново: [О пудожском сказителе Ф. А. Конашкове] // Пудожский вестник. 1996. 16 июля; Козлова И. В. Сказитель Ф. А. Конашков в современных воспоминаниях родственников // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов: материалы VI науч.-практ. семинара, Петрозаводск, 27–28 марта 2013 г. Петрозаводск, 2013. С. 141–150; и др.

ромец и царь Калин», «Добрыня и Маринка», «Илья Муромец и Идолице», «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Василий Игнатьевич и Батыга» и др.), а также одна историческая песня на былинный мотив об Иване Грозном и баллада «о братьях-разбойниках и сестре». Записал Ф. А. Конашкова в Петрозаводске в конце 1940 г. А. Д. Соймонов – выпускник Ленинградского государственного университета, ученик М. К. Азадовского, который с 1939 г. до начала Великой Отечественной войны возглавлял сектор фольклора КНИИК. Хорошо осознавая ценность эпического репертуара Ф. А. Конашкова, А. Д. Соймонов делал повторные записи былин.

От талантливого сказочника из Сумского Посада Ф. Н. Свинына в 1940 г. Н. Н. Леви было записано на гибкие пластинки 20 фрагментов сказок. Об этом крупном исполнителе с богатейшим сказочным репертуаром, часть которого имела книжное происхождение, писали исследователи в разное время¹⁰. От известного космозерского сказителя П. Г. Горшкова¹¹ были сделаны записи на гибкие пластинки с фрагментами одной сказки «Про Емелю», трех классических былин на сюжеты «Илья и Соловей», «Женитьба князя Владимира», «Добрыня и Алеша», а также трех новин о Ворошилове, Сталине и Ленине. От односельчанина П. Г. Горшкова – «тихого, кроткого крестьянина, с громадной любовью к былине»¹² – М. Е. Самылина на гибких пластинках сохранились записи отрывков двух былин («О Добрыне Никитиче» и «Худая жена»), трех новин (о папанинцах, челюскинцах и Ворошилове), двух сказок и двух песен; от пудожского сказителя Н. В. Кигачева¹³ – двух былин («Рахта Рагнозерский» и «Сухман») и одной сказки.

¹⁰ См.: *Сенькина Т. И.* Русские сказки Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 27–28; *Марковская Е. В.* Фольклор села Сумпосад (Карельское Поморье): к проблеме изучения локальной традиции в народной культуре Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003», Петрозаводск, 15–19 сентября 2003. Петрозаводск, 2003. С. 93–95; Свинын Федор Николаевич // Писатели Карелии: биобиблиографический словарь. Петрозаводск: Острова, 2006. С. 236–237; *Лызлова А. С.* Творчество Ф. Н. Свинына в свете поморской сказочной традиции // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3. Шестые междунар. Шегреневские чтения. СПб., 2014. С. 389–395 и др.

¹¹ О творчестве сказителя см.: *Черняева Н. Г.* О былинных сказителях Карелии // Русские эпические песни Карелии / Изд. подгот. Н. Г. Черняева, науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск, 1981. С. 19. Творчеству П. Г. Горшкова был посвящен доклад А. С. Лызловой «Сказитель П. Г. Горшков: биография и репертуар», прочитанный на конференции «Калеваляские чтения» (Петрозаводск, 9 апреля 2014 г.).

¹² *Астахова А. М.* Былина в Заонежье // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. Ч. 1. С. 82.

¹³ О сказителе см.: Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 101–108.

Еще от одного известного пудожского сказителя – И. Т. Фофанова¹⁴ – сохранились звуковые записи трех фрагментов былин и новины «О Чапаеве» и «О Ворошилове».

Карельский фольклор на гибких пластинках представлен более 40 произведениями: рунами, причитаниями, сказками, песнями и новинами (также в отрывках). Больше всего записей было сделано от самой крупной южнокарельской сказительницы А. Ф. Никифоровой из д. Вохтозеро Сямозерской волости (ныне Кондопожского района). Обобщая все записанные тексты от исполнительницы, А. С. Степанова приводит данные о 400 единицах фольклорных текстов¹⁵. На гибких пластинках хранятся фрагменты 30 произведений в ее исполнении (сказки, новины о Ленине и Сталине, песни, частушки, руны, свадебные причитания, плач об утонувшем сыне). От сказителя-билингва Т. Е. Туруева¹⁶ из средней Карелии записано 20 фрагментов произведений на русском и карельском языках (былины, сказки, новины о Сталине и Чапаеве). Имеется также семиминутное интервью собирателя О. П. Елисейевой со сказителем. Грампластинки сохранили голос еще одного талантливого сказочника – билингва М. М. Коргуева¹⁷, родом из поморского села Кереть Кемского уезда Архангельской губернии (ныне Лохуского района). От него сохранилось пять звуковых образцов на гибких пластинках: четыре отрывка рун на карельском языке, сказка, новина о Чапаеве. От уроженки Петровского (ныне Кондопожского) района, участницы конференций мастеров народного творчества, долгожительницы А. В. Ватчиевой и уроженки д. Алозеро Кемского уезда Архангельской губернии (ныне Калевальского района), сказочницы и рунопевницы М. И. Михеевой записывали в отрывках карельские причитания и песни.

Мы остановились только на самых крупных сказителях Карелии; единичными текстами на гибких пластинках представлены и другие народные мастера слова. Записи на грампластинки производились А. Д. Сой-

¹⁴ О сказителе см.: *Чистов К. В.* Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 211–256; *Новиков Ю. А.* Становление мастера: Былинный репертуар Ивана Терентьевича Фофанова // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-1999». Петрозаводск, 2000. С. 242–251; Носители фольклорных традиций... С. 302–308 и др.

¹⁵ *Степанова А. С.* Карельские плачи: специфика жанра. Петрозаводск, 2003. С. 190.

¹⁶ О сказителе см.: *Иванова Л. И.* Биографический материал о карельских сказителях в Научном архиве КарНЦ и Фонограммархиве ИЯЛИ (к вопросу об изучении жанра биографического рассказа) // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов. Материалы V науч.-практ. семинара. Петрозаводск, 21–22 марта 2012. Петрозаводск, 2012. С. 30–51 и др.

¹⁷ О сказителе см.: *Иванова Т. Г.* Матвей Михайлович Коргуев (1883–1943) // Русские народные сказители. М., 1989. С. 317–319; *Чистов К. В.* Русские сказители Карелии... С. 179–210; *Пулькин В.* Добрая повесть: Повесть о сказочнике // Пулькин В. Подаренье. Петрозаводск, 1984. С. 147–238.

моновым, К. Ф. Беловой, В. Я. Евсеевым, Н. И. Богдановым и другими сотрудниками КНИИК. Последние грамзаписи датируются маем 1941 г. В годы Великой Отечественной войны грампластинки вместе с другими архивами были вывезены в эвакуацию. Возможно, что обратно они вернулись не полностью, так как частично могли быть утрачены во время переезда, но и то, что удалось сохранить, составляет большую научную и культурную ценность.

До настоящего времени большая часть фонограмм и их расшифровки не были опубликованы. В 1975 г. записи былин были прослушаны С. Н. Азбелевым; для монументального академического издания «Свод былин»¹⁸ были изготовлены копии былин в исполнении П. И. Рябинина-Андреева, И. Т. Фофанова, Н. В. Кигачева, П. Г. Горшкова, А. Е. Старикова, Т. Е. Туруева и Ефимова¹⁹. Несколько записей с расшифровками размещены на сайте Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН²⁰.

Последующие значительные по объему поступления звуковых материалов относятся к 1950-м гг., что было обусловлено появлением катушечных магнитофонов, которые можно было использовать в полевых условиях. К этому же времени относится создание кабинета звукозаписи ИЯЛИ (ставшего впоследствии Фонограммархивом).

Нужно отметить, что именно записи «на костях» позволили сохранить звучащие голоса сказителей Карелии и они остаются единственными звуковыми материалами Фонограммархива, собранными до Великой Отечественной войны. Впоследствии были сделаны копии гибких пластинок на кассеты, а к настоящему времени все пластинки приведены в цифровой формат, что дает возможность переносить их на более надежные и постоянно совершенствующиеся цифровые носители и использовать в научной работе.

¹⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Разряд 3. Оп. 1. (Предисловие к описи: Музыкальные записи по фольклору за 1938–1947 гг.)

¹⁹ Инициалы сказителя Ефимова в подписях к пластинкам не указаны. Возможно, речь идет о Ф. М. Ефимове – пудожском сказителе, уроженце д. Ранина Гора.

²⁰ Сайт Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://phonogr.krc.karelia.ru/> (дата обращения 28.05.2016).

Ж. В. Гвоздева

ЖИВАЯ СТАРИНА В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ- ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» (К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИЯХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ)

В стремительном беге современной жизни почти невозможно представить себе, что ощущали люди прошлых столетий, когда создавали храмы, строили дома, изготавливали предметы быта, выращивали хлеб и т. д. Современному человеку трудно понять мировоззрение крестьянина XIX в. А ведь подчас именно в формах незатейливой деревенской домашней утвари, в одежде, женских украшениях и т. п. выражались крестьянские представления об удобстве, целесообразности, полезности и красоте той или иной вещи.

Многие народные ремесла, трудовые навыки и традиционная музыкальная культура уходят из повседневной жизни деревни или уже безвозвратно утрачены. В наши дни интерес к традиционной культуре стал проявляться в обществе вновь, поэтому в музейном деле нашли применение так называемые научные реконструкции. Напомним, что реконструкция – это воссоздание утраченного предмета (или предмета нематериальной культуры) на основе имеющихся данных¹. Такими данными служат в первую очередь архивные источники, полевые материалы, публикации и т. д. Все чаще возникает интерес, в том числе у специалистов музейного дела, к воссозданию средствами научной реконструкции нематериального наследия², к которому относится весь спектр интеллектуальной деятельности человека, все виды творчества, а предметный

¹ *Максимов Р. И., Максимова И. Э.* Некоторые аспекты методологии научной реконструкции и использование ее в научно-образовательной деятельности музеев // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев. М., 2006. С. 132–133.

² *Мальцева Н. А.* Реконструкция как способ формирования исторического сознания // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности... С. 8.

мир, созданный людьми, является овеществленным результатом такой деятельности³. Огромное значение приобретают изучение и сохранение в рамках музейной экспозиции старинных крестьянских ремёсел, забытых технологий, трудовых процессов и фольклорных традиций. Мы должны понимать, что сделанные руками вещи или исполненный напев песни не существуют изолированно – они являются частью материальной или духовной культуры. По этой причине объектом музейной реконструкции является не сам предмет, а та неотъемлемая от исторического контекста информация о прошлом, которую он в себе содержит, то есть историческая реальность⁴.

Одной из форм воссоздания прошлого является музейная экспозиция. Во многих музеях наблюдается большое внимание посетителей всех категорий к макетам и манекенам, которые понимаются как отражение реальной жизни в прошлом.

Сотрудники музея-заповедника «Кижы» на протяжении многих лет успешно не только справляются с задачами по сохранению традиционной культуры Карелии, но и используют научные реконструкции в музейной экспозиции. Туристы и гости, приезжающие на остров Кижы в летнее время, восхищаются как памятниками архитектуры, интерьерами крестьянских домов, хозяйственных построек, природой, так и людьми, которые оживляют музейное пространство. Это мастера-ремесленники, специалисты по традиционному земледелию, участники фольклорно-этнографического ансамбля, представляющие свою деятельность в естественной среде – в поле, крестьянском доме, усадьбе, максимально приближенным к этнографическим оригиналам. Они воссоздают живые картинки крестьянской жизни, образы ушедшего времени, своеобразный дух эпохи. Все специалисты, участвующие в «оживлении» музейного пространства, непременно одеты в традиционные костюмы, репликаторы или «реплики»⁵, которые созданы по образцам из фондовых музейных коллекций. Как показывает практика, традиционные костюмы заставляют их обладателей, особенно женщин, одетых в праздничный наряд, вживаться в создаваемые народные образы.

Научная реконструкция нематериального наследия основывается на результатах глубокой исследовательской работы в музее «Кижы», экспедиционных поездках сотрудников. Исследования обрабатываются, публикуются в научных сборниках, экспедиционные записи бережно хранятся в научном архиве музея.

³ Мальцева Н. А. Указ. соч. С. 9.

⁴ Скрипкина Л. И. Предисловие // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев. М., 2006. С. 3.

⁵ Максимов Р. Н., Максимова И. Э. Некоторые аспекты методологии... С. 133.

Благодаря воспоминаниям, записанным от носителей традиции, современный человек может узнать о труде пряжи или ткачихи, часами сидевшей за ручным ткацким станом, о том, как девушки вышивали в горнице, заправив холст в старинные деревянные пяла, делали себе украшения из бисера и речного жемчуга. Только из бесед со старшим поколением можно узнать о нелегкой крестьянской работе в поле, о том, как строились деревянные лодки в хозяйственной части дома, как работал кузнец, разжигая горн в кузнице, об изготовлении топором лемеха и деревянных игрушек, о звучании колоколов на звонницах храмов, о богатой песенной культуре и т. д. С помощью специалистов музея посетитель может не только получить исчерпывающую информацию о ремеслах, сельском хозяйстве, фольклоре, но и сам попробовать свои способности в изготовлении тканых поясов, приобщиться к жатве зерновых или встать в круг старинного хора.

Сотрудники музея «Кижь» (мастера сектора ремесел, научные сотрудники сектора традиционного земледелия, участники фольклорно-этнографического ансамбля) пытаются максимально точно и деликатно подходить к вопросам реконструкции до естественных пределов, определяющихся количеством имеющейся информации. В музейной работе оправданно лишь научно обоснованное моделирование традиционной культуры.

Музыкальную культуру сотрудники музея-заповедника «Кижы» представляют в экспозиции острова Кижы и на городских площадках силами фольклорно-этнографического ансамбля. Многогранная деятельность этого коллектива основана на результатах научных исследований по традиционной культуре Карелии. В репертуар ансамбля входят «живые» выставки-реконструкции, представляющие собой фрагменты частично воссозданных обрядов и обычаев с песнями, танцами, играми русских Заонежья, Пудожья, Поморья и карелов. Первые участники фольклорного коллектива музея «Кижы» (1980-е гг.) начали свою деятельность с изучения песен Заонежья и заонежской кадрили. Для изучения и достоверной реконструкции кадрили сотрудники музея и участники музейной фольклорной группы ездили в экспедиции по деревням Заонежья, записывали ценный материал. Кадрильные фигуры исполнялись на музейных праздниках, лекториях, фестивалях.

История этого танца очень давняя. Кадриль пришла в русскую культуру около 150 лет назад, сделав большой круг: из крестьянской культуры Англии она прошла по дворцовой культуре европейских стран и проникла в крестьянскую среду России. Салонная кадриль состояла из отдельных танцев, которые можно было исполнять отдельно⁶. Крестьянская же кадриль – это завершённый танец, состоящий из шести фигур. В старину ни один фольклорный праздник в Заонежье, в том числе и на острове Кижы, не проходил без исполнения кадрили. В Заонежье кадриль сохранилась до сих пор благодаря носителям фольклора, собирателям и фольклорным коллективам⁷.

⁶ Электронный ресурс: http://hnb.com.ua/articles/s-sport-entsiklopediya_tantsa_kadril-2544.

⁷ Гвоздева Ж. В. Танцуют все! В Карелии возрождают старинную кадриль // ТВР-Панорама (газета). № 30. 29. 07. 2015.

В 2015 г. в музее был реализован проект «Заонежская кадрили», результатом которого стало массовое мероприятие – современный флешмоб по старинным традициям. Одна из задач проекта – обучение жителей Заонежья кадрили, которая станет обязательным танцем всех фольклорных праздников. Комплексный проект «Заонежская кадрили» реализован Обществом помощи ручному труду «Заонежская изба» при поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными, религиозными объединениями и средствами массовой информации и музея-заповедника «Кижский полог». Во флешмобе смогли принять участие все желающие – к нему на протяжении двух месяцев готовились более 80 человек, шаг за шагом осваивая тонкости народного танца. Изучению кадрили помогло выпущенное в рамках проекта посо-

бие «Заонежская кадрили», где подробно описаны все элементы и фигуры этого танца. Исполнение кадрили большим количеством людей было приурочено к празднику «Кижская регата-2015», второй этап которого проходил в селе Великая Губа Медвежьегорского района. Местные жители и гости, собравшиеся на праздник, поддерживали аплодисментами отважных танцоров, которые, несмотря на проливной дождь и насквозь промокшие костюмы, показали заонежскую кадрили во всей красе⁸.

В работе по реконструкции кадрили автор этих строк обратилась к экспедиционным материалам музея-заповедника «Кижский»: были использованы расшифровки бесед с жителями села Великая Губа, поселка Ламбасручей, деревни Серёдка Медвежьегорского района, записи текстов кадильных песен, описание фигур кадрили. Материал собирался в 1980–1990-е гг. сотрудниками музея «Кижский» и В. П. Кузнецовой – сотрудницей ИЯЛИ КарНЦ РАН. Были использованы также фото-негативы (автор Е. Ю. Лебедь), видеозаписи, выполненные в 1990-е гг.⁹, и устные воспоминания участников первого состава фольклорного коллектива музея-заповедника «Кижский». Возрождение старинной кадрили – один из результатов работы сотрудников музея-заповедника «Кижский» по реконструкции в области традиционной народной культуры Заонежья.

⁸ Электронный ресурс: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2015/08/0803_12.html.

⁹ Фотофонд музея-заповедника «Кижский». НВФ-13405/16-28.

А. С. Лызлова

**СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ ДЕРЕВНИ СЕМЕНОВО
ПУДОЖСКОГО РАЙОНА КАРЕЛИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ
НАУЧНОГО АРХИВА КарНЦ РАН)***

С момента создания в 1930 г. Карельского научно-исследовательского института (КНИИ), ставшего позднее Карельским научно-исследовательским институтом культуры (КНИИК) (в настоящее время – ИЯЛИ КарНЦ РАН), одной из основных его задач была фиксация фольклорных материалов. Уже в первые два десятилетия существования КНИИ не менее 15 экспедиций побывали в Пудожском районе Карелии, где проживает русское население (как и в Заонежье и Поморье). К числу крупных населенных пунктов данной территории относится деревня Семеново, где в 1930–1940-е и 1970-е гг. собирателям удалось записать большое количество произведений сказочного жанра. Впервые сказки были зафиксированы здесь М. А. Ивановой и А. Антиповой в 1937 г. от известных исполнителей былин Федора Андреевича Конашкова и Анны Михайловны Пашковой. В 1938 г. сказочные тексты сообщили Е. А. Беловановой несколько жительниц деревни: 59-летняя Пелагея Назаровна Денисова, Евдокия Николаевна Неркина (1905 г. р.), 60-летняя Ирина Павловна Савинкова, а 47-летняя Александра Тимофеевна Конашкова тогда же предоставила собственноручную запись одного сказочного варианта. В 1939 г. Г. Н. Париловой удалось записать сказки от 50-летней Екатерины Семеновны Журавлевой. Сказочные произведения А. М. Пашковой фиксировались также в 1940 г. собирателями Е. П. Родиной, М. М. Михайловым, Р. Фрейдман и в 1945 г. А. В. Беловановой. Наконец, в 1972 г. 71-лет-

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Научная систематизация и сохранение памятников фольклора», № 0225-2014-0011.

няя Аграфена Матвеевна Пустошкина, 70-летняя Анна Ильинична Репина, 67-летняя Клавдия Ефимовна Тарасова и 72-летняя Меланья Ивановна Шевцова рассказали сказки С. М. Лойтер и группе студентов КГПИ (В. Вахрамковой, С. Воронцовой, Л. Новожиловой, Л. Пономаревой). Собранные тексты сосредоточены в шести коллекциях НА КарНЦ РАН (№ 6, 7, 11, 12, 15, 92).

В материалах собирателей содержится много сведений, касающихся биографий исполнителей, с которыми они встречались в 1930–1940-е гг. В книге «Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии)», подготовленной Т. С. Курец, подробно представлены жизнь и творчество П. Н. Денисовой¹, Е. С. Журавлевой², Ф. А. Конашкова³, А. Т. Конашковой⁴, А. М. Пашковой⁵, И. П. Савинковой⁶.

Краткие заметки о некоторых сказочниках деревни Семеново содержатся в сборнике «Русские народные сказки Пудожского края», подготовку которого осуществили сотрудники ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР (ныне – ИЯЛИ КарНЦ РАН) А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Приведем из этой книги данные об исполнителях сказок из деревни Семеново. В частности, здесь сообщается, что Е. С. Журавлева «известна как талантливая исполнительница многих традиционных жанров фольклора. В 1939 г. от нее записаны былины, похоронные и свадебные плачи, старинные песни, духовные стихи, частушки, пословицы. Собиратели отмечали ее способности к творческой выдумке. Е. С. Журавлева проявила себя как составительница новых произведений, с ними она выступала в своем поселке»⁷. И. П. Савинкова «замуж вышла в с. Семеново, что на реке Шале (Водле). Тридцати шести лет овдовела, на руках осталось три дочери. Жили в нужде: „Не ела сладко, да и носила тоски. Часто и без ужина ложилась”, – вспоминала И. П. Савинкова (АКФ 6, 126)⁸. Сказки слышала от нищих, цыган, бабушек, а потом сама рассказывала детям и на вечерках девушкам: „Я скажу сказку, а мне на отместку друга девушка скажет. Как скажу сказку, так от них не отобьешься. Сказки все помню с девичества” (Там же). От И. П. Савинковой записаны загадки, заговоры, заклинания. Духовные стихи и былины знает от

¹ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008. С. 55.

² Там же. С. 75–82.

³ Там же. С. 117–133.

⁴ Там же. С. 133–135.

⁵ Там же. С. 203–215.

⁶ Там же. С. 254–255.

⁷ Русские народные сказки Пудожского края / Изд. подгот. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982. С. 346.

⁸ Современный шифр: НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 6. № 126 (прим. автора статьи).

матери»⁹. «Ф. А. Конашков <...> известен как талантливый певец былин. Искусство сказывания былин в семье Конашковых переходило из поколения в поколение. Певцами былин были отец сказителя и дядя Василий Степанович, от которых и перенял их Федор Андреевич. <...> В Архиве Карельского филиала АН СССР хранятся записанные от Конашкова бывальщины, духовные стихи и несколько сказок. На склоне лет Ф. А. Конашков пробовал свои силы в создании былин на современные темы. Создал сказку „Самое дорогое“, она опубликована <...>. За успехи в творческой работе Ф. А. Конашков награжден орденом „Знак Почета“, а в 1938 г. принят в Союз писателей СССР»¹⁰. Наконец, А. М. Пашкова «в историю фольклористики вошла как талантливая вопленица и исполнительница былин. <...> Записанные от нее сказки представляют не меньший интерес. <...> Былины, причитания и сказки усвоила в основном в родной деревне, где жила до замужества. Своими учителями, от которых она переняла исполнительское мастерство, называет свою тетку – Ксению, старика из Ярчево – Илью Зубова, коробейника Данилу. После замужества жила в Семеново, где продолжала усвоение фольклора от нищего – Абросима Куплянского. Муж А. М. Пашковой, по-видимому, не любил произведения устного народного творчества и не разрешал, как она говорила, „баловаться“. Для исполнения Анна Михайловна предпочитала небольшую аудиторию – посылки: „Сидишь, сидишь, да задремлешь за прялкой, и начнешь рассказывать“. Весь известный репертуар записан от нее в 1939–1940 гг. В 1939 г. А. М. Пашкова была принята в члены Союза писателей СССР»¹¹.

Сказочная традиция деревни Семеново представлена в НА КарНЦ РАН более чем 80 текстами всех жанровых разновидностей. Как известно, многие ученые делят сказки на три большие группы: волшебные, о животных и бытовые (которые именуются также новеллистическими или реалистическими). В «Сравнительном указателе сюжетов» восточнославянских сказок¹² (далее – СУС) предлагается более детальная классификация: I. Сказки о животных, II. Собственно сказки, включающие четыре раздела: А. Волшебные сказки, В. Легендарные сказки, С. Новеллистические сказки и Д. Сказки об одураченном черте, III. Анекдоты, к которым примыкают также сказки кумулятивные (цепные) и докучные, а также небылицы.

Немногочисленны в Семеново записи сказок о животных, принадлежащие к популярным сюжетным типам СУС 43 *Лубяная и ледяная хата*, СУС 61В *Кот, петух и лиса*, СУС 161А* *Медведь на липовой ноге*,

⁹ Русские народные сказки Пудожского края... С. 349.

¹⁰ Там же. С. 347.

¹¹ Там же. С. 348.

¹² Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.

СУС 212 *Коза луплена*, СУС 248А* *Лиса и дрозд (соловей)*. Отдельные сюжетные типы сказок о животных встречаются в репертуаре нескольких исполнителей. Так, сказки, представляющие собой контаминацию СУС 170 «*За скалочку – гусочку*» и СУС 158 *Звери в саях у лисы (старушки)*, были зафиксированы от А. М. Пашковой в 1940 г. и от И. П. Савинковой в 1938 г. От них же в те же годы удалось записать тексты, объединяющие сюжетные типы СУС 20А *Звери в яме*, СУС 20С *Звери бегут от кончины мира (войны)* и СУС 21 *Пожирание собственных внутренних частей*. В 1937 г. Ф. А. Конашков, а в 1940 г. А. М. Пашкова сообщили собирателям сказки, относящиеся к СУС 254* *Ерш Ершович*. Попутно отметим, что вариант Конашкова, как и еще одна его сказка, были усвоены его внучкой М. Е. Исаковой (1929 г. р.), с которой в 2011 г. удалось встретиться фольклористу И. В. Козловой: «Хорошо и с удовольствием Мария Егоровна рассказывает сказку „Про Ерша-Ершовича“, несколько раз она начинала рассказывать и сочиненную дедом сказку „Самое дорогое“. Она знает, что эту сказку дед сочинил сам и рассказывается в ней про его знакомых»¹³.

Кумулятивные по своей структуре сказки, персонажами которых оказываются домашние птицы, причисляемые составителями СУС к анекдотам, были также записаны от А. М. Пашковой в 1940 г. и И. П. Савинковой в 1938 г. (СУС 2021А *Смерть петушка*). Тексты подобного типа были рассказаны в 1939 г. Е. С. Журавлевой и в 1938 г. И. П. Савинковой (СУС 2028 *Глиняный Иванушка (Пыхтелка)*).

Незначительное число записанных в Семеново сказок, где действуют представители животного мира, вполне можно объяснить мнением А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной, высказанным на страницах подготовленного ими сборника: «Наблюдения собирателей последних лет свидетельствуют о том, что сфера бытования сказок о животных становится менее обширной. Как и в других районах Севера, в Пудожье (где как раз и находится Семеново. – А. Л.) эти сказки стали в основном достоянием детской аудитории, рассказывают их преимущественно женщины. Традиционная основа широко распространенных сказок о животных устойчива, разнообразны художественные средства изображения, ярче они выражены в текстах наиболее талантливых исполнителей. Незаурядными мастерами так называемых „робячьих“ сказок оказались Анна Михайловна Пашкова, Ирина Павловна Савинкова <...>»¹⁴.

¹³ Козлова И. В. Сказитель Ф. А. Конашков в современных воспоминаниях родственников // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Петрозаводск, 2013. С. 146.

¹⁴ Разумова А. П., Сенькина Т. И. О сказочной традиции Пудожского края // Русские народные сказки Пудожского края... С. 9.

Больше всего в Семеново были распространены волшебные сказки, отдельные сюжетные типы которых встречаются у разных исполнителей. Так, от Ф. А. Конашкова в 1937 г. и К. Е. Тарасовой в 1972 г. были записаны сказки сюжетного типа СУС 530 *Сивко-Бурко*; сказки, демонстрирующие сюжетный тип СУС 706 *Безручка*, сообщили собирателям И. П. Савинкова в 1938 г. и А. М. Пустошкина в 1972 г. При этом в первом случае сюжет контаминируется с СУС 709 *Волшебное зеркальце (Мертвая царица)*, а во втором он предваряется СУС 707 *Чудесные дети*. От тех же исполнительниц были зафиксированы сказки, относящиеся к сюжетному типу СУС 563 *Чудесные дары*. Тексты, принадлежащие к СУС 715А *Петух (мальчик с пальчик)* и *жерновцы*, рассказали А. М. Пашкова в 1937 г. и И. П. Савинкова в 1938 г. От К. Е. Тарасовой в 1972 г. была записана волшебная сказка, объединяющая сюжетные типы СУС 440 *Муж-рак (лягушка, жаба, уж, змей, червячок)* и СУС 425А *Амур и Психея*.

Помимо ранее названных, в репертуаре А. М. Пашковой представлен еще ряд текстов волшебного-сказочного содержания: сказка «Строй» объединяет СУС 403 *Подмененная жена* и СУС 409 *Мать-рысь* – она фиксировалась дважды (в 1937 и 1940 г.); сказка «Водяник и лесовик» принадлежит к сюжетному типу СУС 560 *Волшебное кольцо*; наконец, еще в одной сказке этой исполнительницы контаминируются волшебный сюжет СУС 575 *Деревянный орел (голубь)* и новеллистический СУС 873 *Царь и купеческая дочь*.

Больше всего волшебных сказок (почти 20) сообщила собирателям И. П. Савинкова. Кроме отмеченных выше, в ее творчестве используются сюжетные типы СУС 303 *Два брата*, СУС 300₁ *Победитель змея*, СУС 307 *Девушка, встающая из гроба*, СУС 311 *Медведь (леший, чародей, разбойник)* и *три сестры*, СУС 313Н* *Бегство от ведьмы (железного волка, чародея и др.)*, СУС 332 *Смерть кума*, СУС 330А *Солдат (кузнец) и черт (Смерть)*, СУС 402 *Царевна-лягушка*, СУС 449 *Царская собака (Сиди-Науман)*, СУС 450 *Братец и сестрица*, СУС 480 *Мачеха и падчерица*, СУС 507 *Благодарный мертвец*, СУС 510А *Золушка*, СУС 510В *Свиной чехол*, СУС 552А *Животные-зятья*, СУС 567 *Чудесная птица*, СУС 675 «*По щучьему велению*», СУС 735А *Горе (Нужда)*. Некоторые сказки исполнительницы восходят к книжным источникам (например, один из текстов является пересказом «Диких лебедей» Г.-Х. Андерсена, другой чрезвычайно похож на «Лампу Алладина»).

Легендарные сказки в Семеново были записаны от той же И. П. Савинковой (СУС 842А* *Кафтан с золотом*) и от А. М. Пашковой (СУС 790* *Золотое стремечко*).

И. П. Савинкова сообщила Е. А. Беловановой и несколько новеллистических сказок, относящихся к сюжетным типам СУС 875 *Семилетка (мудрая девушка)*, СУС 910В *Три добрых совета*, СУС 950 *Дядя и племянник*. От нее же была зафиксирована сказка, повествующая о состязании с чертом (СУС 1061 *Кто раскусит камень*, СУС 1162 *Железный человек (котел) и черт*, СУС 1130 *Шляпа (мешок) денег*). Вариант сказки об одураченном черте редчайшего сюжетного типа (СУС 1139 *Черт тащит мнимого мертвеца*) рассказал Ф. А. Конашков в 1937 г.

Наконец, в Семеново бытовали и сказки анекдотического содержания. Подобные тексты были записаны здесь почти от всех исполнителей: П. Н. Денисовой (СУС 1358А *Любовник в виде черта*, СУС 1825 *Прихожане жалуются*), Е. С. Журавлевой (СУС 1910 *Волк (медведь) в упряжке* в контаминации с СУС 1130 *Шляпа (мешок) денег*), Ф. А. Конашкова (СУС 1360С *Муж в мешке и притворно больная жена*), Е. П. Неркиной (СУС 1825D* *Прихожане подражают попу*), А. М. Пашковой (СУС 1654 *Разбойники в часовне*), А. М. Пустошкиной (СУС 1383 *Жена (муж) не узнает себя*, СУС 1540 *С того света выходи*), И. П. Савинковой (СУС 1380 *Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим (Николай Дупленский)* в контаминации с СУС 1537 *Мертвое тело*; СУС 1419К* *Бабы увертки*, СУС 1525Е *Воры и их ученик*), М. И. Шевцовой (СУС 1685 *Дурак женится*). Некоторые сюжетные типы были зафиксированы от нескольких исполнителей: СУС 1525А *Ловкий вор* от А. Т. Конашковой (собственноручная запись) и И. П. Савинковой в 1938 г. и от А. М. Пашковой в 1937 г., СУС 1562А *Чистота, красота, высота* от И. П. Савинковой в 1938 г. и Е. С. Журавлевой в 1939 г., СУС 1641 *Знахарь* от И. П. Савинковой в 1938 г. и А. И. Репиной в 1972 г. Многие из сказок-анекдотов наполнены антицерковными настроениями. И. П. Савинкова сообщила, кроме того, «Небылицу», объединяющую сюжетные типы СУС 1920Н* *Огонь в обмен на небылицы*, СУС 1887* *Переправа через море*, СУС 1892 *На боках лошади вырастает верба (дубы, гречка, овес)*, СУС 1900 *Волк (медведь) вытаскивает человека из болота*.

Таким образом, отдельные сюжетные типы сказок были представлены в репертуаре нескольких исполнителей и даже фиксировались в разные годы, что может служить доказательством их устойчивого бытования в местной устной фольклорной традиции.

В заключение отметим, что в конце 1930-х гг. в КНИИК готовился сборник «Фольклор деревни Семеново (Пудожский район)», куда, по-видимому, должны были войти и сказки. Работа над этой и многими другими книгами была приостановлена по причине начавшейся войны, о чем свидетельствуют сведения, приводимые в статье Н. Г. Комелиной, изу-

чившей архив А. Д. Соймонова в ИРЛИ (Пушкинском Доме)¹⁵. В НА КарНЦ РАН сохранилась лишь рукопись другого сборника – «Пудожские сказки» (составитель – А. В. Белованова), куда включены девять текстов И. П. Савинковой и четыре сказки А. М. Пашковой¹⁶. Отдельные сказочные тексты Ф. А. Конашкова и А. М. Пашковой неоднократно публиковались в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в периодических изданиях и фольклорных сборниках¹⁷, поскольку названные исполнители были членами Союза писателей. Четыре сказки, записанные в данном населенном пункте от И. П. Савинковой («Иван-княженецкий сын»), «Нужда да горе»), А. М. Пашковой («Строй») и Ф. А. Конашкова («Про Ерша Ершовича»), были изданы в 1958 г. в научно-популярном сборнике «Перстенок – двенадцать ставешков», подготовленном К. В. Чистовым¹⁸. «Сказка о ленивой жене», рассказанная А. М. Пустошкиной, была напечатана С. М. Лойтер на страницах журнала «Север» в 1976 г.¹⁹ Шестнадцать текстов, зафиксированных в Семеново, вошли в сборник «Русские народные сказки Пудожского края»: девять сказок И. П. Савинковой, шесть сказок А. М. Пашковой и одна сказка Е. С. Журавлевой²⁰.

Итак, деревня Семеново является крупным населенным пунктом Пудожского района Республики Карелия. В конце 1930-х, 1940-е и 1970-е гг. здесь побывало несколько экспедиций КНИИК, в ходе которых удалось записать чуть более 80 сказок от ряда исполнителей. При этом, например, Ф. А. Конашков и А. М. Пашкова являются одновременно и прекрасными знатоками былин. Наибольшее количество сказок сообщила И. П. Савинкова, от которой, кроме того, были записаны причитания, духовные стихи, песни. Тексты фиксировались от руки и хранятся в НА КарНЦ РАН, лишь малая их часть была опубликована. Сказки, бытовавшие в Семеново, соответствуют севернорусской фольклорно-сказочной традиции, но имеют ряд особенностей, обусловленных введением в них реалий, характерных для этой местности (языковых, бытовых), а также индивидуальными способностями каждого исполнителя, на что можно будет обратить внимание в будущем.

¹⁵ *Комелина Н. Г.* Советская фольклористика в отдельно взятой республике. Отдел фольклора в Карельском научно-исследовательском институте культуры в 1939–1941 гг. (по материалам архива А. Д. Соймонова) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 549 (сноска).

¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 45. № 77. 1946–1949 гг. (Пудожские сказки / Подг. А. В. Белованова.)

¹⁷ См.: Носители фольклорных традиций (Пудожский район)... С. 354, 368.

¹⁸ Перстенок – двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии / Сост. К. В. Чистов. Петрозаводск, 1958.

¹⁹ *Лойтер С. М.* Сказки и сказочки на берегах Водлы // Север. 1976. № 1. С. 112–113.

²⁰ Русские народные сказки Пудожского края... С. 222–272. № 35–50.

И. В. Козлова

НИКИТА АНТОНОВИЧ РЕМИЗОВ КАК СОЧИНИТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ЭПИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА КарНЦ И ПОЛЕВЫМ ЗАПИСЯМ 2011 г.)

Имя пудожского сказителя Никиты Антоновича Ремизова (Ремезова)¹ хорошо известно фольклористам и любителям русской эпической и сказочной традиций. От Н. А. Ремизова записано 14 былин, 11 из которых были опубликованы при его жизни в сборнике «Былины Пудожского края»²; записывались от него также сказки, песни, предания. Первые записи от Н. А. Ремизова были сделаны в январе 1938 г. И. В. Ломакиной, после чего на протяжении последующих трех лет с ним неоднократно встречались собиратели для записи былин и других фольклорных текстов. Однако, в отличие от многих своих земляков, «открытых» собирателями в те же годы, в частности от своего ближайшего друга и родственника И. Т. Фофанова, Н. А. Ремизов не оказался в числе «советских сказителей».

«Советскими сказителями» называли тех носителей традиционного (в первую очередь эпического) фольклора, которые в 1930–1950-е гг. складывали былины (новины), плачи, песни и сказки о советской современности. Эти произведения активно печатали в газетах, журналах и фольклорных сборниках 1930–1940-х гг.³ Всего таких сказителей (только тех, чьи

¹ О вариантах фамилии Ремизов / Ремезов, а также другие биографические сведения о сказителе см. подробнее: *Гвоздева Ж. В.* Родословная пудожского сказителя Никиты Антоновича Ремезова // Рябининские чтения-2007. Материалы науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 20–25.

² Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и прим. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. С. 268–331.

³ Начало этому явлению как массовому было положено в 1937 г. В марте 1937 г. в газете «Северо-Западный водник» (3 марта) была напечатана «Былина о Чапаеве» П. И. Рябинина-Андреева. Рассвет «советского эпоса» пришелся на предвоенное время, а в конце 1940-х гг. заметно пошел на спад. На рубеже 1940–1950-х гг. на страницах журналов «Новый мир»,

произведения публиковались) мной выявлено 73 человека, 26 из них являлись жителями Карелии. Среди этих 73 человек были сказители, чьи новины печатались в центральных и республиканских газетах и журналах и многократно переиздавались (например, новины сказительницы из д. Семеново А. М. Пашковой) или же оказались напечатаны только в фольклорных сборниках (например, сочинения сказителя из д. Климово И. Т. Фофанова). Кроме известных 73 сказителей, были и те, чьи лиро-эпические новообразования (далее – ЛЭН)⁴ просто не попали в печать, а остались лежать в архивах или вовсе были утеряны. Таких сказителей, судя по разным данным (архивным материалам, упоминаниям неизвестных имен в статьях о советском фольклоре и т. п.), не так уж мало, и именно в их числе оказывается Н. А. Ремизов.

Фигура Ремизова выбрана мной не случайно, она кажется одной из наиболее значимых, так как о том, что он работал над сложением новых произведений, упоминается в авторитетном фольклорном сборнике «Былины Пудожского края»: «Подобно многим другим современным сказителям Ремизов пробует свои силы в создании новых эпических произведений»⁵. В НА КарНЦ хранятся пять текстов (два из которых варианты одного произведения) Н. А. Ремизова, определенных в описях как «новины».

Вопрос о том, почему одни сказители получали в сталинское время всенародное признание и принимались в Союз советских писателей, а другие не устаивались даже публикаций в районной газете, поднимался мной и раньше⁶ и продолжает меня волновать. Случай Н. А. Ремизова кажется мне подходящим для рассмотрения примера «неуспеха».

«Советская этнография», «Дружба народов» прошла дискуссия о праве новых произведений сказителей считаться фольклором, после чего в 1950-е гг. они постепенно исчезли из печати и были забыты на долгие годы. Творчеству советских сказителей посвящены работы Ф. Миллера (*Миллер Ф. Сталинский фольклор*. СПб., 2006), Т. Г. Ивановой (*Иванова Т. Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора*. М., 2002. С. 403–431), К. А. Богданова (*Богданов К. А. Vox roruli: Фольклорные жанры советской культуры*. М., 2009).

⁴ Лиро-эпическими новообразованиями я называю все произведения сказителей, являющиеся продуктом их собственного творчества, посвященные советской действительности и ориентированные на традиционные фольклорные жанры (былины, плачи, песни). Термин вводится мной, поскольку четкой терминологии относительно произведений сказителей до настоящего момента не сложилось. Существующий с 1930-х гг. термин «новина» используется исследователями в применении к разному кругу произведений. В данной работе он применяется как синоним ЛЭН.

⁵ *Парилова Г. Н., Соимонов А. Д.* Сказители Пудожского края // *Былины Пудожского края*. С. 33.

⁶ См., например: *Козлова И. В.* Типология советского сказителя // *Фольклористика и культурная антропология сегодня. Тезисы и материалы Междунар. школы-конф. Москва–Переславль-Залесский. 27 апреля – 2 мая 2012 г.*. М., 2012. С. 325–332.

Понятно, что создавать новые эпические и лиро-эпические произведения, которые оказались бы востребованы издателями (про читателей сказать сложнее), мог далеко не каждый исполнитель традиционного фольклора. Для этого были нужны желание и способность их создавать и подходящие внешние обстоятельства. Необходимо было знать о самой возможности сочинения новин и лояльно относиться к советской власти.

В том, что Н. А. Ремизов знал о возможности сочинения советских эпических произведений, сомнений нет. Первые записи от него были сделаны фольклористами в начале 1938 г., то есть на пике востребованности советского эпического фольклора. В это время собиратели предлагали попробовать создать новые произведения практически каждому исполнителю фольклора⁷, в Пудожском же районе работа по собиранию советского фольклора шла активнее, чем в любом другом⁸.

Из автобиографии Н. А. Ремизова известно, что отец его жил в молодости в работниках и сам он с 12 лет вынужден был наниматься: «Вот стало мне около 12 лет, зимой ходил вязать сети, а летом к богатым бороновать ездил». Учиться в школе ему не довелось, потому что школа была далеко и «было незачем». В июле 1917 г., во время военной службы, он участвовал в числе революционно настроенных солдат в демонстрации против временного правительства и голосовал за Ленина: «Вот потом приходили рабочие в казармы, объясняли, што надо выгнать семь министров-капиталистов. Мы пошли во дворец вечером, по нас открыли стрельбу <...>. Про Ленина мы слыхали еще давно <...>. И все держали ум голосовать за Ленина»⁹.

В НА КарНЦ хранится заметка сотрудницы Е. П. Родиной, датированная июнем 1938 г.: «Вчера получен материал Ремизова. Пишет он “рассказ о нашей жизни”. Рассказ переходит часто в былинку. Материал из своей жизни яркий, свежий, но сырой. Очень интересно приписки его в

⁷ Именно в январе 1938 г. была «открыта» и стала сочинять новины знаменитая печорская сказительница М. Р. Голубкова, начали создание новых произведений под руководством А. Я. Колотиловой исполнительницы Государственного академического Северного народного хора А. Е. Суховерхова и А. И. Гладкобородова. Было записано большинство плачей по вождям советской власти и от других причитальщиц Карелии Л. Громовым, В. Чистовым, М. Михайловым.

⁸ В Пудожский район в 1938 г. было совершено несколько экспедиций. По моим подсчетам, там побывало за этот год 13 собирателей (студентов ЛГУ и сотрудников КНИИК), которыми был обследован 31 населенный пункт и сделаны записи от 53 исполнителей. Кажется неудивительным поэтому, что 14 советских сказителей (т. е. 19% русскоязычных советских сказителей СССР и больше половины советских сказителей Карелии) были жителями Пудожского района. Для сравнения: на всю Архангельскую область, которая по количеству советских сказителей вторая после Карелии, было 10 сочинителей советских произведений.

⁹ Цит. по: Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 238–239.

конце: “Прошу, многоуважаемые тов., дорогого вождя Сталина пропечатать в книги, дети и внучата читать будут, а стары старики на распев возьмут да на старины”¹⁰. Судя по заметке, материал прислан, а не записан собирателем, из чего можно сделать вывод, что Н. А. Ремизов самостоятельно проявлял инициативу в сочинении новин. Всего в архиве хранится четыре текста Н. А. Ремизова о советской современности (один из них в двух вариантах): 1) «Рассказ про старую жизнь. (Как было назад тому времени шестьдесят лет при царях и помещиках, купцах и кулаках)», 2) «О вождях» (вариант: «Как запоем-то мы былину либо старину»), 3) «О старой и новой жизни», 4) «Былина о прошлой власти романовской и о власти советской».

Разумеется, одного желания исполнителя создавать новые произведения было недостаточно для их признания и публикации. Новые произведения должны были соответствовать определенным идеологическим и художественным критериям. Фольклористами отмечалось, что хорошие советские тексты создавались обычно исполнителями с богатым традиционным репертуаром и высокой способностью к импровизации. При этом подчеркивалось, что для создания ЛЭН хорошего уровня нужно владение не только былинами, но и другими жанрами фольклора, поскольку в этом случае сказитель может выйти из узких жанровых рамок и создать действительно полноценное произведение, новое по содержанию и форме¹¹.

Богатый традиционный репертуар Н. А. Ремизова отмечался неоднократно: знанием 14 былин в 1930-е гг. могли похвастаться не многие исполнители. Кроме того, про Н. А. Ремизова известно, что он знал множество сказок и был прекрасным их исполнителем, записывались от него и песни.

Буквально все, кому довелось когда-либо слушать Н. А. Ремизова, отмечали и его импровизаторские способности. А. Д. Соймонов и Г. Н. Парилова писали о специфике его репертуара: «Былины Ремизова очень своеобразны <...>. Это прежде всего исполнитель-артист, который ради того, чтобы заинтересовать слушателей, идет на любые переделки, любые комбинации с известным ему текстом <...>. Ремизов очень интересный сказитель, обладающий большим репертуаром, творчески одаренный, со склонностью импровизировать»¹². Е. П. Родина комментировала свою работу с Н. А. Ремизовым в июне 1938 г.: «Например, в былине “Про Идо́лице”: богатыри не пошли воевать,

¹⁰ Носители фольклорных традиций... С. 240.

¹¹ См., например, рассуждения Ю. М. Соколова о новинах П. И. Рябинина-Андреева и М. С. Крюковой (*Соколов Ю. М. Русский фольклор*. М., 1941. С. 503–504).

¹² Былины Пудожского края. С. 31–32.

потому что Владимир-князь посадил Илью Муромца невинного в погреб. Это объяснение “забастовки” богатырей в слышанную былинку не входило. <...> при сказывании былины он это объяснение вставляет, говоря: “этого не пиши, а послушай <...>”. Но я всё же пишу, и тогда он пытается рассказать былинным размером»¹³.

Повышенную склонность Н. А. Ремизова к импровизации в былинах отмечают и современные исследователи эпоса. Так, по мнению издателей «Былин Пудого», ремизовский вариант былины «Про Добрыню Никитича, как он делил землю русскую со Змеем Горынычем» «в сущности представляет собой плод индивидуального творчества Н. Ремизова на основе отдельных мотивов былины “Добрыня и Змей” и легенды о Змиевом вале»¹⁴. Былина «Про Ставра», записанная от Н. А. Ремизова в июле 1938 г., начинается с авторского зачина, вписывающего события в понятную для слушателя, близкую к современности обстановку:

Как во славной во Москвы было во матушке
Родился там Ставёр да Негодинович
<...>
Как его да родитель ведь батюшко
Как находился ён начальником в милиции
А пригласил-то тут Ставра Негодинова
Положил-то его тут ведь стражником,
Как ходить по Москве до по матушке,
Забирать-то хулиганов тут пьяных¹⁵.

Склонность Н. А. Ремизова к импровизации отмечалась не только фольклористами, но и его родными. Внучка Н. А. Ремизова Надежда Ивановна Зеленько рассказывала про деда, исходя из того, что говорили о его творчестве в семье (сама она родилась уже после его смерти): «Просто мне кажется, вот дед Никита, наверное, сочинял, придумывал»¹⁶. Брат Надежды Ивановны Николай Иванович Ремизов тоже говорил про деда: «Прибавлял там, отец рассказывал, говорит, он там всякой ерунды прибавляет, где-то слышал, а потом...»¹⁷.

¹³ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии). С. 239–240.

¹⁴ Свод русского фольклора. Былины в 25 т. СПб., 2013. Т. 16. Былины Пудого. С. 970. (Комментарии к № 55).

¹⁵ Былины Пудожского края. С. 300–301.

¹⁶ Записано от Надежды Ивановны Зеленько, 1953 г. р., жительницы д. Авдеево Авдеевского сельского поселения Пудожского района. Интервью проводилось в деревне Бураково 6 августа 2011 г. И. В. Козловой и М. Д. Алексеевским.

¹⁷ Записано от Николая Ивановича Ремизова, 1942 г. р., жителя д. Алексеево Авдеевского сельского поселения Пудожского района. Интервью проводилось в деревне Алексеево 6 августа 2011 г. И. В. Козловой и М. Д. Алексеевским.

Обладая, казалось бы, всеми необходимыми для создания ЛЭН качествами в полной мере: желанием сочинять, богатым репертуаром, импровизаторскими способностями, Н. А. Ремизов так и не смог создать текст, который был бы оценен собирателями как достойный публикации.

О чем же пытался сочинять Н. А. Ремизов свои произведения и почему они так и остались лежать в архиве? Три из них посвящены одной теме – противопоставлению старой и новой жизни («Рассказ про Старую жизнь», «О старой и новой жизни», «Былина о прошлой власти романовской и о власти советской»). Все они в архиве (как и четвертая новина «О вождях») датируются 1938 г. Из дневников собирателей известно, что работа Н. А. Ремизова над советскими произведениями велась и в 1940 г., но более поздние варианты по каким-то причинам не попали в институт.

«Рассказ про Старую жизнь» имеет подзаголовок «Как было назад тому времени шестьдесят лет при царях и помещиках, купцах и кулаках». Вероятно, об этом тексте писала Е. П. Родина, называя его «рассказом о нашей жизни». Это очень большой прозаический текст со стихотворными вставками, написанными былинным слогом. Начинается он прозаическим рассказом о том, как тяжело было жить при царском режиме: «Жил народ тогда очень плохо. Не едал он выти сытной, не видал он на себе руба красного. Работали на кулаков и помещиков. 15 копеек была поденщина в летнюю пору в наших темных уголках»¹⁸. Далее описываются революционные события. По всей видимости, Н. А. Ремизов отразил в этой части свой личный опыт участия в июньском восстании, поскольку повествование здесь ведется от первого лица и частично совпадает с его автобиографией. От описания восстания и его разгона Н. А. Ремизов переходит к рассказу о Ленине и Гражданской войне, используя былинный стих:

Не по характеру стало кулакам да помещикам
<...>
И запустили опять в России матушки
Как налетели они как будто вороны
Как пришлось тоже с ними разбираться
Трудно было переносить России матушке
И не хорошо было нашему дорогому вождю – Ленину
Долго билися с неприятелями с кулаками и помещиками
<...>
И улетели в чужую сторону с России с нашей матушки¹⁹.

¹⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 13. Ед. хр. 15. Л. 93.

¹⁹ Там же. Л. 94–95.

После изгнания помещиков описывается становление новой жизни в СССР (вперемешку былинным стихом и прозой), оплакивается умерший Ленин, и заканчивается новина описанием возвращения папанинцев из полярной экспедиции. Поскольку значительная часть сочинения (почти четверть) отведена описанию экспедиции папанинцев (хотя в названии главная тема заявлена как «старая жизнь»), можно предположить, что писался текст непосредственно в дни их возвращения, когда о папанинцах постоянно говорилось по радио и в газетах. Совершенно понятны претензии Е. П. Родиной к этой новине, так как она лишена художественного единства. Противопоставление старой и новой жизни, Первая мировая война и революционные восстания солдат, Гражданская война, прославление и оплакивание Ленина, строительство новой жизни и экспедиция папанинцев – каждая из этих тем, составляющих содержание сочинения Н. А. Ремизова, могла бы послужить основой для самостоятельной новины. Соединение в одном произведении более двух из перечисленных тем, как и сочетание прозаического и стихотворного повествования, не встречались мне ни в одном из опубликованных ЛЭН. А. Д. Соймонов и Г. Н. Парилова отмечали сумбурность новых произведений А. Н. Ремизова: «Сказителю еще не удастся создать стройное повествование. Нередко при желании передать очень многое он не располагает достаточным количеством сведений. Иногда даже хорошо известные ему факты Ремизов не может правильно осмыслить, разобраться в них»²⁰.

Вероятно, после замечаний Н. А. Ремизов пытался переписать это сочинение, в результате чего и появились две другие новины: «О старой и новой жизни» и «Былина о прошлой власти романовской и о власти советской». Одна из них написана полностью былинным стихом, другая – ритмизованной прозой. Предположу, что это варианты переработки первоначального текста в два самостоятельных произведения. Текст в обоих случаях был сильно упрощен и сокращен: описание Первой мировой войны, революционных событий, оплакивание Ленина и экспедиция папанинцев отсутствуют. Новина «О старой и новой жизни» стала соответствовать заявленной теме. Первая ее часть посвящена рассказу про старую жизнь:

Как заведем ко мы былину либо старину,
Как старину про досюльнее и про старое,
Как про старое и про бывалое,
Как про тых ли царей николаевских,
Про тых ли министров богатых,
Про тых ли купцов козобатых.
Как каторжные жили в Россиюшке 300 лет.

²⁰ Былины Пудожского края. С. 33–34.

Подробно описываются бедствия рабочих и крестьян, наказания их за забастовки и любые случаи неповиновения правящим классам. Описание старой жизни без рассказов о революции и других исторических событиях сменяется описанием современной жизни:

Как теперь у нас да есть советская власть,
Весь рабочий класс поставлен к работушку,
И работушка до им показана.
Дано хлеба им сколько хочется,
А золотой казны, что сработашь
Как рабочий день восьмичасовую
<...>
Как у нашего отца Сталина,
Как у советского, да у всей партии,
Как заготовлено хлеба в множестве
Как голодных больше нет нигде²¹.

Текст приобрел единообразие как по форме, так и по содержанию, в нем оставлена одна основная мысль – противопоставление старой и новой жизни. Причем в этом варианте сочинение стало похоже на десятки текстов других сказителей о старой и новой жизни²². Вероятно, такое преобразование произошло после конструктивной критики и советов кого-то из фольклористов, исполнявших часто роль литературных консультантов подающих надежды на создание советских произведений сказителей. О такой «консультационной» работе собирателей с Н. А. Ремизовым известно мало. Г. Н. Парилова отмечала в полевом дневнике: «Соймонов указал осторожно Никите Антоновичу на слабые места в новой советской былине. Ремизов ничуть не обиделся и стал думать над тем, чтобы улучшить текст, вносил поправки, изменения...»²³.

Однако ни этот текст, ни прозаическая версия на ту же тему («Былина о прошлой власти романовской и о власти советской»), ни четвертый текст Ремизова, в котором прославляются советские вожди, также в печать не попали. Вероятно, все эти тексты на каком-то этапе фольклористы или издатели сочли недостаточно качественными для публикации и

²¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 13. Ед. хр. 26. Л. 139–141.

²² См., например, тексты М. С. Крюковой «Чудный дивный сон» (Крестьянка. 1938. № 17. Форзац); М. Г. Голубковой «Мать Печорушка – всем рекам река» (Наша страна. 1939. № 8. С. 18–20); А. М. Пашковой «В стране советов» (Красная Карелия. 1938. 29 июня. № 148. С. 3) и др.

²³ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии). С. 245. Запись датирована июлем 1940 г., из чего можно предположить, что работа над советскими текстами продолжалась до лета 1940 г. К сожалению, из публикации невозможно понять, о какой именно советской былине идет речь.

хотели еще раз предложить автору их доработать. А. Д. Соймонов и Г. Н. Парилова, отмечая недостатки советских текстов Н. А. Ремизова, выражали уверенность в том, что он как талантливый сказитель-импровизатор способен создать качественные сочинения, но замечали, что для этого ему не хватает общей и политической грамотности, поэтому: «с Ремизовым необходимо вести работу по повышению его культурного уровня. До сих пор с ним почти никогда не беседовали; он был только на конференции сказителей в Петрозаводске в 1939 г.»²⁴.

Предположу, что главная причина, не позволившая Н. А. Ремизову, при наличии всех предпосылок, стать «советским сказителем», заключалась в отсутствии работы с ним по «повышению политической грамотности». У него не было постоянного литературного консультанта (как у М. Р. Голубковой или Е. И. Чичаевой) или консультантов (как у М. С. Крюковой). Никто не помог ему в создании первых произведений такого рода, как, например, помогли М. И. Кострова П. И. Рябинину-Андрееву и Ф. А. Конашкову, а К. В. Чистов И. Т. Фофанову. С ним не проводилась планомерная работа в КНИИК, как с А. М. Пашковой или Е. С. Журавлевой. К тому же известно, что Н. А. Ремизов был неграмотным и читать сам, в отличие, например, от сказителя Н. В. Кигачева, тоже не мог. Не было достаточно образованных для серьезного «политического просвещения» людей и в его семье. Конечно, его дети могли хотя бы читать ему газеты, но в июле 1940 г. А. Д. Соймонов отмечал, что газеты, выписанные Ремизову и Фофанову, не приходят²⁵.

Вместе с тем с желанием Н. А. Ремизова создавать советский эпос всё тоже может быть не совсем однозначно. В автобиографии, где Н. А. Ремизов приветствует советскую власть, он упоминает, что не вступил в колхоз: «...в 31-м г. в колхоз склались. У меня пошли 3 сына, невестка, а я не вступил, старой работать. Отдал я всё... и остался на ихнем изживлении»²⁶. По словам его внуков, в семье не было восторженного отношения к советской власти и про сочинение дедом «советских былин» они никогда не слышали. Николай Иванович отмечал, что ни дед, ни бабушка не пошли в колхоз: «Хотя у них сын, вот отца председателем колхоза выбрали, а у него отец и мать так и не пошли вот, не пошли в колхоз»²⁷. Надежда Ивановна говорила, что «отец (председатель колхоза. – И. К.) пел какие-то песни, скажем, такие вот с критикой советской власти, ну старинные, то есть он говорил, что были такие вот песни старинные, и вот еще были и такие». На мой вопрос о том, что дед вроде бы сочинял не «с кри-

²⁴ Былины Пудожского края. С. 34.

²⁵ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии). С. 244.

²⁶ Там же. С. 239.

²⁷ Записано от Н. И. Ремизова, 6 августа 2011 г.

тикой», а наоборот, с похвалой советской власти, сказала: «Нет, сомневаюсь. У нас как-то в семье не говорили, что вот так всё здорово. Видели, и критика могла быть вполне». Однако добавила, что допускает возможность сочинения дедом и хвалебных песен о советской власти: «дед, насколько я знаю, был натура такая, противоречивая, он мог выдать на-ура, если вот это надо, так почему не сочинить. <...> мне кажется, он бы не стал сидеть и сочинять, он бы мог просто вот как бы вот сверху вот он подумал на эту тему – это все раз и сформируется»²⁸.

Таким образом, на основе представленных в статье материалов можно предположить, что Н. А. Ремизов, узнав о возможности сочинения советских произведений, сначала загорелся идеей и сочинил новину. Потом же ему как импровизатору, привыкшему сочинять по вдохновению в момент исполнения, стало просто скучно работать над литературным текстом, оттачивая его. Когда же он понял, что после первых переработок должны последовать новые, он оставил это занятие.

²⁸ Записано от Н. И. Зеленько, 6 августа 2011 г.

В. П. Миронова

КАРЕЛЬСКИЕ РУНОПЕВЦЫ: К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА*

В последние десятилетия сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН достаточно широко используют современные информационные технологии для сохранения и введения в научный оборот фольклорно-этнографических архивных (рукописных и звуковых) материалов. Во второй половине 2015 – начале 2016 г. силами фольклористов В. П. Мироновой и Л. И. Ивановой, а также звукоинженера Ф. С. Герасимова был реализован небольшой проект под названием «Карельские рунопевцы». Финансовую поддержку в его исполнении оказали финляндские фонды: Фонд М. А. Кастрена, Общество «Калевалы», Карельское просветительское общество. Цель работы заключалась в том, чтобы собрать воедино имеющийся в нашем распоряжении материал о наиболее известных карельских рунопевцах¹ (рукописный, печатный, звуковой), перевести отобранные образцы в электронный формат, сделав их доступными не только исследователям, но и широкой аудитории интересующихся данной проблематикой.

Все необходимые сведения о карельских сказителях были выявлены в фондах НА КарНЦ РАН и Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. Отметим попутно, что фольклорные архивы в Карелии стали формироваться в начале XX в. благодаря работе любителей и почитателей местной традиционной культуры, а также немногочисленной еще в то время группе исследователей, этнографов и фольклористов. Первоначально появились рукописные записи на русском языке, а в конце 30-х гг. XX в. фиксация материала стала осуществляться и на разных наречиях

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Сказители Карелии: электронная энциклопедия». Проект № 16-04-12008.

¹ Всего на данном этапе был собран материал о двадцати сказителях, десять из которых являются представителями беломорской традиции, десять – южнокарельской.

карельского языка. В настоящее время рукописный фольклорный фонд НА КарНЦ РАН состоит из двух самостоятельных разделов: русского, в котором хранится 211 коллекций, и прибалтийско-финского, в котором насчитывается 180 коллекций. Параллельно с этой работой запись фольклорно-этнографического материала на территории Карелии производилась и на звуковые носители: первоначально, в 1930-е гг. – на фонограф, затем с 1950-х гг. – на магнитофон. Всего на данный момент в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН хранится более 4200 часов звучания: это материалы на русском, карельском, вепском, ижорском, ингерманландском, саамском языках. Хранящиеся в фольклорных архивах рукописные и звуковые фольклорно-этнографические и лингвистические материалы, несомненно, представляют большую культурную и научную ценность.

В Научном (рукописном) архиве КарНЦ РАН сосредоточены многочисленные образцы народной поэзии русских и карелов, описания различных обычаев и обрядов этих народов, диалектные образцы речи и т. д. Наряду с этим собиратели, по возможности, фиксировали биографии носителей фольклорных произведений. Особенно скрупулезно такая работа проводилась в конце 1930-х гг., когда исследователями составлялись многочисленные списки сказителей с указанием их национальности, кратких биографических данных, репертуара и количества произведенных от них записей². Если произведения устного народного творчества неоднократно публиковались на страницах различных фольклорных сборников, образцов речи, то материалы об исполнителях оставались на периферии научных интересов исследователей. Исключение, пожалуй, составляют два сборника, подготовленные сотрудником ИЯЛИ КарНЦ РАН Т. С. Курец. Первая книга вышла в Петрозаводске в 2003 г. и была посвящена сказителям Пудожского района Карелии³. Спустя пять лет увидело свет еще одно издание этого же автора, в котором были представлены биобиблиографические сведения о заонежских сказителях⁴. Обе названные публикации основывались по преимуществу на обширных архивных материалах КарНЦ РАН.

Информация о сказителях, исполнявших фольклорные произведения на карельском и вепском языках, до настоящего времени практически не была введена в научный оборот. Лишь небольшие по объему биографические справки были представлены в качестве приложения в некоторых

² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 122.

³ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. 406 с.

⁴ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия). / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008. 372 с.

сборниках, к примеру, в книгах В. Я. Евсеева⁵, Н. Ф. Онегиной⁶ и др. Большого внимания удостоились те карельские сказители, которые в разные годы стали членами Союза писателей Карелии⁷. Среди них – Анисья Васильевна Ватчиева (1939), Мария Ивановна Михеева (1952), Мария Андроновна Ремшу (1939), Евгения Ивановна Хямяляйнен (1939). Их краткая биография нашла отражение в библиографическом словаре Ю. И. Дюжева⁸. Однако основная часть материалов о карельских сказителях сосредоточена лишь в архивных коллекциях.

В НА КарНЦ РАН в фонде 1 (опись 2) находится на хранении коллекция № 155, в которой собраны биографические сведения о карельских сказителях. Данный свод документов был достаточно подробно описан Л. И. Ивановой в одной из статей⁹, в настоящей работе укажу лишь некоторые наиболее важные особенности биографического материала этой коллекции в связи с проблемой создания электронного ресурса.

Коллекция № 155 состоит из нескольких самостоятельных томов. Первая тетрадь – самая объемная, насчитывает 406 страниц. В ней собраны сведения о 72 карельских сказителях. Вторая тетрадь является дополнением первой; на 31 листе здесь содержатся сведения еще о 20 сказителях. По преимуществу в этих томах собраны сведения о карельских сказителях конца XIX в., выявленные в различных книжных источниках. Еще в одной тетради, имеющей название «Автобиографии и биографии карельских сказителей», сосредоточены материалы, относящиеся к периоду с 1936 по 1941 г., то есть к тому времени, когда в Петрозаводске был организован КНИИ. Следует заметить, что именно в это время началась активная запись фольклорного репертуара рунопевцев и сказочников, этим же временем датируются и первые фонозаписи, первоначально производимые на грампластинки только в Петрозаводске, куда специально приглашали сказителей. Автобиографический материал фиксировался по преимуществу в рукописном виде, в основном это делалось попутно. Хотя, как показывают нам те же архивные материалы, существовали своего рода анкеты, отвечая на вопросы которых, исполнители могли составить свою краткую биографию. Поскольку большинство сказителей были неграмотными, анкеты могли заполняться,

⁵ *Евсеев В. Я.* Карельские эпические песни. М.: Л., 1950. 526 с.

⁶ *Онегина Н. Ф.* Карельские народные сказки. Репертуар Марии Михеевой. Петрозаводск, 2010. 643 с.

⁷ Общее количество сказителей, ставших членами Союза писателей Карелии, – девять человек, четверо из которых – карелы.

⁸ *Дюжев Ю. И.* Писатели Карелии: библиографический словарь. Петрозаводск, 2006. 304 с.

⁹ *Иванова Л. И.* Особенности фиксации и интерпретации биографических материалов о сказителях Карелии // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы. Петрозаводск, 2014. С. 377–398.

скорее, самими собирателями. В большинстве своем анкеты содержали вопросы о дате и месте рождения, национальности, происхождении, о роде деятельности сказителя, образовании, партийности и т. д. С грамотными исполнителями велась переписка, но она практиковалась уже в более поздний период – в 50-е гг. XX столетия.

Биографический материал рассматриваемой коллекции представлен в двух видах: чаще как биографии, реже как автобиографии, у некоторых исполнителей встречаются оба варианта. При этом следует учитывать, что деление на биографии / автобиографии здесь весьма условное, поскольку материал практически всегда записывался собирателями со слов исполнителя. Вполне вероятно, что интервьюер не всегда стремился фиксировать все дословно, в некоторых случаях допускал и собственную, пусть даже самую минимальную интерпретацию высказываний. Часть биографий имеет как машинописные, так и рукописные варианты, большинство – только рукописные. Биографии могут быть изложены на русском языке, хотя, скорее всего, изначально они были записаны по-карельски, но оригиналы по каким-то причинам не сохранились. Большая часть биографий записана на карельском языке, крайне редко представлены оба варианта. Карельский язык чаще всего передается кириллицей, реже латиницей. Иногда биографии сказителей представлены в виде письма. К примеру, зачастую работник сельского совета получал задание записать биографический рассказ живущего на его территории сказителя и отправить его письмом в Петрозаводск. Биографические рассказы могли фиксироваться временными сотрудниками института, в некоторых случаях этой работой занимались студенты.

Собранный биографический материал неравнозначен по объему и содержательности. По неизвестным причинам от некоторых сказителей записано всего несколько строк, а рассказ других может насчитывать и нескольких страниц. Биографии ряда сказителей представлены в двух-трех вариантах.

Среди сказителей, биографический материал которых содержится в описываемой коллекции, имеются известные севернокарельские исполнители рун, сказок, причитаний (Мария Ремшу, Маура Хотеева, Евгения Хямляйнен и другие). Широко представлены и носители южнокарельской фольклорной традиции (Агафья Богданова, Екатерина Гаврилова, Василий Гордеев, Александра Зайцева, Павел Прокопьев). Зачастую встречаются и малоизвестные имена, от которых собиратели по каким-то причинам не зафиксировали фольклорных образцов. Материалы описываемой коллекции являются основой для составления биографических статей карельских сказителей для нашего электронного ресурса.

Небольшой срок работы по данной теме не позволил нам пока отобразить информацию обо всех карельских рунопевцах (в общей сложности их 150 человек). Для внесения в электронный ресурс были отобраны лишь 20 наиболее известных имен: 10 северно-карельских и 10 южнокарельских. В ходе реализации проекта «Карельские рунопевцы» был создан мультимедийный контент с самостоятельной страницей по каждому исполнителю, что позволяет ознакомиться с их биографиями как на карельском, так и на русском языке. Жизнеописания представлены в отсканированном варианте, благодаря чему пользователи могут увидеть первоисточник, а также в обобщенном виде – в электронном своде всех имеющихся вариантов биографии по отдельной персоналии. Последний делается для того, чтобы дать возможность ознакомиться в некоторых случаях с плохо читающимся текстом. Следует отметить, что многие собиратели писали крайне неразборчивым почерком, зачастую карельский текст был написан на кириллице, что, несомненно, усложняет его прочтение. В ходе работы по данному проекту такие тексты все были перепечатаны в латинской графике. Биографические статьи проиллюстрированы фотографиями (при их наличии) сказителей. Фото в большинстве случаев были постановочными, делались, вероятно, на профессиональную аппаратуру, поэтому они достаточно хорошего качества. Кроме того, страничка с биографией и фотографией сказителя дополнена образцами исполняемых ими фольклорных произведений. В этот раздел вошли архивные материалы: как рукописные, так и звуковые. В качестве дополнения представлен полный репертуарный список каждого исполнителя, который включает название руны и указание архивного шифра. Данный электронный ресурс даст возможность пользователям не только ознакомиться с различными эпическими традициями Карелии, но и рассмотреть их через призму личности сказителя и времени, в которое он жил.

Таким образом, на подготовленном мультимедийном контенте сконцентрированы биографические и фольклорные материалы карельских сказителей. Особую ценность представляют биографии, знакомство с которыми позволяет выявить любопытные этнографические и исторические детали. Все это делает электронный ресурс привлекательным для специалистов разных направлений: историков, этнографов, фольклористов, языковедов, а также любителей народной культуры и потомков некогда известных носителей фольклорных традиций Карелии. В настоящее время проект «Карельские рунопевцы» завершен, материал написан на электронный носитель. На обложке диска размещается фотография памятника рунопевцам – как его называют, «Камня Вассиль», который находится в д. Войница Калевальского района. Скульптура была подго-

товлена финским архитектором Марти Айла в 90-е гг. XX в. и установлена на том месте, где предположительно жил известный севернокарельский рунопевец Вассила Киелевяйнен. Этот памятник, на наш взгляд, как нельзя лучше отражает идею нашего проекта – увековечить имена карельских рунопевцев.

Завершенная работа практически сразу получила свое продолжение: Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) поддержал двухгодичный проект «Сказители Карелии: электронная энциклопедия», рассчитанный на 2016–2017 гг. Новый электронный ресурс, формирование которого планируется по описанному выше принципу, будет содержать информацию не только о карелоязычных, но и о русских сказителях Карелии. На первоначальном этапе необходимо составить полный каталог сказителей Карелии, затем на его основе будет подготовлена электронная энциклопедия, включающая сведения о крупных и наиболее известных исполнителях Карелии, преимущественно конца XIX – первой половины XX в. Энциклопедия будет содержать биографические данные и фотоматериалы по каждому исполнителю, отражать его репертуар, а также содержать образцы фольклорных произведений (рукописные, печатные, звуковые).

Такой электронный ресурс постепенно может пополняться. В перспективе появится возможность внести сведения об исполнителях фольклорных произведений, живших во второй половине XX в., а также о наших современниках. Следует заметить, что сегодня при фиксации материала от того или иного исполнителя каждый собиратель непременно расспрашивает интервьюируемого о его биографии, где и когда он родился, в какой семье и какой деревне рос, какое получил образование и где работал. Пожилые информанты обязательно расскажут о военных годах, об оккупации, эвакуации, о колхозной жизни. Данный материал чрезвычайно интересен для широкого круга специалистов. Языковеды смогут выявить на его основе особенности того или иного наречия или диалекта карельского языка, этнографы – проследить бытование и трансформацию праздничной традиции, семейных обрядов, историки – извлечь интересные факты об эвакуации и оккупации, коллективизации в Карелии и т. д. Несомненно, данный электронный ресурс будет востребован в условиях широкого развития и распространения новых информационных технологий.

Л. И. Иванова

ПОРТРЕТ СЕВЕРНОКАРЕЛЬСКОГО СКАЗИТЕЛЯ XIX в. В ЗАПИСЯХ ФИНСКИХ СОБИРАТЕЛЕЙ*

Биографические и автобиографические рассказы – это особый пласт устного народного творчества, своеобразное зеркало культурной, социальной и исторической памяти, отражающее особенности как бытовой, так и духовной жизни народа, семьи и отдельно взятого человека на определенном, достаточно продолжительном временном промежутке¹.

В 1921 г. была опубликована книга А. Р. Ниemi о севернокарельских рунопевцах и колдунах-знахарях². Книга не переводилась на русский язык, является библиографической редкостью. В ней обобщен биографический материал, записанный примерно сорока финскими собирателями, начиная от С. Топелиуса, М. Шёгрена, Э. Леннрота, М. Кастрена, Д. Европеуса, А. Борениуса и до И. К. Инхи, К. Карьялайнена, С. Паулахарью. В книгу включено около пятисот биографий сказителей, проживавших на территории Беломорской Карелии в XIX в. Сделанные от них записи опубликованы в многотомном собрании фольклорных произведений калевальской метрики «Suomen kansan vanhat runot», издававшемся в Финляндии в первой половине XX столетия. В конце каждой биографии в книге А. Р. Ниemi даны точные ссылки на это издание, по которым можно судить о богатстве репертуара того или иного исполнителя.

Биографические материалы о карельских сказителях XIX в. дают ясное представление об особенностях эпохи, в которую еще достаточно активно бытовали рунопевческая, причетная и заговорная традиции, но уже

* Статья написана в рамках гранта РФФИ «Сказители Карелии: электронная энциклопедия», проект № 16-04-12008.

¹ *Иванова Л. И.* Биографии и автобиографии карельских сказителей, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН // *Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.)*. Петрозаводск, 2014. С. 398–430.

² *Niemi A. R.* Vienen läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921.

вследствие целого ряда причин проявились признаки их угасания. В биографических рассказах содержится интереснейший материал о быте и верованиях карелов, а также сведения о деревнях Беломорской Карелии.

По объему биографии разные: от нескольких строк до пары страниц. Чаще встречаются мужские имена. В основном указываются имя и фамилия. Женщины часто представлены просто как жены, например, *Semanan akku* жена Семена или *Marttinan emäntä Okku* хозяйка Мартына Окку. Иногда приводится и прозвище исполнителя (*Mästi, Vičča-Prokko, Netko, Kylän patsas*).

Среди говорящих прозвища особо отметим “*Kylän patsas*” *Moarie* Марию «Деревенский столб» (род. в 1810 г.) из Кивиярви, из рода Марттиненов. Финский собиратель И. Марттинен сообщает, что «в Вокнаволоке и Ухте так называют богатых или известных и авторитетных людей»³. Здесь вспоминаются мифы о мировом древе или мировом столбе (столпе) как основании мира. Именно на таких уважаемых людях держалось деревенское сообщество. Мария знала руны, свадебные песни, была признанной причитальщицей. «Редкая свадьба обходилась без ее участия, она обслуживала Ладвозеро и другие деревни. Всю свою жизнь жила очень бедно, в основном на подавание. Наряду с этим старалась зарабатывать колдовством, поднимала девушкам лемби, купая их в Змеиной губе»⁴. О пятидесятидвухлетней Паше Хуккани говорится, что она «была в почете, так как ее величали по отчеству – Корниловна, что в Карелии очень редкое явление, по отчеству называли только лучших людей»⁵.

После имени в биографических статьях приводится название деревни, в которой проживает сказитель. Возраст указывается не всегда, в некоторых случаях его лишь примерно можно вычислить по косвенным данным в тексте. Изредка представлены фотопортреты рунопевцев, сделанные И. К. Инха или, реже, другими собирателями.

Иногда исполнители оставались безымянными: некая старуха, некая хозяйка, некая двадцатидвухлетняя девушка, некий молодой хозяин, некий мужчина⁶. Этому может быть дано два объяснения. Во-первых, когда финские собиратели в самом начале XIX в. появились на территории северной Карелии, их поразило, насколько широко распространены руны, они пелись даже детьми. Например, десятилетний мальчик *Simanaini Iivana* Иван Семенов из Кентъярви в 1872 г. для А. Борениуса «мастерски и смело исполнил руны», выученные от костамукшанина⁷.

³ *Niemi A. R.* Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. S. 1116. Здесь и далее перевод с финского языка принадлежит автору наст. статьи.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.* S. 1089.

⁶ *Ibid.* S. 1083.

⁷ *Ibid.* S. 1169.

Семнадцатилетняя Варвара Хямляйнен (д. Аконлахти) спела К. Карьялайнену песни, которые услышала в девятилетнем возрасте от приехавшей к ним из Кианны женщины⁸. И. Марттинен в 1911 г. в Кивиярви многое записал от двух пятнадцати-шестнадцатилетних девочек: «Обе девочки способные и находчивые. Они, шутя, говорили: “Если дашь пять копеек, чтобы мы смогли купить куклу, то можешь хоть всю ночь записывать от нас сказки и верования со знахарством”»⁹. Поэтому у собирателей бытовало мнение, что рунопение – это именно фольклор в буквальном значении слова, народное творчество, распространенное вне зависимости от гендерной или возрастной принадлежности, а следовательно, имена исполнителей, особенно с незначительным по тем временам репертуаром, порой им были малоинтересны.

Есть и вторая причина, объясняющая отсутствие имен. Как говорили сами рунопевцы, они не называли себя, так как, с одной стороны, боялись преследования со стороны церкви, а с другой – сами уже считали рунопение бесполезным и даже греховным занятием и, чтобы избежать греха, утаивали от собирателей свое имя. Особенно это относится к тем, кто придерживался староверческих устоев, которые в деревнях Беломорской Карелии в то время были сильны. К примеру, некая семидесятилетняя старуха из Минозера в 1894 г. спела Г. Бломштедту несколько рун, но отказалась назвать свое имя, объяснив это тем, что пение старых рун – это грех, и «если узнают единоверцы», последует наказание¹⁰. Сказывалась и репрессивная практика в отношении народных верований, в том числе рунопения, которая в разное время проводилась во многих государствах. В странах Скандинавии, например, церковь в течение XVI–XVII вв. занималась «охотой за ведьмами». В XVII в. за колдовство в Финляндии было приговорено к смерти около шестидесяти человек. В судебных архивах сохранилось много дел, свидетельствующих о том, что за исполнение не только заклинаний, но и эпических рун привлекали к суду как за колдовство¹¹. Э. Леннрот отмечал, что именно поэтому финны и многие карелы, проживавшие на приграничной территории, и в XIX в. отказывались петь руны, боясь наказания¹².

Остановимся теперь на некоторых деталях коллективного портрета северокарельских сказителей позапрошлого века.

⁸ Ibid. S. 1098.

⁹ Ibid. S. 1136.

¹⁰ Ibid. S. 1142.

¹¹ Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842 / Науч. ред., вступит. ст. и примеч. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1985. С. 307.

¹² Там же. С. 34.

Во многих биографиях, особенно мужских, но также и женских, очень часто содержится триединая характеристика, кратко описывающая суть сказителя XIX в.: «он был хороший знаток рун, колдун и сват». Наиболее крупные носители фольклорной традиции были самыми уважаемыми людьми в деревенском сообществе и нередко аккумуляли в себе эти три составляющие: они знали эпические песни и другие фольклорные жанры, выступали в качестве колдунов-знахарей и были сватами-патьяшками (мужчины) или плакальщицами (женщины) на свадьбах. Некоторые пожилые женщины помогали в роли повитух роженицам. Так, об известном колдуне Моисее Спирине из Ладвозера говорили, что «он сам сотворен из рун и колдовства»¹³. Пахом Оменайнен из Аконлахти «был большой мастер слова, вековечный колдун и лучший патьяшка. Его свадебные колдовские обереги были непреодолимы для всех». Односельчанин охарактеризовал его как «бодрого старика, остроумного, мастера слова, самого умного из всех деревенских мужиков». Он умер в 1904 г. в возрасте 94 лет¹⁴. Трифон Пирттиахон в Водосальме был не только рунопевцем, но и прекрасным сказочником, «самым передовым и первым грамотным человеком... по характеру живой и веселый»; как говорили в деревне, «он весь состоит из шуток и остроумных поговорок»¹⁵.

Особо следует подчеркнуть, что в древности текст карельских рун, в подавляющем большинстве случаев включавший и заговоры, сам по себе был сакрален и использовался колдунами и знахарями в различных обрядах и ритуалах. Эпические песни отражали древние верования карелов, их миропонимание и мировосприятие. Они и по сей день являются воплощением ментальности народа, его идентичности. Это многовековая народная мудрость, в чем-то даже своеобразный архаичный аналог христианской Библии. Изначально для карела все события, о которых повествуется в рунических сюжетах, были настолько же реальны, насколько христиане верят в реальность фактов, изложенных в Священном Писании. Когда финский пастор Якоб Феллман, один из первых собирателей севернокарельских рун, спросил в Вокнаволоке пожилого мужчину, что он знает о сотворении мира, тот, не сомневаясь, ответил: «Так, святой брат, у нас такая же вера, как и у вас. Прилетел орел с севера, положил яйцо на колено Вяйнямёйнена и сотворил из него земной мир. В это же и вы верите»¹⁶. Согласно верованиям, сила старинного заговора, произносимого знахарем с верой в могущество формульного

¹³ Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. S. 1157.

¹⁴ Ibid. S. 1150.

¹⁵ Ibid. S. 1158.

¹⁶ Ibid. S. 1127.

слова и почитаемых богов и духов, которым поклонялись, была в некоторой степени аналогична энергетике современной молитвы, с которой верующий обращается к Творцу.

Вместе с тем, как уже говорилось, многие старики считали исполнение рун бесполезным и даже греховным занятием. Они уже верили в Бога, ходили в церковь, были среди них и старообрядцы. Например, о встрече в 1872 г. с семидесятилетним Иваном Архиповым из Шомбозера А. Борениус вспоминал так: «Хваленый певец Архипов Иван в этот момент молился в углу, считая поклоны, когда я пришел к нему, он сказал, что ему некогда заниматься такими пустяками, как пение рун». В таких случаях иногда помогали уговоры, иногда деньги, а порой и вино¹⁷. В 1888 г. И. К. Инха в Куяле пришел к шестидесятивосьмилетнему Степану Мартышкину, который сначала отказывался исполнить руны, «боясь, что пение – это грех», но потом все-таки поддался на уговоры, воодушевился и спел песни на несколько сюжетов. «Под конец старик устал и не согласился исполнить все то, что знал. Была уже поздняя ночь, когда мы закончили с ним работу. Он добродушно предложил мне бедный ужин и постель на полу, и я уснул в чистой избе Степана под черными от сажи потолками... Старик уже после того, как я лег спать, долго стоял перед иконами, крестился и тихим голосом молил прощения у Бога за то, что поддался воспоминаниям молодых грешных времен и под старость забыл свою клятву Богу»¹⁸.

Основными занятиями северокарельских сказителей были земледелие, рыболовство и охота (удачливый охотник «убивал за зиму по тридцать оленей и несколько медведей»¹⁹). Некоторые мужчины были корабейниками, рубщиками пожог, сапожниками, портными, плотниками. Кто-то «профессионально» занимался знахарством и колдовством.

В биографических рассказах содержатся упоминания и о «повседневном рабочем костюме карельского крестьянина: рубашка, пиджак и брюки из одинарного домотканного холста, берестяные лапти на ногах; таков же и праздничный костюм с той лишь разницей, что он выкрашен, а на ногах кожаные сапоги»²⁰.

Портретные характеристики встречаются нечасто, и они достаточно скупы: «он был сильный и красивый мужчина», «старая и дряхлая», «ростом Тимофей был высокий, лысый, длинноносый, с бородой», «высокий чернобородый старик», «красивый мужчина средних лет», «крупный мужчина с большой рыжей бородой». Чаще описываются черты характера, с ними соседствует и описание внешности. Отмечаются веселый нрав,

¹⁷ Ibid. S. 1177.

¹⁸ Ibid. S. 1138.

¹⁹ Ibid. S. 1169.

²⁰ Ibid. S. 1125.

добродушие, сила и трудолюбие, остроумие и богатая речь с большим количеством поговорок, умение петь и рассказывать: «по характеру был очень хороший, веселый», «он был веселый и симпатичный старик», «живая и веселая, девушкой на игрищах всегда была первая», «увлекающийся, веселый и гостеприимный старик, ростом Мийна был невысок, блондин с рыжей бородой», «Федор был высокий, солидный и красивый мужчина, веселый, вежливый и настоящий глава семьи», «обычный человек, большой и сильный мужчина». Встречаются и такие характеристики, как «тихая и замкнутая», «тихий и деловой человек».

Практически во всех биографиях подчеркивается бедность севернокарельской деревни: «жизнь карела – это суровая, почти непосильная борьба за существование», но при этом, как писал в своих путевых очерках И. Марттинен, «карел не считает нищету несчастьем. Падет счастье добыть муки на лето, удастся рыбная ловля, и окуней можно посолить, засеянный клочок обещает урожаем, и карел считает себя счастливым»²¹. О Мийхкали Перттунене, у которого было семеро своих детей и еще дети умерших братьев, говорится, что они «годами не видели настоящего хлеба, ели, когда что было, а когда и так сидели. Веря в Бога, он не распустил большую семью по миру, а усердно пахал имевшийся клочок земли, осенью и весной ловил рыбу на озере Лапукка, находясь на рыбной ловле несколько недель подряд. Зимой уходил в Финляндию, где занимался шитьем шуб и обработкой овечьих шкур. Его требования к жизни были минимальные». И при этом он был «с хорошим характером, живой и веселый, но малоразговорчивый»²².

Многие сказители, особенно в старости, жили на подаяние. Например, И. Марттинен по дороге в Суомуссалми «встретил ладвозерскую колдунью Анну Ивановну Ахонен, которая здесь с какой-то другой женщиной ходила по миру, прося милостыню. Анне было примерно сорок пять лет. Она оказалась настоящей представительницей старого поколения, верила полностью в силу колдовства и магии: “Многие, брат, таких лечат. Я многих вылечила. Ёухконен Иван из Ладвозера ходил было по всем докторам по свету, не вылечился. Я сказала: простудился. Заболеть можно и от неумелого обращения с водой”»²³. Ходили просить милостыню и старики, и женщины с детьми, чаще всего в Финляндию или в богатые поморские села. Анна Хуовинен из Хьетозера после того, как у нее умер муж и сгорел дом, а год оказался неурожайным, пошла с детьми к поморам, где понемножку знахарничала. При этом те, кто мог, старались что-то делать: петь, работать в поле²⁴.

²¹ Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. S. 1079.

²² Ibid. S. 1078.

²³ Ibid. S. 1076.

²⁴ Ibid. S. 1093.

О тяжелой жизни крестьян на Севере писали и русские собиратели XVIII–XIX вв. С 19 июля по 13 сентября 1785 г. Г. Р. Державин совершил поездку по Олонецкой губернии и описал в «Поденной записке» свои наблюдения, которые во многом совпали с замечаниями Н. Я. Озерецковского того же года о нищенском положении как русского, так и карельского крестьянства. Оба путешественника пишут о «недостаточности хлебопашества», «ничтожно малых урожаях». В результате «жители терпят великую нужду в хлебе и для приобретения пищи ходят в Кемь», богатые поморские села и Финляндию, «питаются подаванием»²⁵. Через сто лет П. П. Чубинский отмечает: «Корелу нельзя не признать положительно бедною... В Кореле нищенствуют в летнее время до 800 человек, а зимою до 1500 человек»²⁶. В. Н. Майнов в «Поездке в Обонежье и Корелу» в 1874 г. писал: Обонежье и Корела «даже для культурного российского общества» – «неведомая страна», а для местных жителей – «самим богом проклятый край». «Если бедны крестьяне русские..., то про кореляков и толковать нечего, хлеб достается им гораздо труднее»²⁷.

Несмотря на нищету, многие рунопевцы жили довольно долго, до восьмидесяти–ста лет; но часто упоминается, что к концу жизни они теряли зрение. Василий Рачков, родившийся в 1819 г. в Лайтасалми, семидесятилетним стариком объяснял свою слепоту тем, что умылся на берегу озера во время восхода солнца, стоя как раз напротив светила: «тогда и пристанет водный хийси *siitä tarttuu vesihiisi*»²⁸. Мийхкали Пертунен (слепой была и его жена Пелагея) ослеп в 1865 г. и прожил еще 35 лет, последние годы – в доме сына. К. Карьялайнен так писал о нем в 1894 г.: «Видно, старик доволен своей жизнью. У него в избе свое место, у последнего окна около дверей, тут у него была табуретка и корзина, которая заменяла стол и посудный шкаф, тут же у окна висела икона. Тут на печке слепой, дряхлый инвалид проводил дни своей старости, распевая песни. Находясь в избе, он сидел на печке и зубами размельчал картофельную ботву, чтобы скорее высохла»²⁹.

Среди севернокарельских сказителей-староверов встречались люди, владевшие грамотой, хотя их было не так много. Один из них – *Huotarini Jouhko* Ефим Федоров, родившийся в 1805 г. в Ухте; от него записывали руны А. Борениус, М. Шегрен и другие финские собиратели. Причем про одну из рун сказано, что он исполнил ее абсолютно одинаково как два-

²⁵ Пименов В., Эпштейн Е. Карелия глазами путешественников и исследователей. Петрозаводск, 1969. С. 86.

²⁶ Там же. С. 205.

²⁷ Там же. С. 211.

²⁸ Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. S. 1161–1162.

²⁹ Ibid. S. 1079.

дцатилетним парнем, так и через пятьдесят лет семидесятилетним стариком. В 1871 г. Федоров очень сожалел, что «в молодости в этих краях больше пели, теперь пение рун почти забыто». А. Борениусу он рассказывал, что их род происходит из новгородцев поповского звания, а по другим сведениям – из Холмогор, откуда предки бежали во время раскола и поселились на границе с Финляндией в Тухкале. Исследователи карельского старообрядчества, основываясь на архивных и полевых материалах, выделяют «три группы верующих: мирские, или миряне (*mierolaiset*), островная вера (*šuoirelaiset*) и зольники (*tuhkaset*)»³⁰. Ю. Пентикяйнен указывает еще на одно ответвление севернокарельского старообрядчества с более строгим уставом, представители которого были отшельниками, наиболее далеко отошедшими от «мира»: вера в доску *lautaviero*. Он также считает, что *tuhkaset* свое название получили от деревни Тухкала, а *šuoirelaiset* от Суари³¹. Ефим Федоров был зольником *tuhkasen vieruo*. По одним сведениям, он учился в одном из топорских скитов, женском, место расположения которого называлось Скит *Skiitta*, а по другим данным – в г. Кеми. В молодости Федоров занимался торговлей (закупал товары в Москве, Петербурге), затем был писарем и волостным старшиной, за что его называли господином *herraksi*. «В этой должности он пользовался полным доверием у населения. Незначительные спорные вопросы среди граждан Ефим улаживал собственной березовой палкой»³². Собиратели вспоминают, что в староверских избах особенно строго соблюдался пост. Так, остановившись на постой у старика Савина, они вынуждены были ходить обедать к его соседям³³.

Произведения калевальской метрики (эпические, свадебные, колыбельные, заговорные руны) часто находили применение как во время различных обрядов и ритуалов (свадебных, лечебных и т. п.), так и в повседневной жизни. Вера в духов-хозяев различных стихий и построек, поклонение им, колдовство и знахарство, постепенно переплетаясь с некоторыми христианскими воззрениями, пронизывали всю жизнь карела. Магические знания, как и эпические песни, передавались из поколения в поколение, изначально чаще всего по мужской линии (как от родственников, так и от знакомых или даже случайных встречных). Как показывают биографические рассказы, лучшими знатоками рун, сказок и магических практик в XVIII–XIX вв. были именно мужчины. Произведения же некоторых других жанров исполнялись женщинами, например, причитания, свадебная лирика и колыбельные песни.

³⁰ Лавонен Н. А. Песенный фольклор кестеньгских карел. Петрозаводск, 1989. С. 32.

³¹ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 128, 134, 138.

³² Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. S. 1090–1091.

³³ Ibid. S. 1142.

Про Михея Карпова говорили, что он «без колдовства в лес не ходил. Если медведь хотел на него наброситься, Михей произносил: “В лес, божья шерсть!”». А когда обнаружил берлогу, то выгнал его оттуда такими словами: “Выходи вон, черная от сажи дева, навстречу колдуну в саже! За тобой уже пришли и ожидают у дверей”»³⁴. Константина Федорова (1820 г. р.) из Ухты, по воспоминаниям А. Борениуса, считали одним из лучших рунопевцев и самых известных сватов-патьяшек и знахарей. Финские собиратели подчеркивали, что Костя был колдуном не формально, а сам искренне верил в магическую силу заговорного слова, в колдовство: «Костя жил, полностью окруженный духовным миром. Он никогда не опускал свои сети в воду, пока не договорится с хозяйкой Велламо, не ставил силки и не шел на охоту на медведя, пока все не согласует с лесной силой. Но в доме сыновей не видно уже и следа знахарства и колдовства, он устроен по подобию финских»³⁵. О Марфе Хяннинен из Минозера собиратели писали то же: она «прекрасная исполнительница рун и знахарка-колдунья», но «все же колдовских знаний своих она не показывала, боясь, что они потеряют свою силу»³⁶.

В обыденной жизни фольклорные произведения исполняли вечерами. Вот как вспоминает Виктор Лесонен (1852 г. р.) из Суднозера свое детство и отца Матвея, от которого он и перенял традицию сказывания и рунопения. К ним в дом приходили и дети, и взрослые, и длинными зимними вечерами под свет лучины кто-то чинил сети, другие вязали носки и пряли, а отец и вместе с ним все знатоки загадывали загадки, рассказывали сказки и пели руны³⁷. Присказкой-поговоркой Архипа Филиппова из Ухты были слова: «Иглица требует пения, узелок в сетях – музыки»³⁸.

В книге А. Р. Ниemi описана ситуация, во время которой было сделано известное фото, где два старых рунопевца держатся за руки. Поза считается не только постановочной, но и не соответствующей действительности. На снимке два брата из Ухты, Павел и Трифон. Старшему в 1894 г. было 78 лет, руны он выучил от отца, который пел еще Э. Леннроту, за что и получил от него пять рублей. Как пишет И. К. Инха, «братья были уже старики, придерживались старинных обычаев, но были уважаемы в деревне». Они сначала стеснялись и отказывались петь, но затем «открыли стихотворный ларец *avaisivat virsi-lippaansa* и запели». И. К. Инха попросил их сесть напротив друг друга, взявшись за руки, как описывал Э. Леннрот состязание рунопевцев, но для них эта поза оказалась незнакомой³⁹.

³⁴ Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. S. 1110.

³⁵ Ibid. S. 1091.

³⁶ Ibid. S. 1099.

³⁷ Ibid. S. 1128.

³⁸ Ibid. S. 1085.

³⁹ Ibid. S. 1169–1179.

Любопытно, что уже в то время некоторые исполнители стали известны в округе благодаря не традиционному репертуару, а собственным произведениям. Например, про Филиппа Федорова, родившегося в Шаппаваараке в 1840 г., сообщается, что он «довольно известный в пределах Баб-губы, но не особенно отличающийся знаток рун, известности он добился новыми, самым сочиненными песнями. За эти песни и хороший голос звали его *Laulu-Hilippä* певец Филипп или Филипп-песенник». А. Ниemi и С. Паулахарью отмечали, что он был «веселый и симпатичный старик»⁴⁰, но финские собиратели в XX в. так же невысоко оценили эти произведения, как и российские фольклористы оценивают новины. О Сафьяне Семенове из Коллелы сказано: «Он исполнил для Инха какие-то неважные, самым составленные песни, которые Инха записал за отсутствием лучшего. Эти записи, безусловно, не имеют другой ценности, как только показывают, к чему может привести отхождение от традиции, которым управляет живое воображение»⁴¹.

Как ни странно, собиратели ничего не пишут о наличии кантеле в избач у рунопевцев. Едва ли не единственный раз говорится, что пятиструнный инструмент был у Андрея Маликина из Войницы. Он изготовил его в 1833 г., а в 1877 г. на нем мастерски играли для А. Борениуса и он сам, и его сыновья⁴².

Постепенно традиции забывались, и старики очень сожалели о том, что древнее мастерство утрачивается. В Аконлахти жена Рийё говорила, что все меньше верят в колдовство⁴³. Еще в апреле 1834 г., за семь лет до смерти, знаменитый Архиппа Пертунен (1769 г. р.) жаловался на молодежь и говорил Э. Леннроту: «Когда я умру, ни из одного из моих сыновей не будет певца, ни один не унаследует песни, как я унаследовал после смерти моего отца. Теперь не любят старые песни, как бывало раньше. Песни тогда занимали первое место и в труде, и во время досуга». К счастью, он ошибся, и мы знаем его сына Мийхкали Перттунена, который в конце своей жизни за мастерство и заслуги в рунопении даже получал от Финского литературного общества пенсию в сто марок. Хотя А. Борениус считал, что Мийхкали помнит только основной сюжет отцовских рун и не так тонко и красочно изображает отдельные эпизоды⁴⁴. Анна Лехтонен (1868 г. р.), одна из лучших сказительниц из Войницы, многое перенявшая от своих родственников и по отцовской, и по материнской линии, вспоминала детство: «Дед лежал на печке и рассказывал сказки, руны...

⁴⁰ Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat jä tietäjät. S. 1189.

⁴¹ Ibid. S. 1169.

⁴² Ibid. S. 1131.

⁴³ Ibid. S. 1144.

⁴⁴ Ibid. S. 1077.

Он научил бы рунам, но мы не слушали, все время смеялись»⁴⁵. Про Татьяну Ахъёнен сообщается, что «она как будто считалась колдуньей, но и сама вряд ли верит в свое колдовство. Ее колдовство почти не распространялось дальше домашнего круга... А девкой она была хорошая певица и занимала первое место на игрищах»⁴⁶. Об этом же писали собиратели, например, А. Борениус в 1872 г.: «рунопение и старинные обычаи предков среди ухтинских мужиков, уже побывавших кое-где, не представляют для них такой ценности, как в деревнях рядом с финской границей, но все-таки и здесь их знают еще достаточно хорошо»⁴⁷.

В биографиях 30–40 гг. XX в. фиксируется возрастание интереса к рунопению со стороны русских и карельских собирателей, что резко повысило самооценку и самосознание карельских сказителей. Особое впечатление на сказителей произвело то, что на их репертуар не просто обратили внимание, но и высоко оценили его. Оказалось, что их знания и мастерство – великая ценность в глазах ученых; их приглашали на съезды сказителей в Петрозаводск и даже в Москву. О том, что самооценка сказителей неожиданно поднялась на небывалую высоту, свидетельствуют многие биографические рассказы. П. Т. Прокопьев говорил: «Теперь нам показывают много хорошего, в каждом месте встречают как гостей. Лучше всего нас встретили в городе в этот раз. Теперь мы не будем с насмешкой смотреть на это дело, как мы раньше смотрели!»⁴⁸.

Таким образом, в коллективном портрете севернокарельского сказителя XIX в. можно отметить следующие черты. Все они, как мужчины, так и женщины, были мастерами слова, уважаемыми людьми, прекрасными рунопевцами и носителями магических знаний и практически все, за исключением некоторых старообрядцев, были неграмотными. Жили в севернокарельской деревне очень бедно, но при этом собиратели отмечают веселый нрав, трудолюбие и доброту исполнителей. Вера в многочисленных божеств и духов-хозяев, поклонение им, различные чудодейственные ритуалы пронизывали всю жизнь карелов в XIX столетии, но старики уже в это время сожалели об угасании интереса к старым традициям со стороны молодого поколения. Это происходило в силу разных причин, в том числе под воздействием христианских проповедников, воспринимавших старинные руны, тексты которых нередко сопровождали разные магические и обрядовые действия, в первую очередь как воплощение древних верований карелов, а персонажей эпических песен – как субъектов для почитания.

⁴⁵ Ibid. S. 1118.

⁴⁶ Ibid. S. 1081.

⁴⁷ Ibid. S. 1085.

⁴⁸ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп.2. Кол.155. Ед. хр. 1. Л.163.

А. П. Родионова

О МЕТОДАХ ПОЛЕВОГО СБОРА ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА КАРЕЛЬСКО- ЛЮДИКОВСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ*

Карелы-людики проживают в ряде деревень и поселков юго-восточной части Республики Карелия – в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах. По территориальному принципу традиционно принято выделять севернлюдиковский (кондопожский), среднелюдиковский (мунозерский), южнлюдиковский (святозерский) и михайловский диалекты людиковского наречия.

Науке известны исследования в области фонологии (А. П. Баранцев¹, А. Турунен²) и словарного состава (Ю. Куёла³) людиковской речи, были также опубликованы ее образцы (П. Виртаранта⁴, А. П. Баранцев⁵, Н. Н. Пахомов⁶). В Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН имеется аудио- и видеоматериал: собранные В. Я. Евсеевым у северных людиков в Спасской Губе Кондопожского района (1948–1960 гг.)⁷ и М. Ф. Пахомовой, У. С. Конкка, А. С. Степановой у северных люди-

* Статья подготовлена в рамках плановой темы «Прибалтийско-финские языки Северо-Западного региона России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства (карельский и вепсский языки)», № 0225-2014-0017.

¹ Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Л., 1975. 280 с.

² Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. N 89. 338 s.; Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II. Vokaalit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1950. N 99. 266 s.

³ Kujala J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.

⁴ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki: SUS 129, 1963. 453 s.; Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki: SUS 130, 1963. 419 s.; Lyydiläisiä tekstejä, III = LT III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 s.

⁵ Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1978. 287 с.

⁶ Рагонов М. Куужярвен лyydiläistekstejä. Helsinki: SUST 263. 2011. 233 s.

⁷ ФА ИЯЛИ 4/7, 5/1–17.

ков в селах Тивдия и Михайловское (1960-е гг.) фольклорные материалы⁸. Значимое место занимают зафиксированные А. П. Баранцевым в период с 1963 по 1973 г. образцы речи⁹, полученные от одного информанта – А. И. Баранцевой, уроженки д. Пелдожа Святозерского сельсовета Пряжинского района Карельской АССР. Именно А. П. Баранцев первым из отечественных лингвистов опубликовал образцы людиковской речи (святозерский говор); в его сборнике изданы воспоминания информантки о годах Гражданской и Великой Отечественной войн, о «деревенском периоде» ее жизни, о крестьянских занятиях, промыслах и др.¹⁰ По мнению А. П. Баранцева, данный сборник образцов представлял исключительную ценность, так как в 1970-е гг., несмотря на имеющиеся в ФА ИЯЛИ записи, ощущался недостаток фактического людиковского материала, поскольку языковые и фольклорно-этнографические материалы на людиковском наречии в Карелии практически не публиковались¹¹.

В 2014–2015 гг. автор настоящей статьи принимал участие в разных научных проектах в качестве как исполнителя, так и руководителя (проект ФФЛИ А-29 «Полевое исследование людиковского наречия карельского языка», проекты РГНФ № 14-31-01212a2 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии», № 14-34-01204a2 «Фонетические и грамматические маркеры карельской диалектной речи», № 14-04-00034a «Людики: проблемы сохранения языка и культуры»). Во время полевых выездов осуществлялся сбор как лингвистического, так и социолингвистического материала. Для сбора социолингвистического материала исследователями, как правило, составляется анкета, включающая демографические вопросы, а именно вопросы о языковой биографии, настоящей языковой деятельности, языковом окружении. Сбор лингвистического материала осуществлялся чаще всего при помощи вопросника, предназначенного для подробного интервью носителей языка и включающего разносторонние вопросы на тему быта.

Главной целью диалога с информантом является получение новых лексем, выявление грамматических форм в речи носителя языка. Это достигается при помощи вопросов, связанных с бытовой жизнью информанта: о том, как жили раньше, какую одежду носили, что из каких материалов изготавливали, что ели, как готовили разные блюда национальной кухни. Записи, собранные во время экспедиции, позволяют решать разные задачи: это выявление не только определенных морфологических

⁸ См., например: ФА ИЯЛИ, 386/4–7, 428/1–8, 429/1–9.

⁹ ФА ИЯЛИ, 585/1–13, 586/1–7, 587/1–11, 588/1–3, 589/1–5.

¹⁰ См.: Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи...

¹¹ Там же. С. 3.

маркеров, но и, например, этнографических данных, описание различных обрядов и прочее¹². При помощи дальнейшей расшифровки и анализа собранных образцов речи можно почерпнуть сведения о языке.

Объектом моего исследования на протяжении последних лет является людиковское наречие карельского языка. При анализе собранного в полевых условиях материала особый интерес представляет употребление информантами в речи именных падежных форм:

Mužikke (nom.) minut (akk.), kui sanotah... kaks ned'alii (part.) elimme, da sid i järilleh lähti i sid minä (nom.) elin vdovuškannu (ess.) lidnas (iness.)... 'Муж у меня, как говорится, две недели жили, а потом обратно уехал, и потом я «вдовушкой» жила в городе'... Gospitalis (iness.) ruadoin, sid po komsomolskim put'ovkam työttih mied' (part.) ruadoh (ill.) op'at'... 'В госпитале работала, потом по комсомольским путевкам опять отправили нас на работу'... poige (nom.) on ženatoi Petrovskoil (adess.), a vahnin kaikil vot täs eläy, Sv'atozeraz (iness.). Vot minun i elaige (nom.)... 'сын женат, в Петрозаводске (живет). А самый старший здесь живет, в Святозере. Вот и моя жизнь'... Vot a seičas vahnimmal poigal (adess.) on kaks poigad (part.), kaks bunukad (part.), side tyttärel (adess.) on yks, tyttärel (adess.) on tože yks, vot i poige (nom.), no brihačud on kolme bunukad (part.), i kaksi neičykäd (part.)...' Вот, а сейчас у старшего сына два сына, два внука, затем у дочери один, у дочери (другой) тоже один, вот и сын, мальчиков – три внука и две внучки'¹³.

Из этой записи видно, что информантка рассказывает о своей прошлой жизни. Для исследователя в этом случае главная цель – изучить использование падежных формантов в живой речи.

Следует отметить, что данный метод наблюдения широко используется лингвистами, например, при сборе фонологического материала¹⁴. В этом случае влияние исследователя минимально или отсутствует полностью; тем не менее он позволяет проследить реальное состояние языка.

Для выявления падежных форм можно использовать также вопросы, где информанту предлагается перевести на карельский язык словосочетания и предложения, необходимые для выявления требуемых морфологических явлений. В данном случае мы прибегаем

¹² Бакланова И. И. Средства выражения диалогичности в речи диалектоносителей (на материале русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа) // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 3 (23). С. 15.

¹³ Частичная расшифровка. Полную версию см.: Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск, 2011. С. 110–117.

¹⁴ Новак И. П. Методы полевого сбора фонологического материала (из опыта исследования альтернатиции согласных карельского языка) // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Материалы VI науч.-практ. семинара. Петрозаводск, 27–28 марта 2013 г. Петрозаводск, 2013. С. 229–233.

к методу языкового эксперимента. При исследовании фонетических и грамматических диалектных особенностей данный метод наиболее продуктивен. Работа с информантами заключается в интервьюировании и анкетировании.

Приведем пример подобного эксперимента:

Переведите на карельский язык:

1. Ты увидел меня. *Sinä dogadiit minun.*
Я увидел тебя. *Minä dogadiin sinun.*
Я увидел его. *Minä dogadiin händy.*
Вы уже увидели нас. *Työ d'õ dogadiitto meidy.*
Мы уже увидели вас. *Muö d'õ dogadiimo teidy.*
Мы уже увидели их. *Muö d'õ dogadiimmo heidy.*

2. Я работал учителем. *Minä ruadoin učitel'annu.*
Оба моих брата были пастухами. *Mollei vel'l'ekset oldih paimonnu.*

3. Ты еще не видел меня. *Sinä et vie minuu nähny.*
Я еще не видел тебя. *Minä en vie sinuu nähny.*
Я еще не видел его. *Minä en vie händy nähny.*
Вы не узнали нас. *Muö teidy emmo tundenu.*
Мы не узнали их. *Muö heidy emmo tundenu.*
Я не заметил высокой горы. *Minä en dogadinnu korgiedu mägedu.*
Я не куплю этого петуха. *Minä en osta tädä kukkuo.*
Он никогда не видел медведя. *Häi nikonzu ei nahny kondiedu.*
Старик не слышал таких слов. *Diedoi ei kuulnu nämii paginoi.*
Я совсем не боюсь медведей. *Minä en varua kondieloi.*
Он не нашёл золотого кольца. *Häi ei löyny kuldastu kol'čua.*

Предложения были продиктованы информанту на русском языке. Информант, в свою очередь, переводил их на карельский, уделяя особое внимание произношению окончаний и в некоторых случаях несколько раз повторяя их. В переведенных на карельский язык (в данном случае это пряжинский говор людиковского наречия карельского языка) предложениях наглядно представлены случаи употребления падежей: аккузатива, партитива и эссива.

Безусловно, качество собранного лингвистического материала определяется степенью владения информантами карельским языком. С сожалением можно сказать, что свободно на карельском языке могут говорить чаще всего представители старшего поколения. Катастрофическая ситуация сложилась с людиковским наречием, которое находится на грани полного исчезновения. По некоторым неофициальным

данным, карелов-людиков, владеющих людиковским наречием, осталось не более 300 человек. Показательны в этом отношении языковые процессы, происходящие в с. Виданы Пряжинского района, которое является местом традиционного проживания карелов-людиков. Во время экспедиции 2001 г. сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН В. П. Мироновой и Л. И. Ивановой здесь удалось зафиксировать и записать двенадцать информантов, хорошо владеющих карельским языком¹⁵. В 2012 г. список информантов включал уже девять человек. В 2014 г. исследователям удалось записать только четырех женщин-карелок достаточно пожилого возраста¹⁶. Угасание языковой традиции делает настоятельно необходимым сбор людиковского лингвистического материала. Эффективное использование перечисленных методов, дальнейшее выявление и анализ особо значимых фонетических и грамматических диалектных маркеров карельского языка позволят исследователям разработать ряд научно обоснованных рекомендаций для нормирования языка, а также выработать ряд орфографических правил при создании учебных пособий для школ и вузов.

¹⁵ ФА ИЯЛИ 3514/1–54, 3515/1–65, 3516/1–49, 3517/1–32, 3518/1–89, 3529/1–90, 3520/1–80, 3521/1–49.

¹⁶ Ковалева С. В. Людиковское наречие карельского языка: проблемы ревитализации // Материалы XLIII Междунар. филол. конф. 11–16 марта 2014 г.. Уралистика / Под ред. доц. Н. Н. Колпаковой. СПб., 2014. С. 29.

Т. П. Бойко

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ В «СЛОВАРЕ СОБСТВЕННО КАРЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ»*

Предметом настоящей статьи является использование языковых материалов, собранных во время экспедиций в северную и среднюю Карелию, при составлении диалектного «Словаря собственно карельских говоров Карелии»¹. Эти материалы были записаны в ходе экспедиций не только нами, авторами словаря, но и другими сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН: фольклористами и этнографами. При составлении словаря использовались также материалы коллективных монографий и других изданий.

Самым полным словарем карельского языка является шеститомный словарь карельского языка (Karjalan kielen sanakirja), который составлялся в Финляндии в течение нескольких десятков лет (последний том вышел из печати в 2005 г.). Этот словарь включает материалы собственно карельского и ливвиковского наречий, собранные и записанные финскими собирателями на территории Карелии еще во второй половине XIX – первой половине XX в.

Работая над составлением этого словаря, финские языковеды убедились, что меньше всего в их огромной картотеке содержится материалов по собственно карельскому наречию, в особенности по севернокарельским говорам. По многим населенным пунктам информация отсутствовала, иные были мало проиллюстрированы. Составителям словаря, в частности Райе Коппанен, Марье Лехтинен и Леене Йоки, было интересно посетить те севернокарельские пункты, по которым,

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Прибалтийско-финские языки Северо-Западного региона России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства (карельский и вепсский языки)», № 0225-2014-0017.

¹ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.

на их взгляд, в их картотеке было недостаточно материала, услышать живую карельскую речь. Сектор языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН тесно сотрудничал с сектором карельского словаря Института родных языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimus keskus). В начале 1990-х гг. сотрудники этого института предложили нам организовать совместные полевые экспедиции, в первую очередь в северную Карелию. Первая совместная экспедиция была организована в 1992 г. в Лоухский, Кемский и Калевальский районы. С нашей стороны в ней приняли участие мы с В. П. Федотовой. Она – как прекрасный знаток севернокарельских говоров, я – как помощник, владеющий ливвиковским наречием. Финских ученых интересовала живая карельская речь, особенно детская. Ими было записано достаточно большое количество языкового материала.

Вторая экспедиция состоялась через два года. Это был выезд в среднюю Карелию: в Медвежьегорский и Суоярвский районы. Затем в 1995 г. мы побывали вместе с финскими учеными в южной Карелии – в Пряжинском районе. Каждая из этих экспедиций была хорошо подготовлена, нас везде радушно встречали, мы много общались с местными жителями, говорящими на карельском языке.

Копии материалов, записанных финскими учеными во время совместных выездов, были переданы в Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Эти копии впоследствии были расшифрованы нами и использованы при составлении «Словаря собственно карельских говоров Карелии», над которым мы с В. П. Федотовой работали в 2001–2006 гг. В словарь вошла исконная лексика ареалов северной и средней Карелии (нынешние Калевальский, Лоухский, Беломорский, Кемский, Медвежьегорский, Муезерский, Сегежский и Суоярвский муниципальные районы). Всего были охвачены 33 ареала северной и средней Карелии. Основная цель, которая ставилась при составлении словаря, – максимально полный охват лексики собственно карельских говоров Карелии в современном звучании с толкованием на русском языке. Лексика, зафиксированная в словаре, показывает состояние языка с 1950-х гг. до наших дней.

В последние десятилетия изменилась демографическая ситуация в Карелии, исчезли многие мелкие деревни или они слились в поселения, в которых в настоящее время живут носители различных говоров. По этим причинам звучание карельской речи унифицировалось, и наши материалы в словаре по некоторым параметрам отличаются от тех, которые были зафиксированы финскими собирателями в XIX–XX вв.

Начав работу над составлением словаря, в первую очередь мы обратились к материалам Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, которые в течение многих лет собирались сотрудниками нашего института. «Словарь

собственно карельских говоров Карелии» составлен на основе расшифровок магнитофонных записей, сделанных сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН во второй половине XX в. в полевых условиях во время ежегодных лингвистических и фольклорных экспедиций.

Рукописные образцы лексики записаны носителями конкретных говоров, поэтому мы постарались в иллюстрациях к статьям дать максимально точное звучание карельской речи. Это касалось и опубликованных источников, использованных в нашей работе. Коллективные монографии по материальной и духовной культуре сегозерских карел, сборник образцов карельской речи «Näyteitä karjalan kielestä» полностью построены на материалах магнитофонных записей². Среди других источников мы использовали прежде всего сведения, зафиксированные на пленке, имея возможность проверить точность звучания там, где у нас появлялись сомнения.

Также неоценимую помощь при составлении словаря нам оказали наши консультанты, представители конкретных говоров: А. С. Степанова – по Хайколя, П. И. Лукина – по Юшкозеру, Е. И. Клементьев – по Ондозеру. Они подтверждали и дополняли наши сведения по севернокарельским ареалам. Д. В. Кузьмин предоставил нам лексические материалы, собранные им в полевых экспедициях. По тунгудским говорам в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН имелась и сейчас имеется огромная картотека, составленная Ф. Ф. Федоровым. Кроме того, неоценимую помощь в работе над словарем оказала книга А. С. Степановой о фольклоре тунгудских карел³, откуда в качестве иллюстраций взяты примеры из народных песен, причитаний, рун, сказок, заклинаний. Также в словаре много метафорической фразеологии, пословиц и поговорок.

Таким образом, в нашем распоряжении имелись достоверные сведения по основным ареалам собственно карельской речи, проверенные путем неоднократного прослушивания магнитофонных записей, а также посредством уточнений во время экспедиций в конкретные районы. Больше всего нас интересовали районы контактирования собственно карельских говоров с ливвиковским и людиковским наречиями, поэтому для уточнения некоторых неясностей и для сбора дополнительного иллюстративного материала мы с В. П. Федотовой выезжали в Суоярвский район. Мы побывали в Поросозере, где записали достаточно большое количество не-

² Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Отв. ред. Е. И. Клементьев. Л., 1980; Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Отв. ред. Е. И. Клементьев. Л., 1981; Näyteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994.

³ Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000.

достающего иллюстративного языкового материала. Затем состоялся выезд в населенные пункты Муезерского района, мы посетили Муезерку, Тикшу, Ругозеро, где также пополнили наши материалы новыми сведениями. Все материалы, собранные во время совместных экспедиций с финскими языковедами в северную и среднюю Карелию, также были в полном объеме использованы при составлении словаря. Словарь карельского языка (Karjalan kielen sanakirja) послужил нам источником, который помог не упустить лексику, отражающую материальную и духовную культуру карел того времени, когда в основном все они говорили на карельском языке. Словарь собственно карельских говоров завершил серию диалектных словарей, имевшихся по другим диалектам⁴.

Представленный в словаре материал позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся не только собственно карельских говоров, но и в целом карельского языка:

1. Лексические различия в собственно карельских говорах сводятся к минимуму:

- в калевальских и кестеньгских говорах относительно мало русских заимствований, тогда как в паданских и тунгудских говорах они встречаются гораздо чаще;
- в вокнаволоцком говоре заметно влияние финского языка;
- в целом же говоры данной территории мало отличаются по базовой лексике от ливвиковских и тверских говоров.

2. Влияние ливвиковского и людиковского наречий на собственно карельскую лексику наблюдается там, где они непосредственно соприкасаются. Ливвиковское *päčči* ‘печка’ в паданских говорах используется вместо собственно карельского *kiugua*, или там же ливвиковское *počči* ‘свинья’ встречается гораздо чаще, чем собственно карельское *šika*. Одновременно с собственно карельским *värčči* ‘мешок’ употребляется ливвиковское *huavo*. Русское ‘шаньга’ передается в некоторых сегозерских говорах общим с ливвиковским словом *šipainiekka*, хотя гораздо чаще употребляется собственно карельское *šanki* (*šangi*). В то же время почти во всех собственно карельских говорах в данном случае известно слово *kalitta*.

Очень интересным представляется тунгудский говор. Он одновременно близок как с ливвиковскими, так и с тверскими говорами. Для тунгудского говора характерно употребление мягкого *d'* вместо *j* в таких словах, как *d'ärvi* ‘озеро’, *d'ogi* ‘река’, *d'auho* ‘мука’, *d'algu* ‘нога’ и т. д., что сближает его с севернокарельским Ондозером, некоторыми паданскими говорами и с видлицким говором ливвиковского наречия.

⁴ См.: Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990; Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

3. Говоры собственно карельского наречия имеют некоторые фонетические различия, что также сближает их с ливвиковскими говорами. Сильнее других говоров выделяются северные: калевальский, вокнаволоцкий и кестеньгский ареалы, для которых характерно отсутствие звонких согласных **b, d, g, z, ž**. Во всех остальных ареалах эти звонкие согласные встречаются и в начале, и в середине слова, как в ливвиковском наречии: например: **priha** клв-кст, **briha** онд, пдн, рбл, руг, слг, тнг, юшк ‘парень’; **širkalo** клв-кст, **žirkalo** онд, пдн, рбл, руг, тнг, **zirkalo** прз, рбл ‘зеркало’; **kulkie** клв-кст, юшк, **kulgie** онд, пдн, прз, рбл, руг, слг, тнг ‘двигаться; ходить’; **lauža** клв-кст, **lauða** онд, пдн, рбл, руг, слг, тнг ‘доска’.

4. Словообразовательная система характеризуется общими чертами: это однородные по построению сложные слова, образованные путем словосложения, например: **piä|paikka** ‘головной платок’; **kuiva|kala** ‘сушеная, вяленая рыба’; **kulo|nurmi** ‘не скошенный в прошлом году покос’.

Моментативные, фреквентативные и каузативные глаголы образуются с помощью одинаковых суффиксов. Моментативными и фреквентативными глаголами особенно изобилует тунгудский говор. Имеются говорные различия в образовании диминутивных отыменных прилагательных, а также отыменных и притяжательных существительных на **ne, -n’e, -ni**:

- **pikkarane** в паданском, **pikkaran’e** в тунгудском, **pikkarani** в калевальско-кестеньгском;
- **šanane ~ sanane** в паданском, **šanan’e** в тунгудском, **šanani** в калевальско-кестеньгском;
- **poigane** в паданском, **poigan’e** в тунгудском, **poigani** в калевальско-кестеньгском. Здесь тунгудский говор схож с тверским, а паданский с ливвиковским.

5. Особенностью собственно карельских говоров является гораздо более частое использование шипящих согласных наряду со свистящими. В ливвиковских говорах – обратная картина: здесь более частотны свистящие согласные. В этом отношении интересны говоры паданского ареала и Поросозера. Здесь чаще, чем в других говорах, встречаются свистящие согласные. Один и тот же информант в одних и тех же словах может использовать и свистящие, и шипящие согласные. Это позволяет говорить о явном переходе к соседним ливвиковским и людиковским говорам: **šil’mä ~ sil’mä, šil’it’t’yä ~ sil’it’t’yä**.

Для большинства собственно карельских говоров в начале и конце слова характерен дифтонг **-ua~yä: seisattua, sellittyä**. В некоторых паданских и поросозерских говорах на месте указанного дифтонга встречаются дифтонги **-oa, -eä, -iä: kandoa, koadoa, šeämi ~ šiämi**. Ондозерский говор очень схож с ливвиковским видлицким говором, где вместо дифтонгов употребляются долгие гласные: **andaa, saaha, ottaa**.

6. Из иллюстраций к словарным статьям следует, что грамматическая структура говоров обладает общими характеристиками.

В целом падежные формы совпадают во всех ареалах, но встречаются исключения: так, в Чёбино паданского ареала встречаются как полные (собственно карельские), так и сокращенные (ливвиковско-лидиковские) формы местных падежей в одних и тех же текстах, например:

– *kuivua kalua pertis piimä, pāčil*

– *illalla maiduo ei annettu*

Во всех собственно карельских говорах отсутствует форма аллатива на **-lle**, его значения передаются формой адессива на **-lla**.

Итак, можно сказать, что все говоры карельского языка очень близки друг к другу, и создание общекарельского литературного языка не является делом безнадежным.

Составление любого словаря – работа одновременно очень интересная и трудная. Особенно это касается составления диалектных словарей. Диалектный материал показывает, насколько красив и богат карельский язык. Я надеюсь, что материалы нашего словаря сослужат добрую службу и следующим поколениям исследователей.

М. Н. Ермолина

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЛИЧНЫХ ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

В настоящее время в Архивном фонде Российской Федерации личные фонды и коллекции составляют менее одного процента¹, но, несмотря на такое небольшое количество, значение документов личного происхождения трудно переоценить. Личные фонды уникальны как по разнообразию материалов, так и по содержанию имеющихся в них сведений.

Национальный архив Республики Карелия с 1960-х гг. постоянно ведет работу по сбору документов личного происхождения. В настоящее время в архивохранилищах НА РК находится более ста личных фондов и коллекций, представляющих значительную общественно-политическую, научно-историческую, а иногда и художественную ценность. Личные фонды различны как по объему (от нескольких десятков единиц хранения до нескольких сотен), так и по содержанию. В них включены не только документы научной, творческой или служебной деятельности, но и личные документы, переписка, материалы, собранные владельцами архивов для своей работы и по интересующим их темам, фотодокументы, материалы и документы членов семей.

В НА РК большую часть личных фондов составляют архивы людей творческих профессий: писателей, поэтов, композиторов, музыкантов, художников, артистов, несколько меньшую – личные фонды государственных и партийных деятелей, врачей, руководителей крупных промышленных предприятий Карелии, учителей и преподавателей вузов, научных работников, в основном филологов и историков. Это личные фонды таких известных ученых, как финно-угровед Д. В. Бубрих, фольклорист

¹ Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения. Государственный архив Курской области. Курск, 2005.

В. Я. Евсеев, литературоведы Ю. И. Дюжев и А. Г. Хурмеваара, историки Я. А. Балагуров, И. И. Сюкияйнен, Ю. А. Савватеев, Е. С. Гардин, ученый и писатель А. М. Линеvский и многих других.

В небольшом обзоре нет возможности подробно рассказать обо всех личных фондах, в которых так или иначе отложились документы по фольклору и этнографии. Устное или музыкальное народное творчество нашло отражение в документах очень многих наших фондодержателей: поэтов, писателей, музыкантов, композиторов.

Среди личных фондов, в которые включены документы и материалы по устному народному творчеству, самым интересным и богатым, несомненно, является фонд известного карельского ученого-фольклориста, доктора филологических наук, профессора Виктора Яковлевича Евсеева. С 1931 г. до конца жизни В. Я. Евсеев работал в отделе этнографии и языкознания Карельского комплексного научно-исследовательского института (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН), вел научно-исследовательскую работу по изучению карельской и финской народной поэзии, опубликовал более 100 научных работ. Как ученый-фольклорист В. Я. Евсеев всю жизнь занимался также собирательской работой. Благодаря его усилиям стали известны имена многих замечательных рунопевцев и сказителей. Являясь с 1946 г. членом Союза писателей СССР, В. Я. Евсеев провел обширную работу по переводу на русский язык многих произведений устного народного творчества Карелии.

Документы личного архива В. Я. Евсеева были переданы в НА РК в 2001 г. в объеме 1000 условных единиц, как говорят в архивах – «в россыпи», то есть в неупорядоченном состоянии. В 2005 г. был произведен первичный разбор документов. Из-за большого объема материалов, собранных В. Я. Евсеевым по финно-угорскому народному творчеству на карельском и финском языках, возникла необходимость в консультации квалифицированных специалистов. В связи с этим в 2006 г. в НА РК был приглашен специалист ИЯЛИ КарНЦ РАН В. П. Миронова, которая отобрала на государственное хранение большое количество документов по карело-финскому фольклору: карельские народные эпические песни, руны, свадебные, лирические, колыбельные песни, причитания, плачи, заговоры, загадки и т. д.

Первый и самый большой раздел описи фонда (более 200 единиц хранения) называется «Материалы научной и творческой деятельности В. Я. Евсеева». В данный раздел вошли рукописи научных трудов об устном народном творчестве финно-угорских народов, об эпосе «Калевала», советских сказах и плачах, происхождении новин, о революционных финских песнях 1905–1907 гг., советских песнях первых десятилетий после революции 1917 г. и их переводах на русский язык и многое другое. Раздел включает и сами фольклорные материалы, собранные В. Я. Евсеев

вым для своих научных работ, на карельском, финском языках и их переводы на русский язык: карельские народные эпические песни и руны, свадебные, лирические, колыбельные, детские песни, причитания, плачи, заговоры, сказки, предания, были, легенды, народные загадки, пословицы, поговорки, частушки, новины, записанные и частью переведенные самим В. Я. Евсеевым на русский язык. Как уже отмечалось выше, данные материалы (как копии, так и подлинники) поступили в НА РК в «россыпи», в большинстве случаев не были датированы. В процессе их обработки фольклорные тексты были разбиты по жанрам и включены в опись по соответствующим подразделам, например: эпические песни и руны, лирические песни, заговоры и т. д. Некоторые фольклорные материалы относятся к конкретным сказительницам: например, записи карельских народных эпических песен, рун, колыбельных песен, плачей, сказок и других жанров были сделаны от карельских сказительниц А. Ф. Никифоровой и Е. Гавриловой. Часть фольклорных текстов представляет собой тематические подборки материалов (песни калевальской метрики и др.). Имеются в фонде В. Я. Евсеева и нотные записи карельских народных эпических, свадебных, лирических и других песен.

Большой комплекс документов представлен в разделе «Материалы, собранные В. Я. Евсеевым по интересующим его темам». В него вошли научные статьи, исследования по фольклору советских и зарубежных ученых, подборки газетных материалов со статьями по фольклористике, истории, этнографии на русском, финском и других языках. Большой блок документов данного раздела составляют материалы и исследования советских и зарубежных ученых по вопросам славянского, финно-угорского фольклора, литературы, этнографии и языкознания.

Определение фольклористики как науки, изучающей народное творчество и находящейся на стыке этнографии, литературоведения и музыкознания, ярко отражено в документах личного фонда известного карельского этнохореографа, балетмейстера, кандидата искусствоведения, режиссера-постановщика народных праздников, заслуженного работника культуры РСФСР и КАССР Виолы Генриховны Мальми.

Собиратель танцевального и обрядового фольклора В. Г. Мальми была неутомимым пропагандистом устного и музыкального народного творчества. Собирательскую и исследовательскую работу этнохореографа она начала еще в 1967 г. В центре ее внимания была традиционная культура народов Карелии и Ленинградской области (русских, ингерманландцев, вепсов, карелов). Полевой экспедиционный материал по музыкальному фольклору был обобщен ею в многочисленных публикациях, книгах: «Народные танцы Карелии», «Народные игры Карелии», «Истоки карельской хореографии», «Праздник и танец», «Костюм и танец», «Слово и праздник».

В состав ее личного фонда включены хореографические обработки народных танцев, сценарии фольклорных праздников, сценарные планы и тексты телепередач о фольклорном искусстве Карелии (в том числе цикл «Карельские игрища»), рабочие материалы к диссертации, опубликованные работы, программы, афиши, плакаты сценических постановок, фестивалей с участием В. Г. Мальми, альбом с марками «Национальный костюм, танец, художественные промыслы», коллекция открыток «Национальные костюмы, народные танцы. Финляндия», фотографии национального костюма, газетные и журнальные публикации на русском и финском языках, посвященные В. Г. Мальми и ее ансамблю «Карьяла», документы к биографии, фотографии В. Г. Мальми и групповые, деятелей культуры, собирательниц и исполнительниц старинных песен и танцев, репетиционных занятий и экспедиционных поездок, праздников народной музыки. К сожалению, авторские хореографические разработки на основе фольклора (которых было немало) представлены в фонде не полностью. Некоторые документы, в том числе фольклорные записи, книги и документы, были переданы В. Г. Мальми в архив г. Виррат (Финляндия).

Еще один интересный личный фонд принадлежит поэту, народному писателю Республики Карелия, видному общественному деятелю Якову Васильевичу Ругоеву (Яакко Ругоеву). Этот фонд был передан на государственное хранение в Центральный государственный архив Республики Карелия (ныне НА РК) на основании постановления Председателя Правительства Республики Карелия в 1997 г. В ходе научно-технической обработки фонда была составлена опись на 1843 единицы хранения (24 014 док., в том числе 525 фотографий) за 1918–1994 гг.

Большую часть фонда занимают рукописи литературных произведений разных жанров: стихотворений, поэм, рассказов, романов и повестей, документальной прозы, пьес, очерков и статей, многочисленные переводы поэтических и прозаических произведений разных авторов. Далее следует не менее большой раздел «Материалы, собранные Я. Ругоевым для работы над литературными произведениями по интересующим его темам». Поэт, родившийся в рунопевческом Калевальском районе, не мог не интересоваться поэтическим и музыкальным творчеством своего народа. Я. Ругоев вспоминал: «Моя молодость прошла среди удивительных людей, где каждый человек мог оказаться песенником или сказочником. Звучные величавые руны “Калевалы” вошли в мою жизнь с детства...»². В этом разделе материалы об устном народном творчестве и карельских

² Яакко Ругоев: указатель литературы / Сост. Н. И. Горячева, А. М. Липкина. Петрозаводск: Карелия, 1978. С. 40.

народных сказителей и рунопевцах: о жизни и творчестве карельских сказительниц из Калевальского района, материалы о собирательнице устного народного творчества из Калевальского района Л. Люттинен и ее семье, о деятельности собирателей фольклора Р. Богданове, И. Мартинене, П. Лесоеве, руны, записанные Р. Богдановым в 1927–1928 гг., материалы по истории и культуре финно-угорских народов.

Мы представили документы на бумажной основе, но НА РК комплектуется также фото-, фоно- и видеодокументами, в том числе из личных архивов. Коллекция фономатериалов архивохранилища аудиовизуальной и машиночитаемой (электронной) документации НА РК насчитывает более 300 единиц учета (магнитофонных записей и грампластинок). В описи фономатериалов, принятых на государственное хранение в НА РК, имеются магнитофонные записи из личных архивов вышеназванных фондодержателей В. Г. Мальми и Я. В. Ругоева.

Фонозаписи, использованные В. Г. Мальми в своей работе, были сделаны ею на бытовой магнитофон в разные годы и перезаписаны позднее на аудиокассеты. Это записи бесед В. Г. Мальми со старожилками, сказителями из Калевальского, Олонецкого, Беломорского, Пряжинского, Муезерского районов, села Шелтозеро, ингерманландцами – жителями Ленинградской области (деревни Токсово, Парголово, Рапполово). Темы фонозаписей: народные танцы, их особенности для данной местности, проведение календарных праздников, народные костюмы, головные уборы; фонозаписи песен, обрядов, гаданий, заговоров, плачей, частушек на карельском, финском, русском языках в исполнении А. И. Логачевой, Т. Д. Пряксовой, А. А. Ремшуевой, К. И. Лыжиной, А. В. Агафоновой, Н. И. Мининой, Л. Ф. Халонен, У. И. Маликиной и других исполнительниц, записи выступлений ансамблей «Карельская горница», «Рёнтюшки» из Ленинградской области и других фольклорных коллективов.

В коллекцию фономатериалов НА РК из личного архива Я. В. Ругоева включены магнитофонные записи бесед писателя с жителями Калевальского района Сандрой Галактионовой, Сандрой Ремшуевой (Кирилловой), Катериной Антипиной, Ириной Пекшуевой, Домной Хуовинен, Ристо Руханеном и другими, в основном на финском языке. В своих беседах писатель затрагивал темы сохранения карельских народных традиций и уклада жизни, проведения народных праздников.

В фонотеке имеется также запись беседы Я. В. Ругоева с четой скульпторов из Финляндии Ниной и Алпо Сайло, известными своими скульптурными портретами рунопевцев и сказителей, в том числе из Карелии. Собеседники Яакко Ругоева рассказывали о своих творческих планах, поездках по рунопевческим районам Карелии, о встречах с карельскими сказительницами и плакальщицами.

К части фонодокументов фонда Я. В. Ругоева имеются текстовые сопроводительные документы (расшифровки фонозаписей). Работа по приему фото- и фонодокументов из личного архива Я. В. Ругоева продолжается, так как часть фонодокументов находится пока на первичном учете.

Документы из фондов личного происхождения – это живой рассказ о людях и событиях, о путях творческих поисков, сомнениях, неудачах и победах. Они являются ценными источниками для фольклористов, литературоведов, историков и краеведов.

М. Е. Неёлова

КОЛЛЕКЦИЯ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

В Национальном архиве Республики Карелия хранится коллекция рукописных и старопечатных книг в количестве 84 единиц хранения (80 инвентарных номеров: 64 рукописи и 16 печатных изданий, XV–XX вв.). Кроме того, библиотека архива содержит в своем фонде книжные памятники гражданского шрифта до 1830 г. (269 инвентарных номеров).

Рукописные и старопечатные книги стали передаваться в архив с момента его образования, после подписания декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела». А. Ф. Кириков, первый архивист советской Карелии, возглавив подотдел архивов Наркомпроса Олонецкой губернии, разобрал «набросанный кучами в подвальном помещении нового собора огромный консисторский архив»¹. Возможно, в этом архиве были рукописные и старопечатные книги. Работу по собиранию рукописных и старопечатных памятников продолжили и его последователи, сотрудники Карельского областного архивного бюро Центрархива РСФСР, Центрального архивного бюро при ЦИК КАССР, Центрального архива Карельской АССР, Центрального государственного архива КФССР. Их трудами к 1940 г. в архиве были собраны книги гражданского шрифта до 1830 г., заинвентаризированные в научно-справочной библиотеке, а также не взятые на учет рукописные и старопечатные книги.

В 1940 г. научный сотрудник отдела рукописей БАН В. И. Малышев составил краткую опись рукописей и старопечатных книг архива. Опись

¹ НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 28/343. Л. 80.

включала 48 единиц хранения, из них 45 рукописей, два печатных издания и одно гектографированное. В. И. Малышевым был опубликован также краткий обзор рукописей, хранящихся в Петрозаводске².

В июле 1941 г. Центральный государственный архив, как и многие учреждения и организации, был эвакуирован; в Петрозаводск он возвратился в 1945 г. 27 августа 1947 г. и. о. начальника Центрального государственного архива Министерства внутренних дел КФССР М. М. Хохлина и заведующая библиотекой архива А. Ф. Багге направили В. И. Малышеву письмо в ИРЛИ (Пушкинский Дом) Академии наук СССР с просьбой выслать дубликатный список, «составленный Вами, на имеющиеся у нас рукописные книги, согласно Вашей договоренности с начальником Центрального государственного архива тов. Коробицыным»; список был получен в тот же год³.

Процесс учета возвратившихся фондов архива был продолжительным и сложным. Карельские архивисты вели большую работу по упорядочению возвращенных в ходе реэвакуации документов, восстановлению архивохранилищ, поскольку стеллажное оборудование во время войны было уничтожено. Эта работа потребовала колоссального труда архивистов. Многие документы, из-за сложных условий хранения в эвакуации, оказались в плохом состоянии, пострадала и научно-справочная библиотека архива, архивисты недосчитались почти половины ее фонда. Кроме того, в архиве оказались рукописные и старопечатные издания, не значащиеся в описи В. И. Малышева и не взятые на учет. Одной из причин появления их в архиве было то, что в процессе реэвакуации карельских архивных фондов, а также фондов библиотек и музеев часть книг, ранее принадлежавших современной Национальной библиотеке Республики Карелия и Национальному музею Республики Карелия, оказалась в архиве Центрального государственного архива КАССР.

В 1960-е гг. описанием неучтенных рукописных и старопечатных книг занимались специалисты археографы. В 1965 г. ленинградский музыковед А. М. Ратькова, тогда преподаватель детской музыкальной школы Невского района г. Ленинграда, составила описание 5 нотированных рукописей, а также исследовала нотированные рукописи из списка В. И. Малышева. В газете «Ленинская правда» 16 ноября 1966 г. вышла статья, где было указано, что А. М. Ратькова работала в архиве и описала нотную рукопись первой половины XVII в., содержащую ипакои воскресные на 8 гласов Ивана (Исайи) Лукошки; рукопись была отправлена в г. Ленинград, где бы-

² *Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 149–155. О коллекции архива см. на с. 149.

³ НА РК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 2/25. Л. 3, 6.

ли сделаны фотокопии⁴. К книгам из списка В. И. Малышева обращались и другие исследователи. 13 марта 1967 г. преподаватель историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета Т. В. Старостина написала аннотацию на «Поморские ответы», рукопись первой половины XVIII в., принадлежавшую Палладию, епископу Петрозаводскому и Олонецкому. 31 июля 1969 г. В. Г. Брюсова, исследователь древнерусского искусства, реставратор, кратко описала рукопись конца XV–начала XVI в., значащуюся в списке В. И. Малышева как Златоуст (в действительности – Торжественник)⁵.

В 1969 г. доктором исторических наук, профессором Е. Л. Немировским была составлена опись еще на 39 неучтенных рукописей и старопечатных книг, находившихся на тот момент в архиве. В описи под № 7 была повторно указана печатная книга «Добротолубие» 1822 г., ранее вошедшая в опись В. И. Малышева под № 47. Таким образом, Е. Л. Немировский сделал опись на 38 единиц хранения.

В 1971 г. был составлен акт об отсутствии 11 рукописей, не поступивших в архив после реэвакуации в 1945 г. В 1975 г. архивистами впервые была подготовлена опись, объединившая все ранее описанные рукописи и старопечатные книги: «Список славяно-русских рукописей и старопечатных книг Центрального государственного архива Карельской АССР». Здесь учтено 80 единиц хранения: рукописи и старопечатные книги, указанные в описях В. И. Малышева, Е. Л. Немировского, а также 5 нотированных рукописей, описанных А. М. Ратьковой.

В 1990-е гг. описание некоторых рукописей архива было выполнено сотрудницей отдела рукописей БАН Ф. В. Панченко и сотрудником Древлехранилища ИРЛИ Г. В. Маркеловым. Сотрудниками отдела редкой книги Национальной библиотеки Республики Карелия было произведено описание старопечатных книг коллекции и книг гражданского шрифта до 1830 г. из фонда научно-справочной библиотеки архива. Сведения о них занесены в электронный каталог Национальной библиотеки Республики Карелия. В марте 2005 г. с коллекцией рукописей и старопечатных книг архива знакомилась заведующая археографической лабораторией Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова доктор исторических наук И. В. Поздеева.

⁴ Нотам – три века // Ленинская правда. 1966. 16 ноября. № 267. В 1966 г. сборник инв. № 30 выдавался во временное пользование в отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина для музыковеда А. М. Ратьковой (НА РК. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 94/1276. Л. 45).

⁵ Исследование этой рукописи см.: *Спасова М. А., Пигин А. В.* Торжественник конца XV–начала XVI в. из собрания Национального архива Республики Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 5 (142). Август. С. 61–72.

В целях организации централизованного государственного учета уникальных рукописных и старопечатных книг в 2005 г. их комплекс был включен в состав Архивного фонда Республики Карелия, образован архивный фонд с присвоением № 889 и названием «Коллекция славяно-русских рукописей и старопечатных книг».

Во исполнение приказа Федеральной архивной службы России № 75 от 09. 10. 2001 г. «Об утверждении Регламента Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда РФ и организации работы по его созданию» в 2005 г. в НА РК началась работа по представлению предложений для включения в ряд документов архива в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации. К 1 января 2016 г. в этот реестр включены 9 рукописных и старопечатных книг из коллекции славяно-русских рукописей и старопечатных книг архива.

С 2004 г. проводились работы по описанию древних рукописных и старопечатных книг, находящихся ныне в государственных хранилищах Республики Карелия. Результатом научных исследований стало издание в 2010 и 2013 г. двух каталогов. Составитель каталога рукописей – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета А. В. Пигин, авторский коллектив: М. Г. Бабалык, В. М. Быкова, А. Б. Ипполитова, Е. Н. Кутькова, Ф. В. Панченко, А. В. Пигин, Е. В. Плетнева, Н. В. Савельева, Л. С. Харебова, Е. М. Юхименко⁶. Составитель каталога старопечатных книг – хранитель музейных предметов Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» Л. С. Харебова, авторский коллектив: Е. Н. Вознесенская (Кутькова), Н. И. Кипнис, С. В. Новожилова, Л. С. Харебова, при участии Т. В. Климяк, Е. В. Одинец, В. А. Тере, С. В. Воробьевой, Н. И. Шилова⁷. В указанные каталоги вошли научные описания книг из коллекции рукописных и старопечатных книг НА РК, на основании которых была составлена опись фонда № 889 «Коллекция славяно-русских рукописей и старопечатных книг». Решением комиссии по работе с особо ценными и уникальными документами от 12 апреля 2016 г. фонд № 889 «Коллекция славяно-русских рукописей и старопечатных книг» отнесен к категории особо ценных.

⁶ Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX вв. в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисловия А. В. Пигин. СПб., 2010. 608 с.

⁷ Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия (1569–1830 гг.) / Сост. Л. С. Харебова, науч. ред. А. В. Вознесенский. Петрозаводск, 2013. 397 с.

В основе коллекции книжных рукописных и старопечатных памятников НА РК – рукописи и книги, принадлежавшие ранее церквям, монастырям, приходам Олонецкой епархии, дореволюционным учреждениям, организациям и обществам г. Петрозаводска, частным лицам. Так, владельческие записи указывают на то, что рукописи и книги находились в церквях Петрозаводского, Повенецкого, Олонецкого, Лодейнопольского уездов. В состав коллекции входят рукописи и книги из Муромского, Спасо-Каргопольского и Клименецкого монастырей, Троицкой Сунской пустыни⁸. Одна рукопись являлась собственностью Палладия, епископа Петрозаводского и Олонецкого⁹. Владельцами книг были крестьяне Олонецкой губернии и г. Санкт-Петербурга, кемские и петрозаводские купцы, каргопольские и петрозаводские чиновники. Одна рукопись принадлежала Олонецкой духовной семинарии, две – Олонецкому архиерейскому дому. Кроме того, две рукописи принадлежали Олонецкому естественно-промышленному и историко-этнографическому музею, 6 рукописных и старопечатных книг – библиотеке Выго-Лексинского старообрядческого общежительства. К рукописям выговского происхождения относятся еще 9 рукописей, описание которых отсутствует в каталоге Е. В. Барсова¹⁰. 16 рукописных и старопечатных книг, находящихся ныне в НА РК, принадлежали Олонецкому губернскому церковно-историческому музею.

В коллекции славяно-русских рукописей и старопечатных книг НА РК находятся 16 рукописных и старопечатных книг, принадлежавших ранее Карельской областной центральной библиотеке (с 1922 г.), Карельской публичной библиотеке (с 1925 г.), Карельской республиканской библиотеке (с 1938 г.), а также две рукописные книги, находившиеся ранее в Карельском государственном музее.

Коллекция содержит славяно-русские богослужебные и «четьи» рукописные книги XV–XX вв.: евангелия, ирмологии, обиходы, октоихи, стихирари, триоди, старообрядческие литературные сборники и т. д. Одна из самых ранних рукописей – Псалтырь с воследованием (содержит только следованную часть) – датируется 80-ми гг. XV в.¹¹ К числу наиболее ценных рукописей следует отнести также кодекс конца XV – начала XVI в. «Сочинения Ипполита, папы римского: Сказания о Христе и антихристе и толкования на книгу пророка Даниила»,

⁸ См.: Памятники книжной старины... С. 25

⁹ Там же. С. 133–135.

¹⁰ Барсов Е. В. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874.

¹¹ См.: Памятники книжной старины... С. 73–75.

содержащую многочисленные глоссы, сделанные, как предполагает Е. М. Юхименко, рукой Леонтия Федосеева¹². Рукопись находилась в библиотеке Выго-Лексинского общежития.

Комплекс уникальных книг содержит печатные издания кирилловского шрифта XVI–XIX вв., в том числе Евангелие учительное 1569 г., напечатанное Иваном Федоровым в городе Заблудове.

В коллекции представлены замечательные образцы художественного оформления рукописных и старопечатных книг. Так, лицевой сборник северодвинского происхождения первой четверти XIX в., включающий нравоучительные повести, содержит 105 миниатюр. На полях «Добротолубия», напечатанного в Москве в 1822 г., имеется значительное количество рукописных рисунков в красках к тексту книги.

Таким образом, представленная коллекция НА РК содержит ценные источники для изучения старинной русской книжности, монастырской и старообрядческой письменности, духовной культуры Русского Севера¹³.

¹² Памятники книжной старины. С. 199–203.

¹³ Кроме указанных каталогов А. В. Пигина и Л. С. Харебовой некоторые рукописные и печатные книги НА РК исследуются в публикациях: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. Новосибирск, 1985. С. 250–251; Пигин А. В. 1) Рукописная книжность Карелии: итоги и перспективы изучения // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации. Материалы науч. конф., посвящ. 10-летию РГНФ. 29 июня – 2 июля 2004 г. Петрозаводск, 2004. Т. 2. С. 18–21; 2) Рукописи из Выго-Лексинского общежития в государственных хранилищах Петрозаводска // Женщина в старообрядчестве. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск, 2006. С. 111–118; 3) Коллекция рукописей XV–XX вв. в Национальном архиве Республики Карелия // Язык и культура: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию профессора Л. В. Савельевой. Петрозаводск, 2007. С. 247–251; 4) Книжная культура Выголексинского общежития // Карелия: энциклопедия. Петрозаводск, 2009. Т. 2. С. 66–67; 5) Книжность рукописная // Там же. С. 67–68; 6) Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. 225 с.; Спасова М. А., Пигин А. В. Торжественник конца XV – начала XVI в. ... С. 61–72; Неёлова М. Е. Владельческие записи сборника конца XVII – начала XVIII в. и 1780-х гг. Выголексинской библиотеки из коллекции рукописных и старопечатных книг Национального архива Республики Карелия // Православие в Карелии. Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 ноября 2015 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2016. С. 310–319.

Н. П. Лихачева, Н. В. Савельева

РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХРАНИЛИЩ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВА ОПИСАНИЯ, КРАТКИЙ ОБЗОР ФОНДОВ

Каждый исследователь, обращаясь к изучению наследия книжной культуры Русского Севера, неизбежно открывает для себя программную статью выдающегося историка, археографа, источниковеда А. А. Амосова, в которой представлен наиболее полный обзор основных комплексов материалов по изучению книжных традиций различных районов Архангельского Севера (Нижняя Двина, Средняя Двина и Вага, Верхняя Двина, Пинега, Мезень, Каргополье, Беломорский комплекс, включая и Соловецкий архипелаг)¹. Большая часть источников по истории севернорусской книжной культуры сконцентрирована в центральных научных институтах и библиотеках, коллекции которых сложились в результате исторического перемещения фондов (например, Архангельское собрание БАН) или многолетней археографической деятельности (собрания Древлехранилища ИРЛИ, Рукописного отдела БАН и т. д.). Именно эти материалы в большей степени введены в научный оборот, так или иначе описаны или представлены в обзорных статьях².

¹ *Амосов А. А.* Книжная культура Архангельского Севера (Проблемы. Источники. Неотложные задачи) // *Культура Русского Севера*. Л., 1988. С. 108–113.

² Так, например, обзор новых материалов экспедиций ИРЛИ регулярно публиковался в ТОДРЛ. Краткие описи материалов представлены фактически во всех археографических центрах России; подготовлен ряд научных описаний территориальных собраний различных хранилищ, в том числе севернорусских книжно-рукописных собраний, см.: *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960; *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования Пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003; *Савельев А. А., Савельева Н. В.* Описание старопечатных изданий XVI – нач. XX в. Указатели. СПб., 2005 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX в. Опыт исследования. Источники. Т. 1–2).

В то же время не подлежит сомнению высокая научная значимость книжного наследия Русского Севера, которое хранится на местах, в областных и районных учреждениях культуры и образования. Случайность и эпизодичность обращения к этим материалам общеизвестна и закономерна. Именно поэтому уже в 80-е гг. прошлого века А. А. Амосовым и его коллегами была разработана программа комплексного обследования провинциальных хранилищ, воплотившаяся тогда в подготовку сводных каталогов материалов вологодских хранилищ и хранилищ Коми АССР³. Собственно эта программа и стала основой нынешней общегосударственной программы «Книжные памятники Российской Федерации» (в ее севернорусской части), благодаря которой в настоящее время поддерживаются усилия сотрудников региональных научных центров по описанию и обнародованию своих материалов. И здесь, конечно, очень многое зависит от энтузиазма и самоотверженности ученых, возглавляющих подобные предприятия, способных найти финансирование и организовать результативную работу. Примером такого воплощения коллективного труда может служить недавно опубликованный каталог рукописей хранилищ Карелии⁴.

Архангелогородские фондодержатели со своим координирующим центром (АОНБ) подключились к работе по формированию Общероссийского свода книжных памятников в 2004 г. В рамках долгосрочного сетевого проекта «Создание свода книжных памятников Архангельской области» библиотека начала создавать базу, которая пополняется учетными записями о рукописных книгах, связанных своим происхождением или бытованием с Архангельским Севером, в том числе находящихся в настоящее время в государственных хранилищах области. Обследование фондов позволило сделать предварительные выводы о том, что на сегодняшний день на территории Архангельской области рукописи имеются более чем в 20 учреждениях, в числе которых библиотека Антониево-Сийского монастыря и Кенозерский национальный парк.

По предварительным подсчетам в книгохранилищах Архангельской области в настоящее время имеются около 900 рукописей XV–XX вв. Наибольшее число единиц хранения содержат фонды ГААО, областной библиотеки, ГМО «Художественная культура Русского Севера», Архан-

³ Амосов А. А. «Вологодская программа»: итоги и перспективы // Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда, 1984. С. 39–49; Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель / Под общ. ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1982–1988. Ч. 1–5; Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Ч. 1: Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета / Сост. Т. Ф. Волкова, А. А. Амосов, А. Н. Власов, Л. А. Петрова. Сыктывкар, 1989.

⁴ Памятники книжной старины Русского Севера: Коллекции рукописей XV–XX вв. в государственных хранилищах Республики Карелия / Отв. ред. А. В. Пигин. СПб., 2010.

гельского краеведческого музея, музеев Вельска, Каргополя, Северодвинска, Сольвычегодска, Соловецкого и Шенкурского музеев; от двух-трех единиц до десятка рукописей хранятся в объединении «Малые Корелы», в районных краеведческих музеях (Мезень, Пинега, Верхняя Тойма, Нарьян-Мар, Пучуга). По хронологии рукописи распределяются следующим образом: самые старшие относятся к XV в. (5), 34 рукописи XVI в., около 70 – XVII и рубежа XVIII в., около 150 рукописей XVIII и рубежа XIX в., большая часть рукописей относится к XIX–XX вв.

Конечно, исследователи-архангелогородцы и археографы из центра не раз бывали в областных и районных хранилищах и знакомились с рукописными фондами. Они оставляли сотрудникам хранилищ свои записи и пометы к просмотренным материалам, которые и сейчас служат подспорьем в работе, ориентиром для датировки или определения рукописных книг. Так, например, В. И. Мальшев работал дважды в Архангельске (в 1937 и 1950 г.), а в 1950 г. еще и в музеях Вельска, Мезени, Шенкурска. В одном из своих традиционных отчетов об экспедициях на Север он поместил краткий перечень наиболее интересных рукописей из фондов Архангельска и опубликовал по одной из них (АОНБ. РК 45) «Документальную повесть об Азовском осадном сидении»⁵. В областном архиве в начале 1960-х гг. работал лингвист, диалектолог В. Я. Дерягин, он составил словарную картотеку объемом в десять тысяч карточек по материалам старопечатных и рукописных книг фонда. В разное время с рукописями музеев Архангельска и области знакомились А. А. Амосов, В. П. Бударагин, И. В. Поздеева, А. В. Пигин и его ученики; с рукописями Каргопольского музея в 2005–2006 гг. работали А. Н. Власов и Е. В. Прокуратова вместе со своими студентами; чуть ранее описанием рукописей Сольвычегодского музея занимались археографы Сыктывкарского государственного университета, в частности Е. А. Рыжова. В Архангельске описание комплекса рукописей ГМО «Художественная культура Русского Севера» в 2014–2015 гг. подготовили Л. В. Ненашева и А. П. Ежова.

К сожалению, результаты этих работ, как правило, не обнародованы. Исключением здесь можно считать публикацию на сайте Антониево-Сийского монастыря и на сайте областной библиотеки новых кратких описаний в свод-реконструкции библиотеки Антониево-Сийского монастыря⁶, публикацию каталога рукописей и старопечатных книг

⁵ Мальшев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 362–378.

⁶ См.: «...Явить миру Сийское сокровище»: Антониев-Сийский монастырь: из прошлого – в будущее» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://siya.aonb.ru/index.php?num=529>. (Дата обращения: 30.05.2016). См. также: Лихачева Н. П. Реконструкция и создание электронной библиотеки Антониево-Сийского монастыря // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Архангельск, 2010. Вып. 5. С. 150–154.

АОНБ⁷, издание каталога рукописей и старопечатных книг Соловецкого музея-заповедника⁸, а также обзор наиболее ценных рукописей Каргопольского музея⁹. Кроме того, сведения о рукописях из разных хранилищ сообщаются в обзорах и презентациях на традиционных конференциях по книжным памятникам, которые проводятся областной библиотекой в Архангельске трудами и стараниями Г. Е. Седовой и Н. П. Лихачевой, и соответственно в сборниках, опубликованных по материалам этих конференций¹⁰.

В настоящее время мы имеем общее представление о комплексе рукописных памятников, хранящихся в Архангельской области. Способы формирования музейных, библиотечных и архивных коллекций, как правило, отражают обычную практику комплектования – от частных поступлений и дубликатных вливаний из центра до экспедиционных пополнений. Отсюда закономерная неоднородность книг по месту их происхождения и бытования. В библиотеках, музеях и архиве есть рукописи среднерусского происхождения и бытования, многие из них связаны со старообрядческой традицией; они изначально принадлежали частным или общинным старообрядческим собраниям. В то же время довольно большая часть рукописей отражает определенный этап формирования поздней севернорусской книжно-рукописной традиции, многие рукописи достаточно точно локализованы

⁷ Книжные памятники из фондов Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова: Каталог / Сост.: Г. Е. Седова, Н. П. Лихачева; ред. А. А. Гусева, И. Ю. Фоменко, Н. Ю. Шильникова. Архангельск, 2007.

⁸ Книжные редкости в собрании Соловецкого музея-заповедника: Описание рукописей XVIII–нач. XX в. Описание старопечатных изданий XVI–нач. XX в. / Сост. А. А. Савельев, Н. В. Савельева. Архангельск, 2012.

⁹ *Пигин А. В.* 1) Каргополь. Книги и рукописи // Каргопольское путешествие: Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. М., 2014. С. 182–203; 2) Ошевский тракт. Книги и рукописи // Там же. С. 448–453; 3) Архангельский тракт. Старообрядческие рукописи // Там же. С. 538–551.

¹⁰ См., например: *Лихачева Н. П.* Рукописные книги в фондах библиотек, музеев и архивов Архангельской области // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Архангельск, 2009. Вып. 4. С. 61–68; *Пушкина Л. В.* 1) Записные книжки вологодского мещанина Александра Ивановича Деньгина // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Архангельск, 2010. Вып. 5. С. 101–106; 2) Обзор собрания книжных памятников Государственного архива Архангельской области // Поморский летописец: альманах / Сост. Т. А. Санакина. Архангельск, 2013. Вып. 6. С. 177–185; 3) Синодики из рукописного собрания научно-справочной библиотеки Государственного архива Архангельской области // Поморский летописец: альманах / Сост. Т. А. Санакина. Архангельск, 2013. Вып. 6. С. 280–288; *Ненашева Л. В.* Описание рукописных книг, хранящихся в фондах музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Архангельск, 2013. Вып. 6. С. 197–203; *Ежова А. П.* Старообрядческий сборник в собрании музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» // Там же. С. 169–174.

по месту происхождения и бытования. Они созданы на Русском Севере и связаны своей историей с традициями и бытом крестьянского мира, со старообрядческой средой, местными церковными приходами.

Основные хронологические и жанрово-тематические группы рукописей можно кратко обозначить следующим образом. Самые ранние рукописи относятся к XV в., их на сегодняшний день выявлено пять; примечательно, что три из них не имеют исключительно богослужебного предназначения: отдельный список Жития Арсения Великого (ГААО. 91 р.ц. (616)), нравственно-дисциплинарный сборник, отражающий старческую традицию Кирилло-Белозерского монастыря (ГААО. 58 р.ц. (580)), и Пролог (ГМО «Художественная культура Русского Севера», № 396-кн.).

Среди рукописей XVI в., по преимуществу служебных (Минеи, Псалтырь с воследованием, Требник, Октоих), следует отметить Типикон с владельческой записью священника Николая Павловского, служившего в разные годы в приходах Александровского, Архангельского и Шенкурского уездов (ГААО. 33 р.ц. (555)); Евангелие учительное с записью инока Даниила, писавшего книгу для Антониево-Сийского монастыря (АСМ. РК 62); Триодь цветную с записями о бытовании ее в сер. XVII в. на Пинеге (ГААО. 42 р.ц. (564));¹¹ Трефологион с житиями русских святых, связанный своим бытованием с Пафнутиевым Боровским монастырем (ГААО. 18 р.с. (510)). Отметим также список весьма популярного у славян нравственно-дидактического сочинения «Поучительные главы к сыну Льву», или «Тестамент», который приписывается византийскому императору Василию Македонянину (ГААО. 14 р.ц. (536)). Рукопись принадлежала ранее епархиальной миссионерской библиотеке.

Если говорить о раннем, достарообрядческом, XVII в., следует отметить несколько агиографических сборников, содержащих жития русских, в том числе севернорусских святых: Зосимы и Саватия Соловецких (ГААО. 10 р.с. (502); 5 р.с. (497)), Антония Сийского (ГААО. 5 син. (514)), Никодима Кожеозерского (ГААО. 20 р.ц. (542)), Филиппа митрополита (ГААО. 9 р.с. (501)). Есть в фондах несколько списков торжественников триодных и минейных, «Александрия» в списке 40-х гг. XVII в. (ГААО. 13 р.с. (505)). Весьма примечателен сборник середины XVII в., отражающий исторические и духовно-нравственные ориентиры общества предраскольной эпохи (АКМ. 10258 кп). В нем читаются «Просветитель литовский» – сборник юго-западнорусского происхождения, составивший позднее основу Кирилловой книги (М., 1644); сборник «Сын церковный» – нравственно-дисциплинарное поучение христианину-неофиту,

¹¹ Владелец рукописи *Ивашка Иванов Фефилов* из Лохотской волости Кеврольского стана известен также по рукописи из Вологодского краеведческого музея (ВОКМ, № 4358), см.: *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования Пинежской книжно-рукописной традиции. С. 652.

получившее распространение в списках и многократно изданное позднее старообрядцами¹². Здесь же переписаны Устав и Духовное завещание Нила Сорского, Повесть об Усть-Шехонском Троицком монастыре.

Более поздние сборники XVII в. отражают уже традицию, впоследствии обильно расцветшую в старообрядческой культуре. Здесь мы найдем список Цветника священноинока Дорофея (АКМ 24791), список чтений мясопустной недели из печатного Сборника (М., 1647) (АОНБ. РК 430), Житие Василия Нового в отдельном списке (СИХМ. КП 3018. 54 РК), но здесь же, например, и список окружного послания Афанасия Холмогорского 1694 г. (ГААО. 22 р.ц. (544)).

Как уже было сказано, рукописи XVIII–XX вв. закономерно составляют большую часть фондов. Конечно, охарактеризовать их, даже кратко, весьма затруднительно, поэтому ограничимся лишь общими замечаниями. Основная часть рукописей этого периода – книги, необходимые для ведения богослужения, прежде всего в старообрядческих общинах и скитах, в том числе у беспоповцев. Ряд служебных рукописей переписан со старообрядческих изданий. К таким копиям можно отнести, например, списки с различных изданий «Устава о христианском житии» (АОНБ. РК 247; СГКМ. КП 20600; ГААО. 79 р.ц. (602), 83 р.ц. (608); СИАПМЗ. 2, 4579, 4580, 5764). В списках со старообрядческих изданий сохранились «Поморские ответы» (СИАПМЗ. 3496; ГААО. 48 р.ц. (570)), сборник с «Историей об отцах и страдальцах соловецких» (СИАПМЗ. 1), «Страсти Христовы», в том числе лицевые (СИАПМЗ. 4680).

Со старообрядческой служебной практикой по преимуществу связаны певческие рукописи крюковой традиции, среди них есть и сборники, и традиционные обиходные книги (Обиход, Ирмологий, Октоих, Праздники). Сохранилось и несколько приходских церковных сборников на линейных нотах. Особенно богаты вариантами роспевов Праздники (КИАХМ. КП 12880; СИХМ. КП 1210 (33 р.к.); СИХМ. КП 3073 (53 р.к.); КП 3072 (52 р.к.); КП 3071 (51 р.к.)), в том числе на линейных нотах с росписью роспевов для альты, баса, дисканта и др.

Особый интерес представляют поздние старообрядческие сборники, созданные на основе разнообразных источников, как рукописных, так и печатных, которые включают всевозможные духовно-назидательные подборки текстов, устойчивые старообрядческие компиляции о пришествии антихриста, о еретиках и лжеучителях, о бытовых запретах (брадобритии, чае, табаке) и т. д. (ГААО. 3 р.с. (495); 26 р.с. (519); 27 р.с. (520); 35 р.с. (620); 28 р.с. (521); КИАХМ. КП 12855; КП 7384; КП 10240; КП 14206; СИАПМЗ. 4578;

¹² Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX века: Каталог / Сост. А. В. Вознесенский. Л., 1991. № 18, 24, 46, 73, 148; Прил. 34, 48, 52, 53, 92.

4033). Отметим памфлет на реформы патриарха Никона в православной церкви, украшенный цветными миниатюрами (ГААО. 25 р.с. (518)), а также отражающие позднюю старообрядческую традицию сборники гектографов, которые содержат различные дидактические и полемические произведения конца XIX–XX в. (например, КИАХМ. КП 7668).

В поздних списках представлены произведения назидательного чтения, весьма популярного во всех слоях общества. Таковы, например, «Звезда пресветлая», повести из «Великого Зеркала», различные патериковые повести, в том числе Синайский патерик в редакции Досифея (Топоркова) (СИАПМЗ. 582). Имеются сборники апокрифов, в том числе XVII в., в состав которых входят популярные в крестьянской среде «Сон Богородицы», «Епистолия Иисуса Христа о неделе», «Сказание о 12 пятницах», Свиток Иерусалимский, а также апокрифические молитвы (архангелу Михаилу, священномученику Киприяну) (АОНБ. РК 245; СГКМ. КП 322; СИАПМЗ. 5353 и др.).

Особо следует отметить два блока поздних материалов.

Первый связан непосредственно с жизнью крестьянской семьи и ее отражением в жизни общества, в определенном социуме. Так, в собраниях Архангельской области встречаются тексты, связанные с народной обрядовой культурой и имеющие практическое значение: заговоры против болезней (от сглаза, грыжи, порчи), охотничьи, пастушеские (АМДЗ. КП 1454; СИАПМЗ. 2083, 2084; КИАХМ. КП 6349). В тех же семейных собраниях в XVIII в. появляются списки с сочинений исторических, общерусских и местных: «Синописа» Иннокентия Гизеля (ГААО. 16 р.с. (508)), «Летописца Соловецкого» конца XVIII в. (ГААО. 1 р.с. (493)), Сказания о стрелецком восстании 1682 г. (ГААО. 29 р.с. (522)) и даже список с одного из изданий XVIII в. исторического сочинения секретаря русского посольства в Швеции Алексея Ильича Манкиева «Ядро российской истории» (33 р.с. (618))¹³. Несомненную ценность имеют разного рода личные записи и дневники крестьян и горожан, их заметки по истории родного края. К таким относится, например, летопись семьи уроженца Емецкого уезда М. Н. Резвого за 1801–1875 гг. (АОНБ. РК 281), в которой содержатся записи об истории, быте, ведении хозяйства, метеорологические наблюдения и астрономические прогнозы, а также описания исторических событий, происходящих в стране, и авторские комментарии к ним.

Бесценный материал представляют собой записные книжки, в том числе вернувшихся со службы солдат и матросов. Рядом с выдержками из книг по ведению домашнего хозяйства и медицинскими рецеп-

¹³ Книга издавалась в XVIII в. четыре раза, см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1964. Т. 2, № 4037–4040.

тами здесь могут находиться выписки из произведений художественной литературы нового времени, выбранные из школьных хрестоматий или переписанные с таких же списков, отражающих до- и послепечатную традицию произведений русской классики (стихотворные и драматические произведения Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко, А. Н. Баженова). Интересна записная книжка некоего Ивана Фатеева (ГААО. 44 р.ц. (566)) с молитвами, адресами разных лиц по всей России и приходо-расходными записями.

Добавим сюда «Древний и новый летописец Верховажского посада с 1607 до 1831 г., собранный из древних правительственных книг, грамот и записок, и новейших разных журналов и иных бумаг», который был составлен в 1811–1831 гг. верховажским историком и краеведом мещанином Матвеем Николаевичем Мясниковым (АОНБ. РК 386), или «Летописец города Вельска...» за 1781–1842 гг. (АОНБ. РК 385), который велся по высочайшему указу императрицы Екатерины II. Список с этого указа предваряет текст летописца. Эти материалы уже отражают иную традицию: становление науки краеведения и общероссийского исторического знания.

Особый раздел рукописных фондов составляют материалы, связанные с историей и жизнью церковных приходов и местных монастырей. Описание этих материалов представляет определенную проблему, поскольку они находятся на стыке архивных и книжно-рукописных фондов. По этой причине степень их раскрытия и отражения в каталогах зависит от решения составителей каждого конкретного описания. К таким материалам относятся, например, архивы 1720–1850-х гг. Пияльского и Чекуевского приходов Онежского уезда, хранящиеся в Соловецком музее-заповеднике¹⁴. Они наглядно передают жизнь церковного прихода с его бытом, заботами (о построении и росписи храмов, о церковных доходах и отчетах в них перед епархиальным начальством, о земельных тяжбах священников с местными жителями и т. д.) и в целом о сношениях удаленных приходов с губернским и столичным верховным духовенством.

К этим материалам примыкают синодики, которые иногда представляют собой не только именные помянники, но и традиционные литературные сборники, несомненно, требующие постатейной росписи. Именно к такому типу относятся синодики из коллекции областной библиотеки. При этом они являются и памятниками художественного наследия: синодик Прокопьевской церкви Верхнесуландской во-

¹⁴ Подробное описание архивов см.: Книжные редкости в собрании Соловецкого музея-заповедника. С. 225–322.

лости XVII в. (АОНБ. РК 374) интересен как образец орнаментального искусства, а синодик архангельского Свято-Троицкого кафедрального собора 1-й трети XVIII в. (АОНБ. РК 235) украшен миниатюрами, представляющими ветхозаветные сюжеты. Большая часть синодиков находится в фондах областного архива: это монастырские (Антониево-Сийского, Александро-Ошевенского монастырей) и приходские (церквей Холмогорского, Мезенского, Олонецкого уездов) рукописи. Поминальные записи синодиков традиционно содержат росписи местных родов всех сословий, а также вкладчиков монастырей и церквей. Большой интерес представляют синодики Сольвычегодского музея, в которых имеется информация не только об истории и генеалогии сольвычегодских родов, но и об истории родов вкладчиков – именитых людей из центра России Григория Дмитриевича Строганова, Герасима Бельского и других (например, КП 2801 (14 р.к.)). В синодик Николо-Коряжемского монастыря (КП 2807 (45 р.к.)) среди прочих поминаний записаны роды его постриженника, писателя и духовного деятеля XVII в. Александра, епископа Вятского, а также гостей – «государева боярина» Бориса Ивановича Морозова и Иоанния Феодорова Строганова.

Таким образом, даже этот весьма беглый обзор показывает, что рукописные фонды Архангельской области представляют собой неотъемлемую часть наследия книжной традиции Русского Севера, неизвестную еще, по большому счету, в научных и культурных кругах. Насущная необходимость создания подробных каталогов этих рукописных собраний очевидна. В 2014 г. Министерством культуры Архангельской области был поддержан проект «Подготовка к изданию сводного каталога “Рукописные книги XV–XVII вв. в хранилищах Архангельской области”» – он может рассматриваться как первый шаг в создании общего сводного каталога рукописей. Составителями каталога изначально была принята установка на подготовку подробных научных описаний рукописей, которые должны всесторонне представить как палеографическую, так и содержательную характеристику каждой единицы хранения. Именно такое описание материалов, как представляется, позволит ввести рукописные памятники местных хранилищ в общерусский свод и соотнести их с некогда бытовавшими в одном ареале, а ныне разнесенными по всей России книгами, восстановить те связи, которыми эти книги некогда были скреплены.

А. В. Пигин

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДНЕВНИКИ XIX–XX вв. КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (ДНЕВНИК Г. Я. СИТНИКОВА)

Ценными источниками для изучения народной культуры, материальной и духовной, служат крестьянские дневники. Очень разные по своим жанрово-стилистическим особенностям, эти рукописные памятники доносят до нас живые голоса тех людей, которые, казалось бы, не сыграли заметной роли в истории, но свидетельства которых дают порой гораздо больше для ее понимания, чем многие исторические документы. Крестьянская автобиографическая и мемуарная литература позволяет взглянуть на историю и культуру «изнутри», глазами тех людей, которые являлись носителями традиционных ценностей, но при этом по многим вопросам имели собственное мнение.

Крестьянские мемуарные источники сравнительно недавно вошли в круг научных интересов археографов, этнологов и фольклористов. Как справедливо заметил Г. В. Маркелов в статье 1993 г. о крестьянских архивах в Древлехранилище Пушкинского Дома, «мемуары, записи отдельных воспоминаний, дневники, автобиографические записки и т. п. – материал, наличие которого именно в крестьянской среде даже и не предполагалось исследователями»¹. В последние годы усилиями ряда ученых – Г. В. Маркелова, С. С. Гречишкина, В. В. Морозова, Н. И. Решетникова, М. В. Мелихова, В. П. Ершова, И. В. Мельникова, С. Б. Адоньевой и других – в научный оборот были введены тексты крестьянских дневников красноборца – жителя деревни Пермогорье И. С. Карпова, тотемского крестьянина А. А. Замалеева, печорского старообрядца С. А. Носова, заонежского бондаря П. Т. Ананьина, крестьянина села

¹ *Маркелов Г. В.* Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 496.

Вашки в Белозерском крае Д. И. Лукичёва и другие². Краткий обзор крестьянских дневников в рукописных собраниях Древлехранилища Пушкинского Дома был сделан Г. В. Маркеловым³.

Известные сегодня дневники имеют преимущественно севернорусское происхождение и были составлены в конце XIX–первой половине XX в. В некоторых из них основное внимание уделяется событиям внешнего мира, деревенской или семейной жизни, реже – фактам общероссийской истории, в других дневниках ярко раскрывается внутренний мир автора, повествование приобретает исповедальный характер.

Очень разнородны дневники и в стилистическом отношении. Так, дневник заонежанина П. Т. Ананьина написан деловым, предельно лаконичным языком: «Я был дома, утром было собрание, делал ушат. Митька на лесозаготовке, Марья и хозяйка кое-что»⁴. В сочинениях С. А. Носова, как отмечает М. В. Мелихов, «переплетаются стилистические формулы книг Священного Писания и просторечные обороты современного народного языка»⁵. Ярким литературным талантом обладал пермогорский крестьянин И. С. Карпов, сумевший в своем дневнике показать трагедию северной деревни времен советизации крестьянской жизни в 1920–1930-е гг.⁶

Крестьянские дневники представляют большой интерес для этнографов и фольклористов, поскольку содержат массу бытовых подробностей, описание повседневных хозяйственных занятий и промыслов, включают тексты заговоров, лирических песен, местных поверий и преданий.

Более подробно представлю один дневник, который заслуживает, на мой взгляд, самого тщательного изучения и публикации. Речь пойдет о дневнике мезенского крестьянина Григория Яковлевича Ситникова, хранящемся в Мезенском собрании Древлехранилища им. В. И. Малышева в ИРЛИ под № 151. Эта небольшая рукописная книжечка (в 8-ку, всего 96 листов) была найдена на Мезени во время экспедиции 1967 г.

² См.: *Карпов И. С.* По волнам житейского моря / Публикация С. С. Гречишкина и Г. В. Маркелова. Вступит. статья Г. В. Маркелова // *Новый мир.* 1992. № 1. С. 7–76; *Дневник тотемского крестьянина А. А. Замалева (1902–1922)* / Публикацию подгот. В. В. Морозов и Н. И. Решетников. М., 1995; *Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки* / Подгот. текста, вступит. статья и примечания М. В. Мелихова. М., 2005; *Текст дневника П. Т. Ананьина (подготовка публикации В. П. Ершова и И. В. Мельникова)* // *Кижский вестник.* Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 17–149; Мужской род. Первое лицо. Единственное число: *Дневники Д. И. Лукичёва и Д. П. Беспалова* / Под ред. С. Б. Адоньевой. СПб., 2013.

³ *Маркелов Г. В.* Крестьянские архивы... С. 493–502.

⁴ Текст дневника П. Т. Ананьина... С. 45.

⁵ Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов... С. 14.

⁶ *Маркелов Г. В.* Жизнеописание пермогорского крестьянина И. С. Карпова // *ТОДРЛ.* СПб., 1993. Т. 47. С. 423–429.

Н. Ф. Дробленковой, сотрудницей Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Рукопись была упомянута В. И. Малышевым в обзоре новых поступлений в Древлехранилище⁷ и кратко представлена Г. В. Маркеловым⁸, но объектом специального изучения еще не становилась.

Содержание рукописи составляют рассказы о различных чудесах в местных приходах, о снах самого Ситникова, его родственников и знакомых, автобиографические заметки и отдельные литературные статьи (сказания «о лестовке», о «червленом яйце»). Записи, как правило, начинаются с точного указания даты и хронологически укладываются в промежутки с 1891 по 1909 г. В дневнике Ситникова нет информации социально-экономического характера, фактов гражданской истории, хозяйственных рецептов, описания деревенского уклада. Автора в большей степени интересуют вопросы духовной жизни, он стремится отмечать проявления чудесного, божественного в повседневном, описывает свой личный визионерский опыт. При этом в дневнике упоминаются многочисленные названия мезенских деревень, десятки имен местных жителей (Кычины, Герасимовы, Грибановы, Кожевниковы и др.), представители местного духовенства. В дневнике очень ярко представлена религиозная жизнь Лешуконья – Средней Мезени – на рубеже XIX–XX вв.

Из автобиографических заметок в дневнике выясняется, что Ситников родился в деревне Верхний Березник Ущельского прихода Мезенского уезда в 1859 г. Нищенское состояние семьи вынуждало его в детстве «кормитце Христовым именем»⁹. 12-летним мальчиком он поступил «во служение» к какому-то чиновнику, который обучил его грамоте. В 1880 г. Ситников был отправлен на военную службу, но скоро вернулся домой и в 1883 г. женился, по настоянию родителей, на односельчанке Евдокии Павловне Мишиной. В 1886 г. он жил в Соловецком монастыре, исполняя родительский обет: «родители мои дали обет; у меня у маленького, у годового, была трясучая болезнь, потому родители мои и дали обещание гот жить работать в Соловецком монастыре» (л. 17 об.–18). В 1899 г. Ситников обратился в старообрядчество, в белокриницкое согласие и в 1901 г. был поставлен старообрядческим священником. В заключительной части дневника он пишет о своем тесном общении с уральским и оренбургским епископом белокриницкой иерархии Арсением (Швецовым) (1840–1908), о своих поездках к нему в Нижний Новгород и Уральск, а также о путешествиях с женой по святым местам, монастырям и пустыням.

⁷ Малышев В. И. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // Русская литература. 1968. № 2. С. 203.

⁸ Маркелов Г. В. Крестьянские архивы... С. 500.

⁹ ИРЛИ, Мезенское собр. № 151. Л. 17. Далее номера листов в этой рукописи указываются в скобках после цитат.

Дополнительные сведения о Ситникове извлекаются из различных документов в фондах ГААО и публикаций в АЕВ – они были систематизированы архангельским краеведом Н. А. Окладниковым¹⁰. Согласно этим материалам, после рукоположения в священники Ситников поселился в деревне Сёмженская, которая стала центром мезенских старообрядцев-поповцев. Здесь сперва в доме одного из местных жителей, а с 1908 г. в недавно построенном храме Ситников совершал богослужения. Наиболее позднее известное мне упоминание Ситникова содержится в переписи уже советского времени – 1926 г., где он отмечен как житель деревни Верхнеберезницкая, по роду занятий – сапожник¹¹.

Дневник Ситникова представляет большой интерес прежде всего для изучения «народной агиографии» Русского Севера¹², поскольку содержит записи многочисленных чудес мезенского святого Иова Ущельского и почитаемого на Мезени неканонизированного Иуды Конешельского (Иуды Трофимовича).

Святой преподобномученик Иов Ущельский (XVII в.) – соловецкий постриженник, основатель Ущельской, в честь Рождества Христова, пустыни на Мезени (у впадения р. Ежуги в р. Мезень). В 1628 г. он был убит разбойниками, пытавшимися ограбить монастырь. Братья похоронили тело своего учителя близ Христорождественского храма и устроили над ним гробницу. Местное почитание Иова установилось вскоре после его смерти. В середине XVII в. от его гроба начали происходить чудеса исцеления. Житие Иова Ущельского, содержащее очень скудные сведения о святом, известно сегодня всего в нескольких списках XVIII–XIX вв., представляющих две его редакции¹³.

Гораздо меньше известно об Иуде Конешельском. Ранних письменных источников о нем не сохранилось. Сведения об Иуде, взятые, вероятно, из устной традиции, впервые были изложены местным крестьянином Филиппом Федоровичем Ляпушкиным в письме епископу Архангельскому и Холмогорскому Иоанникию от 4 августа 1904 г. Согласно этому преданию, Иуда был учеником Иова Ущельского и после гибели последнего основал на р. Попьюге, притоке Мезени, близ местечка Конешелье, свою пустынь. Над могилой Иуды неизвестно когда была устроена не-

¹⁰ Окладников Н. А. Поборники древнего благочестия. Архангельск, 2012. С. 197–208. Благодарю архангельского историка А. В. Новикова за указание этого издания и за помощь в комментировании мезенских реалий дневника.

¹¹ См.: Новиков А. В. Деревни Лешуконья: исторические очерки. Архангельск, 2007. С. 496.

¹² См.: Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009.

¹³ См.: Рыжова Е. А. 1) Житие соловецкого постриженника Иова Ущельского – малоизвестное сочинение XVII–XVIII вв. // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 313–329; 2) Житие Иова Ущельского в рукописно-книжной традиции Русского Севера (Вторая редакция) // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 545–574.

большая часовня в честь апостола Иуды, брата Господня, к которой в XIX–начале XX в. ежегодно 19 июня собирались богомольцы. В 1914 г. на средства Филиппа Ляпушкина здесь была построена церковь в честь апостола Иуды и открыта Иудина пустынь, ставшая филиалом женского Ущельского монастыря¹⁴.

Основное содержание дневника Ситникова как раз и составляет описание различных чудесных событий, связанных с Иовом Ущельским и Иудой Конешельским. При этом автор явно ориентировался на канон посмертных чудес, которые обычно следуют в житиях за рассказом о смерти святого. Записи начинаются с точного указания даты, предельно фактографичны, события нередко излагаются от лица свидетелей этих чудесных происшествий. Около 20 записей посвящены Иову и примерно столько же – Иуде; в одном рассказе угодники действуют вместе.

Содержание рассказов об Иове достаточно традиционно для агиографии: святой исцеляет от болезней, наказывает за грехи и нарушение различных запретов, спасает в дороге, оказывает помощь в лесу и т. п.¹⁵ В одной записи присутствует часто встречающийся в агиографии мотив «святой встает из своей гробницы». Иногда эти чудесные события происходят не наяву, а во сне, что также типично для книжных посмертных чудес. По признанию Ситникова, к св. Иову он испытывал особое благоговейное чувство уже с детства: «...я ходил каждой праздник к заутрени в Ущелье к святому Иову, растаяние от деревни 3 версты. Я ходил не скучал». Если по каким-то причинам он не мог попасть на службу, то чувствовал, «бытто чего-то не достаёт или чего-то бытто бы потерял» (л. 18–18 об.). В доме Ситниковых находилась икона с изображением Иова Ущельского, св. епископа Григория Неокесарийского (святого покровителя Г. Я. Ситникова) и св. преподобномученицы Евдокии (святой покровительницы его жены), а над ними, «выше всех святых написан нерукотворенной образ Спасителя» (л. 38 об.).

В конце XIX в. на Мезени имело место, судя по всему, усиление культа св. Иова, что также не могло не способствовать поддержанию благочестивого интереса Ситникова к его чудесам. В 1880-е гг. перестраивался архитектурный комплекс Ущельского прихода: в 1886 г. была возведена новая Христорождественская церковь; в 1889 г. – поновлена церковь Иова Многострадального¹⁶. Какой-то частью прихожан, в их числе и Ситниковым, прилага-

¹⁴ См.: Новиков А. В. Лешуконские храмы. Очерки истории церквей, часовен, монастырей, пустынь и скитов на территории Средней Мезени. Архангельск, 2015. С. 192–222.

¹⁵ Подробнее см.: Пигин А. В. Чудеса Иова Ущельского (из дневника мезенского крестьянина рубежа XIX–XX вв.) // Живая старина. 2016. № 4. С. 2–6.

¹⁶ См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. 2. С. 334, 335.

лись, по-видимому, усилия к возрождению в Ущелье монашеской жизни: «очюнь мы жадны монастырем, все бы желали» (л. 34). Чудеса св. Иова, с надлежащим церковным освидетельствованием, записывались и представителями местного клира. Так, в памятную книгу Ущельской церкви, которую составлял приходский священник о. Федор Смирнов, были внесены три чуда св. Иова, произошедшие в конце 1880-х гг.¹⁷ В 1890-е гг. материалы для жизнеописания соловецких святых, в их числе и Иова Ущельского, собирал о. Никодим (Кононов) (1871–1919), уроженец Мезенского уезда, известный агиолог, впоследствии епископ Белгородский, священномученик¹⁸. Ситников, по-видимому, был знаком с о. Никодимом и некоторые записи о чудесах св. Иова делал специально для него. В дневнике он рассказывает о своих безуспешных попытках отправить эти записи о. Никодиму по почте.

Важное событие в жизни Ущельского прихода произошло в 1888 г., когда во время ремонта Иовской церкви рабочие нашли в земле, под гробницей св. Иова, человеческие кости. Местные крестьяне подали прошение в Святейший синод о признании этих костей мощами Иова Ущельского и о переложении их в новую раку¹⁹. Прошение подписали восемь человек, среди которых был и Ситников²⁰. Это дело рассматривалось Архангельской духовной консисторией в течение нескольких лет. Прошение так и не было удовлетворено на том основании, что принадлежность костей св. Иову не была доказана. О тех же событиях 1888 г. повествуется и в дневнике Ситникова. Официальные рапорты и резолюции по этому делу представителей местного духовенства, с одной стороны, и крестьянский мемуарный источник, с другой, дополняют друг друга. В своем дневнике Ситников рассказывает, как он сам спускался к могиле и даже «похитил» частицу мощей святого (л. 34 об.). Если церковные власти в своем отрицательном решении по данному делу ссылаются на «Духовный регламент» 1721 г., запрещающий почитание «сумнительных мощей» без тщательного «розыску»²¹, то для Ситникова важным является сакральный прецедент. Обретение подлинных, в чем он несколько не со-

¹⁷ См.: *Никодим (Кононов), иеромонах*. Верное и краткое исчисление, сколь можно было собрать, преподобных отец соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших, которые известны по описаниям, и исторические сведения о церковном их почитании. Агиологические очерки. СПб., 1900. С. 78.

¹⁸ Никодим (Кононов) составил тропарь, кондак, молитву и акафист Иову Ущельскому, посвятил ему несколько публикаций (см., например: *Никодим (Кононов), иеромонах*. Преподобный Иов, Ущельский чудотворец, и судьбы основанной им обители. Исторический очерк. СПб., 1900).

¹⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1787. Л. 2–3 об. (Об оставлении без последствий просьбы крестьян Ущельского прихода Мезенского уезда о переложении мощей преподобномученика Иова). Благодарю Н. В. Савельеву за помощь в получении копии этого дела.

²⁰ Там же. Л. 3 об.

²¹ Там же. Л. 18.

мневается, мощей Иова Ушельского Ситников сравнивает с чудесным обретением головы Иоанна Предтечи, о котором он читал в Житии Матроны Цареградской. Конфликт Ситникова и других крестьян с местным духовенством в решении вопроса о судьбе найденных мощей, вероятно, стал одной из причин отхода Ситникова от господствующей церкви с последующим его обращением к «старой вере».

Рассказы об Иуде Конещельском изложены тоже по образцу посмертных чудес, но по своему содержанию несколько отличаются от записей об Иове. В большинстве этих рассказов речь идет о пропаже животных в лесу и их последующем возвращении благодаря Иуде. Иногда Иуда в качестве условия своей помощи повелевает хозяевам животных печь «коровашки» и раздавать их в течение определенного времени нищим. В одном из чудес он исцеляет от болезни быка. По данным современных этнографов, о возвращении потерявшихся животных местные жители молятся Иуде Конещельскому и в наши дни²². Функция «скотьего помощника» принадлежит на Севере и некоторым другим святым: например, Макарию Желтоводскому, почитавшемуся в Каргополье в Хергозерской пустыни, и Пахомию Кенскому. Севернорусские сказания об этих святах также включают рассказы о пропаже и исцелении животных²³.

Записанные Ситниковым истории об Иуде свидетельствуют о весьма неоднозначном отношении местного духовенства к его народному почитанию. Так, Ситников рассказывает о попытках местного священника из деревни Койнас Евграфа Калининкова разрушить часовню Иуды, «чтобы не ходили больше люди по овещанию к Юды» (л. 40). Кстати, жалобы о Евграфа на склонность местных жителей к расколу и нравственной распушенности еще в 1850-е гг. включил в свою книгу «Год на Севере» С. В. Максимов²⁴. Отец Евграф получил от «духовных властей» разрешение на ликвидацию часовни. Когда его помощники приступили к этому делу, Евграф ослеп и был прощен и исцелился только после того, как дал обет больше не разорять Юдину часовню. Вместе с тем среди тех лиц, кто обращался за помощью к Иуде в связи с пропажей животных, Ситников называет и местного священника – попа Нисогорского прихода Алексея Ильинского. После того как у него нашлись овцы, он «съездил к Иуды, сослужил панихиду Иуды и прославил Господа Бога и также и угодника» (л. 62 об.).

²² Благодарю А. Б. Мороза, поделившегося со мной этими сведениями.

²³ См.: *Пигин А. В.* 1) Литературные сочинения о преподобном Пахомии Кенском, Каргопольском чудотворце // *Вестник церковной истории.* 2009. № 1–2 (13–14). С. 100–120; 2) Сказание о иконе Макария Желтоводского и Унженского в Хергозерском монастыре Каргопольского уезда // *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации.* СПб., 2011. Т. 2. С. 76–111.

²⁴ *Максимов С. В.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 116–117.

В записях как об Иове, так и об Иуде в дневнике Ситникова зафиксирован, кроме того, широко распространенный на Русском Севере обычай давать обещание святому («класть заветы») о приношении в его часовню или церковь votивных предметов, нередко символически обозначающих больные или уже исцеленные части тела. Так, Ситников рассказывает, как однажды у него заболел палец. Во сне он увидел себя в Иовской церкви, Иов Ущельский повелевает ему подать серебряный наперсток, лежащий на церковном столике среди других предметов. Ситников выполняет это повеление, а после пробуждения приносит из дома в церковь Иова серебряный наперсток – точно такой же, какой он видел во сне.

Представленные в дневнике Ситникова формы народного культа Иова и Иуды в целом соответствуют практике почитания святых и святынь крестьянами на других территориях²⁵. Ценность данного материала в том, что эта практика оказалась запечатлена самим носителем этой традиции и в те времена, когда она еще не находилась в стадии угасания.

Рассказами о чудесах Иова и Иуды не исчерпывается содержание дневника. Ситникову являлись в «тонком сне» и некие безымянные святые, а также св. Матрона Цареградская и св. Феодосий Угличский и Черниговский. Во время пребывания в сёмженских кельях, где находилась местная почитаемая икона Казанской Божией Матери, он увидел во сне саму Богородицу. Ситников рассказывает о своем общении с бесом, живущим в голове бесноватой женщины, и с неким соловецким юродивым, явившимся ему во сне. Некоторые свои сновидения он переписывает дважды, дополняя второй список новыми деталями и толкованиями. Сон и явь порой причудливо совмещаются в его сознании. Так, рассказав о своем рукоположении в священника, Ситников вдруг заявляет: «хотя я и был поставлен во священники, но еще нечего ненаученой. <...> Должно быть, мне это привиделось во сне к утверждению» (л. 88 об.).

Отсутствие четких границ между миром реальным и трансцендентным, «тонкое» духовное зрение рассказчика и его глубокая вера в неизменное участие сакральных сил в его собственной жизни и жизни его земляков – таковы отличительные особенности этого интересного памятника поздней крестьянской письменности.

²⁵ См.: Панченко А. А. 1) Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998; 2) Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности. «Крестьянская агниология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012; Мороз А. Б. Святые Русского Севера...

А. И. Васкул

ЭКСПЕДИЦИИ К СТАРООБРЯДЦАМ- ФИЛИППОВЦАМ ВЯТСКОГО КРАЯ 2014–2015 гг.*

Большинство материалов Древлехранилища и Фонограммархива Пушкинского Дома происходит из мест, некогда населенных старовеерами, которые берегли свои традиции, сохраняли и передавали их из поколения в поколение, потому каждая поездка археографов и фольклористов в старообрядческие деревни заранее обещала новые находки. Такое же предчувствие не покидает и современных исследователей, собирающихся к старообрядцам.

В 2014–2015 гг. состоялись две совместные фольклорно-археографические экспедиции ИРЛИ и Рукописного отдела БАН в Слободской район Кировской области¹. Работа Пушкинского Дома в Кировской области началась в 2010 г., когда А. Н. Власов и Е. А. Дорохова выявили старообрядческую общину поморского согласия в Мурашинском районе, планомерное изучение которой проводилось в 2011–2014 гг. под руководством А. Б. Бильдюг².

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-34-01051.

¹ Участники поездок: А. И. Васкул, Л. А. Ершов, Н. А. Ефимова, М. В. Кужлев, А. А. Савкин. Пользуясь случаем, выражаю благодарность коллегам, чьи материалы использованы в настоящей статье.

² Бильдюг А. Б., Александрова Т. И., Власов А. Н., Ефимова Н. А., Чурина И. О. Археографическая экспедиция на север Вятки // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 2. С. 96–101; Бильдюг А. Б., Бобров А. Г., Власов А. Н. Археографические экспедиции Древлехранилища им. В. И. Малышева в 2009–2011 гг. // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов. Петрозаводск, 2012. С. 55–61; Бильдюг А. Б., Бобров А. Г., Васкул А. И., Комелина Н. Г. Обзор фольклорных и археографических экспедиций Пушкинского Дома 2008–2013 годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3. С. 215–224; Васкул А. И., Комелина Н. Г. Экспедиции Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН 2007–2013 гг. // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию – 2013. СПб., 2014. С. 68–75; Бильдюг А. Б., Ершов Л. А.,

Таким образом, поездка в Слободской район стала логическим продолжением исследований старообрядческой культуры Вятского края.

В начале 1990-х гг. в рамках фронтального обследования Кировской области на предмет бытования рукописных книг археографами БАН была обнаружена старообрядческая община на севере Слободского района. Итогом поездок стали привезенные рукописные и печатные книги, исторические документы, письма, которые отложились в Вятском собрании Рукописного отдела БАН. На рубеже 1990–2000 гг. в этих местах собирали фольклорные и этнографические материалы студенты Московского университета и сотрудники Слободского краеведческого музея³.

Согласно историческим источникам и воспоминаниям старожилов, интересующая нас территория заселялась в середине XIX в. старообрядцами из Загарского и Медянского приходов Вятского уезда, Гороховского прихода Орловского уезда и Анкушинского прихода Слободского уезда⁴. Ранее в этих местах существовал целый куст деревень – Осиновка, Веселово, Березник, Камешка, Кузьминск, жители которых во второй половине XX в. переселились в Осиновку, где работали наши коллеги-предшественники. В начале 2000-х гг. Осиновка опустела⁵, а ее обитатели разъехались по различным населенным пунктам Кировской области (Сухоборка, Подсобное, Денисовы, г. Слободской и др.) и в г. Киров. Во время экспедиций мы по возможности постарались посетить всех бывших «осиновцев», но в основном работали в Сухоборке, которая является ближайшим к опустевшей деревне жилым поселением.

В обследованных населенных пунктах проживают старообрядцы, как они сами себя определяют, беспоповского филипповского согласия⁶. Ме-

Ефимова Н. А., Кужлев М. В., Луцц С. А. Археографические экспедиции Пушкинского Дома в северо-западные районы Кировской области (2012–2013) // Там же. С. 76–82.

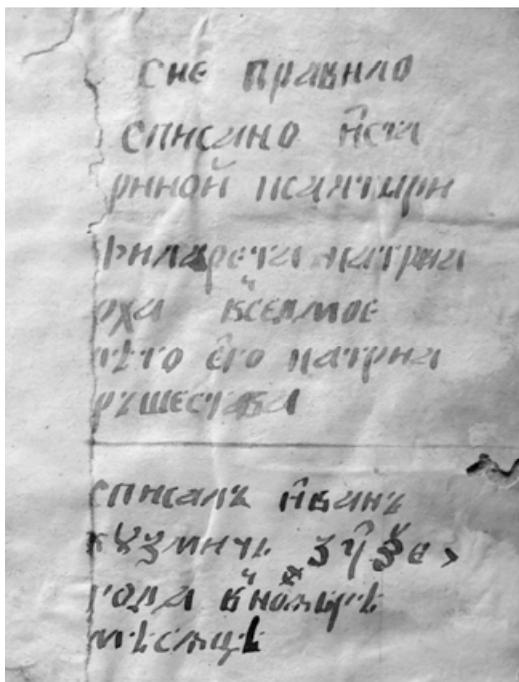
³ *Асанова П. Л.* Сюжет легенды о табаке в старообрядческой культурной традиции: генезис и история (по материалам экспедиций МГУ в Уржумский и Слободской р-ны Кировской обл.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Asan.htm> Дата обращения: 18.05.2016; *Долматова Т. М.* 1) Экспедиционные исследования Слободского краеведческого музея в 1995–2000 гг. // Музейный вестник. 2001. 8 июня. № 1. С. 6–7; 2) Былички лесной стороны // Там же. С. 7–8; 3) Старообрядцы деревни д. Осиновка Слободского района Кировской области в конце XX – начале XXI в. (по материалам экспедиций Слободского краеведческого музея) // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 2014. Т. 2. С. 212–215; История Вятского края в преданиях, легендах и песнях. М., 2006.

⁴ *Долматова Т. М.* Старообрядцы деревни Осиновка... С. 212–213; *Клабукова В. В.* Из истории старообрядчества Слободского уезда Вятской губернии во второй пол. XIX в. // Слободской и слобожане. Слободской, 2001. С. 99.

⁵ *Наговицин С.* В Осиновке не слышно голосов // Слободские куранты. 2010. 13 февр. № 24.

⁶ О старообрядцах-филипповцах Южной Вятки см.: Филипповское родословие: исторические сочинения старообрядцев-филипповцев Поволжья и Южной Вятки / Публ., предисл. и ком. *А. А. Исэрова. М., 2004; Кнорре Б., Исэров А.* Старообрядцы самых строгих правил. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.keston.org/russia/articles/r17/02filippovtsi.html>. Дата

стные жители следующим образом говорят о своей вере: «Нам-то хуже будет вас-то, у нас вера филипповская, она строгая, они же все братья-то: и Даниил, и Федосей, они все они братья были, все едино было, как хорошо – ничего не делили, а теперь, поди, братья-то раскидали все. Филипп какой-то нашелся, и мы оказались в строгой вере. <...> Посты строгие, все строгое» [УФТ].

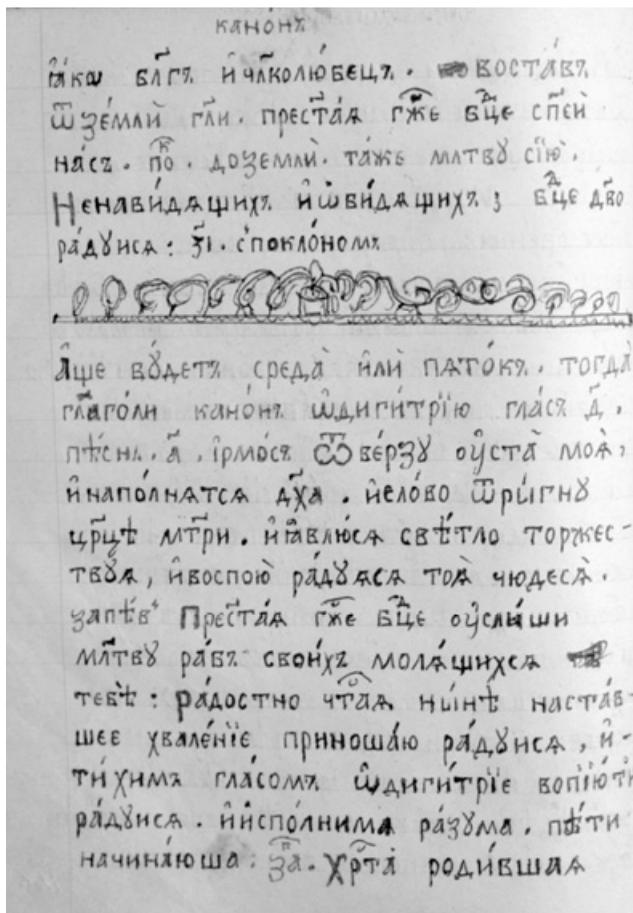

Практически все опрошенные информанты рассказывали о старообрядческом «монастыре», организованном в начале XX в. братьями Чупраковыми: по одним сведениям в самой Осиновке – на втором этаже их родового дома, по другим – в стороне от деревни, когда бежали от притеснений. «В 1920-х на них “настучали”. Староверы собрали пожитки и ушли в лес. Хотели арестовать, но их нету – местные не выдали. Жили в лесу. Там был дом, мельница и даже несколько могил»⁷. Некоторые при-

обращения 20.05.2016; Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки (по итогам комплексных археографических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова) / Сост. В. П. Богданов и др. М., 2012 и др.

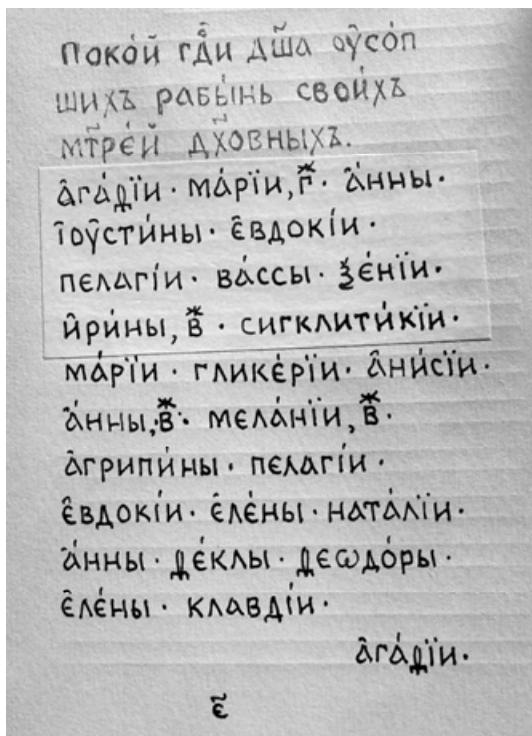
⁷ Полевой дневник 2014 г. А. И. Васкул, А. А. Савкина. Л. 10.

поминали, что при «монастыре» обучали книгописанию. Несколько человек назвали имя одного из учеников – Николая Семеновича Урванцева, детство которого прошло в «монастыре», затем его насилу женили, он поселился с семьей в Кузьминском, где за деньги переписывал книги. Также о значимости осиновской общины свидетельствует и тот факт, что в Осиновке проходил один из филипповских соборов в 1921 г.

Во время поездок выявлены и частично сфотографированы 27 печатных и 33 рукописные книги. Печатные книги по большей части представляют собой печать Преображенской и Почаевской типографий. Рукописи датируются XIX–XXI вв., среди них преобладают богослужебные сбор-

ники (Псалтырь, молитвословы, служебник и др.). В дар Пушкинскому Дому получены фрагмент Кормчей XIX в., три сборника духовных стихов XIX – начала XX в., несколько писем (письма из Сибири начала XX в.; переписка осиновских и кировских старообрядцев конца XX в.)⁸.

Нам удалось проследить судьбы старообрядческих крестьянских библиотек, описанных археографами в 1990-х гг. Одним из таких собраний явилась библиотека Романа Ивановича Урванцева (1914–2004)⁹, пользовавшегося большим авторитетом не только среди жителей Осинки, но и среди кировских старообрядцев-филипповцев. В руках Р. И. Урванцева сосредоточилась обширная коллекция рукописных и печатных книг XVII–XX вв., часть из которых он передал в Рукописный отдел БАН, а остальные

⁸ Привезенные материалы вошли в состав Мурашинского собрания Древлехранилища ИРЛИ РАН.

⁹ О Р. И. Урванцеве см.: Помещикова О. Через три войны // Слободские куранты. 1996. 29 окт. № 131. С. 3.

распределил между сыновьями, бережно хранящими наследство отца. Некоторые собрания пополнились новыми книгами, доставшимися от умерших родственников или обнаруженными в заброшенных домах – с последними новые владельцы легко расставались, передавая нам в дар.

Нами установлены имена местных переписчиков старообрядческих текстов. Так, на обороте нижней крышки рукописи «Правило для не умеющих молиться», которую нам любезно разрешили сфотографировать владельцы, имеется запись: *«Сие правило списано из стариной псалтыри Филарета патриарха в седмое лето его патриаршества. Списал Иван Кузмич 7465 (1957) года в ноябре месяце»*. Значительное количество рукописных сборников, которые нам довелось видеть, было скопировано рукой Р. И. Урванцева.

Особой удачей явилась встреча с современным переписчиком богослужебных книг, проживающим сейчас в г. Киров, но родившимся в д. Осиновка. В кировской филипповской общине в недавнем времени развернулась полемика, касающаяся богослужебных текстов, набранных на компьютере: разрешается на службе использовать ксерокопии, сделанные с рукописных книг, а набранные на компьютере тексты с рукописных или старопечатных образцов запрещаются: *«Печатал, этот живет, как его, живет иас в Америке, он приезжает на каждую, на Пасху приезжает, на Богоявление иногда еще. <...> И он даже, значит, службу напечатал, службу напечатал вот эту, напечатал здесь, и там сразу оттуда и посылал сюда, там сразу на ксероксе размножил всё, через компьютер, значит, сам печатал, всё, всю полностью, всё подряд, вот так знаете, здесь служба только всё написано, он полностью написал, где “Господи помилуй”, где молиться, где чо, всё, всё, всё. <...> И размножили они, книги стоят вот сейчас, вот, этот, когда Василий, был у меня брат духовный вот этот, он год как он, сегодня у нас 16-е? Сегодня как раз у него година, год как раз, и вот, а этот, когда он умер, этот второй-то духовный, всё, не признает эти книги: “Они, говорит, это, в поганой яме сделаны, через компьютер, компьютер – это, говорит, поганая яма, и всё”. Не признает и не даёт. Неприятность такая. <А то, что Вы пишете, приветствует?> Дело в том, что надо, надо, не дает тем книгам, так надо по чем-то петь. <А те, что перепечатывались с Вашей руки?> Да, как он перепечатывал. Вот, я знаете, вот Торжественник, Торжественник у меня был написан, взяли и перепечатали. Взяли вначале сканировали, сфотографировали, через компьютер пропустили, отпечатали это, цветной, на ксероксе и сшили. И книжечк с 1000 рублей штучка, 20 штук сделали – 20 000 заплатили. Дак, вот я и говорю: “Дак там компьютер, человек печатал сам на компьютере, а тут взяли сфотографировали эту из книги, взяли пустили на компьютер, он же программу взял же, всё тоже самое, пустили цвета, взяли по 1000 заплатили. Ты, говорит, признаешь эти книги, а там не признаешь”*. “А там другая, гово-

рит, от руки написано". Какая, какая разница, руками написано или что там. Неприятно, знаешь. <А фотографировать можно книги?> По идеито нельзя фотографировать. <Почему?> Так даже фотографироваться грешно. <Почему?> Грех. Ну, куда деваться, на паспорт там, а куда уж выход, некуда не денешься» [ЧСТ]. В данном случае можно отметить благотворное влияние запрета «компьютерных» текстов, поскольку благодаря ему молитвы для богослужений в общине переписываются от руки, что является своего рода толчком для продолжения рукописной традиции: при копировании соблюдаются все внешние атрибуты в оформлении книг (полуустановка, киноварь в заголовках и инициалах, титлы, переплет).

Некоторые книжные сюжеты, особенно полюбившиеся старообрядцам, перешли в устное бытование. Среди местных жителей пользуются популярностью эсхатологические рассказы о конце света, вероятно, заимствованные из «Видения мниха Григория», входящего в Житие Василия Нового: «Засуха, реки изойдут постепенно, железно небо, оловяна земля, трещины на земле, что человек не перескочит. Вострубят ангела и сойдет Господь судить кто-куда угоден. Ад – смола, огонь. Пока есть на свете верующие, то Господь терпит. Есть книга, которую не положено всем читать – поминали ее, но где не знает. Там описано все: как свет начался. Самолеты – по-божественному – змеи, провода – тенёта, все опутано. Умершим легче будет на том свете, а тем, кто не успел – тяжелее» [ОВВ]. Также нами зафиксированы народные рассказы о жизни святых: Богородице, Марии Египетской, Иоанне Богослове, Макарии Александрийском, Паисии, Уаре и др.; пересказы легенды о происхождении табака и духовного стиха об Алексее, человеке Божиим. Свидетельством распространенности в прошлом духовных стихов явились устные записи в двух вариантах позднего стиха «Умоляла мать родная» (в одном случае он был пропет по памяти, во втором – по печатному сборнику духовных стихов начала XX в.), а также бытование среди местного населения сравнительно большого количества рукописных сборников с текстами данного жанра.

В дальнейшем, помимо «полевой» работы со старообрядческими общинами, планируется провести разыскания в архивах Слободского района, Кирова, Петербурга и Москвы, что позволит наиболее полно исследовать историю, книгописную и литературную традиции одной из филипповских общин староверов Вятского края.

Список информантов

- ОВВ, муж., 1934 г. р., п. Сухоборка, зап. в 2014 г. А. И. Васкул, А. А. Савкиным.
ЧСТ, муж., 1937 г. р., г. Киров, зап. в 2014 г. А. И. Васкул, Н. А. Ефимовой, А. А. Савкиным.
УФТ, жен., 1938 г. р., п. Сухоборка, зап. в 2015 г. А. И. Васкул, Н. А. Ефимовой, М. В. Кужлевым.

А. М. Петров

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРИЗАЦИИ КНИЖНОГО ТЕКСТА

Современная фольклористика имеет дело с текстами разного происхождения, различной типологии и структуры. Жанровый состав фольклора представляет собой весьма пеструю картину: от значительных по объему стихотворных текстов, обладающих художественными достоинствами, до лапидарных прозаических меморатов, смыкающихся со стереотипами бытовой речи. Фольклорный текст формируется под влиянием множества факторов, учесть и оценить которые в полной мере не всегда представляется возможным. Это и личность носителя традиции (персональный жизненный опыт в разнообразных аспектах его проявления), и разного рода иножанровые вкрапления, и объекты культуры, не связанные напрямую с фольклорной системой. К последним могут относиться, например, кинематограф, живопись, литература и т. д.

Предлагаемая статья описывает некоторые фольклорные тексты, которые испытали прямое воздействие книжной традиции. Материал исследования – духовные стихи, записанные в экспедициях на Русском Севере и хранящиеся в НА КарНЦ РАН¹. Специфика духовных стихов заключается в том, что это сравнительно поздний жанр, включенный в систему русского фольклора не ранее периода христианизации Руси. В основе духовных стихов – книжное знание: Библия, агиографические сочинения, апокрифы, гомилетика и т. д. Попав в фольклорную систему координат, образы и сюжеты христианской модели мира претерпели трансформацию – структурную, семантическую. Этот процесс называется *фольклоризация*. Направления фольклориза-

¹ См.: Русские эпические песни: Каталог рукописного фонда Научного архива КНЦ АН СССР / Сост. В. П. Кузнецова, науч. ред. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1990.

ции христианских книг весьма многочисленны, и духовные стихи здесь не единственный жанр: в фольклорной традиции бытуют переказы Библии, тексты народной агиографии, легенды и т. п.²

Фольклоризация представляет собой отдельную теоретическую проблему. Значимое подспорье в ее исследовании – поздние экспедиционные материалы (то есть материалы, зафиксированные на позднем этапе бытования жанра, зачастую на стадии его угасания). Их значение велико по двум причинам: во-первых, степень фольклоризации литературного текста тем выше, чем дальше хронологически (а также и географически) фольклорный текст отстоит от своего «прототипа»; во-вторых, профессиональная культура собирания фольклорного материала в XX в. существенно выросла: архивные материалы этого периода представляют собой вполне достоверные и аутентичные источники.

Рассмотрим основные направления фольклоризации, которые удастся выявить по имеющимся в нашем распоряжении текстам.

I. Область семантики (переосмысление книжного образа в привычных для фольклорного сознания категориях)

В 1957 г. в Медвежьегорском районе был записан вариант духовного стиха «Алексей, человек Божий»³. Вариант интересен наличием мотива беременности княгини от съеденной рыбы (белуги). Этот мотив имеет фольклорную природу и зафиксирован, например, в волшебных сказках. Книжному «Житию преподобного Алексия, человека Божия» он неизвестен. В духовных стихах этот сказочный мотив был впервые отмечен В. П. Адриановой в ее работе, посвященной «Житию Алексия» и его фольклорным версиям⁴. На устойчивость этого мотива в заонежских вариантах поздней фиксации указывал Ю. А. Новиков⁵. Исследователями предпринимались попытки интерпретации данного мотива в контексте христианской символики (рыба – это Христос, крещение и Богородица)⁶, однако эти попытки не вполне убедительны.

² См., например: *Мороз А. Б.* Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009; «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и ком. О. В. Беловой; отв. ред. В. Я. Петрухин. М., 2004 и др.

³ НА КарНЦ РАН. Кол. 80. № 47, 49, 98. Тексты опубликованы: Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2015. № 210, 213.

⁴ *Адрианова В. П.* Житие Алексия человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 376.

⁵ *Новиков Ю. А.* К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор. Л., 1971. Вып. 12: Из истории русской народной поэзии. С. 213.

⁶ *Федорова С. В.* Региональные особенности севернорусских вариантов духовного стиха об Алексее человеке Божиим // Художественный текст: Опыт интерпретации: Сб. науч. статей к 75-летию Карельского государственного педагогического университета / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск, 2007. С. 20.

Фольклорной традиции известны и другие способы чудесного рождения героя (зачатие от съеденного плода, от выпитой воды, от наговоров, изготовление из глины или дерева и т.д.)⁷. Мотив чудесного рождения – «один из очень распространенных мотивов мирового фольклора и, в частности, сказки. Но он известен не только в сказке. Непорочное зачатие имеется, насколько можно судить, во всех мировых религиях – от самых ранних и примитивных до поздних, включая христианство»⁸. Чудесному рождению героя в духовном стихе «Алексей, человек Божий» предшествует мольба благочестивых родителей о создании чада. В. М. Жирмунский указывал, что этот мотив имеет «очень древнюю основу: бог или святой, к которому обращалась с молитвой бездетная мать, первоначально должен был мыслиться как племенной тотем, являющийся подлинным отцом чудесного ребенка»⁹. Этот сюжетный ход относится к топике агиографических сочинений, составляет часть канона житийного жанра. Благочестивые родители обращаются к Богу, и через некоторое время Бог посылает им дитя. Проникнув в духовный стих из «Жития», мотив чудесного рождения подвергся фольклоризации (архаизации) под влиянием сюжетных стереотипов сказочной традиции: княгиня беременеет после того, как князь Ефимьян кормит ее выловленной рыбой. Напомним, что мотив зачатия от съеденной рыбы восходит, согласно данным В.Я. Проппа, к тотемистическим представлениям: в образе рыбы воплощен тотемный предок, вернувшийся из подводного царства мертвых. Вкушение же рыбы есть «частный случай мотива съедения предка в целях его возрождения»¹⁰. Смысловой опорой для возникновения и закрепления в фольклорной традиции этого сюжетного стереотипа послужили бытовые представления о необычайной плодовитости рыбы (рыба в народной культуре – это символ плодовитости, избытка и многодетности)¹¹. Так фольклорные стереотипы, восходящие к глубинам мифологической традиции, втянули в свою орбиту поздний книжный мотив, переработав его по собственным законам, нормам, шаблонам.

Интересным примером фольклоризации может служить также эпизод прощания Алексея с супругой. В «Житии» этот эпизод имеет христианскую смысловую окраску: святой отдает супруге золотой перстень (кольцо) и пояс, предварительно завернув их в порфирную ткань (или в

⁷ Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 205–240.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 24.

¹⁰ Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения. С. 232.

¹¹ Там же. С. 230–231.

персидский шелк). Так герой отрекается от супружества (то есть от земного счастья) с тем, чтобы обрести смысл жизни и духовное счастье в служении Богу¹². В фольклорных же текстах поздней фиксации этот эпизод переосмыслен в духе сказочной традиции: кольцо и пояс должны сообщить княгине о судьбе Алексея¹³. В момент смерти святого пояс должен расплестись, а кольцо – распясться (то есть распасться на части). У истоков этого сказочного мотива лежит мифологическое представление о соотносительности человеческой жизни с кругом (отсюда устойчивые языковые обороты *цикл жизни, круг бытия*). Разрыв круга знаменует наступление смерти. Иногда герой отдаёт нож со словами: «Вот тебе ножичек, как будет темнеть, тогда меня живого не будет, а если будет светлый, тогда я живой»¹⁴. Здесь символика связана с тьмой как символом небытия, однако суть эпизода аналогична: по судьбе предмета можно определить судьбу его обладателя. На поздних этапах бытования духовных стихов передача вещей осмысливается в рациональном ключе: «Да как станет тебя тоска ушибати, / Да взгляни на мой на шелковый пояс, / Да вся у тебя тоска разойдет»¹⁵.

Поздние экспедиционные записи содержат и другие интересные примеры архаизации книжного образа. Рассмотрим, например, вариант сюжета «Егорий Храбрый» 1937 г. фиксации. Здесь Егорий Храбрый появляется в облике коня: «Как тут стал наш конь / Копытом топтать что ножом колоть, / Заговорил тут конь громким голосом: / “Я не конь, не конь, я – Егор Храбрый! / Ты же быть, змея, что скотинина, / Что скотинина у крестьянина”»¹⁶.

Каноническим можно считать описание, согласно которому Егорий Храбрый является на коне (часто на белом коне). Этот образ популярен в иконописи, он лег в основу герба Москвы. В духовном же стихе мы сталкиваемся со случаем возвращения образа к его архаичному состоянию, в котором человек и животное составляли нерасчлененное целое. Образ Егория на коне в духовных стихах является поздним, исторически вторичным по отношению к своему архаическому предшественнику – фольклорному змеборцу. Образ такого змеборца, согласно данным Б. Н. Путилова, принадлежит догосударственному эпосу¹⁷. «Однако, – пишет Б. Н. Путилов, –

¹² Хлыбова Т. В. Пояс в традиционной эпической поэзии и духовных стихах (к вопросу о жанровых особенностях поэтического образа) // Традиционная культура. 2005. № 3. С. 46.

¹³ См. об этом также: Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия... С. 399–400; Хлыбова Т. В. Пояс в традиционной эпической поэзии... С. 47.

¹⁴ НА КарНЦ РАН. Кол. 130. № 13. См.: Духовные стихи Русского Севера. № 89.

¹⁵ Там же. Кол. 79. № 646. См.: Духовные стихи Русского Севера. № 132.

¹⁶ Там же. Кол. 107. № 50. См.: Духовные стихи Русского Севера. № 315.

¹⁷ Путилов Б. Н. Русские и южнославянские эпические песни о змеборстве // Русский фольклор. М.; Л., 1968. Вып. 11: Исторические связи в славянском фольклоре. С. 36.

поздние мотивы и идеи в нем постоянно встречаются. Характерна, например, разработка сюжета об уничтожении змея-наильника в религиозно-христианском плане (песни о св. Георгии)¹⁸. Как верно указывает В. Я. Пропп, духовный стих «имеет все признаки вторичного образования: это тот же сюжет, что в сказке о герое, освобождающем царевну от змея, которому она отдана на съедение, но перелицованный на церковно-религиозный лад»¹⁹. Однако ни в одном из известных опубликованных вариантов не зафиксирован мотив превращения, перевоплощения коня в Егория. Вероятно, данный мотив привлечен сказителем из волшебной сказки. Он восходит к мифологическим (тотемистическим) представлениям²⁰, а в духовный стих привнесен механически, по ассоциации. Тем не менее появление этого мотива в духовном стихе придает жанру определенную архаичность, напоминает о мифологических истоках фольклорного образа.

II. Область структуры

Еще одним направлением фольклоризации являются изменения структурного плана. Здесь можно выделить несколько основных линий развития.

1. Редукция, сжатие

В июне 1935 г. был записан вариант духовного стиха «Алексей, человек Божий», который начинается сказочным зачином: «Жил-был Ефимьян – князь богатой»²¹. Напомним, как звучит зачин в книжном «Житии»: «В граде Риме жил один благоверный человек по имени Евфимиан, бывший в почете у римских цесарей Гонория и Аркадия. Богат он был очень, имел триста рабов-домочадцев в шелковых одеждах с золотыми поясами, но не имел наследника, ибо супруга его была бесплодна»²².

Духовный стих, как мы видим, привлекает для построения зачина краткую инициальную формулу из арсенала стилистической обрядности волшебной сказки. Это вполне обычная для фольклора ситуация: в условиях устного исполнения рассказчик не имеет возможности и времени выстраивать многоуровневую, многослойную образную фактуру и опирается лишь на смысловые доминанты, а детали и подробности, выраженные в «Житии» в весьма замысловатой, витиеватой форме, теряют свое значение и отсекаются как избыточные.

¹⁸ Путилов Б. Н. Указ. соч.

¹⁹ Пропп В. Я. Змеборство Георгия в свете фольклора // Пропп В. Я. В свете фольклора. М., 2007. С. 88.

²⁰ Криничная Н. А. Мифологема перевоплощения персонажей в карельских эпических песнях: предпосылки, ситуации, образы // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 118–128.

²¹ НА КарНЦ РАН. Кол. 28. № 125. См.: Духовные стихи Русского Севера. № 70.

²² Житие Алексия человека Божия // Библиотека литературы Древней Руси. М., 1999. Т. 2: XI–XII вв. С. 245.

Редукции подвергается и эпизод обучения Алексея грамоте. В «Житии» этот эпизод передан следующим образом: «Когда же отроку пришло время учиться, отдали его сначала обучению грамоте, и он познал всю грамматику, церковные правила и немного риторику, и был отрок очень умным»²³.

В фольклорной традиции происходит сжатие эпизода до размера, который достаточен для передачи смысла оригинального текста, большего рассказчику не требуется: «Стал Алексей возрастати. / Стало Алексею лет двенадцать, / Стали Алексея к грамоте учить, / Алексею грамота далася»²⁴.

Эпизод подвергся существенной, коренной переработке: второстепенные для исполнителя детали исчезают, уступая место краткой передаче общей идеи: святой быстро постигает грамоту и книжную (церковную) премудрость. Для указания на возраст святого используется символический нумератив *двенадцать*, заимствованный из фольклорной традиции.

Иногда можно констатировать и обратный процесс: *усложнение* исходного текста, насыщение его новыми образами и мотивами. Обычно источником этих усложнений становится сама фольклорная традиция. В этом случае перед нами второй тип структурной фольклоризации.

2. Усложнение

Примером структурного количественно-качественного усложнения может послужить упомянутый нами ранее мотив мольбы благочестивых родителей о рождении чада. В «Житии» последующая за мольбой коллизия передается самыми скупыми средствами, житийный текст лаконичен: «И Бог воздал ей за ее добродетель: она зачала и родила сына»²⁵.

Совсем иначе дело обстоит в тексте фольклорном: «Пресвятая Богородица глас возгласила, / Ефимьяну возрець говорила: / Стань, Ефимьян, убудися, / От крепкого сна пробудися, / Свежей водою умойся, / В бело полотенце утрися, / Господу Богу помолися, / Сходи во свою новую ложню, / В свою белокаменну палату. / Там у тебя радость сочинилась: / Молодая княжна сына породила. / Сходи по рынкам по торговым, / Зови попов, протопопов, / Зови властей, архиреев, / Пусть младенцу имя нарекают, / Алексеем, человеком Божьим называют!»²⁶.

В фольклорной традиции этот фрагмент получил, как мы видим, существенное развитие: в сравнении с лаконичным текстом «Жития» в духов-

²³ Житие Алексия... С. 245.

²⁴ НА КарНЦ РАН. Кол. 28. № 125. См.: Духовные стихи Русского Севера. № 70.

²⁵ Житие Алексия... С. 245.

²⁶ НА КарНЦ РАН. Кол. 28. № 125. См.: Духовные стихи Русского Севера. № 89.

ном стихе речевой план сакральных сил (в данном случае Богородицы) представляет собой целый монолог-обращение, насыщенный образами и мотивами, которые в оригинале отсутствуют. Для усложнения исходного текста привлечены средства традиционного эпического повествования, элементы фольклорной поэтической фразеологии.

На первый взгляд сама возможность усложнения оригинала противоречит общей идее простоты, лаконичности фольклорной формы, однако противоречие это иллюзорное. Редукции подвержены, как правило, чужеродные для фольклорной традиции образы и формы, стилистические средства – все то, что не находит для себя опоры в заимствующей культуре: так, книжная формула «суетность скоропреходящих мирских благ» попросту невозможна в фольклорном тексте. Усложнение же осуществляется посредством фольклорных форм, хорошо знакомых исполнителю. При помощи усложнения текст насыщается новыми красками, новыми деталями, приобретает новые смысловые грани. Усложнение – один из способов (наряду с редукцией) выполнения важнейшей для народной культуры функции – *интерпретации* книжного знания, *адаптации* его к меркам и канонам фольклорной картины мира.

3. *Замещение, перераспределение функций персонажей*

Примером может послужить цитированный эпизод стиха «Алексей, человек Божий»: вместо жены Ефимьяна к Богу обращается сам Ефимьян; на его просьбу откликается Богородица, а не Господь. Принципиальных отличий от оригинала нет, в фольклорном произведении несколько иначе распределены функции персонажей. Фольклоризация не носит количественного характера.

Любопытные примеры перераспределения функций приводит Ю. А. Новиков: «В одном из духовных стихов “Муки Егория”, – пишет он, – совсем не упоминается имя Егория Храброго – его место занимает “царице Кудрянище”, которого разбойники посадили в глубокий колодец и завалили колодою. В другом стихе о Егории святой тоже не появляется – “Лисапеда Агапеевна” самостоятельно управляется со змеем»²⁷. Ю. А. Новиков объясняет подобные случаи разрушением традиции исполнения духовных стихов.

III. Область языка и стиля

Наконец, фольклоризации подвергается языковая ткань текста. В фольклорной системе координат приоритет, естественно, за фольклорными языковыми средствами – иное попросту невозможно. Сюжеты духовных стихов насыщены соответствующей стилистикой: в частности, обильно используются формулы народно-поэтической фразеологии: «Тут

²⁷ Новиков Ю. А. К вопросу об эволюции... С. 216.

не скоро дело ведется, / Не так скоро стих поется»²⁸; «А что ль *собака царь-то* похваляется»²⁹; «Поднялися тут да *ветры буйные*, / *Вси пески желты* да вси распалися»³⁰ и т. д.

О фонетических изменениях не приходится и говорить. Очевидно влияние диалекта, народной этимологии, фонологической системы родного языка: *Ефимьян* или *Ефим* вместо *Евфимиян*; *Вельямин* вместо *Вениамин*; *Перфилий* вместо *Потифар* и т. д.

Значительным трансформациям подвергается синтаксис: в поздних вариантах он приобретает отчетливые черты обытовленности³¹.

Мы рассмотрели способы фольклоризации книжного текста в народной среде на материале поздних экспедиционных записей русских духовных стихов. Выявленные закономерности в общих контурах соотносятся с тенденциями, уже описанными ранее другими исследователями: «упрощение сложного повествования», замещение книжных эпизодов «более привычными сюжетными звеньями, заимствованными из традиционных фольклорных жанров», замена «реалиями, более близкими местному быту и укладу жизни»³².

Линии и направления фольклоризации освещены нами конспективно. Привлечение большего количества фольклорного материала, очевидно, должно скорректировать наши выводы – по крайней мере, в частных аспектах. Более внимательного рассмотрения заслуживают и книжные источники: в отличие от текстов литературы нового времени, древнерусские жития распространялись в многочисленных списках, которые необходимо учитывать при сопоставительном анализе. Определенное влияние на духовные стихи могла оказать также лубочная традиция.

Мы привлекли для аналитических операций преимущественно духовный стих «Алексей, человек Божий». В качестве материала для сопоставлений использовался древнейший известный список одноименного жития, опубликованный в серии «Библиотека литературы Древней Руси». В качестве контрольного материала выступил список, опубликованный в сборнике «Четьи Минеи» святителя Димитрия Ростовского. Разумеется, этого недостаточно для широких обобщений,

²⁸ НА КарНЦ РАН. Кол. 36. № 162. См.: Духовные стихи Русского Севера. № 58.

²⁹ Там же. Кол. 145. № 31. В сборнике В. П. Кузнецовой текст не опубликован, но упоминается в примечаниях (см.: Духовные стихи Русского Севера. С. 596. Прим. к № 155).

³⁰ НА КарНЦ РАН. Кол. 145. № 42. См.: Духовные стихи Русского Севера. № 153.

³¹ См. об этом: *Петров А. М.* Фольклорный текст в диахронии: архивные материалы как источник для исследования проблемы жанровой эволюции русского духовного стиха // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 121–128.

³² *Кузнецова В. С.* Устное бытование библейской легенды об Иосифе Прекрасном: фольклоризация сюжета // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 9.

однако этого вполне достаточно для формулировки важнейших закономерностей фольклоризации, для выработки основных параметров, на которые можно ориентироваться в дальнейшем.

Итак, поздние экспедиционные записи, во-первых, дают возможность судить о состоянии традиции исполнения жанра в соответствующий период, во-вторых, снабжают исследователей достоверным, качественным материалом для постановки и решения теоретической проблемы фольклоризации книжного текста. Благодаря этому материалу можно выявить основные пути фольклоризации, проследить семантические и структурные изменения, которые претерпевает книжный образ в фольклорной среде.

Н. Г. Урванцева

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КРАЕВЕДА К. Ф. ФИЛИМОНОВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКЕ г. ПЕТРОЗАВОДСКА *

Кузьма Филимонович Филимонов (1855–1924) – петрозаводский краевед, собиратель и издатель фольклорных текстов и этнографических материалов. Сведения о его жизни очень немногочисленны. Их можно обнаружить в некрологах С. Ш. и А. Х.¹, в биографическом очерке и статье А. И. Филимонова², в статье А. М. Пашкова³. Имя краеведа упоминается в материалах об истории Национальной библиотеки Республики Карелия⁴. Филимонов родился в д. Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии 25 октября 1855 г. в многодетной семье священнослужителя, учился в церковно-приходской школе в Коштугах. В 1879 г. он окончил Олонецкую духовную семинарию в Петрозаводске, после окончания семинарии 8 лет учительствовал в Вытегорском уезде. Затем Филимонов переехал в Петрозаводск и поступил на службу по-

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. Подпроект «Лаборатория «Философские, исторические и культурологические исследования»».

¹ С. Ш. К. Ф. Филимонов [некролог] // Красная Карелия. 1924. № 137. С. 4; А. Х. Козьма Филимонович Филимонов [некролог] // Краеведение. 1924. № 4. С. 476.

² Филимонов А. И. Филимонов Кузьма Филимонович (1855–1925) – учитель, краевед // Жизнь замечательных петрозаводчан: [сб. рассказов и воспоминаний ветеранов]. Петрозаводск: Копистар, 2011. С. 99–102; Филимонов А. Потерянная и обретенная библиотека // Петрозаводск, 2004. 8 янв. С. 6.

³ Пашков А. М. Филимонов Кузьма Филимонович (1855–1924) // Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний. [Электронный ресурс] URL: http://etnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=140. Дата обращения: 25.02.2017.

⁴ Шафранская К. В. Библиотечное краеведение в Советской Карелии в 1917–1927 гг. // Краеведческие чтения: материалы I науч. конф. (16 февр. 2007 г.). Петрозаводск, 2008. С. 9–14; Ягодкина В. А. Отдел национальной и краеведческой литературы: страницы истории и современность // Там же. С. 3–5.

мощником делопроизводителя губернского правления в канцелярию олонецкого губернатора. За выслугу лет и безупречное отношение к службе он был произведен в коллежские регистраторы и определен помощником делопроизводителя 5-го стола.

В 1882 г. Филимонов перешел на службу в Олонецкий губернский статистический комитет, где служил до 1903 г. Вместе с Н. К. Чуковым и И. И. Благовещенским он являлся составителем «Памятных книжек Олонецкой губернии», указателей и другого материала о нашем крае. С. Ш. писал в некрологе: «Редко можно встретить человека, так любившего и хорошо знавшего каждый уголок Карелии. Подчас из личных бесед с покойным можно было почерпнуть неизмеримо более, чем из книг, наполняющих шкафы местного (краеведческого. – Н. У.) отдела»⁵.

Филимонов занимался сбором фольклорных, этнографических и исторических материалов о своем родном селе, публиковал статьи в губернской периодической печати. С 1880 по 1902 г. он напечатал в газете ОГВ бытовые и этнографические очерки из жизни крестьян Вытегорского (Коштугский и Ежезерский приход) и Петрозаводского уездов (с. Машезеро).

В 1880 г. вышла из печати первая статья краеведа «Коштугский приход»⁶, в которой он подробно рассказал о происхождении названия, составе деревень и первых поселенцах этого места. Автор приводит предание о панах, дает информацию о расколе, образовании, церкви, промыслах, описывает обычаи местных жителей. Особое внимание Филимонов уделяет празднованию Пасхи и Масленицы.

В статье «Свадебные обычаи, причитания и песни в с. Коштугах, Вытегорского уезда»⁷ Филимонов реконструирует все этапы свадьбы конца XIX в.: сватовство, невестина баня, приход невесты из бани, сдача невестой воли (снятие воли), хождение к прощению и благословию, пение похвальных песен невесте, жениху и дружкам, обряд прощания с родителями и благословения ими на будущую жизнь, обед, баня молодых, княжевание, «одаривание» молодой новых родственников, первое «гостибище» и другие. Краевед публикует тексты причитаний (причитание невесты отцу, сестре, подругам, брату, крестной матери, причитание крестной матери невесте, невесты невестке, невестки невесте, причитание девушки для приглашения в баню невесты, причитание невесты в бане,

⁵ С. Ш. К. Ф. Филимонов [некролог]. С. 4.

⁶ [Филимонов] К. Ф. Коштугский приход // ОГВ. 1890. № 59. С. 7; № 60. С. 6; № 61. С. 8; № 62. С. 8–9; № 63. С. 8–9; № 64. С. 9–10; № 65. С. 8–9.

⁷ [Филимонов] К. Свадебные обычаи, причитания и песни в с. Коштугах, Вытегорского уезда // ОГВ. 1893. № 19. С. 6–7; № 20. С. 4–6; № 21. С. 5–8; № 22. С. 6–8.

причитание подруг, невесты крестному отцу, крестной матери), три похвальные песни невесте, три песни девиц, похвальную песню жениху, песню дружке, пословицу и приметы от порчи жениха и невесты.

В статье «Народное веселье. Как проводятся в селе праздники»⁸ Филимонов исследует деревенские храмовые и часовенные праздники. «В некоторых приходах храмовых праздников бывает не менее 2–4 (смотря по количеству престолов в церкви), а в Кондушском приходе, например, их бывает 7 (при одной церкви)»⁹.

Жизни помещичьих («боярских») крестьян из Белозерского уезда Новгородской губернии и дезертиров («разбойников») посвящен очерк «Беглые в Коштугской волости Вытегорского уезда»¹⁰, написанный по рассказам крестьян-старожилов в с. Ежезере.

В очерке «Село Машезеро, Петрозаводского уезда»¹¹ краевед подробно описал расположение, состав деревень, церкви, предания о происхождении Ильинского острова и иконы Ильи Пророка, о чудесных исцелениях от иконы, изложил легенду о чудесном путешествии святых Ильи Пророка и Николая Чудотворца по реке Лососинке, о занятиях местных жителей.

В 1901–1905 гг. на страницах журнала ОЕВ опубликованы три статьи краеведа, две из которых посвящены похоронно-поминальной обрядности. Филимонов подробно исследовал похоронно-погребальные обряды в Ежезерском приходе¹²: омовение покойника, одежду, гроб, вынос, прощание, отпевание, поминки, выбор могилы, «отпуск покойника», причитания, «обмирания» на могиле. По словам автора, «народ смотрит на смерть как на “волю Божью”, или, – как выражаются, – “видно уж сужено Богом умереть”»¹³.

В другой публикации¹⁴ Филимонов приводит плачи по умершим, записанные им в разное время в с. Ежезере: три плача вдовы по мужу; плач дочери по родной матери на могиле; плач по ребенку – мальчику, умершему неестественной смертью, от его бабашки крестьянки И. М. Мелдовой.

⁸ Филимонов К. Народное веселье. Как проводятся в селе праздники // ОГВ. 1897. № 34. С. 2–3; № 37. С. 2–3; № 39. С. 2–3.

⁹ Там же. № 34. С. 2.

¹⁰ Филимонов К. Беглые в Коштугской волости Вытегорского уезда // ОГВ. 1902. № 77. С. 3.

¹¹ Ф[илимонов]в К. Село Машезеро, Петрозаводского уезда (очерк) // ОГВ. 1903. № 126. С. 3; № 127. С. 3–4; № 128. С. 3.

¹² Филимонов К. Ф. Погребальные и поминальные обряды в Ежезерском приходе Олонецкой епархии // ОЕВ. 1901. № 18. С. 546–549.

¹³ Там же. С. 546.

¹⁴ Филимонов К. Из материалов по этнографии Олонецкого края. Заплачки по умершим // ОЕВ. 1902. № 4. С. 165–169.

На страницах ОЕВ краевед опубликовал также материал по истории Ежемезерского единоверческого прихода Вытегорского уезда¹⁵.

Филимонов состоял постоянным корреспондентом Отделения русского языка и словесности Академии наук и посылал туда сообщения о результатах своей краеведческой деятельности¹⁶. Он собирал диалектный материал родного села. В семи номерах ОГВ публикуется словарь слов и выражений, употребляемых жителями Коштугской волости в разговорной речи¹⁷. Автор отмечает, что «речь куштозеров груба и резка». В 1896 г. в Олонецкой губернской типографии была напечатана брошюра Филимонова о «коштугском наречии»¹⁸.

Десятки лет Филимонов систематически вел метеорологические наблюдения и «неоднократно подчеркивал необходимость восстановления метеорологической станции в городе»¹⁹.

За «примерные труды» по переписи населения в 1897 г. он был награжден бронзовой медалью для ношения на груди на ленте государственных цветов.

В 1903–1919 гг. Филимонов работал в Олонецком губернском управлении земледелия и государственных имуществ. В этот период он продолжал исследование Вытегорского края и предпринимал неоднократные поездки туда как за казенный счет, так и на свои средства. В 1911 г. он был произведен в надворные советники, а в 1913 г. награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствующего дома Романовых.

Проживал краевед не в собственном доме, а арендовал у предпринимателя Матвеева квартиру на перекрестке улиц Льва Толстого и Александра Невского в Петрозаводске²⁰. В 1919–1921 гг. он жил в своем родном селе и был библиотекарем Ежемезерской волостной библиотеки.

Главным увлечением Филимонова были древние рукописи, церковные и светские, собиранию которых он посвятил долгие годы²¹.

¹⁵ Филимонов К. К истории Ежемезерского единоверческого прихода Вытегорского уезда (По поводу 40-летия со времени освящения первого храма – 1864–1904 гг.) // ОЕВ. 1905. № 5. С. 139–144; № 7. С. 176–181.

¹⁶ Сообщение К. Ф. Филимонова (Материалы в рукописях) // ИОРЯС. 1896. № 3.

¹⁷ [Филимонов] К. Ф. Слова и выражения, употребляемые жителями Коштугской волости в разговорной речи // ОГВ. 1891. № 61. С. 617–618; № 62. С. 629–630; № 63. С. 641; № 64. С. 653–654; № 65. С. 663–664; № 66. С. 674; № 67. С. 687.

¹⁸ Филимонов К. Ф. Коштугское наречие (дополнение к статье, напечатанной в 61–67 №№ Олонецких губернских ведомостей за 1891 год). Петрозаводск: Губернская тип., 1896. 24 с.

¹⁹ С. Ш. К. Ф. Филимонов [некролог]. С. 4.

²⁰ Филимонов А. И. Филимонов Кузьма Филимонович... С. 99–102.

²¹ Шафранская К. В. Библиотечное краеведение... С. 9–14.

В 1922 г. при содействии местного бюро краеведения был организован краеведческий отдел в Карельской областной библиотеке (ныне – Национальная библиотека Республики Карелия). Филимонов заложил основу библиотечного краеведческого фонда, подарив библиотеке свою коллекцию книг – около 200 краеведческих изданий. В наши дни в Национальной библиотеке Республики Карелия находится только одна книга с его надписью – «Словарь областного Архангельского наречия...» А. О. Подвысоцкого²². Краеведческий отдел «содержал в себе всю литературу о крае, тщательно подобранную, и очень часто пополнялся <...> Козьмой Филипповичем из разных архивов и учреждений очень ценными книгами по изучению края»²³.

К. Ф. Филимонова скончался 12 июня 1924 г., 14 июня был похоронен на Зарецком кладбище.

²² Подвысоцкий А. О. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Изд. Второго Отд-ния Император. Акад. наук; собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий; предисл. Я. Грота. СПб., 1885. [4], 198 с.

²³ С. Ш. К. Ф. Филимонов [некролог]. С. 4.

К. В. Бабковская

ИГРОВЫЕ КУКЛЫ КАРЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Поселения карел на территории нынешней Тверской области появляются во второй половине XVI – начале XVII в. Пиком переселения стали 1640–1660-е гг. Массовый исход был спровоцирован действиями властей Швеции в отношении новых подданных (после русско-турецкой войны), которых, в частности, пытались насильно переводить из православной веры в протестантизм. Сберегая свою веру, карелы селились на безлюдных лесных пространствах, соответствующих современным Бежецкому, Весьегонскому, Новоторжскому, Кашинскому, Лихославльскому, Рамешковскому, Спировскому, Зубцовскому, Максатихинскому, Калининскому районам.

По сравнению с данными конца XIX в. в настоящее время количество тверских карел значительно сократилось. Так, по переписи 1886–1890-х гг., их было более 132 тысяч¹, а по данным переписи 2010 г. – 7394 человека². Несмотря на длительное проживание на Тверской земле, практически полную бытовую и культурную ассимиляцию с русскими, представители этого финно-угорского народа и до сих пор выделяют свою национальную принадлежность вплоть до записи в паспорте. Между тем номинативное выделение себя в качестве представителя карельской народности порой дальше этого не идет, различий в традиции и культуре они не видят. В большинстве поселений, где проживают карелы, население смешанное, карельским языком владеют в основном пожилые люди, но не говорят на нем даже в быту, молодежь знает лишь несколько карельских слов, а народные традиции трудно отделимы от русских.

Вместе с тем на кабинетном уровне в настоящее время карелы прилагают усилия к возрождению своих традиций. В Твери функционирует региональ-

¹ Тверской край в XX в. Документы и материалы. Тверь, 1997. Вып. 4. С. 319.

² Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. М., 2012. С. 94.

ная национально-культурная автономия тверских карел, в районах есть местные музеи и библиотеки с постоянными экспозициями, посвященными Тверской Карелии, а в поселке Козлово Спировского района карельский язык преподается в школе. В Твери под руководством специалиста по народному костюму, преподавателя училища культуры и искусства М. В. Зыкус студенты создали народные куклы в карельской одежде Тверской губернии XIX в.

В ходе экспедиций 2014–2016 гг. мы обследовали карельские села Лихославльского района Толмачи, Микшино и Шейново. Лихославльский район считается самым «карельским» – в нем проживают около трех тысяч карел. Толмачи носят неофициальное название «карельская столица Тверской области», так как это село – крупнейший населенный пункт в центре ареала расселения тверских карел (Тверская Карелия). С 9 июля 1937 г. по 7 февраля 1939 г. в Калининской (ныне Тверской) области существовал Карельский национальный округ, в состав которого входили названные села³. О карельском происхождении поселений свидетельствуют и сами топонимы. Так, с. Толмачи имеет второе название Ukkozet. Первая часть составного слова включает в себя имя верховного бога-громовника, покровителя скота в карело-финской мифологии, – Ukko. Известно, что почитание Ukko в Тверской Карелии, в частности в ближайшем Залазино, сохранялось еще в 1950–1960-е гг. Идола Ukko ставили в хлев для оберега скота (зап. от Т. В. Свечиной)⁴. В округе Микшино сохранились карельские наименования местности – «Ёгипусто» (название пустоши), «Хапотуш» (поле, где было колхозное пастбище).

Изучением культуры и фольклора тверских карел в разные годы занимались Т. С. Маслова, А. И. Лебедев, О. М. Фишман, а также финский ученый П. Виртаранта. Во время экспедиций, в том числе в Толмачи и Микшино, ученым удалось собрать материал по песням-плачам, малым жанрам фольклора – пословицам, загадкам, а также о традиции «Kegrin räivä» – «пугало дня»⁵. Изучением же кукол тверских карел до сих пор никто не занимался.

В ходе экспедиций в Толмачи, Микшино и Шейново мы обнаружили, что на территории всех этих сел игровых кукол называли по-карельски муччо (*muččo*). Такие муччо были распространены вплоть до второй половины XX в. Муччо довольно разнообразны. Нам удалось зафиксировать шесть видов этих кукол:

³ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1938. С. 47.

⁴ Татьяна Вячеславовна Свечина, 1968 г.р., д. Шейново, Залазинское сельское поселение, Лихославльский р-н, 25.01.2015. Здесь и далее цит. записи из архива автора настоящей статьи с указанием сведений об информантах.

⁵ Маслова Г. С. «Kegrin räivä» у карел Калининской области // Советская этнография. 1937. № 4. С. 150–152.

1. Кукла – скрутка из ткани. Внутри закладывается носок, рукавица или что-то плотное, оборачивается тканью, полоской ткани отделяется голова. Далее кукла заворачивается как будто в пеленку. Такая кукла была безликой (зап. от Л. И. Львовой)⁶.
2. Кукла из одежды. Сворачивается стеганка, верхняя детская или взрослая одежда, и завязывается платок. Кукла может быть как безликой, так и с лицом, оформленным белой тканью (зап. от А. И. Грунтовой⁷, О. Ф. Черниченко⁸, М. И. Беляевой⁹).
3. Кукла-закрутка. Из ткани закручивается столбик, обвязывается платком, а вместо рук вставляются согнутые спички. Кукла безликая (зап. от А. И. Грунтовой).
4. Сшивно-набивная кукла с лицом. Все детали изготавливаются отдельно, набиваются ватой и сшиваются (зап. от В. Н. Васильевой)¹⁰.
5. Кукла-скрутка. Из ткани скручивается столбик, внутрь которого кладется вата или ветошь, перевязывается ниткой в области шеи. Платок вариативен. Туловище может оборачиваться цветной тканью (зап. от О. Ф. Черниченко, М. И. Беляевой).
6. Кукла из соломы (зап. от Т. В. Свечиной).

Несмотря на то что нами были зафиксированы шесть разновидностей муччо, каждая из информанток с уверенностью говорила, что именно ее муччо – настоящие, а варианты, сделанные другими, – неправильные.

Наибольшее совпадение в изготовлении куклы разными информантками можно отметить в муччо из верхней одежды. Различие заключается только в наличии/отсутствии лица, а также в применении взрослой или детской одежды.

Во время игры карельские дети называли своих муччо как русскими именами: Катя, Таня, Окса (то есть Ксения), Лиза, Маня, так и на карельский лад – Ани, Марю. Муччо убаюкивали, кормили, ходили с ними друг к другу в маюшки (кукольные домики), делали для них колыбельки и качельки из дранки (зап. от Л. И. Львовой).

Карелы также делали комбинированные фигурки: сшивные с пластмассовой покупной головкой (зап. от З. А. Туричевой¹¹) и кукол из бумаги (зап. от Л. И. Львовой). Это, как говорят информантки, были «наши советские игрушки», такими играли и русские одноклассники.

⁶ Людмила Ивановна Львова, 1940 г. р., с. Толмачи, Лихославльский р-н, 6.11.2014.

⁷ Антонина Ивановна Грунтова, 1930 г. р., с. Толмачи, Лихославльский р-н, 6.11.2014.

⁸ Ольга Федоровна Черниченко, 1925 г. р., с. Микшино, Лихославльский р-н, 12.03.2016.

⁹ Мария Ивановна Беляева, 1925 г. р., с. Микшино, Лихославльский р-н, 12.03.2016.

¹⁰ Валентина Николаевна Васильева, 1947 г. р., с. Толмачи, Лихославльский р-н, 6.11.2014.

¹¹ Зоя Александровна Туричева (урож. д. Пасынки Спировского р-на), г. Тверь, Тверская область, 1.11.2014.

М. И. Беляева с муччо
(с. Микшино)

Муччо из стеганки
(М. И. Беляева, с. Микшино)

О. Ф. Черниченко с муччо
(с. Микшино)

Оценивая свою национальную идентичность, информантки из Микшино, хоть и говорят, что они чистокровные карелки, все-таки считают себя обрусевшими. «Вот в Толмачах и дальше в Рамешковском, Максатихинском районах – настоящие карелы. А у нас половина слов русские. Мочалку мы называем мочуала от русского слова, а там по-карельски говорят вихко (*vihko*)» (зап. от О. Ф. Черниченко). Кукол они все же называли по-карельски *муччо*.

Процесс изготовления кукол женщины называют скручиванием. Делали быстро, «не по-настоящему, ведь как по-настоящему – это долго», – говорит 90-летняя Мария Ивановна Беляева. Рисовали глазки, брови, нос и улыбающийся рот. Платок был необязательным. Делали их из старых тряпочек: «родители дадут где подол от юбки, сорочки». Изготавливали их на скорую руку сами дети или старшие.

Вот у Ольги Федоровны Черниченко трое детей, старшая – дочка. «Раньше “большенькая” наделает кукол для младших, они и играют. Хоть те были мальчики, все равно для них поначалу делали просто младенцев, куклы не различали по полу».

Обнаруженные нами во время экспедиций муччо по технологии изготовления собственно карельскими назвать нельзя. Скрутки, подобные муччо, известны у русского населения повсеместно на территории России. У коми-пермяков точно такие же куклы могут называться *акань*, у татар и башкир – *курчак*. Куклами, сделанными из стеганки, играли дети в Торжокском, Калининском районах Тверской области. Благодаря номинации на языке этноса, предполагающей определенную этимологию, кук-

лы приобретают специфическое национальное осмысление. Слово «тишсо» по-карельски в первом значении означает молодую жену, молодуху, во втором – куклу¹². Название внешне подобной татарской куклы *курчак* этимологически объясняется по-другому – как построенное, сооруженное подобие детеныша, ребенка. Русское же слово «кукла» ученые выводят от античной «маски-наголовника»¹³.

Таким образом, куклы, сделанные карелами, по технологии изготовления являются в большей степени общерусскими, но благодаря своему названию на языке носителей приобретают национальный колорит.

¹² Словарь карельского языка: (Тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. С. 162, 164.

¹³ Байрамова Л. К., Яппарова Р. С. Внутренняя форма слов и их эвфемизация // Сопоставительная филология и полилингвизм. Сб. науч. трудов. Казань, 2003. С. 47–51.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕВ – Архангельские епархиальные ведомости
АКМ – Архангельский краеведческий музей
АМДЗ – Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы»
АОНБ – Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова
АСМ – Библиотека Антониево-Сийского Свято-Троицкого монастыря
БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
ГАОО – Государственный архив Архангельской области
ГМО – Государственное музейное объединение
ГРМ – Государственный Русский музей (С.-Петербург)
ИОРИС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИПМИ КарНЦ РАН – Институт прикладных математических исследований Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург)
ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)
КарНЦ РАН – Карельский научный центр РАН (Петрозаводск)
КГПИ – Карельский государственный педагогический институт (Петрозаводск)
КИАХМ – Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей
КНИИ – Карельский научно-исследовательский институт (Петрозаводск)
КНИИК – Карельский научно-исследовательский институт культуры (Петрозаводск)
ЛИИИ – Ленинградский институт истории искусств
ЛГУ – Ленинградский государственный университет (с 1991 г. – Санкт-Петербургский государственный университет)
МИИ РК – Музей изобразительных искусств Республики Карелия (Петрозаводск)
НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)
НА РК – Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
НА МК – Научный архив музея «Кижы» (Петрозаводск)
ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
ОЕВ – Олонецкие епархиальные ведомости
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
СГКМ – Северодвинский городской краеведческий музей
СИАПМЗ – Соловецкий историко-архитектурный и природный музей-заповедник
СИХМ – Сольвычегодский историко-художественный музей
СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН – Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

СОДЕРЖАНИЕ

История, историческое краеведение	3
<i>Д. Д. Абросимова.</i> К вопросу о помещениях начальных школ и жилья учителей в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в.	3
<i>М. В. Рейли.</i> Летопись Узкинской церковно-приходской школы	17
<i>А. П. Макарова.</i> Историко-этнографический очерк деревни Кавгора	30
Этнография, фольклористика, искусствоведение	46
<i>Л. В. Трифонова.</i> Традиционный крестьянский костюм Заонежья второй половины XIX – первой трети XX в.	46
<i>И. И. Набокова.</i> Материалы к биографии пудоожского сказителя А. Е. Чукова	72
<i>С. М. Лойтер.</i> «Вы падите-тко, горючи мои слёзушки...» (к 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой)	83
<i>Б. Д. Москвин.</i> Образ Спаса Нерукотворного в навершии иконостасов северных храмов	93
Изучение фондового собрания музея-заповедника «Кижы»	118
<i>Г. И. Фролова.</i> «Радуйся, обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая». Иконы «Успение Богоматери» из кижских церквей	118
<i>В. А. Гущина.</i> К вопросу о восстановлении иконописного убранства в связи с завершением реставрации церкви Преображения Господня на острове Кижы	132
<i>Л. С. Харебова.</i> Редкие издания Псалтири в книжных собраниях Карелии	142
Археология	153
<i>И. В. Мельников, К. Э. Герман.</i> Новые открытия древних поселений на озерах Ванчозеро и Космозеро в Заонежье (Медвежьегорский район Карелии)	153
Методика полевых работ и архивация фольклорных, этнографических и рукописных материалов	183
От редакторов	183
<i>В. П. Кузнецова.</i> Формирование фондов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, проблемы их сохранения и систематизации	185

<i>П. Б. Лёгкая.</i> Аудиозаписи Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, сделанные на территории Карельского Поморья: проблема систематизации	193
<i>Е. В. Марковская.</i> Коллекция записей «на костях» Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН	200
<i>Ж. В. Гвоздева.</i> Живая старина в экспозиции музея-заповедника «Кижы» (к вопросу о реконструкциях с использованием экспедиционных материалов)	206
<i>А. С. Лызлова.</i> Сказочная традиция деревни Семеново Пудожского района Карелии (по материалам фольклорных коллекций Научного архива КарНЦ РАН)	212
<i>И. В. Козлова.</i> Никита Антонович Ремизов как сочинитель советского эпического фольклора (по материалам Научного архива КарНЦ и полевым записям 2011 г.)	219
<i>В. П. Миронова.</i> Карельские рунопевцы: к вопросу о создании электронного ресурса	229
<i>Л. И. Иванова.</i> Портрет севернокарельского сказителя XIX в. в записях финских собирателей	235
<i>А. П. Родионова.</i> О методах полевого сбора грамматического материала карельско-людииковской диалектной речи	246
<i>Т. П. Бойко.</i> Полевые материалы в «Словаре собственно карельских говоров»	251
<i>М. Н. Ермолина.</i> Фольклорные и этнографические материалы в личных фондах Национального архива Республики Карелия	257
<i>М. Е. Неёлова.</i> Коллекция славяно-русских рукописей и старопечатных книг Национального архива Республики Карелия: история формирования и изучения	263
<i>Н. П. Лихачева, Н. В. Савельева.</i> Рукописные собрания государственных хранилищ Архангельской области: история и перспектива описания, краткий обзор фондов	269
<i>А. В. Пигин.</i> Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры (дневник Г. Я. Ситникова)	278
<i>А. И. Васкул.</i> Экспедиции к старообрядцам-филипповцам Вятского края 2014–2015 гг.	286
<i>А. М. Петров.</i> Значение экспедиционных материалов для исследования проблемы фольклоризации книжного текста	293

<i>Н. Г. Урванцева.</i> Фольклорные материалы краеведа К. Ф. Филимонова в дореволюционной периодике г. Петрозаводска	302
<i>К. В. Бабковская.</i> Игровые куклы карельских поселений Тверской области	307
Список сокращений	312

Научное издание

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 17

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижь»*

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Н. Н. Сабанцева*

На обложке – репродукция акварели Ойво Хелениуса
«Дома в д. Сенная Губа. 25 июля 1943 г.»
(из фондов музея-заповедника «Кижь»)

Подписано в печать 01.07.2017 г. Формат 90×60¹/₁₆. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 18,29. Усл. печ. л. 18,37.
Тираж 300 экз. Заказ № 442

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
